Н. П. ПОЛЕТИКА

E57 — 355

E 57 — 355

САРАЕВСКОЕ УБИЙСТВО

ИЗД-СТВО „КРАСНАЯ ГАЗЕТА" 1930 г.

72 I/56

E 57 — 355

Н. П. ПОЛЕТИКА

X 22/96

САРАЕВСКОЕ УБИЙСТВО

ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСТОРИИ АВСТРО-СЕРБСКИХ ОТНОШЕНИЙ И БАЛКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ПЕРИОД 1903—1914 г. г.

С предисловием
К. П. ШЕЛАВИНА

ИЗД. „КРАСНАЯ ГАЗЕТА"
ЛЕНИНГРАД — 1930

Рукопись окончена
1 апреля 1929 г.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
10100-1930 г.

БИБЛИОТЕКА ГИМ
№ 10100
22-III 1930 г.

Ленинградский Областлит № 38585. Заказ № 1650. Тираж 10.000.
Тип. «Красной газеты» им. Володарского, Ленинград, Фонтанка, 57.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. Убийство эрцгерцога	1
II. К истории одной ритуальной легенды	30
III. Австро-сербский конфликт и Омладинское движение . . .	44
IV. Теория и практика великосербской идеи („Словенский Юг" — „Народна Одбрана" — „Черная Рука")	105
V. Подготовка Сараевского покушения	199
VI. Судьба заговорщиков	249
VII. Участие сербского правительства в покушении	298
VIII. Сараевское покушение, как повод для мировой войны . .	394
IX. Австро-германский „заговор"	414

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Спустя несколько месяцев после начала мировой войны манифест ЦК РСДРП (большевиков) дал совершенно точную формулу, которая определила, кто является виновником войны.

Ленинский манифест говорит:

„Во главе одной группы воюющих наций стоит немецкая буржуазия. Она одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну ради защиты родины, свободы и культуры, ради освобождения угнетенных царизмом народов, ради разрушения реакционного царизма... На деле немецкая буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить ее и задушить национальную революцию южного славянства, вместе с тем направляя главную массу своих военных сил против более свободных стран, Бельгии и Франции, чтобы разграбить более богатого конкурента. Немецкая буржуазия, распространяя сказки об оборонительной войне с ее стороны, на деле выбрала наиболее удобный с ее точки зрения момент для войны... Во главе другой группы воюющих наций стоит английская и французская буржуазия, которая одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну за родину, свободу и культуру против милитаризма и деспотизма Германии. А на деле „та буржуазия на свои миллиарды

давно уже нанимала и готовила к нападению на Германию войска русского царизма, самой реакционной и варварской монархией Европы. На деле целью борьбы английской и французской буржуазии является захват немецких колоний и разорение конкурирующей нации, отличающейся более быстрым экономическим развитием"...

В марте 1915 г. в Берне заседала большевистская конференция заграничных секций РСДРП.

Резолюция конференции определила характер войны следующим образом: „Современная война имеет империалистический характер. Эта война создана условиями эпохи, когда капитализм достиг высшей стадии развития; когда наиболее существенное значение имеет уые не только вывоз товаров, но и вывоз капитала; когда картелирование производства и интернализации хозяйственной жизни достигли значительных размеров; когда колониальная политика привела к разделу почти всего земного шара; когда производительные силы мирового капитализма переросли ограниченные рамки национально-государственных делений; когда вполне созрели объективные условия осуществления социализма" [2]).

Раздел о лозунге защиты отечества говорил: „действительная сущность современной войны заключается в борьбе между Англией, Францией и Германией за раздел колоний и за ограбление конкурирующие стран и и в стремлении царизма и правящих классов России к захвату Персии, Монголии, Азиатской Турции, Константинополя, Галиции и т. д. Национальный элемент в австро-сербской войне имеет совершенно подчиненное значение, не меняя общего империалистического характера

---

[1]) Н. Ленин. Собр. соч. т. XIII, стр. 6 изд. 1924 г.

[2]) Н. Ленин, собр. соч. т, XIII, изд. 1924 г., стр. 47.

войны [1]). Вся экономическая и дипломатическая история последних десятилетий показывает, что обе группы воюющих наций систематически готовили именно такого рода войну. Вопрос о том, какая группа нанесла первый военный удар или первая объявила войну не имет никакого значения при определении тактики социалистов. Фразы о защите отечества, об отпоре вражескому нашествию, об оборонительной войне и т. п. с обеих сторон являются сплошным обманом народа" [2]).

Как известно, Каутский выступил против объяснения возникновения войны из противоречий империалистической эпохи и заявил, что истинный марксизм должен прежде всего установить „виновных лиц" [3]).

Манифест ХК РСДРП, как и резолюция Берлинской конференции, занимаются „не лицами", а с совершенной ясностью указывают на главные группировки, из столкновения империалистических противоречий которых возникла мировая война. А главнейшие противоречия, определившие именно Мировую Войну идут по линии англо-германского промышленного соперничества, по линии экономической борьбы двух Главных империалистических стран.

Эта сторона дела, между прочим, подчеркивалась Лениным, когда он писал:

> „Англия воюет за то, чтобы ограбить колонии Германии и разорить своего главного конкурента, который бил ее беспощадно своей превосходной техникой, организацией, торговой энергией, бил и побил так, что без войны Англия не могла отстоять своего мирового господства" [4]).

---

[1]) Разрядка наша.

[2]) Н. Ленин, собр. соч. т. XIII, стр, 48.

[3]) К. Каутский, „Как возникла мировая война", стр. 50.

[4]) Н. Ленин, собр. соч., т. XIII, стр, 387.

Английская дипломатия еще в 1904 г. заключив соглашения с Францией, подготовляла первый удар по Германии:

„Путем материальных жертв английская дипломатия стремилась осуществить свой грандиозный план: образовать под своей гегемонией кольцо из враждебных Германии государств... В 1907 г. образование Антанты было закончено. Был создан инструмент войны. Совершенно понятно, что без Англии Россия и Франция никогда не решились бы вести наступательную политику против Тройственного союза и Турции“ [1]).

Основной недостаток книги Н. Полетики заключается в том, что автор прошел мимо этого объяснения возникновения Мировой войны. На странице 46 своего труда автор пишет:

„На этом пути оно (русское правительство на пути к Константинополю. К. Ш.) сталкивается с Австрией, уже успевшей закрепить свои позиции на Балканах. С тех пор все попытки России стать твердой ногой на Балканах, неизбежно вызывают конфликт с Австрией. За ее разрешение продвинуться вперед всегда приходится бросать ей ту или иную кость. Этот конфликт с Австрией, развивающийся в течение всего XIX столетия, в конце концов и [2]) явился одной из главных причин войны — 1914 — 1918 г.г.“

Совершенно верно, что захватническая политика царизма сталкивалась в Турции с политическими интересами Германии и Австрии и что „между Россией с одной

---

[1]) „История ВКП(б) под ред. Ем. Ярославского, т. III, ГИЗ 1929, стр. 27.

[2]) Разрядка наша.

стороны, Германией и Австрией—с другой, были серьезные экономические противоречия и конфликты" [1]). Но в то же время совершенно справедливо, что „не следует преувеличивать значения Австрии. Последняя являлась в значительной мере послушным орудием в руках Германии, которая, используя Австрию, продвигалась к завоеванию Ближнего востока. Поэтому борьба России за Черное море и Константинополь была фактически с Германией, конфликт с которой выходил за пределы интересов торгового капитала" [2]).

Манифест ЦК РСДРП писал:

> „Немецкая буржуазия, распространяя сказки об оборонительной войне с ее стороны, на деле выбрала наиболее удобный с ее точки зрения момент для войны, (разр. наша), используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения уже намеченные и разрешенные Россией и Францией" [3]).

Сараевское убийство произошло с ведома сербской охранки и по наущению России [4]). Но останавливаться только на этом, подчеркивать „провокацию" со стороны России еще недостаточно, ибо Австрия и Германия хотели того же:

> „Об этом свидетельствует их поведение в те роковые дни, которые пережил мир после предъявления ультиматума Сербии, до объявления Германией войны России" [5]).

---

[1]) „История ВКП(б) т. III, стр. 21.

[2]) Там же, стр. 22.

[3]) Н. Ленин, собр. соч. т. XIII, стр. 6.

[4]) М. Н. Покровский „Как началась война 1914 г."—„Прол. Рев." № 30, стр. 27.

[5]) „История ВКП(б)" т. III, стр. 31.

Изыскания же Н. Полетики вольно или невольно дают вывод:

„Тогда окажется, что сараевское убийство явилось организованным Антантой скрытым нападением на одного из членов Тройственного союза — Австро-Венгрии и что тезис Германии: „на нас напали" совершенно правилен (!). Правда напали не открыто, а тайком, по разбойничьи, но все-таки напали и напали первые. И если военная клика Австро-Венгрии и Германии и поспешили составить „заговор" с целью обрушиться на Сербию и этим вызвать европейскую войну, то этот „заговор" может свидетельствовать только о неспособности австро-германских дипломатов понять политическую ситуацию момента" [1]).

Увлечение вопросом „кто начал" приводит к тому, что автор сползает на точку зрения, по которой Германия оказалась „спровоцированной" на войну и просчиталась вследствие ограниченности своих государственных людей. Последние оказались не способны понять „политическую ситуацию" и полезли на провокацию. Н. Полетика употребляет даже при этом такое образное выражение: „жирный и глупый карась ее (приманку) клюнул" [2]). Надо сказать, что это представление о Германии, как о карасе всего менее подходит для империалистической Германии накануне мировой бойни.

Н. Полетика употребил *много труда* на исследование вопроса об образовании тайных, националистских, находившихся под тем или другим государственным покровительством организаций в Сербии.

В этом ценность его работы.

---

[1]) См. стр. 411-412.

[2]) см. стр. 413.

Некоторые страницы наполнены черезчур большими, подробностями, но в общем обилие материала его свежесть и малое знакомство с ним у нас делают книгу интересной и заслуживающей внимания.

К. Шелавин.

ОТ АВТОРА.

Эта книга написана в расчете ознакомить самые широкие массы советских читателей с механизмом развязывания мировой войны, для которой Сараевское убийство явилось непосредственным предлогом. Форма и порядок изложения, словесный материал, развитие „сюжета", отказ в большей части книги от так называемого научного аппарата — все эти особенности настоящей книги объясняются вышеизложенными соображениями. Благодаря такой разгрузке формы научного исследования „Сараевское убийство", являясь по существу исследовательской работой, стало доступным и самым широким слоям читателей. Автор должен, однако, оговориться по поводу одного обстоятельства: настоящая работа является исследованием по истории австросербских отношений и балканской политики России в период 1903—1914 гг., и носит название „Сараевское убийство" только потому, что убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараево 28 июня 1914 г. явилось самым характерным и ярким выражением того политического курса, который усвоило с 1903 г. по отношению к Австро-Венгрии сербское правительство при поддержке царской России. Развенчивая укоренившуюся у нас со времени мировой войны ритуальную легенду о „маленькой, бедной, невинной Сербии, на которую неожиданно напала Австрия", на-

стоящая книга дает также и картину того, как сознательно фабриковался Антантой предлог для провокации мировой войны. Автор не считал своей задачей дать в настоящей работе полную картину событий июльских дней 1914 г. на фоне предшествующей подготовки всех империалистических держав к войне, или исследовать причины возникновения последней. Интересующихся вопросом о виновниках и причинах мировой войны автор отсылает к своей работе „Ответственность за мировую войну", которая в недалеком будущем выпускается Государственным Издательством. Одновременно автор подчеркивает, что „Сараевское убийство" было закончено 1-го апреля 1929 г. и автор не мог использовать некоторых работ и публикаций дипломатических документов, которые были выпущены в середине и конце 1929 г.

Автор.

I. Убийство эрцгерцога.

24 июня 1914 года австрийский престолонаследник, эрцгерцог Франц Фердинанд, прибыл в Триест, собираясь отсюда на маневры в Сараево. Маневры в Боснии были решены еще в прошлом году во время осенних маневров (13—19 сентября) в Богемии, во время которых эрцгерцог, только что назначенный императорским декретом генерал-инспектором всех вооруженных сил Австро-Венгрии, ознакомился с меморандумом военного губернатора Боснии-Герцеговины генерала Потиорека о политическом положении в этих провинциях.

Литература к I главе:

Комплект газет за июнь—июль 1914 г.: „Новое время", „Речь", „День", „Биржевые ведомости", „Neue Freie Presse", „Times", „Temps" и пр. C. Zimka. Das Drama von Sarajewo. Vogel und Vogel. Leipzig. 1914.

Sérajévo. La conspiration serbe contre la Monarchie Austro-Hongroise. Ferd. Wyss, edit. Berne. 1917.

L. Schnagl. Die Manöver in Bosnien im Jahre 1914. в Kriegschuldfrage 1928, сентябрь.

Baron Kollas. Auf den Bosnischen Wegspuren der Kriegsschuldigen в Kriegschuldfrage. 1927, январь.

British Documents on the origins of War, vol. XI Доклады консулов Jones'a, Max Müller'a, отчеты Sir M. de Bunsen и др.

Deutsche Dokumente zum Kriegsausbruch, vol I.

Seton-Watson. Serajevo Murder в Foreign Affairs (америк.) 1925, апрель.

В меморандуме генерал Потиорек, между прочим, указывал, что в Боснии желательно организовать маневры с непременным участием самого эрцгерцога, чтобы напомнить населению недавно аннексированных провинций о том, что эти провинции являются коронными землями династии Габсбургов. По мнению генерала Потиорека, волна ирридентизма, вновь захлестнувшая Боснию-Герцеговину после удачных для Сербии балканских войн 1912—13 годов, делала маневры политической необходимостью. Во время этих маневров население Боснии, воодушевленное сбором внушительной массы австро-венгерских войск, должно было продемонстрировать свои верноподданнические чувства и забыть о „бессмысленных мечтаниях" — создании Великой Сербии.

По соглашению с начальником австрийского генерального штаба Конрадом фон-Гетцендорфом и министром финансов Билинским, в то же время являвшимся верховным главой гражданского управления в Боснии-Герцеговине, посещение эрцгерцога было назначено на 23—30 июня. Сами маневры, на которые военные власти собрали квартировавшие в этих провинциях XV и XVI корпуса австро-венгерской армии, должны были состояться 22—28 июня. Днем торжественного въезда эрцгерцога в столицу Боснии Сараево и официального приема было избрано 28 июня.

Эрцгерцог был не первым Габсбургом, который бы „осчастливил" своим посещением аннексированные земли. В июне 1888 года Боснию-Герцеговину посетил безвременно скончавшийся австрийский престолонаследник эрцгерцог Рудольф. Летом 1910 г.—сам император Франц-Иосиф. Визит эрцгерцога Франца-Фердинанда, следовательно, был третьим по счету. На первый взгляд посещение — и это стремятся доказать сейчас австрийские и немецкие исследователи о причинах войны 1914—18 го-

дов, — как будто не заключало в себе ничего необычного. Но на самом деле намеченный визит имел вовсе не такой уже невинный характер.

Что повлияло на выбор дня 28 июня для официального праздника, немецкие и австрийские исследователи затрудняются объяснить. Но если даже согласиться с некоторыми из немецко-австрийских историков, что назначение маневров на июнь следует объяснять местными климатическими условиями, то выбор 28-го июня для торжественной встречи и приема эрцгерцога в Сараеве вряд ли может быть оправдан столь невинными соображениями.

28 июня было памятным и трагическим в истории сербского народа днем — годовщиной падения независимости Сербии. 28 июня 1389 года на Коссовом поле турецкий султан Мурад I разгромил сербские войска, захватив в плен сербского князя Лазаря с сыном. С этого дня сербский народ подпал под многовековое владычество турок, и с этого же дня начинается история сербской ирриденты — борьбы за независимость сербского народа. Вечером после битвы некий Милош Обилич, воин сербской армии, прокравшись тайком в турецкий лагерь, предательски поразил кинжалом победителя, султана Мурада. Имя Обилича, умершего в ужасных пытках, сохранилось в сербских народных песнях и легендах, как имя национального героя, отомстившего за порабощение Сербии, и день св. Витта — Видовдан — падающий на 28 июня, стал днем национального траура и, вместе с тем, днем надежды на освобождение Сербии. В этих условиях въезд эрцгерцога в Сараево и, связанное с этим, демонстрирование сербским населением Боснии своих верноподданнических чувств австрийской короне, не могло не звучать явной провокацией для сербских националистов.

Понимали это и сам эрцгерцог, и администрация. Поэтому предполагаемое посещение эрцгерцогом Боснии и именно в этот день вызвало немало затруднений для местных властей, хорошо осведомленных о настроениях сербского населения в Боснии-Герцеговине, и явилось предметом серьезной дискуссии между военной и гражданской администрацией края. В мае 1914 года в Вене состоялась созванная генеральным штабом конференция офицеров контр-разведки австро-германской армии, в которой приняли участие также и выдающиеся руководители венского и будапештского полицейских управлений (в том числе и полицей-президент Вены Шобер, бывший союзным канцлером Австрии в 1919—20 годах и кандидатом в президенты Австрийской республики на выборах 1928 года). Администрацию Боснии-Герцеговины на этой конференции, кроме офицеров местной контр-разведки, представлял президиаль-шеф, барон Коллас. На конференции, после доклада барона Колласа о необычайном росте в аннексированных провинциях сербской ирриденты, была оглашена телеграмма эрцгерцога, в которой он выражал сомнения по поводу уместности своего посещения Сараева и высказывал намерение совсем отказаться от поездки в Боснию. Как сообщает близко знавший эрцгерцога граф Штернберг, Франц-Иосиф, хорошо зная о настроениях населения и опасаясь покушения на свою жизнь, до последней минуты колебался ехать в Боснию.

Колебания эрцгерцога помимо личных предчувствий (Франц-Фердинанд был набожным католиком и, по словам близких к нему лиц, отличался редкой суеверностью) в известной мере оправдывались разногласиями, существовавшими по вопросу о визите между военными и гражданскими властями аннексированных провинций. Военщина в лице Потиорека считала визит эрцгерцога

необходимым. Гражданские же власти, возглавляемые Билинским, описывали в розовых красках лояльность местного населения австро-венгерской короне, „корректность“ Белграда и т. д., стараясь этим дать понять, что визит эрцгерцога в „роковой“ день 28 июня может быть сочтен провокацией национального чувства сербов. Мнение военщины, однако, возобладало, так как, по словам того же графа Штернберга, в отказе эрцгерцога в последнюю минуту от поездки, о которой уже было напечатано в газетах, могли увидеть акт его личной трусости. И едва барон Коллас возвратился в Сараево, как туда пришла новая телеграмма, в которой Франц-Фердинанд сообщал о своем окончательном решении присутствовать на маневрах и поручал генеральному штабу (в виду военного характера своего посещения) принять необходимые меры для охраны своей безопасности.

Последнее было не легкой задачей. Тот же барон Коллас откровенно признается, что посещение Сараева в 1910 году императором Францем Иосифом потребовало принятия исключительных мер охраны, чтобы обеспечить безопасность императора. Хотя предполагалось, что верноподданное население будет ликовать и радоваться при виде „обожаемого монарха“, однако, во избежание возможных случайностей, „власти решили интернировать на весь срок императорского визита известное число беспокойных и экзальтированных молодых людей и при длительных выездах (императора) совершенно очищать от публики улицы, по которым должен был проезжать императорский кортеж“. И действительно, как сообщает серб-очевидец, улицы Сараева, по которым проезжал Франц Иосиф, были не только очищены от посторонних лиц, но и сплошь заполнены полицией и войсками: двойные шпалеры полицейских с револьверами в руках и тройные шпалеры войск в полной боевой готовности охраняли

безопасность высочайшей особы в то время, как двести или триста переряженных в штатское платье полицейских усиленно ликовали и приветствовали монарха. Столь суровые меры предосторожности показались чрезмерными даже самому Францу Иосифу, и он при отъезде весьма холодно простился с начальником администрации бароном Питтнером.

Об этом факте усердные сараевские чиновники помнили слишком хорошо и боялись пагубного для своих личных карьер неодобрения будущего государя, если бы и эрцгерцог нашел охрану чрезмерной. Но без охраны обойтись было нельзя. И вот между кабинетом эрцгерцога, и военной и гражданской администрацией Боснии начинается оживленная секретная переписка, являющаяся „классическим и ужасающим примером изворотливости и капризности этих высоких особ". (Коллас). По свидетельству Колласа, хотя опасность для эрцгерцога при посещении Сараева ощущалась всеми, но „над всем доминировало стремление и склонность игнорировать эту опасность и тщеславное желание показать эрцгерцогу ликование народных масс".

Организация чрезвычайной охраны эрцгерцога в прежнем масштабе была невозможна и по другим причинам. Наводнить Сараево войсками и расставить их шпалерами, как в 1910 году, было невозможно по чисто техническим причинам, так как войска были сосредоточены на маневрах. Пришлось исключить также и массовые аресты подозрительных лиц: в 1910 году, по случаю посещения Франца-Иосифа, стране была дарована конституция, и открытое господство военщины и полицейского сыска заменили формы внешней законности и конституционных гарантий. Хватать за шиворот сотни людей и бросать их в тюрьму только потому, что наследному принцу пришло в голову осчастливить своим посещением страну—

такого поощрения не могли выдержать никакие верноподданнические чувства и никакие конституционные гарантии. Кроме того „следовало помнить и о том, что одежда женщин мусульманок (которых было не мало в крае – Н. П.) и особенное почтение к ним гражданской администрации Боснии-Герцеговины делали все меры предосторожности и контроля игрой случая". (Коллас).

Все же какая-то охрана была нужна, и когда вопрос о поездке был решен окончательно, то на совещании местных военных и гражданских властей Коллас предлагал дать эрцгерцогу при поездке по городу в ландо для сопровождения и охраны эскадрон лейб-гвардии. Но пришлось отказаться и от этого, так как Франц-Фердинанд выразил желание ехать в автомобиле, за которым конница стройными рядами следовать не могла. В последнюю минуту, министр финансов и в то же время глава гражданского управления Боснии, Билинский обратился к градоначальнику Будапешта с просьбой прислать в его распоряжение, на время пребывания эрцгерцога в Боснии, трех опытных филеров. Из Будапешта сообщили, что трех филеров не хватит и что вообще „подобная мера может достигнуть цели только в том случае, если за несколько недель вперед тридцать-сорок полицейских агентов обследуют местность, что сопряжено с расходом в 7 тысяч крон". Билинский, как министр финансов, ответил, что таких денег в его распоряжении для этой цели не имеется и что подобную сумму он может истратить только при посещении самого монарха. Все же трех филеров прислали и таким образом всю охрану эрцгерцога фактически составили они плюс местные полицейские власти.

Нельзя не признать, что эрцгерцога собирались охранять весьма и весьма кустарным способом. А между тем нельзя было забывать, что в период 1910—14 годов в южно-славянских землях Двуединой монархии было

произведено не менее 5 покушений на высших австро-венгерских сановников.

Не могло защитить эрцгерцога и его личное обаяние. Его не было. Нелюдимый и мрачный, всю жизнь избегавший шумной толпы и светских салонов, эрцгерцог всю жизнь мечтал о народной популярности. Но уменья обходиться с людьми, располагать их в свою пользу — уменья, которое только одно может создать популярность, у него не было. Он не мог весело глядеть в лицо людям, не мог ловким словцом или веселой улыбкой завоевать сердца общительных и жизнерадостных венцев. Его не любили, его боялись даже в родной стране. Что же сказать тогда о враждебной Боснии?

Мы уже говорили о колебаниях эрцгерцога. Что влекло его все-таки во враждебную Боснию, анти-австрийские настроения которой, как мы видели, были ему небезизвестны. Помимо официальных соображений, не последнюю роль играла жажда популярности. Популярность была необходима Францу-Фердинанду ex officio, как автору идеи триализма. Он выдвинул идею триализма — превращение двуединой монархии в триединую — в Австро-Венгро-Славию, что влекло за собой коренное переустройство империи Габсбургов на федеративных началах и признание равноправия в государственном строе империи славянских народностей с австрийскими немцами и венграми. Такая реорганизация вызвала бы падение влияния венгров. Недаром в Венгрии Франца-Фердинанца считали, — да и он сам был искренне убежден в этом — покровителем славянских народностей [1].

---

[1]) Конституция 1867 года, предоставившая венграм равноправие с австрийскими немцами в государственном строе Австрийской монархии, что выразилось в новом названии последней — Австро-Венгрия, была выработана с таким расчетом, что в австрийской половине империи 9—10 миллионов австрийских немцев правили 21—22 миллио-

Триализм эрцгерцога был небескорыстен и объяснялся лично династическими интересами. Его дети от морганатического брака с графиней Хотек, с которой он обвенчался в 1900 году, были лишены права престолонаследия. По приказу императора, заботившегося о чистоте царской крови, эрцгерцог от имени своего будущего потомства после брака подписал на вечные времена отказ от всяких притязаний на престол. Австрийский и венгерский парламенты утвердили этот отказ, и это придало ему силу основного закона империи. Но Франц-Фердинанд не мог примириться с мыслью, что его дети утеряли права престолонаследия и станут подданными его преемника, и мечтал о лишении этого акта законной силы или об его обходе. Возможность такого обхода и давала выдвинутая им идея реконструкции государства Потеряв австрийскую и венгерскую короны, его дети могли получить корону славянских земель в преобразованной на началах триализма монархии под скипетром австрийского императора.

По этой же причине эрцгерцог не мог отказаться от поездки. Ему, официально признанному покровителю славянства, было неудобно избегать посещения того края, где, как предполагалось, к нему должны были относиться с особой любовью, или скрыться от „обожающего" его народа за тройными шпалерами солдатских штыков Отказ эрцгерцога в последнюю минуту от посещения маневров, возвещенных с большой помпой еще в марте месяце 1914 года, дал бы богатую пищу языкам. Сразу становились правдоподобными „измышления врагов", что

нами поляков, чехов, словаков, румын, итальянцев и южных славян, а в венгерской части 10—$10^1/_2$ миллионов венгров управляли 10—$10^1/_2$ миллионов жителей тех же национальных меньшинств. См. Steed. Hapsburg Monarchy. London. 1913, и его же „Through thirty years" London. 1924, vol. II стр. 187—188.

австрийское владычество в Боснии-Герцеговине держится только на штыках, что население аннексированных провинций спит и во сне видит о присоединении „к братьям на той стороне Дуная“ (Сербия), что все славянофильство эрцгерцога является казенной фикцией австрийской бюрократии, и на пустынных улицах Сараева эрцгерцога встретят не только гробовым молчанием, как встретили в 1910 году императора, но и кое-чем похуже. Надо было опровергнуть эту „клевету врагов“ и надо было ехать хотя бы ради детей, чтобы поездкой продемонстрировать свое покровительство славянству и тем создать точку опоры для притязаний на будущую славянскую корону.

Немалую роль в принятом решении сыграли и личные чувства. Хотя графиня Хотек после брака с эрцгерцогом и получила титул герцогини Гогенберг, но брак был морганатический и в придворных кругах ее не считали принадлежащей к царствующему дому. В придворном церемониале ее ставили ниже „настоящих“ эрцгерцогинь, хотя бы те находились в самом захудалом и отдаленном родстве с царствующей династней. Ее даже не приглашали на торжественные придворные обеды, и однажды это вызвало „бестактное“ вмешательство Вильгельма II, который отказался сесть за стол до тех пор, пока на обед не будет приглашена герцогиня. Мысль взять с собой жену и доставить ей возможность разделить, хотя бы в глухой провинции, весь этот внешний и полный блеска декорум, обычный при торжественных приемах царственных особ, и одновременно подчеркнуть перед правящими сферами и широкой общественностью ненормальность положения жены престолонаследника, а в будущем монарха, — была, очевидно, последним и, пожалуй, главным мотивом, побудившим Франца-Фердинанда осуществить, вопреки всем предчувствиям и соображениям

безопасности, принятое на богемских маневрах решение о поездке в Боснию.

А предчувствий и „знамений" было не мало. Суеверный, причащавшийся каждый месяц и выстаивавший по 2 обедни в день, эрцгерцог был постоянно в их плену. Эрцгерцог боялся покушений и всегда предвидел их, ибо эти покушения на него и подготовка к ним уже имели место. Он даже застраховал от покушения свою жизнь в страховых обществах Голландии, и страховая сумма, как выяснилось после убийства, достигала колоссальных размеров. Он знал, что масонские организации приговорили его, как главу воинствующей католической партии, к смерти и даже читал этот свой смертный приговор: [1] „Эрцгерцог не будет царствовать... Он умрет на ступенях трона". Франц-Фердинанд был убежден в том, что ему не придется править: „Я никогда не буду императором", — восклицал он в кругу своих приближенных. — „Что-то плохое случится со мной, когда император будет на смертном одре". Отправляясь в путь, который, по его твердому убеждению, должен был окончиться для него трагически, он накануне отъезда „вручил себя милосердию бога". В дороге он не раз возвращался к своим мрачным предчувствиям и в каждой мелочи видел роковую примету.

В салон-вагоне поезда Вена—Триест, в котором эрцгерцог ехал со свитой, внезапно испортилось электрическое освещение и пришлось прибегнуть к свечам. „Что вы скажете о таком свете? — воскликнул он, обращаясь к свите.—Не правда ли, я здесь точно в гробу?" По поводу жары, раскалившей колеса, он не без остро-

---

[1]) Revue internationale des sociétés secrètes, 1912, vol. II, p. 778. Цитирую по Sérajévo. La Conspiration serbe contre la Monarchie Austro-Hongroise, стр. 33.

умия заметил: „Здесь жжет, а там внизу (на полотне железной дороги) нас забросают бомбами".

25 июня на рассвете эрцгерцог на дредноуте „Viribus Unitiis" прибыл к устью реки Наренты и, пересев на военный катер, поднялся по реке вверх до города Меткович. Здесь он высадился и после встречи его местными властями отбыл по железной дороге в Мостар (столицу Герцеговины). В Мостаре, снова торжественно встреченный городскими властями, эрцгерцог совершил объезд города, к счастью обошедшийся без несчастных случаев и инцидентов. Выехав из Мостара, эрцгерцог в 3 часа дня прибыл в Илидзе—лечебный курорт в 11 километрах от Сараева, где встретился с женой, герцогиней Гогенберг, приехавшей сюда из Вены через Аграм (Загреб). Вечером в 5 часов он отправился вместе с ней для покупок в Сараево. Там эрцгерцогская пара была узнана населением, и, окруженные толпой народа, эрцгерцог и его жена переходили пешком из одного магазина в другой. Эта прогулка по Сараеву прошла благополучно, хотя не было ничего легче, чем совершить покушение в этот момент, и хотя, как это выяснилось впоследствии, будущий убийца Принцип находился в толпе, окружавшей эрцгерцога.

26 июня эрцгерцог отбыл на маневры, начавшиеся еще 22 июня в окрестностях Тарчина, в 16 километрах к востоку от Илидзе.

Маневры являлись проверкой подготовки войск к передвижению в условиях горной войны. Местом их избрали один из самых безлюдных и непроходимых склонов герцеговинского Карста. Узкие горные проходы, безводная местность и леса, покрывающие вершины высотой до 1000 метров — такова была обстановка горного театра маневров. К тому же весь день шел дождь, переходивший на высотах в снег. В результате дневного похода и войска, и командование совершенно измучились.

Мы особенно подчеркиваем характер маневров по следующим соображениям. Дело в том, что, когда грянул Сараевский выстрел и выяснилась неизбежность войны, в антантофильской и сербской прессе был пущен слух, что под видом маневров Австрией готовилось коварное нападение на Сербию, и войска, собранные для маневров, должны были неожиданно вторгнуться в ее пределы. Поэтому выстрел Принципа был „выстрелом отчаяния": Принцип, узнав о готовящемся разгроме Сербии, решил предупредить его террористическим актом и убил эрцгерцога.

Выгодность этой версии для Антанты очевидна, и эта утка фигурировала не только в газетах, энергично обрабатывавших тогда общественное мнение в пользу „невинной маленькой Сербии", но и в дипломатических документах. Однако, о подготовке нападения не могло быть и речи.

Вопреки утверждениям Пуанкаре [1] и телеграмме французского посла из Белграда о сосредоточении для маневров 100 тысяч войск и расстановке военных жандармских кордонов вдоль сербской границы, опубликованный после войны документальный материал неопровержимо доказывает, что в маневрах принимало участие всего 22 тысячи войск (из числа 42, стационировавших в Боснии-Герцеговине). Согласно распоряжению австрийского генерального штаба от 4-го февраля 1914 года, восточная группа, защищавшая Тарчин, состояла из 4-х пехотных дивизий мирного состава — $35^1/_2$ баталионов пехоты, 2 эскадронов и 20 батарей; западная группа—из остальных частей XV и XVI корпусов, 11 и 12 горных бригад стоявших в северной Боснии, 4-й, 5-й и 14-й горных бригад, вызванных из Далмации. С такими силами смешно

[1] R. Poincaré. Au Service de la France vol. IV. стр. 182 и сл. Paris 1927.

было думать о неожиданном вторжении в пределы Сербии и, тем более, о войне. Кроме того, сербская граница находилась минимум в 80 километрах по прямой линии от места маневров, при чем путь лежал почти по совершенно непроходимой, бездорожной, лесистой, пересеченной глубокими долинами и высокими горами, местности, Сосредоточение здесь войск для похода в Сербию с точки зрения стратегии являлось чистейшей бессмыслицей.

Вернувшись после маневров в 5 часов вечера в Илидзе, эрцгерцог с женой вторично и так же неофициально, как и накануне, посетили Сараево. Эрцгерцогская пара проехала по городу в открытой коляске, сделала несколько покупок в магазинах и, осмотрев фабрику ковров, возвратилась в Илидзе. 27 июня Франц-Фердинанд вместе с начальником генерального штаба Конрадом фон Гетцендорфом снова посетил маневры, где лично руководил операциями войск. В полдень был дан сигнал „отбой", и маневры закончились.

Попрощавшись с войсками, Франц-Фердинанд вернулся в Илидзе, откуда в 4 часа дня отправил телеграмму императору, в которой верноподданнически доносил о прекрасном и патриотическом приеме его в Мостаре. „Состояние войск выше всяких похвал. Усталых почти нет. Все свежи и бодры. Завтра я посещаю Сараево и вечером уезжаю", — заканчивалась его телеграмма, писанная рукой герцогини Гогенберг.

В 7 часов вечера того же дня в отеле „Босна" в Илидзе, где остановился эрцгерцог, состоялся торжественный обед, на который были приглашены высшие офицеры, городские власти и сараевский архиепископ монсиньор Штадлер. Обед прошел в самой дружеской обстановке. Гости были очарованы гостеприимством и радушием хозяев. Монсиньор Штадлер заявил: „Ваше императорское высочество — надежда хорватов; мы объ-

единимся вокруг вас и пойдем за вами, куда вы нас поведете".

Эрцгерцог пожал ему руку: „Я начинаю любить Боснию; если у меня и были предубеждения, то сейчас все они исчезли". А его супруга заметила: „Как мил, как добр и дружелюбен этот народ". Так закончился день.

На следующее утро, в воскресенье 28 июня, эрцгерцог вместе с женой и свитой выехали на автомобилях в Сараево.

Весь кортеж состоял из 4 автомобилей: в первом ехали начальник городской полиции, правительственный комиссар и бургомистр Сараева; во втором автомобиле сидели эрцгерцог и его жена, имея против себя на переднем сидении военного губернатора генерала Потиорека; рядом с шофером поместился владелец автомобиля граф Гаррах; в третьем автомобиле ехали придворная дама герцогини графиня Ланьюс, гофмейстер барон Румерскирх и адъютант Потиорека подполковник Мерицци; рядом с шофером находился граф Боос-Вальдек; в последнем автомобиле ехали начальник военного кабинета эрцгерцога полковник Бардольф, лейб-медик доктор Фишер и майор Хегер.

Население, высыпавшее на набережную Аппеля вдоль реки Мильяски, встретило эрцгерцога приветственными криками. Охраны не было, если не считать полицейских, расставленных на расстоянии 60 шагов друг от друга и десятка всадников, ехавших на почтительном расстоянии сзади. Процессия, направлявшаяся с большой скоростью к городской ратуше, по приказу эрцгерцога, тронутого встречей, замедлила ход. Кортеж двигался, встречаемый овациями и забрасываемый цветами.

Было 10 час. 25 мин. утра, когда в автомобиль эрцгерцога упал букет цветов. Густой дым, валивший из букета, заставлял предполагать, что в букете спрятана

бомба. Франц-Фердинанд не растерялся и, быстро вскочив, выбросил бомбу, предупредив таким образом взрыв в автомобиле. Однако происшедшим при этом взрывом капсюля была ранена в шею герцогиня Гогенберг.

Взрыв самой бомбы последовал, когда автомобиль эрцгерцога успел отъехать на несколько шагов вперед. Бомба, взорвавшись под колесами третьего автомобиля, развротила кузов и вырыла яму на мостовой в полторы сажени. Осколками и зарядом (бомба была начинена гвоздями, кусками проволоки и т. д.) были ранены подполковник Мерицци, граф Боос-Вальдек и около двух десятков зрителей, толпившихся на тротуарах. Сила взрыва была такова, что железные шторы магазинов, закрытые по случаю воскресенья, оказались пробитыми насквозь, а стекла в соседних домах полопались от детонации. В четвертом автомобиле осколки бомбы разбили переднее стекло.

После взрыва бомбы автомобиль эрцгерцога (удивительная беспечность!) остановился посреди улицы. Франц-Фердинанд и его жена обернулись назад, желая выяснить, кто пострадал от взрыва. Франц-Фердинанд спросил Потиорека: „Что нам делать теперь? Ведь метание бомб будет продолжаться и дальше. Когда меня убьют, убийцу посадят на несколько лет, а потом его освободят политические друзья“[1].

---

[1] Жалоба эрцгерцога на мягкость была основательной.

Украинский студент Мирослав Сечинский, застреливший 12 апреля 1908 года штатгальтера Галиции, графа Потоцкого, был приговорен к смертной казни, замененной 20-летним тюремным заключением. Посаженный в тюрьму в Станиславове, Сечинский бежал таинственным образом на четвертом году своего заключения (10 ноября 1911 года), при чем, судя по обстоятельствам бегства, ему помогали тюремные служители, видевшие в Сечинском мученика и мстителя за угнетение украинского народа.

По приказанию эрцгерцога, граф Гаррах слез с автомобиля и отправился к месту взрыва. В это время к автомобилю эрцгерцога подъехал 4-й автомобиль, и эрцгерцог отправил доктора Фишера к раненому адъютанту Мерицци, первую помощь которому уже оказала молодая графиня Ланьюс, сидевшая рядом. Не потеряв присутствия духа, она перевязала рану на голове и при помощи носовых платков остановила лившуюся фонтаном кровь. Граф Гаррах передал ей приказание явиться к герцогине Гогенберг, обратившейся к ней с просьбой: „Посмотрите, что у меня на шее. Там очень жжет". Ланьюс отстегнула две кнопки воротника и увидела багровый шрам, причиненный взрывом в автомобиле запальной капсюли.

Все это время автомобиль эрцгерцога стоял посреди улицы, решительно никем не охраняемый, и представлял удобную цель для нового покушения.

Приказав отправить подполковника Мерицци в госпиталь, эрцгерцог отдал распряжение двигаться дальше. Графиня Ланьюс, барон Румерскирх заняли место в запасном автомобиле лейтенанта Грейна и весь кортеж с большой скоростью, но опять таки без всякой охраны двинулся к ратуше.

Тем временем удалось поймать преступника, хотя полиция после покушения проявила странную бездеятельность. Лейтенант Морсей, бросившийся на бомбометателя, был остановлен каким то усердным полицейским служакой, ставшим на дороге с криком: „ Не вмешивайтесь в наши дела". Лейтенант Морсей ударом сабли свалил ретивого городового, но было поздно: преступник успел перескочить через парапет набережной и броситься в реку. Все стояли в оцепенении, и только какой-то храбрый парикмахер не потерял присутствия духа и бросился вслед за преступником в реку. Тогда за ним последовали и другие.

После короткой схватки в воде покушавшегося вытащили на набережную и, осыпая ударами, повели в полицейское управление. Здесь после короткого допроса он назвал свое имя—Габринович. При нем нашли номер радикальной Сараевской сербской газеты „Народ". На вопрос: „Серб ли он?", Габринович гордо ответил: „Да, я серб, герой".

Тем временем кортеж эрцгерцога прибыл в ратушу, где собрались городские власти. Приехавший в первом автомобиле бургомистр Фехим Эффенди Курчич ожидал гостей на лестнице у входа, собираясь встретить эрцгерцога приветственной речью. Франц-Фердинанд сошел первым, за ним шла герцогиня. Оба были возбуждены и бледны, как мел, но сохраняли наружное спокойствие. Бургомистер начал приветственную речь, но эрцгерцог перебил его резким тоном: „Господин бургомистр, мы приезжаем в Сараево как гости, а в нас бросают бомбы. Это гнусно!" И после паузы: — „теперь вы можете говорить".

Приветствие бургомистра было кратким. Эрцгерцог ответил такой же краткой речью, в которой выразил уверенность, что ликование и радость народа вызваны неудачей покушения, и заверял население в своей монаршей милости. Затем последовал торжественный прием, представление местных властей и осмотр ратуши. Церемония продолжалась всего $^1/_4$ часа. Во время приема эрцгерцог спросил, может ли он продолжать поездку по городу и не будут ли бросать бомбы в него и дальше. Начальник полиции сделал подробный доклад о покушении и настоятельно просил эрцгерцога возвратиться в Конак и прервать поездку. Об этом же просили Потиорек и герцогиня Гогенберг. Но Франц-Фердинанд решительно заявил, что хочет посетить раненого подполковника Мерицци, а потом осмотреть музей. Тогда свита, чтобы

уменьшить опасность поездки, предложила проехать в госпиталь по набережной Аппеля, минуя самый город. С этим предложением эрцгерцог согласился и разрешил жене, которая, по первоначальному расписанию, должна была вернуться в Конак, сопровождать его.

Никаких других мер предосторожности не приняли. Напрасно военный министр генерал Кробатин и наместник Потиорек настаивали на том, чтобы очистить улицы от зрителей. „К чему? — возразил эрцгерцог. — Население может оставаться. Я хочу, чтобы меня видел народ. Разве я не для этого приехал сюда?“

Автомобили в том же порядке тронулись в путь: на первом — правительственный комиссар и бургомистр; на втором — эрцгерцог с женой и генералом Потиореком.

Граф Гаррах, сидевший все время рядом с шофером, и еще какой-то офицер вскочили на ступеньки автомобиля, чтобы прикрыть эрцгерцога своим телом, но Франц-Фердинанд отказался и от этой защиты: „Оставьте, ведь это глупости; все это совершенно ненужно“. Однако, граф Гаррах остался стоять на левой ступеньке, несмотря на приказ эрцгерцога.

На третьем (запасном автомобиле лейтенанта Грейна) ехали графиня Ланьюс, граф Боос-Вальдек и барон Румерскирх. Четвертый автомобиль с полковником Бардольфом и другими заключал процессию.

Автомобили двигались по набережной с большой скоростью. И вдруг неожиданно, вопреки первоначальному плану — проехать по набережной, минуя город, — шофер первого автомобиля с набережной свернул направо, в узенький переулок Франца-Иосифа. Шофер эрцгерцога повернул за ним. Генерал Потиорек, встав во весь рост, схватил шофера за плечо: „Что это? Мы ведь собирались ехать по набережной Аппеля!“ Шофер, поворачивая в узком переулке машину, затормозил ход и невольно

въехал чуть ли не на самый тротуар на углу у переулка. Получилась „пробка"...

Набережная была полна народу, встречавшего проезд автомобилей криками: „живио!" Весть о покушении уже успела распространиться по городу, и население поспешило к месту взрыва. На углу набережной и переулка Франца-Иосифа, у реки стояла пожилая дама с девочкой; к ней подошли трое юношей: один — в белой пуховой шляпе, другой — в черной твердой и третий — в светлой фетровой, с узкими полями. Все трое были в поношенных платьях и носили сербский трехцветный флажок в петлице. Вскоре к ним присоединились две девушки, обменявшиеся с молодыми людьми несколькими словами.

— Девушки ко мне подошли, — рассказывала впоследствии дама — и сказали, схватив меня за руку: „Пойдем домой, эти молодые люди подозрительны". Но я осталась с одной из них и заметила, что юноша в твердой шляпе,— это был Принцип, — все время держит руку в кармане. Я сказала моей маленькой спутнице по-хорватски: „Следовало бы показать на этого человека полиции". Как раз в эту минуту пролетел первый автомобиль с бургомистром. Молодые люди, слышавшие, должно быть, мое замечание, подошли к стоявшему невдалеке от них полицейскому на той стороне улицы и стали на углу у переулка в нескольких шагах у входа в лавку. В эту минуту проехал автомобиль эрцгерцога...

Раздался выстрел. Герцогиня вскрикнула, приподнялась и обняла мужа. Вторая пуля поразила ее и она упала на эрцгерцога. Третья пуля попала в Франца-Фердинанда; он покачнулся и, обратившись к жене, с трудом произнес: „Софи, оставайся жить... ради наших детей". Из его рта хлынула кровь и он упал на сиденье рядом с женой.

Из подъехавшего третьего автомобиля выскочила на помощь свита, но Потиорек, поняв, что престолонаследник тяжело ранен, распорядился ехать обратно. Шофер повернул руль, и машина полным ходом умчалась в Конак, куда приехала через 2 минуты...

Приехавший из Вены юрист, Генрих Готлиб мирно возвращался из ратуши. Он подходил к переулку Франца-Иосифа, когда мимо него промчался автомобиль. Эрцгерцог с обнаженной головой и его жена лежали недвижно на сидениях, опираясь друг на друга. Сделав, несколько шагов дальше, он увидел необычную картину: полиция вела двух лиц, которых толпа осыпала ударами. Через минуту он узнал о новом покушении.

Выстрелы Принципа, стоявшего в нескольких шагах от полицейского, привели последнего в оцепенение. Принцип стрелял совершенно свободно почти в упор, не целясь, так как автомобиль эрцгерцога был почти у самого тротуара. Он собирался выстрелить в четвертый раз, но в эту минуту студент-теолог Пузич бросился на него и схватил за шиворот. Принцип направил на него револьвер; какой-то одетый в черное господин схватил его за руку. Началась паника. Полиция, наконец, проснулась от спячки. Бывшие в толпе офицеры бросились на преступника, обнажив сабли.

— Один удар пришелся по моей руке, державшей преступника за шиворот, — рассказывает Пузич. — Но к счастью сабля оказалась неотточенной. Толпа била Принципа чем попало. В эту минуту я первый увидел, какой еще большей опасности мы подвергались. В нескольких шагах от тротуара лежала совершенно целая бомба. Счастье было, что никто не наступил на нее. Позже я узнал, что это была, так называемая, адская машина. Видимо, этот злосчастный, когда народ приветствовал эрцгерцога криками, хотел бросить бомбу под

колеса автомобиля... Я показал бомбу ближайшему полицейскому, но он, казалось, не знал, что это такое. Тогда я подозвал офицера, и последний немедленно принял меры предосторожности... Неслыханная паника овладела мною и всеми, стоявшими вблизи, при виде новой опасности. Одни бежали прочь, другие стояли точно окаменелые, не зная, бежать ли им, или оставаться. Наконец полиция набралась храбрости и начала разгонять стоявший в оцепенении народ. Какая-то барышня упала на землю и толпа растоптала ее ногами...“

Эрцгерцог и жена были внесены на руках свитой в предназначенные для них комнаты дворца. По телефону собрали всех врачей города. Но было поздно: врачи констатировали, что раны смертельны. Пуля попала герцогине в живот и, пробив главную вену, вызвала кровоизлияние внутрь. Эрцгерцог был ранен в шею. Пуля попала в дыхательное горло, перебив аорту (шейную артерию). Попытки привести обоих в сознание оказались безрезультатными. Вызванные духовники могли лишь дать absolutio in extremis [1]. Агония длилась около четверти часа. Первым, не приходя в сознание, около 11 ч. 15 м. дня скончался эрцгерцог, за ним через несколько минут умерла жена. Монсиньор Штадлер прочел отходную. Графиня Ланьюс закрыла герцогине глаза, сняла с трупа драгоценности и передала на хранение Потиореку. Врачи после трехчасовой работы сняли гипсовые маски с покойных, у тел был выставлен почетный караул.

Известие об убийстве быстро разнеслось по городу. Прежде других пробудилась от спячки полиция, развившая поистине лихорадочную деятельность. Генерал Потиорек распорядился „принять меры“, и в кратчайший срок было произведено более 50 арестов. Лихорадочно

[1] „Отпущение в крайности“, или „глухая исповедь“.

заработали телеграф и телефон, разнося весть о покушении во все концы света.

Возбуждение в городе росло с минуты на минуту. Хорватская и мусульманская молодежь организовала демонстрацию. Демонстранты прошли по улицам с пением народного гимна и криками: „Долой сербов"! „Долой Петра I (короля Сербии.—Н. П.) и его шайку!" „Покончить с ними!" Напрасно бургомистр в выпущенной прокламации призывал к спокойствию. Какой-то юноша бросил на углу бомбу, которая взорвалась, ранив одного мусульманина. Страсти разгорелись, и начался сербский погром, который власти не сумели или не захотели предотвратить. Демонстранты разбили окна в сербском отеле „Европа", в зданиях сербской „Просветы" и школы и в многих сербских домах. Население, боясь погрома, закрыло лавки и магазины. Началось бегство сербов из города. Военные власти вызвали в Сараево войска, участвовавшие в маневрах, для чего было снаряжено 2 экстренных поезда. Вечером сербское консульство было оцеплено войсками.

На следующий день анти-сербские демонстрации начались снова. Среди населения распространилось известие, что на колокольне сербской церкви за полчаса до покушения был вывешен траурный флаг. Такой же флаг был вывешен через несколько минут после покушения над домом руководителя сербской „Просветы" Ефтановича. Мусульманское и хорватское население пришло в ярость, узнав о таком чудесном предвосхищении событий. Но власти уже успели взять руководство событиями в свои руки. Чиновники в сопровождении горнистов огласили приказ Потиорека о введении в городе осадного положения:

„По соглашению с Высшим военным судом и Верховным управлением государства подчиняю город Сараево

осадному положению в отношении следующих преступлений: 1) государственной измены, 2) преступлений против военных сил, 3) нарушения общественного порядка, 4) восстания, 5) мятежа, 6) открытого насилия, 7) убийства, 8) смертельных побоев, 9) тяжелого телесного повреждения, 10) поджога, 11) разбоя, 12) содействия одному из вышеперечисленных преступлений. За все эти преступления устанавливается смертная казнь. Сим оповещается, чтобы каждый под страхом смертной казни воздержался от участия во всех беспорядочных сборищах и разжигания их и оказывал содействие всем законным распоряжениям власти для подавления этих преступлений.

Потиорек."

Прокламации возымели свое действие, и антисербские демонстрации прекратились.

Волна анти-сербских демонстраций прокатилась по всем городам Боснии, Герцеговины, Хорватии. В Мостаре, Добой-Шамац, Брицко полиция и войска с трудом сдерживали демонстрантов. В Аграме (Загребе) демонстранты до-чиста разгромили сербское кафе. Только атака полиции, врезавшейся с саблями в толпу, прекратила погром. Многие были ранены. Открытие хорватского ландтага сопровождалось бурными сценами. С депутатских скамей неслись крики: „Покончить с убийцами! Отомстить за убитых! Вон сербов! Все это рука Белграда! Долой Петра и его агентов!" Бан (наместник), Хорватии барон Скерлеш с трудом мог начать заседание.

Не меньшее возбуждение царило в столицах — Вене и Будапеште. Известие об убийстве эрцгерцога и его жены было получено в Вене в полдень и вызвало всеобщее недоверие. Новость была слишком невероятна. Поэтому власти распорядились задержать телеграммы об убийстве до официального подтверждения. Последнее

пришло через полчаса и почти тотчас же появилось в экстренных выпусках венских газет. Город пришел в волнение. Театры и кино были закрыты, увеселения запрещены и объявлен траур. Власти установили строгую цензуру, задержавшую более подробные телеграммы сараевских корреспондентов, и приняли меры для недопущения беспорядков. Генерал-адъютант граф Паар сообщил известие императору. Франц-Иосиф, потрясенный до глубины души, воскликнул: „Ужасно! Ужасно! На этом свете мне не пощадили ничего".

В Будапешт весть о смерти эрцгерцога пришла в 1 час дня и быстро облетела город, но экстренные выпуски газет появились лишь в половине четвертого, так как официальное сообщение задержали до 3 часов дня. Венгерский министр-президент Тисса был телеграфно вызван из своего имения в Будапешт. Городская полиция мобилизована и сосредоточена в казармах.

Однако, без беспорядков не обошлось. Когда выяснилась национальность убийцы, на улицах Вены стали собираться густые массы народа. Здание сербского посольства было оцеплено патрулями полиции. Вечером в три четверти девятого густая толпа демонстрантов попыталась прорваться к посольству, но была задержана полицией. Тогда демонстранты развели на улице костер и сожгли трехцветное сербское знамя, которое они перед тем волочили по мостовой. В половине десятого толпа под рев, шум, гам и свист кошачьего концерта вновь ринулась к посольству, и нескольким группам удалось прорваться к дому, но сейчас же отряды конной полиции разогнали толпу, изранив и передавив копытами лошадей несколько человек. Впрочем толпа, даже оттиснутая назад, не расходилась, и, чтобы внести успокоение, пришлось совершенно приостановить движение по улицам вокруг посольства.

Трамваи, омнибусы и автомобили стали. Толпа, разобрав мостовую и вооружившись камнями, дважды бросалась в атаку на полицию, стараясь прорваться к посольству, но оба раза конным отрядам удалось отогнать ее обратно. Не удалось демонстрантам пробраться и к русскому посольству, которое также было оцеплено полицией. Движение удалось восстановить только утром. Вена пережила бурную ночь...

Правительство немедленно приняло меры к организации похорон. Тела покойных были набальзамированы. Врачи воздержались от извлечения пули из тела эрцгерцога, чтобы не обезобразить лица, „сохранившего гордое и величественное выражение," по свидетельству казенного публициста. Был составлен акт о смерти. Военные власти подписали акт об идентичности трупов, после чего гробы были опечатаны. 29 июня, в 6 часов вечера, похоронная процессия прошла торжественно через город к вокзалу в Быстрике. В 7 часов вечера поезд отошел в Меткович. Здесь останки погрузили на военную яхту „Далмат", спустившуюся по р. Наренте до устья, где в ожидании прибытия праха стоял дредноут „Viribus Unitiis".

На этом дредноуте прах покойных был доставлен на рассвете 2 июля в Триест, где уже ждал приготовленный специальный похоронный поезд, который должен был отвезти тела в Вену. Поезд пришел в Вену в 10 часов вечера.

3 июля состоялось торжественное прощание с покойным. Присутствовал весь двор, кроме императора, уединившегося в Шенбрунне. Так как эрцгерцог всю жизнь не хотел разлучаться с женой, останки которой не могли быть помещены в императорской усыпальнице, император назначил местом погребения покойных их замок Арштеттен у Пехларна на Дунае. Это место избрал своей

фамильной гробницей и сам эрцгерцог, построивший здесь в 1910 году склеп. Погребение состоялось 4 июля.

Тем временем в Сараево приступили к следствию. Была образована специальная следственная комиссия из 7 человек. Виновники убийства были на-лицо. Имена их были известны. Оба покушавшиеся — и Габринович, и Принцип — не думали запираться или доказывать свою невиновность.

Габринович держался насмешливо и вызывающе — ему нечего было терять! Принцип был более сдержан. После покушения он успел принять яд — цианистый кали, находившийся у него в кармане. Но по дороге в полицейское управление его так избили, что его стошнило, и проглоченный яд не успел оказать никакого действия.

После того, как была установлена личность обвиняемых, комиссия не слишком занималась ими. Всех интересовал другой вопрос: кто стоял за спиной преступников, руководил ими, направлял их руку? Кому была нужна смерть эрцгерцога и ради чего было совершено покушение? Эти вопросы интересовали всех, так как с первых же минут следствия выяснилось, что Принцип и Габринович были не одни, и что ни 20-летний гимназист, ни 20-летний наборщик своими средствами и силами организовать такой заговор и осуществить такое покушение не могли.

Действительно, допрос всех арестованных (в ближайшие часы после покушения было произведено более 50 арестов) и свидетелей, а также розыски полиции выяснили крайне интересные подробности покушения. Один свидетель показал, что, находясь возле музея, куда должен был приехать из ратуши эрцгерцог, он заметил двух хорошо одетых мужчин, разговаривавших по-сербски. Как только распространилось известие о покушении, оба мужчины переглянулись с понимающим

видом, засмеялись и один сказал другому: „Значит все уже совершилось. Следовательно, нам больше нечего делать". После этого они исчезли в толпе.

По дороге в Быстрик, куда также намеревался проехать эрцгерцог, нашли спрятанную в кустах бомбу. При осмотре стола, за которым должен был завтракать эрцгерцог, под верхней доской нашли прикрепленную адскую машину с заведенными часами. Такую же машину с часами нашли в дымоходе комнаты, где предполагал ночевать эрцгерцог. В Илидзе, в доме одной почтенной старушки, нашли целый склад из семи бомб. Создавалось впечатление, что вся Босния играла роль западни, попав в которую эрцгерцог не должен был уйти живым обратно. Это ощущение особенно ярко выразил монсиньор Штадлер, заявивший журналистам: „Нет никакой случайности в том, что покушение совершилось в годовщину битвы на Коссовом поле. Если бы эрцгерцогская чета не была застрелена на том месте, где произошло покушение, покушавшиеся постарались бы найти и нашли бы в тот же день другой случай для выполнения своего ужасного плана. Все Сараево было полно заговорщиков, готовых уничтожить эрцгерцогскую чету" и т. д. Эрцгерцога везли „по проспекту убийц".

Властям оставалось лишь молча признать этот факт и каяться в непринятии соответствующих мер предосторожности, что они и сделали, арестовав шофера, управлявшего первым автомобилем, в котором ехал бургомистр Сараева. Это шофер, серб по национальности, был обвинен в том, что, по уговору с Принципом, при возвращении из ратуши умышленно повернул автомобиль бургомистра с установленного маршрута и этим подвел весь кортеж к месту, где стоял Принцип, ожидавший эрцгерцога.

Это обвинение не подтвердилось, но зато выяснились другие гораздо более интересные и важные вещи. Принцип и Габринович, все время утверждавшие, что они совершили покушение по поручению анархистских организаций, и отрицавшие наличие других участников заговора, сделали 1—2 июля неожиданное признание: они задумали совершить покушение, будучи в Белграде; оружие для этой цели—6 бомб и 4 браунинга—они получили от чиновника сербских железных дорог Цигановича и майора сербской армии Танкосича, являвшегося видным деятелем сербского патриотического общества „Народна Одбрана"; Цигановичи Танкосич не только знали о намерении обвиняемых убить эрцгерцога, но и обучали Принципа, Габриновича и их товарища Трифко Грабеча, арестованного в Сараево, стрельбе из револьверов в королевском парке Топчидере у Белграда; тот же Циганович обратился к пограничным властям с просьбой оказать заговорщикам содействие при переходе ими границы, на что пограничные власти охотно откликнулись и дали конвойных, которые охраняли Принципа и его товарищей от захвата их австрийской пограничной стражей. Далее выяснилось, что бомбы, найденные у заговорщиков, имели клеймо сербского государственного арсенала в Крагуеваце.

Наконец следственные власти нашли в комнате, где жил Принцип, необычно крупную для юноши-гимназиста сумму: 2700 крон в мешке от соломы и более тысячи крон в рамке иконы.

Эти факты давали совершившемуся событию совершенно новое освещение и выводили следствие на новый путь...

II. К истории одной ритуальной легенды...

Когда 23 июля 1914 в 6 часов вечера австро-венгерский посланник в Белграде барон Гизль вручил заместителю сербского премьер-министра Пашича, министру финансов Лазарю Пачу, знаменитый ультиматум, опубликованный на следующее утро во всех газетах — весь мир застыл в оцепенении. Ни одно правительство, кроме германского, ни один политический деятель, ни один орган печати не хотели верить своим глазам. Такого ультиматума не отправляло еще ни одно государство другому независимому европейскому государству, являющемуся „свободным и равноправным членом международного общения". Потрясение было слишком велико. Но скоро оцепенение прошло, и на другой день общественное мнение приступило к разбору и оценке ультиматума.

Собственно говоря, по форме это не было ультиматумом. Формально Австрия послала всего только ноту mise en demeur, которая обычно всегда оставляет возможность для переговоров, дипломатического торга и переторжки, тогда как ультиматум требует безусловного и безоговорочного принятия всех условий, изложенных в нем. Обычным следствием ультиматума, в случае его непринятия, является разрыв дипломатических сношений и война.

Что же представлял собой дипломатический документ, отправленный Австрией, и почему в нем увидели ультиматум? Он состоял из трех частей: первая — собственно нота, вторая — приложенный к ноте меморандум, и третья — коротенькая инструкция австрийскому послу в Сербии, барону Гизлю. В этой коротенькой инструкции барону Гизлю предписывалось потребовать свои паспорта, если в течение определенного срока он не получит „безусловного и благоприятного ответа" на все требования, изложенные в ноте. Эта коротенькая инструкция говорила, что австрийское правительство не остановится перед войной в случае отказа Сербии согласиться на все требования ноты в указанный срок, и именно она подняла на ноги всех дипломатов Тройственного Союза и Антанты, а также мировую печать.

Австрийский ультиматум, как мы знаем, после 10 дневных переговоров имел своим финалом мировую войну. Поэтому он заслуживает того, чтобы остановиться на нем несколько подробнее [1].

„31 марта 1909 года сербский посол в Вене, по поручению сербского правительства, сделал следующую декларацию император. и королев. правительству [2]:

---

[1] Текст ультиматума по Ю. Ключникову и А. Сабанину „Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях" т. II. Москва НКИД. 1926 № I, дополнен в отношении опущенных авторами мест по „Oesterreichische Rote Buch", 1914, № 7.

[2] Этой декларацией Сербия признавала аннексию Боснии-Герцеговины Австро-Венгрией. Согласно упоминаемой в ней статьи XXV Берлинского трактата 1878 года, Австро-Венгрии великими державами — в частности Англией и Германией, было предоставлено право оккупации этих провинций); 5. X. 1903 г. австрийское правительство объявило об аннексии Австро-Венгрией этих провинций; аннексию в качестве fait accompli (совершившегося факта) признали по очереди все великие державы. Подробнее об этом см. главы III и IV настоящей работы.

„Сербия признает, что fait accompli, касающийся Боснии, не затрагивает ее прав и, в силу этого, она дает свое согласие на все решения, которые примут державы касательно ст. XXV Берлинского Трактата. Из уважения к совету великих держав Сербия обязуется отказаться отныне от позиции протеста и оппозиции, которые она усвоила с прошлой осени по отношению к аннексии. Она обязуется изменить, помимо того, курс ее нынешней политики по отношению к Австро-Венгрии и жить в будущем в хороших соседских отношениях с последней".

История последних лет и, в частности, горестные события 28 июня показали существование в Сербии вредного движения, целью которого является отторжение от австро-венгерской монархии некоторых частей ее территории. Это движение, которое началось на глазах у сербского правительства, в настоящее время проявилось вне территории королевства в террористических актах, в целом ряде покушений и убийств.

Королевское сербское правительство, будучи далеко от выполнения формальных обязательств, содержавшихся в декларации от 31 марта 1909 года, не сделало ничего, чтобы подавить это движение: оно терпело направленную против монархии преступную деятельность различных обществ и организаций, необузданные выражения в прессе, возвеличение тех, кто совершал преступления, участие офицеров и чиновников во вредных деяниях, нездоровую пропаганду в учебных заведениях, оно терпело, наконец, всякого рода манифестации, которые могли возбудить в населении Сербии ненависть против монархии и неуважение к ее учреждениям.

Эта преступная терпимость корол. серб. правительства не прикратилась в тот момент, когда события 28 июня показали всему миру ее гибельные последствия.

Из показаний и признаний преступных виновников покушения 28 июня явствует, что сараевское убийство подготовлялось в Белграде, что оружие и взрывчатые вещества, которыми были снабжены убийцы, были даны им сербскими офицерами и чиновниками, которые были членами „Народной Одбраны", и, наконец, что переброска в Боснию преступников и их оружия была организована и осуществлена начальниками сербской пограничной службы.

Упомянутые результаты следствия не позволяют имп. и кор. правительству оставаться далее в состоянии выжидательного спокойствия, которое оно соблюдало в течение годов, стоя лицом к лицу с деятельностью, имевшей центром Белград и распространявшейся оттуда на все территории монархии.

Для достижение этой цели имп. и кор. правительство видит себя вынужденным потребовать у сербского правительства официального заявления о том, что оно осуждает пропаганду, направленную против австро-венгерской монархии, т. е. совокупность стремлений, которые имеют конечной целью отделение от монархии входящих в ее состав территорий, и что оно обязуется подавить всеми способами эту преступную и террористическую пропаганду.

Чтобы придать этому обязательству торжественный характер, королевское сербское правительство прикажет напечатать на первой странице официальной газеты от 26/13 июля следующее заявление:

„Королевское сербское правительство осуждает направленную против Австро-Венгрии пропаганду, т. е. совокупность стремлений, которые имеют конечной целью отделение от австро-венгерской монархии входящих в ее состав территорий, и оно искренно оплакивает трагические последствия этих преступных деяний.

Королевское правительство сожалеет, что сербские офицеры и чиновники участвовали в вышеупомянутой пропаганде и осложнили тем отношения доброго соседства, которыми королевское правительство торжественно обязалось в своей декларации от 31 марта 1909 года.

Королевское правительство, которое порицает всякую идею или попытку вмешательства в судьбы жителей какой бы то ни было части Австро-Венгрии и отрекается от таких идей или попыток, считает своей обязанностью формально предупредить офицеров, чиновников и все население королевства, что впредь оно с крайней решительностью будет выступать против лиц, которые оказались бы виновными в подобных деяниях, при чем оно приложит все свои усилия к предупреждению и подавлению подобных деяний".

Это заявление будет одновременно доведено до сведения королевской армии путем приказа е. в. короля и будет опубликовано в официальном бюллетене армии.

Королевское сербское правительство обязуется, кроме того:

1. Запретить все издания, которые возбуждают ненависть и презрение к монархии и общие тенденции которых направлены против ее территориальной целости.

2. Немедленно распустить общество, именуемое „Народна Одбрана", конфисковать все его средствв пропаганды и поступить одинаковым образом с иными обществами и объединениями в Сербии, которые занимаются пропагандой против австро-венгерской монархии.

Королевское правительство примет нужные меры, чтобы распущенные общества не могли продолжать свою деятельность под другим названием и в другом виде.

3. Немедленно изъять в учебных заведениях Сербии, как в отношении преподавательского персонала, так и

в отношении учебных пособий, все, что могло бы служить к поддержанию пропаганды против Австро-Венгрии.

4. Удалить из военной службы и вообще из администрации всех офицеров и чиновников, виновных в пропаганде против австро-венгерской монархии, при чем имп. и кор. правительство сохраняет за собой право сообщить фамилии и факты королевскому правительству.

5. Согласиться на сотрудничество в Сербии органов имп. и кор. правительства в деле подавления вредоносных движений, направленных против территориальной целости монархии.

6. Открыть судебное следствие против участников заговора 28 июня, находящихся на сербской территории.

Органы, уполномоченные имп. и кор. правительство примут участие в подлежащих розысках.

7. Срочно приступить к задержанию майора Войя Танкосича и Милана Цигановича, чиновника сербского государства, скомпрометированных результатами сараевского следствия.

8. Помешать действительными мерами участию сербских властей в незаконной перевозке оружия и взрывчатых веществ через границу.

Уволить и строго наказать чиновников пограничной службы в Шабаце и Лознице, виновных в оказании помощи путем облегчения перехода границы тем, кто учинил сараевское преступление.

9. Дать имп. и кор. правительству объяснения по поводу неоправдываемых заявлений высших сербских чиновников, как в Сербии, так и за границей, которые, несмотря на официальное положение, не постеснялись после покушения 28 июня выразиться в интервью не-

приязненным образом против австро-венгерской монархии и, наконец,

10. Незамедлительно уведомить имп. и кор. правительство о выполнении мер, предусмотренных вышеизложенными пунктами.

Имп. и кор. правительство ожидает ответа королевского правительства не позже, чем в субботу 25 сего месяца, в 6 часов вечера".

К первой части — ноте — был приложен меморандум о результатах предварительного расследования в Сараево, выяснившего причастность сербских офицеров и чиновников к покушению, о чем упоминалось в пунктах 7 и 8 этой ноты.

„Следствие сараевского суда, начатое против Гаврилы Принципа и его соучастников в убийстве, совершенном 28 июня с. г., установило до сего времени следующие факты:

1. Заговор убить эрцгерцога Франца-Фердинанда во время его пребывания в Сараево был задуман Гаврилой Принципом, Неделько Габриновичем, неким Миланом Цигановичем и Трифко Грабечем при содействии майора Войи Танкосича.

2. Шесть бомб и четыре пистолета „Браунинг" с их снаряжением, использованные преступниками, были получены для них и переданы в Белграде Принципу, Габриновичу и Грабечу неким Миланом Цигановичем и майором Войей Танкосичем.

3. Бомбы являются ручными гранатами из арсенала сербской армии в Крагуеваце.

4. С целью обеспечить успех покушения, Милан Циганович инструктировал Принципа, Габриновича и Грабеча в искусстве метания бомб и обучил Принципа и Грабеча стрелять из пистолетов браунинг в лесу у стрелкового тира в Топчидере, в Белграде.

5. С целью сделать возможным переход границы Боснии-Герцеговины заговорщиками и тайный провоз ими оружия, Цыгановичем была организована система тайного транспортирования. Перевоз преступников с оружием в Боснию и Герцеговину был осуществлен при содействии начальников пограничных участков (пограничных капитанов) в Шабаце (Раде Поповича) и Лознице и при сотрудничестве таможенного чиновника в Лознице Рудивоя Грбича и некоторых других лиц" [1].

Затем следовала третья часть — инструкция австрийскому послу барону Гизлю, содержание которой придавало ноте ультимативный характер.

„При вручении указанной выше ноты вы прибавите на словах, что вами получена инструкция покинуть Белград вместе с составом посольства, по истечении срока, указанного в ноте (48 часов спустя день и час вручения ноты) в случае, если в этот период вы не получите безусловного и благоприятного ответа от королевского сербского правительства".

Мы не собираемся в настоящей главе излагать фактическое развертывание событий 23 июля — 4 августа, приведших к войне 1914-1918 года. О действительной подоплеке событий мы расскажем в другом месте. Теперь же мы изложим их столь же поверхностно и под тем же углом зрения, под каким они были изложены и показаны населению Российской империи в те трагические дни.

Делаем мы это не только для того, чтобы придать выпуклость дальнейшему рассказу. Такое изложение поможет широким читательским массам, на которых рассчитано это исследование, с одной стороны уяснить себе механизм развертывания тех событий, которые привели

[1] Oesterreichische Rote Buch 1914, № 7.

к войне. С другой стороны, это напомнит современникам тех дней и покажет молодому читателю, не бывшему свидетелем их, ту политическую пищу, которой кормили широкие массы царский режим и буржуазия, одурачивая их и разжигая шовинизм. Эта пища оказалась так хорошо приготовленной и умело поданной, что автору этих строк даже в наше время не раз приходилось в разговорах о Сараевском убийстве и причастности к нему Сербии выслушивать мнения, решительно ничем не отличающиеся от точки зрения, хотя бы „Нового времени" „Речи" или „Биржевки" тех дней.

Обзор русских газет за эти дни и сличение их с европейскими и американскими показал бы, как был тенденциозен подбор иностранных телеграмм и как тщательно заботилась царская цензура, чтобы не допустить опубликования тех отзывов иностранной печати, которые рассматривали австрийскую ноту более или менее беспристрастно.

Впрочем, работа русской цензуры была по существу излишней. Буржуазная русская печать, в громадном большинстве выражавшая интересы торгового и промышленного капитализма, охотно пела в унисон, избавляя царскую цензуру от лишнего труда. Это было понятно: буржуазия была оппозиционной царскому режиму только в вопросах внутренней политики, ибо претендовала на власть, которую полуфеодальный самодержавный режим отдавать не хотел. В вопросах же внешней политики царской России, стремившейся к захвату колоний и овладению „ключем" от проливов, интересы буржуазии и царизма вполне совпадали.

Итак перейдем к изложению событий в том виде в каком они были поданы русскими газетами тех дней.

В Белграде ответили на австрийскую ноту в указанный ультиматумом срок. 25 июля, в 6 часов вечера,

барон Гизль явился к Пашичу, который передал ему сербский ответ [1]. В этом ответе сербское правительство указывая, что оно не может отвечать за выступления частных лиц, организаций и органов печати, тем не менее соглашалось, с некоторыми оговорками удовлетворить все требования австрийской ноты, кроме двух:

По § 5 ноты сербское правительство заявляло, что оно не совсем ясно представляет смысл и цель требования Австро-Венгрии допустить сотрудничество австровенгерских органов власти на сербской территории, но соглашалось допустить даже и такое сотрудничество, „поскольку оно соответствует принципам международного права, уголовного права и добрососедским отношениям".

По § 6 австрийской ноты сербское правительство отвечало, что считает своим долгом открыть расследование против всех тех лиц, которые замешаны или могут быть замешаны в заговоре 28 июня и случайно оказались на сербской территории. „Что касается участия в этом расследовании австро-венгерских агентов или властей... то сербское правительство не может принять подобного предложения, так как оно явилось бы нарушением конституции (Сербии) и кодекса уголовного судопроизводства. Тем не менее, в конкретных случаях сообщения о результатах указанного расследования могут быть даны австровенгерским агентам".

Таким образом Сербия соглашалась выполнить все самые серьезные и тяжелые условия австрийской ноты и в то же время вежливо, но решительно отказалась выполнить два маленьких и, по существу, незначительных требования. Почему? Это была „мелочь", по мне-

[1] Correspondance du gouvernement Britannique relative à la crise européenne. Londres. Imprimé par Foreign office. H. M. St. Office. 1914 English Blue Book 1914 № 39.

нию Сербии, но она явилась бы нарушением сербского суверенитета. С другой стороны, Австрия также почему-то придавала этой „мелочи“ не менее важное значение, чем остальным требованиям. Почему же? Русская и вся антантофильская печать предпочитали не задавать себе такого вопроса и поспешили объявить настойчивость Австрии „злобной придиркой“ и желанием вызвать войну во что бы то ни стало, чтобы раздавить Сербию. „Австрия хочет уничтожить невинную маленькую Сербию. Она предъявила ей невозможные и оскорбительные для национального достоинства требования. Лучше смерть в бою, чем позор!“—такие лейтмотивы зазвучали сначала во всей русской, а затем и антантофильской печати, когда стал известным ответ Сербии.

„Придирка“ или не „придирка“, могла ли Сербия выполнить эти требования без унижения себя или не могла—не будем сейчас об этом говорить. Удовольствуемся пока объяснением этой части ответа Сербии, какая была дана ему печатью.

Итак, придравшись к „мелочи“, барон Гизль объявил сербский ответ неудовлетворительным, дипломатические сношения прерванными и вместе со всем штатом своего посольства выехал из Белграда. Копия ультиматума была вручена 24 июля для ознакомления русскому правительству, которое немедленно обратилось к Австро-Венгрии с просьбой продлить срок ультиматума для рассмотрения обвинений, выставленных против Сербии [1]. Одновременно выяснилось, что „Россия не могла допустить уничтожения Сербии“, и 25 июля в газетах было напечатано правительственное сообщение [2]:

„Правительство весьма озабочено наступающими событиями и посылкой Австро-Венгрией ультиматума

[1] Oesterreichische Rote Buch 1919, II № 28.

[2] Русский инвалид 12(25). VII, 1914 № 151.

Сербии. Правительство зорко следит за развитием сербско-австрийского столкновения, к которому Россия не может оставаться равнодушной".

Дальше все события развивались с четкостью и точностью хорошо работающего механизма. Началась знаменитая „игра союзов" (Бетман-Гольвег), о которой австрийский посол в Петербурге граф Сапари говорил: „Камень катится, катится и мы не в силах его остановить".

Великие державы [1], которым австрийские послы вручили копии ультиматума, „желая предотвратить ужасы войны и добиться мирного разрешения конфликта", поддержали точку зрения России, что конфликт между Сербией и Австрией является событием международного значения, и предлагали передать спор на их суд. Одна Германия поддерживала стремление Австрии „локализовать конфликт", т. е. считать его исключительно австро-сербским спором, в котором остальные европейские державы не должны принимать участия. Поэтому все попытки примирительного вмешательства держав в австро-сербский конфликт оказались безрезультатными. Австро-Венгрия, не оставляя желания уничтожить Сербию, отказалась считать конфликт событием общеевропейского значения, и австрийское правительство объявило Сербии войну, начав бомбардировку Белграда. Тогда Россия, которой эти события причиняли величайшее беспокойство, 29 июля объявила частичную мобилизацию Киевского Одесского, Московского и Казанского военных округов, а также балтийского и черноморского флота. Об этой

[1] Изложение дальнейших событий составлено по русскому „Правительственному сообщению в связи с объявлением войны Германией" от 2 августа 1914 г. (Ключников и Сабанин, т. II, № 3) и Н. И. Кареев. История Западной Европы в начале XX столетия, т. VII, часть 2, глава 12, СПБ. 1917.

мере царское правительство, „дружески“ сообщало Германии, указывая, что эта мера является следствием австрийских вооружений и не направлена против Германии, и изъявляло готовность либо путем непосредственных переговоров с Австро-Венгрией, либо путем конференции незаинтересованных непосредственно в австро-сербском конфликте 4 великих держав — Англии, Франции, Германии и Италии (предложение Англии) — продолжать переговоры о мирном улажении конфликта. Однако Австро-Венгрия, движимая желанием расправиться с Сербией, почему то отказалась продолжать переговоры с Россией о своем споре с Сербией, а Германия отказалась принять участие в конференции 4 великих держав. Так же не увенчалось успехом, из-за противодействия Германии, предложение России прекратить свои военные меры при условии, что Австро-Венгрия признает свой конфликт с Сербией вопросом, касающимся всей Европы, и откажется от требований, несовместимых с суверенными правами Сербии. Желая войны во что бы то ни стало, Австро-Венгрия объявила всеобщую мобилизацию и подвергла Белград новой бомбардировке. В ответ на это объявила всеобщую мобилизацию и Россия. Тогда на сцену — это было 31 июля — выступила уже совершенно открыто и Германия, поддерживавшая до сих пор Австро-Венгрию втихомолку, и обратилась к России с требованием приостановить к 12 часам дня 1 августа военные меры, угрожая в противном случае приступить к всеобщей мобилизации. Но Россия, несмотря на все свое миролюбие, не могла в качестве державы — покровительницы славян оставить Сербию на произвол судьбы и отказалась остановить мобилизацию. Поэтому 1 августа 1914 года германский посол от имени своего правительства передал русскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову объявление войны; 2 августа Германия объя-

вила войну Франции, которая, будучи верной своему долгу союзницы России, начала мобилизацию у себя и т. д. и т. д.

Таково официальное объяснение причин войны, поднесенное царизмом обывателю в июльские дни 1914 года. Так была создана казенная легенда о „маленькой бедной и невинной Сербии, которую хотело пожрать империалистическое чудовище — Австро-Венгрия". Правда, отдельные части этой легенды после Октябрьской революции подверглись разрушительным ударам со стороны советских историков, в частности М. Н. Покровского, Е. А. Адамова и М. А. Павловича. Но опубликование тайных договоров царского правительства производилось весьма разбросанно и случайно и потому не могло дать полной картины июльских дней 1914 года. Оно подчеркивало лишь отдельные острые моменты, да и эти моменты были недоступны для понимания широкого читателя без соответствующих комментариев. Не достигло по тем же причинам желанной цели и опубликование документов царского правительства сборниками и в „Красном архиве", начавшееся с 1922 года. В частности для широкого читателя осталась незыблемой святость легенды о „маленькой бедной и невинной Сербии", созданной еще в 1914 году, и только М. Н. Покровский посвятил ей две страницы в одной статье-предисловии 1924 года [1].

Поэтому наша работа, в которой мы постараемся детально изложить действительные причины и обстановку Сараевского убийства, вызвавшего мировую войну, будет полезной для широкого читателя и поможет ему уяснить его сущность.

---

[1] „Как же возникла мировая война", Предисловие в книге К. Каутского „Как возникла мировая война", „Красная Новь". Москва 1924. Перепечатана в сборнике статей М. Н. Покровского „Империалистская война", Изд. Комакадемии, М. 1928.

III. Австро-сербский конфликт и Омладинское движение.

Из всех великих держав довоенной эпохи Австро-Венгрия, более, чем кто-либо другой, может называться балканским государством. „Историческая миссия" Австрийской империи в эпоху XVI—XVII в.в., с точки зрения Европы, заключалась в том, что австрийское государство было оплотом, задерживавшим вторжение „турецких орд" в центральную Европу.

К началу XVIII в. эта миссия была закончена. Закат Турецкой империи, ослабление ее в силу различных причин (разнородность составных частей и слабость связей между ними, изживание феодального строя, основанного на привилегиях мусульманской веры и т. д., натиск другой полу-европейской, полу-азиатской державы — России, выходившей на широкую дорогу захватов) заставляют Турцию отказаться от наступления на Европейский континент и ограничиться обороной против наступающих с северо-запада Австрии и севера — России.

В силу своего географического положения, большей культурности населения, ранее обозначившегося экономического роста, большего удельного веса в системе европейских комбинаций и большей политической мощи в период XVI—XVII вв., Австрия пришла на Балканы раньше, чем Россия. Она опередила Россию почти на

целое столетие. Походы принца Евгения Савойского и создание „Белградской черты" явились первой попыткой Австрии закрепить свои позиции на Балканском полуострове.

В течение XVIII века австро-турецкая борьба идет с переменным успехом. Расширяя свои владения, Австрия устремилась между прочим и на юг, где ослабление Турции давало почву для богатой поживы. Так как в составе Турецкой империи имелось не мало областей с католическим населением, Австрия выставила предлогом для вмешательства в турецкие дела помощь католикам. Австро-турецкая борьба в XVIII веке развивалась медленно. Австрийское продвижение на юг то откатывалось назад, то замирало, всякий раз как события в Европе отвлекали австрийское правительство от Турции.

Все же этот Drang nach Süden, несмотря на перерывы и остановки, сделал немаловажные успехи, к тому моменту, когда приход России на Балканы резко изменил положение.

В течение всего XVII и XVIII в. развивается неуклонное продвижение России на юг к своей естественной границе — берегам Черного моря. Несмотря на кратковременные неудачи (Прутский поход Петра I в 1712 г.), к концу XVIII века первый этап этого продвижения закончился: походы Потемкина и Суворова и завоевание Крыма вывели Россию на берега Черного моря. Начинался новый этап, в котором действовать так же самостоятельно, как и раньше, было невозможно. Поэтому уже 80 годы XVIII столетия ознаменовались выдвинутым русскими государственными деятелями знаменитым „греческим прожектом" раздела Турции — первой попыткой захвата Константинополя, после мечты Ивана III о „третьем Риме". К Константинополю пытаются добраться морем (Морейская экспедиция графа Алексея Орлова), но терпят

неудачу. Тогда русское правительство выдвигает идею захвата Константинополя с суши, через Балканский полуостров. На этом пути оно сталкивается с Австрией, уже успевшей закрепить свои позиции на Балканах. С тех пор все попытки России стать твердой ногой на Балканах неизбежно вызывают конфликт с Австрией. За ее разрешение продвинуться вперед всегда приходится бросать ей ту или иную кость. Этот конфликт с Австрией, развивающийся в течение всего XIX столетия, в конце концов и явился одной из главных причин войны 1914—18 гг.

* * *

Впервые на Балканы Россия пришла во время русско-турецкой войны 1806—12 гг. Выдвинув предлогом для вмешательства в турецкие дела защиту „страдающих под турецким игом единоверцев — православных христиан", Россия поспешила сначала „морально" поддержать, а потом прийти на помощь восстанию сербов под предводительством князя Карагеоргия или Черного Георгия в 1806 г. „Его императорское величество (Александр I), будучи объемлем глубоким негодованием против Порты Оттоманской, повелеть соизволил обнадежить сербский народ" [1]). В результате этого „негодования" и ряда побед над Турцией и возникло полунезависимое сербское княжество, признанное Россией и Австрией.

С этих пор на Балканах возникает новый фактор международной политики — независимое или полунезависимое национальное государство: сербское, греческое, румынское, болгарское. Процесс освобождения православ-

[1]) „Чтения в Императорском обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете" за 1901 г. Книга 4, стр. 16. Декларация главнокомандующего русской армией князя Прозоровского Георгию Черному 30 апреля 1809 года.

ных народностей от турецкого владычества при благосклонном содействии русского правительства развертывается в течение всего XIX века и заканчивается лишь после войны 1914—18 гг.

Но было бы напрасно думать, что царская Россия создавала независимые балканские государства только из одного интереса к страждущим под турецким игом братьям славянам или другим единоверцам. Так уже не думают даже историки-идеалисты! Настоящей причиной русского вмешательства в сербские, греческие и иные дела и войн из-за них с Турцией было все то же стремление к Константинополю. Создаваемые по очереди балканские государства, по мысли русских „градоправителей", должны были стать агентами русского влияния на Балканах, парализуя, с одной стороны, дальнейшее проникновение туда Австрии, а с другой — давая возможность воздействовать на Турцию, так как географическая несмежность России с Турцией не позволяла русскому правительству непосредственно наложить руку на самые уязвимые места „Порты Оттоманской".

Эти два мотива русской политики на Балканах были особенно ярко и точно формулированы русским дипломатическим агентом Родофиникиным в 1808 году: „Невозможно-же думать, чтобы Австрия не старалась уменьшить наше здесь влияние, ибо без всякого сомнения видит, что, укоренивши здесь оное, приобретаем знатную над оной поверхность и при всяком случае, при коем решилась бы сия держава действовать против России, можем ей возбудить внутреннего врага, который часто опасней внешнего. Видит также австрийское министерство, что край сей, будучи смежен с Боснией, Албанией, Македонией и Болгарией, представляет нам все желаемые возможности, если за благо признано будет возбудить других Черных Георгиев (Черный Георгий или Кара-

георгий — руководитель восстания сербов против турок, основатель нынешней сербской династии Карагеоргиевичей.— Н. П.) и делать, что хочем в Европейской Турции, не подавая никому ни малейшей причины к жалобам“ [1]).

Таким образом уже в начале XIX столетия в русских планах против Австрии Сербия должна была сыграть видную роль, выступая во имя русского империализма в качестве ядра ирриденты южно-славянских народностей против Австрии. Главнокомандующий русской армией князь Прозоровский мог лишь согласиться „с проницательным и дальновидным суждением г. Родофиникина“. На полях докладной записки последнего он написал: „Вкоренение влияния Российского в Сербии будет чрезвычайно важным, особливо во время войны между Россией и Австрией, и послужит всегда к обузданию последней державы, к удержанию ее даже от начинания войны. Турция же будет, так сказать, под распоряжением Российского двора“.

„Проницательное и дальновидное суждение господина Родофиникина“ стало официальной программой русской дипломатии по отношению к австрийским притязаниям на Балканах. „Россия должна была сделать навсегда свое влияние в Сербии господствующим для того, чтобы в каждом случае, когда Австрия выступит в качестве противника России, взять австрийскую империю во фланг при помощи Сербии и ее революционной работы в пограничных южнославянских землях австрийского государства“ [2]). Однако уже и в те времена в России существовало убеждение, что Сербию надо „держать в узде“.

---

[1]) „Чтения“ за 1901 г. кн. 4. „Записка рос. агента в Сербии д. ст. советника Родофиникина и замечания на нее главнокомандующего князя Прозоровского 2 ноября 1808 г.“.

[2]) Hans Uebersberger. „Zum Ultimatum vom 23 Juli 1914“ в „Kriegschuldfrage“ 1928, июль, стр. 625.

Сербия была нужна только послушная видам и намерениям русских послов в ней. Иная Сербия была вредна. Князь Прозоровский 23 февраля 1809 года писал товарищу министра иностранных дел графу Салтыкову: „Какие от установления сербского царства родятся новые последствия?.. Для увеличения и распространения владычества своего, конечно, начали бы они (сербы — Н. П.) тотчас возмущать соседних своих единоверцев, как то: австрийских сербов (число коих до 2 млн. простирается), герцеговинцев, черногорцев, боснийских христиан, далматинцев, албанцев, болгар и т. д., дабы отторгнуть возмущениями от настоящих их владельцев и присоединить к своему царству. Сие возродило бы паки новые и беспрерывные для России, приявшей на себя покровительство Сербии, ссоры и даже войны с соседями, и государь император в необходимости нашелся бы отрещись от того покровительства, а тогда Россия лишилась бы уже навсегда столь полезного для нее влияния своего над христианскими народами, в областях Порты Оттоманской обитающими“ [1]).

Таким образом миссия Сербии сводилась к тому, чтобы парализовать все попытки Австрии вмешаться в восточный вопрос, и этим развязать России руки для беспрепятственного воздействия один-на-один на Турцию. Это было необходимо тем более потому, что с приходом России на Балканы и обозначившимся ее стремлением к раздроблению Турции и созданию враждебных Австрии агентов, Австрия резко изменила свою политику в отношении Турции. Вместо раздробления Турции, Австрия выступает на защиту ее целости против аппетитов России. Основным принципом австрийской политики на Балканах становится „не допустить отбросить Турцию

[1] „Чтения“ 1901 г., кн. 4. стр. 14—15.

в Азию“ [1]) и по возможности не допускать создания на Балканах сильного и послушного воле России славянского государства, которое могло бы быть натравлено опасным северным соседом на Австрию.

Эта новая позиция Австрии достигает цели: она затрудняет неограниченное хозяйничанье России на Балканах. Поддержка Австрией Турции так сильна и так „безкорыстна“, что для того, чтобы развязать себе руки, царское правительство не стесняется приносить в жертву покровительствуемых им „братьев-славян и прочих единоверцев“, если только Австрия позволит урвать какой-либо кусочек турецких владений. Для России балканские государства с этого момента являются не более как разменной монетой, которой она платит Австрии за невмешательство последней в русско-турецкий спор. Особенно ярко это отношение России сказывается в отношении той же Сербии, которую Россия бросила на произвол судьбы сейчас же после подписания мира с Турцией в 1812 году и предала Австрии в 1876 году.

Знаменитой Рейхштадской конвенцией от 27/VI (ст. ст.) 1876 года между Россией и Австрией [2], предшествовавшей русско-турецкой войне 1877—78 годов, Россия соглашалась — за разрешение Австрии расправиться с Турцией — „оставить его величеству австрийскому императору право выбора момента и способа занятия своими войсками Боснии и Герцеговины“ — этих „исконных“ сербских земель, и обязывалась не расширять зоны своих военных операций против Турции на Боснию, Герцеговину, Сербию и Черногорию. В дополнительной „сугубо секретной“ конвенции к этому согла-

[1] Мартенс. Трактаты, т. IV стр. 149. Меморандум Поццо ди Борго от 19/31 декабря 1818 года.

[2] Ключников и Сабанин, т. I, № 213. Фактически Рейхштадская конвенция была подписана в Будапеште 3/15 января 1877 г.

шению Россия в обмен за возвращение Бессарабии соглашалась на аннексию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, исключая Ново-Базарский Санджак, и обязывалась, в случае распадения Оттоманской империи, не создавать большого славянского государства на Балканах, а допустить раздробление Европейской Турции на ряд мелких независимых государств (отсюда же идет и термин „балканизация"), которые фактически должны были стать пешками в политической игре великих держав.

Мавр сделал свое дело — мавр мог уйти. Бросив Сербию на произвол турок в 1812 году, Россия не интересовалась судьбой этой страны в течение почти целого столетия. Во-первых, в качестве агента, действующего против Австрии, Сербия была России не нужна, потому что, по самым разнообразным причинам, все развитие русской политики вплоть до конца XIX века основывалось на добрососедских отношениях с Австрией. „Священный союз" в 1815 году, „усмирение венгров" в 1848 году, „союз трех императоров" являются достаточным доказательством этого утверждения. Во-вторых в качестве агента против Турции Сербия, в силу своего географического положения в западной части Балканского полуострова и несмежности с русской границей, для России представляла гораздо меньшую ценность, чем другие славянские земли на Балканах. Отсюда любопытная скачкообразность русской ближне-восточной политики в течение всего XIX века: стремясь к Константинополю, Россия поочередно использует в качестве своих противотурецких агентов другие народности восточной половины Балканского полуоотрова, так как кратчайший путь к Константинополю пролегал как раз по этой линии. Именно здесь Россия либо непосред-

ственно соприкасалась с турецкой границей (Молдавия и Валахия), либо скорее и легче могла притти на помощь своему агенту. В течение всего XIX столетия Россия старается закрепить свое влияние главным образом в восточной части Балканского полуострова, создавая поочередно независимые государства — Румынию и Болгарию. Поддержка Греции в первые три десятилетия XIX в. имела целью создать добавочную диверсию на проливы с Запада, но переход Греции под фактический суверенитет 3 держав покровительниц в 1827—32 гг. парализовал влияние России в Греции. После 1832 г. царское правительство увидело, что для него дорога к Константинополю с Запада была закрыта навсегда.

Крах русского влияния в Румынии и Болгарии, вызванный бесцеремонным хозяйничаньем царских генералов и чиновников, пытавшихся править новообразованными государствами в интересах России в ущерб самому населению, заставил Россию отказаться от поддержки, вернее натравливания на Австрию и Турцию „неблагодарных“ народов. Применяя удачное выражение лорда Сольсбери, можно сказать, что Россия весь XIX век „ставила ставки не на ту лошадь“. Мы не будем останавливаться на объяснении этих неожиданных voltes face русской политики, вынуждавшихся, помимо указанных выше причин, развитием крупных политических комбинаций и союзов в Европе, ибо это потребовало бы детального обзора всей истории Восточного вопроса, и ограничимся лишь изложением отношений треугольника Австрия — Сербия — Россия.

Основной тезис австрийской политики по отношению к Сербии был ясно и четко формулирован еще Меттерних: „Сербия должна быть либо турецкой, либо австрийской“. Политическая независимость Сербии до из-

ИОФ

гнания турецких гарнизонов в 1867 г. была в значительной мере фикцией, и Австрия строго следила за тем, чтобы этот политический статус Сербии был сохранен возможно дольше. Свобода сербов могла подействовать вредным образом на воображение южно-славянских племен, имевшихся в составе Австрийской империи. Только военный разгром Австрии в 1866 году и бессилие ее после австро-прусской войны позволили сербам изгнать последние турецкие гарнизоны и добиться политической независимости. Это неожиданное изменение привычной политической ситуации на Балканах не могло пройти без контр-мер со стороны Австрии, быстро оправившейся после прусского разгрома, так как Бисмарк щадил Австрию, уже предвидя в ней агента великодержавной Германии. Воспользовавшись тем, что Россия, использовав Сербию, сразу же после войны 1877—79 гг. снова бросила ее на произвол судьбы и занялась „благодетельствованием" более близкой к турецкой границе Болгарии, а так же послевоенным ослаблением Сербии, Австрия отказывается от поставленной Меттернихом задачи политического завоевания Сербии и включения ее в свои пределы и пытается, подчинив Сербию себе экономически, сделать ее орудием для выполнения своих целей или по крайней мере парализовать ее возможную активность.

С 1867 года и внешняя и внутренняя политика Австрии приобретают новые очертания, изменившие коренным образом характер австро-сербских отношений и в конце концов создавшие австро-сербский конфликт.

* * *

1866 и 1867 годы явились переломными для внешней и внутренней политики Австрии, создав вместо прежней Австрийской империи новое по своим задачам и по

своей внутренней структуре государство — Двуединую монархию Австро-Венгрию.

После неудачных войн в 1859 году с Францией и Италией и в 1866 году с Пруссией, Австрия, „выброшенная кровью и железом из германского союза", принуждена была отказаться от „большой политики" на своих западных и северных границах. „Берлинский оракул" Бисмарк любезно указал австрийскому правительству путь для экспансии на юго-восток. Здесь, на Балканах, Австрия должна была, с разрешения Германии, не только компенсировать себя за досадные потери в Европе, но — такова была скрытая цель Бисмарка! — явиться застрельщиком германской экспансии на Ближнем Востоке. Крах „союза трех императоров" и создание „тройственного союза" были первым следствием этой германизации Австрии. Австрии, которую Бисмарк сумел примирить с Германией при помощи необидного для нее мира, развязываются руки на Балканах для того, чтобы не допустить там неограниченного хозяйничанья России. Индустриальный рост Германии и превращение ее в 80-х годах прошлого столетия в промышленную страну еще более упрочили австро-германский союз, скрепив его единством целей на Балканах и Ближнем Востоке. Проникновение германских капиталов в Турцию, начавшееся в 90-х годах, сделало Германию новым фактором в Восточном вопросе. Австрии были даны Балканы, Азиатскую Турцию Германия оставила себе. Концессия на Анатолийскую железную дорогу (1899 г.) является характерным символом этого разграничения сфер влияний.

Таковы общие предпосылки европейской политики, обусловившие экспансию Австрии на Балканах во второй половине XIX века. Географическое положение Австрии на Балканах, владение восточным приморским побережьем Адриатического моря (Далмацией) явились

причиной того, что австрийская экспансия с севера на юг развивалась в западной части Балканского полуострова. Конечным ее пунктом были Салоники, крупнейшая гавань на Эгейском море. Захват Салоник превращал Австро-Венгрию из адриатической в средиземноморскую державу, делал Адриатическое море закрытым австрийским озером, давал в руки австрийцев конечные пункты крупнейших торговых путей центральной и восточной Европы с Малой Азией и Африкой и сокращал транспортные издержки австрийской торговли в этих частях света. Кроме того, захват Салоник сразу нарушал всю комбинацию равновесия морских сил на Средиземном море и выводил Австрию во фланг одновременно Италии и России, в том случае, если бы последней удалось захватить проливы. Словом, обладание Салониками давало Австрии „знатную поверхность" над Россией на Балканах и в значительной мере изменяло всю европейскую ситуацию.

Эти новые задачи Австрии, как аванпоста Германии на Балканах, были ярче всего резюмированы в 1907 г. публицистом австрийского министерства иностранных дел Хлумецким: „Положение Австрии требует, чтобы мы всегда сохраняли свободным выход к Средиземному морю. И в Македонии, и в Албании мы должны стеречь, чтобы ни одна другая держава не захватила в свои руки руководство народами, и блюсти за тем, чтобы дорога к Салоникам была совершенно открыта, свободна от всех иностранных влияний. Салоники, наиболее близкая гавань континента к Суэцкому каналу, — наш единственный порт непосредственно на Средиземном море. Австриец нуждается во владениях, где он может развивать свои усилия, не отрекаясь от родины. Мы не хотим территориальных завоеваний, но хотим быть уверены, что мы, и только мы, будем призваны к ложу „больного

человека" (Турции), так как нам по справедливости принадлежит опека над некоторыми его наследниками, еще не достигшими совершеннолетия" [1].

Стремясь пробиться к Салоникам, Австро-Венгрия использует свои права, данные ей Рейхсштадтской конвенцией, и на Берлинском конгрессе добивается разрешения оккупировать своими войсками Боснию и Герцеговину и Ново-Базарский Санджак. Своей оккупацией она не только устраняет возможность захвата этих земель Сербией, но и обходит Сербию с фланга, пролагая дорогу к Салоникам через Албанию и Черногорию.

Однако высокие и часто непроходимые горы и „дикая страна" делали прокладку железнодорожной линии невыполнимым предприятием. Кратчайший и наиболее легкий путь лежал через долину реки Моравы, являвшуюся становым хребтом сербского государства [2].

Сербия занимает на Балканском полуострове исключительно важное стратегическое положение, будучи расположена на важнейших природных путях, связывающих Азию с Европой. Командуя этими путями, Сербия может легко прервать торговые и коммуникационные связи между этими частями света. Реки и их долины были всегда наиболее удобной, спокойной и дешевой дорогой для человека. Поэтому, главными торговыми путями из Европы в Азию (помимо морских) являлись долины рек Балканского полуострова. Торговый путь из Европы в Азию идет по долине реки Дуная до реки Моравы и затем резко поворачивает на юг по широкой равнине, вдоль которой течет Морава. У Ниша этот путь разветвляется: одна ветвь идет на юго-восток и,

[1] Denis. La Grande Serbie. Paris. VII ed. стр. 113—114.

[2] Niko Supanič. The strategical value of Serbia. London 1915. Оттиск статьи автора в „Ninetinth Century and After" за 1915 г.

проходя по сравнительно удобным и доступным горным проходам, переходит в долину реки Марицы, выводящую через Адрианополь к Константинополю. Другая ветвь идет после Ниша вдоль Моравы на юг и, пересекая горы, спускается в долину реки Вардара, которая является самым удобным и легким путем к Салоникам. Эти дороги в течение тысячелетий, начиная от эпохи римского владычества, служили для торговли запада с востоком; по этим дорогам шло великое переселение народов в эпоху раннего средневековья и по этим дорогам двигались на Европу турки. Естественно, что захват линии реки Моравы, являвшейся становым хребтом сербского государства, сразу давал Австрии командное положение на Балканском полуострове; ветвь этого хребта на долину Марицы и Константинополь целиком зависела от Моравской магистрали.

Все проекты создания „Большой Германии" от Гамбурга до Персидского залива по железной дороге Берлин — Багдад самым тесным образом зависели от владения Моравской магистралью, и в этом коренится одна из причин безудержной поддержки Германией австрийской экспансии на Балканах.

Все эти причины заставляют Австрию самым пристальнейшим образом следить за Сербией, не допуская ее усиления, ибо последнее затрудняло и делало невозможным намеченное овладение Салониками и дальнейший рост, если не само существование, австрийского государства. Но именно это же стремление к Салоникам и угроза при его осуществлении существованию Сербии, как самостоятельного государства, делала Сербию с этого момента непримиримым врагом Австрии, — врагом таким, которому было нечего терять, а при удачных обстоятельствах можно было приобрести много: захваченные Австрией в 1878 г. да и другие славяно-серб-

ские земли. С момента аннексии между Сербией и Австрией лежал меч, и Австрия, желая добиться Салоник, уже не могла вложить его в ножны. Предстояло бороться до конца, за сделанным первым шагом должны были—и руководители австрийской политики это хорошо понимали — последовать другие шаги.

Таким шагом, обусловленным новой ориентацией Австрии на юг, к Салоникам, явилось изменение государственной структуры этой страны, — изменение, неизбежное и вызванное главным образом новой ориентацией: существование независимой Сербии представляло серьезную и грозную опасность для Австрии, было своего рода memento mori.

Свое название „лоскутной монархии" Австрия получила по заслугам. Исключительная пестрота национального состава явилась результатом длительного исторического развития и привела к национально-государственному анахронизму. После Венского Конгресса 1815 года Австрия оказалась славянской империей с значительными „инородческими меньшинствами" — итальянским, румынским, венгерским и немецким, из которых самое незначительное—немецкое меньшинство — правило всеми остальными при помощи немецкого государственного аппарата и немецкой династии. Рецепт этого управления огромного большинства незначительным меньшинством прекрасно изобразил император Франц II в следующих выражениях [1]: „Мои народы являются иностранными один для другого. Они не болеют одними и теми же болезнями в одно и то же время. Когда во Франции наступает горячка (революция), она охватывает всю страну в один день. Я же посылаю венгерцев в Италию и итальянцев в Венгрию. Каждый стережет своего соседа.

[1] A. Chéradame. L'Europe et la question d'Autriche au seuil du XX siécle. II ed. Paris. Plon. 1901, стр. 3.

Они не понимают, они ненавидят друг друга. Из их антипатии родится порядок, а из их взаимной ненависти — общий мир."

Результаты итальянской и венгерской освободительных революций 1848 года однако показали династии Габсбургов, что немцы составляют чересчур незначительное меньшинство среди остальных народностей монархии для того, чтобы иметь возможность управлять ими. Когда же после австро-прусской войны 1866 года Австрия была выброшена „кровью и железом" из Германского союза, положение стало еще более затруднительным: обладая гегемонией в этом союзе и опираясь на национальные германские государства, династия Габсбургов могла еще поддерживать в Австрии положение немцев, как правящей национальности. После отрыва Австрии от национально-германского резервуара подобное положение не могло дальше сохраняться, инородческая волна грозила захлестнуть немцев [1].

Перед правительством стояло два пути для разрешения национального вопроса: 1) превращение Австрии в федерацию национальных государств, что приводило к потере немецкой национальностью своего привиллегированного положения среди других народностей, 2) раздел привиллегированного положения с какой-нибудь другой национальностью, входящий в состав Австрийской империи. По совету Германии, Франц-Иосиф остановился на последней возможности разрешения вопроса и избрал второй привиллегированной народностью в Австрийской империи — венгров.

---

[1] W. Steed. „Hapsburg Monarchy." London. 1913; Seton-Watson Racial Problem in Hungary. London. 1908; A. Chéradame. La question d'Autriche. Л. Д. Троцкий. Война и Революция, III. Война и интернационал. Шпрингер. Национальная проблема (Национальная борьба в Австрии), изд. „Обществ. польза" и др.

По конституции 1867 года Австрийская империя была превращена в дуалистическую (двуединую) монархию Австро-Венгрию, и венгерская национальность была не только приравнена во всех правах и привиллегиях с немецкой, но, в силу малочисленности немецкого состава, и получила даже некоторое преобладание над немцами. После этой реконструкции австрийское государство складывалось из двух частей: 1) Австрийской империи, куда входили собственно Австрия (Верхняя и Нижняя Австрия, Тироль, Форарльберг, Зальцбург и т. д.), Галиция и Буковина, Чехия, Силезия, Трентино, Словения и Далмация (Приморье) и 2) Венгерского королевства, в которое, кроме самой Венгрии, входили Трансильвания (Кришана, Марамуреш, Семиградия), Банат (Воеводина с Бачкой и Бараньей) и Хорватия — Славония.

Эти две половины Австро-Венгрии были объединены на началах реальной унии, символом которой являлось особое положение династии: император Австрии являлся королем Венгрии. Роль династии, как связующей скрепы между обеими половинами государства, была исключительной, и династический кризис неизбежно вызывал кризис государственный. Л. Троцкий выразил это еще резче: „Австро-Венгрия, как государственная организация, тождественна с Габсбургской монархией: с ней стоит и падает“ [1].

Но даже после реконструкции характер национального состава обеих половин государства не изменился: в каждой из частей господствующая национальность (в Австрийской империи—немцы, в Венгерском королевстве — венгры) оставались попрежнему национальным меньшинством. Так, в Австрийской империи из 24.573 т.

[1] Л. Д. Троцкий. Война и Революция, т. I; стр. 88, Гиз. Петроград. 1922.

населения по переписи 1900 года немцев было всего 8.840 тыс. (36%), чехов — 5.720 тыс. (27,3%) поляков — 3.900 тыс (15,9%), украинцев — 3.278 тыс. (13,3%), словинцев — 1.230 тыс. (5%), итальянцев—708 тыс. (2,9%), сербо-хорватов—679 тыс. (2,7%), румын—278 тыс. (0,9%). Иначе говоря, благодаря своему привиллегированному положению, 9 млн. немцев (в круглых цифрах) правили 15 млн. славян и 1 млн. жителей латинской расы (итальянцев и румын).

Не менее пестрым по национальному составу было и Венгерское королевство. Из 19.122.340 населения, по переписи 1900 года 7.880.317 (41%) были мадьяры (венгры), 2.781.058 (14,5%)—румыны, 1.998.203 (10,4%)—словаки, 1.897.725 (9,9%) — немцы, 1.663.400 (8,7%) — хорваты, 1.041.966 (5,5%) — сербы, 851.378 (4,5%) — евреи, 417.679 (2,2%) — украинцы, 390.614 (2,2%) — прочие. И здесь также 8 миллионов мадьяр (в круглых цифрах) правили 11 млн. других национальностей, в том числе 5 млн. славян и почти 3 млн. румын. Только поддержка немцев давала мадьярам перевес, а в масштабе всего государства, если даже прибавить к мадьярам такую же, как и они, привиллегированную национальность — немцев, объединенное австро-венгерское большинство получалось крайне мизерным — всего 51,1% общей массы населения.

Национальная структура государства Габсбургов дает ключ к пониманию и его внутренней и его внешней политики. После 1867 года во внутренней политике безраздельно господствовал принцип „двойного централизма“ (Реннер) и применялся старый рецепт императора Франца II, изложенный выше, с той только поправкой, что вместо одной привиллегированной национальности — австрийских немцев — после 1867 года господствовали две — немцы и мадьяры. „Национальная структура госу-

дарства Габсбургов превращала его в колонию Германии. Именно: 60 млн. немцев в пределах Германской империи были хозяевами положения, и, только опираясь на них, 19 млн. австрийских немцев и мадьяр могли править 25 млн. славян, итальянцев и румын. Для Германии, правящей Германии, страны милитаризма, полицейщины, „крепкой монархии" и диктатуры юнкерства, Австро-Венгрия есть необходимость. Миссия Габсбургов, с германской точки зрения, состояла в том, чтобы к услугам юнкерски-милитаристической немецкой политики ставить вспомогательные венгерские, польские, румынские, чешские, русинские, сербские и итальянские корпуса. Правящая Германия охотно мирилась с тем, что 10—12 млн. австрийских немцев (по переписи 1910 года — Н.П.) оставались оторванными от своей национальной метрополии— ведь эти 12 млн. составляли тот государственный стержень, вокруг которого Габсбурги объединяли свыше 40 млн. душ ненемецкого населения". А так как „постоянная боевая готовность Австро-Венгрии... могла поддерживаться только путем механического подавления центробежных национальных тенденций", то „для Австро-Венгрии, которая по всем своим границам окружена теми же, национальностями, какие входят в ее состав, внешняя политика теснейшим и непосредственным образом связана с внутренней. Для того, чтобы удержать 7 млн. сербов и юго-славян в рамках своей государственно-военной организации, Австро-Венгрия должна раздавить очаг политического притяжения для них — самостоятельное королевство Сербию" [1].

Трудно ярче характеризовать смысл государственного существования Австро-Венгрии. В движении Герма-

[1] Л. Троцкий. Война и Революция, т. I, стр. 89—90.

нии на Ближний Восток, которое предвидел в отдаленном будущем Бисмарк, пока упорно твердивший при всяком случае, что „восточный вопрос не стоит костей одного померанского гренадера", на Австро-Венгрию падала задача быть и застрельщиком, и мостом для германского милитаризма.

Но эта роль Австро-Венгрии, предопределившая ее и внутреннюю и внешнюю политику, ставила ее существование, как государственного организма, в непримиримое противоречие с национально-освободительным движением составлявших ее народностей. В самой Австрии учитывали эту сторону, но всякие попытки федералистического переустройства государства и дарования действительной автономии и действительного равноправия прочим народностям натыкались неизменно на окрик из Берлина. Кроме того, ни австрийской бюрократии, ни венгерским аграриям — этим двум искони консервативным правящим прослойкам — перспектива потерять свои привилегии отнюдь не улыбалась.

Поэтому выдвинутый впоследствии ростом национального самосознания южнославянских народностей Австро-Венгрии вопрос о превращении двуединой монархии в триединую — Австро-Венгро-Славию встретил решительное сопротивление в Вене и, в особенности, в Будапеште. Стремясь к Салоникам, нельзя было „замазывать" сербскую опасность. А поверить в сербскую лойяльность, вернее в то, что сербо-славяне удовлетворятся только автономией, когда рядом существует независимое сербское государство, искушенные австро-венгерские реакционеры естественно не хотели, да и не могли: ведь за Сербией в любую минуту могла оказаться могущественная Россия, которой, по каким-либо обстоятельствам, взбрело бы в голову поставить очередную ставку на „сербскую лошадь".

Отсюда генеральная линия Австрии после 1876 — 77 гг. не только на Балканах, а и в Европе — создать такую европейскую обстановку, при которой можно было бы овладеть Сербией. Однако это оказалось немыслимым. Русская война 1877 — 78 г. и дежурство английской эскадры у Константинополя, чтобы предудупредить его захват Россией, еще раз показали Австрии, что восточный вопрос для нее, да и для других стоящих у „ложа больного человека", будет разрешен только при „согласовании" его всеми великими державами, чего, кстати, долго не могла понять царская Россия. И во всех изменениях международно-политической ситуации молодая Австро-Венгрия ни на минуту не упускает из виду своей генеральной линии. Эта генеральная линия сводилась к тому, чтобы, подавляя сербское меньшинство внутри страны, выполнить первоочередную задачу на Балканах — если не завоевать Сербию, то подчинить, по крайней мере, своему влиянию так, чтобы и в экономическом, и политическом отношении Сербия являлась простым придатком Двуединой монархии. Весь смысл Рейхштадтской конвенции 1876 года для Австрии, помимо оккупации ею Боснии-Герцеговины, заключался в том, что ей развязывались Россией руки для безвозбранного хозяйничанья в Сербии.

Действительно о прямом „покорении" Сербии в то время серьезно ставить вопроса не приходилось: это было сопряжено с таким изменением карты Балканского полуострова в пользу Австрии, на которое не могли согласиться европейские державы. Уже с 1840 года восточный вопрос из австро-русско-турецкого спора стал европейским спором, в котором деятельное участие приняли Англия и Франция. Ввиду этого, австрийцы были готовы сохранить номинальную независимость Сербии при условии, что Сербия останется австрийской колонией и явится

послушным инструментом в руках Австрии. „События заставляют меня привыкнуть к мысли, — заявил в 1877 году Андраши [1], — „что Сербия и Румыния будут свободными и независимыми; если они сохранят свою нынешнюю территорию, это мне не будет стеснительно. Наоборот, мы не можем допустить, чтобы они увеличились". Однако, чтобы завоевать расположение сербов и наглядно показать им австрийскую щедрость, Андраши на Берлинском конгрессе согласился на исправление южных границ Сербии за счет турок.

Ясно видимая невозможность завоевания Сербии заставляет Австрию добиваться ее экономического подчинения себе, чтобы при помощи давления на экономику влиять на политику Сербии. Политику Австрии по отношению к Сербии в период 1876—1903 г. г. можно назвать политикой „золотой клетки". Сербию старались связать и приручить настолько, чтобы ее существование, как независимого государства, потеряло свой вред для австрийского Drang'а к Салоникам. С этой целью, пользуясь „блестящей изоляцией" Сербии на Балканах после 1878 г., так как, использовав Сербию для создания повода к войне, Россия по старой привычке, подкрепленной Рейхштадтской конвенцией, бросила Сербию на произвол судьбы и поставила свою следующую ставку на более выгодную „болгарскую лошадь", Австрия навязывает Сербии торговый договор.

Этот договор явился зародышем таможенного союза, благодаря которому вся экономическая жизнь сербского государства была поставлена под австрийский контроль. За ним последовала железнодорожная конвенция и т. д.

Свою работу по экономическому и политическому порабощению Сербии Австро-Венгрия проводила, опираясь

[1] E. Denis. La Grande Serbie, стр. 114.

на династию Обреновичей, в частности на короля Милана, бывшего ее верным агентом, благодаря щедрым кредитам австрийского Länder-Bank'a. Но и само положение Сербии, брошенной Россией „на поток и разграбление" австрийцам, было таково, что австрийская опека не могла встретить серьезного сопротивления.

Австрийская угроза с севера, турецкая — с юга, исключительно неблагоприятное географическое положение государства, отрезанность от моря способствовали превращению Сербии в австрийскую колонию. Будучи сельскохозяйственной страной с мелким землевладением (участки до 20 гектаров составляли 96% всей площади землевладения, до 5 гектаров — 55%), Сербия строила весь свой бюджет на вывозе сельско-хозяйственных продуктов: рогатого скота, свиней, хлеба, зерна, птицы и фруктов. 80% ее вывоза шло через австрийскую границу. Но было бы ошибочно думать, что сама Австрия являлась потребительницей сербского экспорта. Наоборот, ввоз сербских сельскохозяйственных продуктов в австрийские земли был бельмом на глазу у венгерских аграриев, присвоивших себе монополию снабжения продуктами своего сельского хозяйства промышленные области австрийской империи. Для большей половины сербского экспорта Австрия была не потребительским, а транзитным рынком, и вся соль австрийской опеки состояла в том, что Австрия, пользуясь своим географическим положением, сдирала с сербского крестьянина последнюю шкуру за разрешение на провоз сербских продуктов через австрийскую территорию.

Помимо изрядных доходов, попадавших в руки австрийских экспортеров, это разрешение на транзит было могучим оружием в руках австрийского правительства для политического воздействия на Сербию. Играя тарифными ставками в торговых договорах с Сербией, закрывая под

предлогом эпизоотии, границу для провоза сербского скота, который, как известно, вывозился в живом виде, Австрия могла экономически задушить Сербию. Вот в чем секрет покорности Сербии всем домогательствам австрийского правительства в конце XIX века. Пока вывоз из Сербии находился в руках австрийских экспортеров, пока Сербия была страной крестьянского мелкого землевладения, и национальной буржуазии не существовало, до тех пор действовала без особых осложнений эта экономическая причина сербской покорности Австрии.

С развитием национального торгового капитала в Сербии эта причина экономической покорности превратилась в экономическую причину австро-сербского конфликта. Рамки австрийской опеки стали слишком тесными для сербской буржуазии. Поэтому они были взорваны.

Но, кроме чисто экономических причин обострения австро-сербских отношений, существовали еще и чисто политические. Босния и Герцеговина были оккупированы австрийцами прежде всего для того, чтобы предупредить объединение этих земель с Сербией и этим воспрепятствовать увеличению сербского государства. Делаясь соседом Сербии с запада, Австро-Венгрия, казалось, приступала к осуществлению пророчества Меттерниха: „Сербия должна быть либо турецкой, либо австрийской". Оккупация наносила огромный удар сербским националистам, надеявшимся, что, в результате крестьянского восстания против турок в этих провинциях и русско-турецкой войны 1877 — 78 годов, Босния и Герцеговина войдут в состав Сербии. О том, как сильны были эти надежды, свидетельствуют слова известного сербского географа и историка Цвиича: „Босния-Герцеговина для нас не только то, что Триест и Трентино для Италии, альпийские провинции Австрии — для Германии. Для Сербии они столь же важны, как окрестности Москвы для России, а самые

жизненные области Германии и Франции — для немцев и французов". Оккупация этих провинций Австрией не только отнимала всякую надежду у сербов когда-либо пробиться к морю, но и отрезала их от Хорватии, где жили те ветви сербского народа, которые были окатоличены в период многовекового владычества Габсбургов. Но оккупация, кроме удара по надеждам и притязаниям Сербии, явилась, в связи с изменением национальной структуры Австро-Венгрии и стеснением югославского национального движения, вопиющим доказательством стремлений австрийцев превратить сербские земли в действительно австрийские. Австро-Венгрия наступала, угрожая уничтожить Сербию, и удар уже был занесен..

В этой своей подготовке удара против Сербии, если она окажется непокорной, Австро-Венгрия не брезгала ничем. „Его апостолическое величество", признанный защитник католичества во всем мире, австрийский император, под влиянием „сербской опасности", оказался даже защитником мусульман против католиков. Австрийское правительство, потребовавшее на Берлинском конгрессе Боснию-Герцеговину во имя „реформ" и „улучшения положения христианского населения, страдающего от турецкой администрации", меньше всего заботилось о реформах и о спасении христиан. В секретном мемуаре о восточных делах английскому правительству от 21 апреля 1878 года Андраши (австро-венгерский министр иностранных дел) писал: „в случае, если дарованием Боснии славянским стремлениям будет предоставлено широкое поле действия, то господство этого элемента (славян) может быть обеспечено только искоренением мусульманства. Это уже показала Сербия. С удалением турецких гарнизонов оттуда исчезли все магометанские семьи. Еще резче это должно повториться в Боснии, где борьба с мусульманами будет восстанием неимущих против соб-

ственников. Если же Австро-Венгрия возьмет на себя управление Боснией-Герцеговиной, то ее задачей будет защитить магометанскую религию и собственность"[1]. Так как по турецким законам не-мусульманское население не могло владеть землей, в этих провинциях в эпоху турецкого владычества создалась система мусульманского землевладения, явившаяся источником экономической эксплуатации православного и католического крестьянства. Поэтому борьба „креста с полумесяцем" в этих провинциях по существу была чисто социальной борьбой между беками (помещиками-мусульманами) и кметами (крестьянами — православными и католиками). Такая же картина наблюдалась и в прочих турецких провинциях Балканского полуострова.

Австрийская администрация сохранила в полности эту систему землевладения, несмотря на кровавое аграрное восстание 1882 года, потушенное с большим трудом. Мало того, омусульманенных за период турецкого владычества сербов она признала особой национальностью — „босняками" и поставила в привиллегированное положение по отношению к православным сербам и католикам — хорватам: в Боснии-Герцеговине система предпочтения католиков-хорватов православным сербам, бывшая традиционной политикой австро-венгерской администрации в Хорватии-Славонии, Словении и Далмации, оказывалась уже недостаточной.

Параллельно с этим, шло усиленное „ущемление" православных сербов в отношении сербских школ, православной религии, сербского языка и т. п. Трижды в 1896, 1897 и 1900 годах сербское население обращалось с пе-

[1] Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871 — 1914, Band I, № 400.

тициями о невыносимых притеснениях сербской национальности в отношении языка, религии, обучения, гражданских прав и т. д. к самому императору Францу-Иосифу, но ответом всякий раз было усиление преследований. Эта система администрирования — „принимать сербскую оппозицию, как нечто неизбежное" — в переводе на язык административной практики показывала, что ущемление сербов будет итти до конца, не обращая внимания ни на какие протесты или жалобы. А независимой Сербии предоставлялось благополучно созерцать этот процесс полицейски-бюрократического ущемления своих соплеменников.

На этот процесс экономического и национально-политического ущемления Сербии династия Обреновичей смотрела сквозь пальцы. Несмотря на обозначившуюся угрозу австрийского натиска, Обреновичи управляли страной, ориентируясь исключительно на Австрию. Эта австрийская ориентация династии вызывала резкие протесты сербов: 7 октября 1880 года премьер министр Ристич в своем меморандуме королю Милану о политических задачах Сербии писал: „Австрия притязает на захват в той или иной форме привиллегированного исключительного положения в Сербии. Уступка, которую она требует от нас сейчас (Ристич писал по поводу предложения австрийцев заключить торговый договор. — *Н. П.*), будет первой из тех, которые она выставит в будущем. Опыт Берлинского трактата достаточен, чтобы убедить нас, что соседняя монархия ощущает все больший и больший аппетит к Востоку и что мы, жители Востока, сербы в частности, ничего не можем выиграть от ее дружбы. Рано или поздно мы должны будем приступить к политике сопротивления, обороны. Было бы ребячеством надеяться на ее дружбу, которой мы не добьемся никогда. Если она видит какой-либо интерес в оказании нам в чем

либо своей поддержки, она заставит нас дорого заплатить за нее. То, чего нам следует ожидать в данном случае, будет по меньшей мере союз таможенный, военный и т. д.“ [1].

Ответом на это письмо-предупреждение была отставка Ристича. В своей ориентации на Австрию король Милан дошел до того, что подписал в 1881 году (возобновлена в 1889 году) тайную конвенцию с Австрией, в которой в обмен на платоническое обещание Австрии „содействовать расширению Сербии в долине реки Вардара“ (т. е. к югу, к Салоникам!!), обязался не поощрять и не допускать сербскую пропаганду в южнославянских землях Двуединой монархии и в случае войны допустить оккупацию австрийскими войсками Белграда и Ниша. Эта конвенция, бывшая по существу отказом Сербии от поддержки своих соплеменников — подданных Австро-Венгрии, находилась в резком противоречии с требованиями националистических кругов, со злобой и негодованием смотревших на „ущемление“ боснийских сербов австрийской администрацией.

Ту же политику в национальном вопросе продолжал и преемник Милана, его сын король Александр Обренович. В публичной речи один из его министров говорил „о фантазиях этих лиц, воображающих себя сербами, которые поднимают восстания в Венгрии против справедливости и прогресса и не чувствуют пустоты своего, так называемого, национального идеала.“ Династия Обреновичей решительно отказывалась превратить Сербию в Пьемонт для 6 *млн.* южных славян, живших под скипетром Габсбургов. А между тем уже в то время создались такие предпосылки, которые позволяли Сербии видеть в себе своего рода Пьемонт для сербо-славянских

[1] Denis. La Grande Serbie, стр. 117.

народностей. Режим экономических, социальных и политических привилегий для австрийского и венгерского национальных меньшинств вызвал в конце концов в южнославянских землях Двуединой монархии ответную реакцию. Славянское население южной окраины монархии, входившее в IX веке в состав единого национального сербского государства, охватывавшего чуть ли не весь Балканский полуостров, после многовековой исторической борьбы против немцев, итальянцев и турок, в конце концов забыло о своей национальности и православной религии. Вместо единого сербского народа возникли три ветви: сербы, хорваты и словены. Процесс денационализации, продолжавшийся около 1.000 лет, закончился созданием трех вышеупомянутых групп, отличных друг от друга, если не этнически, то по религии, языку, культуре. Хорваты и словены были окатоличены, часть сербов в Боснии, Сербии и Македонии омусульманена, но большинству все же удалось сохранить свой национально-культурный облик.

XIX век явился эпохой перелома и возрождения национального сознания среди южного славянства, поделенного между 2 великими державами, игравшими доминирующую роль на Балканском полуострове в XVI — XVII вв. — Австрийской империей и Турцией. Процесс возрождения южного славянства в Турции выразился, как известно, в создании независимого сербского государства в 1804 году, признанного по понятным причинам, прежде всего, Австрией, и закончился отторжением последних сербских областей от Турции в результате Балканских войн 1912 — 13 годов. Последним событием задача создания юго-славянского государства в отношении южной границы была закончена.

С северным соседом — Австрией дело обстояло сложнее. Внешним толчком, разбудившим национальное само-

сознание в южных землях Австрии, явилось образование Наполеоном I „Иллирийского королевства" из Далмации, частей Хорватии, Каринтии, Карниолы, Истрии и т. д., просуществовавшего всего 7 лет (1807—1814). Но после тысячелетней раздробленности южного славянства этот факт впервые напомнил подпавшим под власть Австрии сербам, хорватам и словенам, что, несмотря на различие в вере, языке и культуре, они являются единым народом, и послужил мощным толчком к возрождению идеи о единой югославской национальности.

В 30-х годах прошлого столетия в Хорватии и Словении возникает литературное и культурно-просветительное движение, получившее название „Иллирийского движения" — по имени созданного Наполеоном королевства. Иллирийское движение можно считать первым признаком создания национальной югославской интеллигенции, являющейся обычно будителем национального сознания; кроме того, это движение совпало с возникновением к тому времени национальной югославской буржуазии, для которой режим привиллегий, созданный австрийской властью сначала в пользу немецкой, а затем и венгерской (с 1867 г.) национальностей, был чересчур стеснителен. После национально-буржуазных революций 1848 года югославское движение окончательно приобретает политический характер и, так как типичной государственной формой буржуазии на заре ее существования является национальное государство, в кругах молодого поколения югославской интеллигенции выдвигаются определенные требования о политических реформах, национально-государственной автономии и т. д.

Это вызвало известный раскол между пролетарскими и крестьянскими массами и буржуазией. В то время как первые довольно равнодушно относились к политическому господству австрийской бюрократии, мечтая

больше о „земле“, а не о „воле“, интеллигенция, почти сплошь принадлежавшая к зажиточным и даже к богатым слоям населения, выдвинула на первый план именно требование „воли“, понимая, впрочем, эту волю вначале, как требование полного равноправия в экономической, социальной и политической организации Двуединой монархии. В 60—70 годах прошлого столетия практически вопрос о „воле“ ставился, как вопрос о триализме, идею которого 50 лет позже выдвинул эрцгерцог Франц-Фердинанд. Но попытки добиться соглашения с австрийскими немцами и венграми на почве предоставления равноправия южным славянам окончились неудачей (провал „Нагоды“ в 1868 г. в Хорватии). Австрия снова показала свою способность опоздать на одну идею и при том не на год, а на целое поколение. Даже в настоящее время, после распада Австро-Венгрии, австрийская бюрократия считает триалистические планы эрцгерцога Франца-Фердинанда слишком „революционными“ и „опасными“. Каково же было ее отношение к политической программе югославского национального движения в ту эпоху?

При этом следует отметить, что движение, помимо того, что охватывало почти исключительно круги интеллигенции, сначала было еще региональным и шло параллельно в Хорватии, Словении и Далмации, не сливаясь в единую струю. Наиболее важным центром движения был Загреб, с Югославской академией и университетом, основанными знаменитым епископом Штроссмайером и его учеником Рачки (Австрийское правительство, однако, запретило наименование „югославский“ и заменило его „хорватским“). Однако региональность не могла долго просуществовать: в Словении политические деятели Ловро Томак, Лука Светец и Разлог в 1860 году выдвинули программу объединения югославов; в 1852 году

хорватский политический деятель Кватерник проповедывал перед Наполеоном III необходимость раздавить Австрию и создать югославское государство. При этом попытки к объединению и избавлению от австрийского ига не ограничивались платоническими воздыханиями. В 1871 году Кватерник был убит во время организованного им против австрийцев восстания. Ряд частных восстаний прокатился по Далмации и сербским областям Венгрии. Но эти попытки явились единичными и не коснулись широких масс. Движение не имело под собой твердой почвы.

Оккупация Боснии-Герцеговины в 1878 году еще более усложнила положение. К чисто сербскому православному меньшинству в южных землях Австро-Венгрии были прибавлены значительные резервы сербского населения оккупированных областей, и таким образом на самой границе с независимой Сербией создана специфически сербская ирридента, связанная узами кровного родства и религии с сербами по ту сторону Дуная. „В течение последующей четверти столетия югославское движение подавлялось реакционными силами Австро-Венгрии, пытавшимися 1) устранить всякую возможность демократического и радикального движения путем применения бюрократического и абсолютистского режима и 2) парализовать все усилия к объединению юго-славов, усиливая деления административного и законодательного характера в 10 южных славянских провинциях и, в особенности, противясь установлению всякой связи с независимыми сербскими землями“ [1].

[1] L'Unité yougoslave. Manifeste de la jeunesse Serbe, Croate et Slovène reunie. Avec un préface M. le prof. T. Masaryk. Paris. Plon-Nourrit 1915, стр. 27. Эта официальная программа омладинского движения является одним из интереснейших документов великосербской идеи.

Крупные перемены в социальном укладе Боснии-Герцеговины, распадение остатков крепостного строя, сохранившегося со времен турецкого вкадычества, обострение аграрного вопроса — усиливают борьбу против абсолютистского режима. Первым признаком социального брожения явилось крестьянское восстание 1882 года в Боснии, причинившее австрийцам не мало хлопот. В Хорватии и Словении в эту эпоху югославское движение также начинает приобретать радикальный характер, благодаря образованию пролетариата в связи с индустриальным ростом этих областей. Полевение югославского движения заполнило пропасть между интеллигенцией и народом и придало ему революционный характер. Но поскольку социальный и экономический режим, установленный австрийской властью, совпадал с политическим господством австрийских немцев и мадьяр, постольку югославское движение в конце-концов вылилось в форму анти-австрийского и анти-венгерского движения. Так была подготовлена почва для перестройки социальной программы югославского движения в национально-политическую. Так лозунги социальные были подменены лозунгами националистическими. Конечной целью реорганизованного движения становится слияние всех трех национальных ветвей — сербов, хорватов, словен — в одно целое, вокруг независимой Сербии, которая должна была явиться Пьемонтом южного славянства.

Отказ Обреновичей добиться осуществления национального идеала явился причиной смены династии. Для того, чтобы изменить политику Сербии, пришлось сменить ее династию. Ночью 29 мая 1903 года группа заговорщиков, в число которых входили офицеры, политические деятели радикальной партии и купцы, ворвалась в королевский конак (дворец) в Белграде и убила сербского короля Александра и его жену, королеву Драгу.

На сербский престол был избран король Петр из династии Карагеоргиевичей, и с этого момента Сербия вступает в новый период своего существования.

* * *

Переворот 29 мая 1903 года, организованный радикальной партией, поставил ее у власти. Возникновение этой партии само по себе означало крупные перемены в социально-экономическом строе Сербии.

Радикальная партия была партией нарождавшейся в Сербии национальной буржуазии. Страна мелкого крестьянского землевладения, Сербия в конце 80-х годов переживает экономический кризис. Все яснее и яснее обозначается количественный рост города; одновременно удельный вес городов и экономической жизни страны усиливается все явственнее и явственнее. Рост государственного внутреннего и внешнего торгового оборота, накопление капиталов, расслоение деревни, образование национального сербского купечества — сначала розничников, затем оптовиков,—таковы этапы зарождения в Сербии торгового капитала. Патриархальная „Старая Сербия", с ее режимом личного произвола и деспотизма княжеской и, впоследствии, королевской власти, постепенно начала клониться к закату. На сербской сцене появилась буржуазия—„третье сословие", требовавшее себе „всего". Феодально-аграрная система хозяйствования уступала место торгово-промышленной. И подобно тому, как Романовы были крупнейшими капиталистами своего времени, точно также в Сербии крупнейшим купцом стала династия Обреновичей, превратившая самые выгодные отрасли торговли и народного производства в государственную, т. е. в свою династическую монополию. Однако, самым удачливым и зажиточным подданным оставалось еще не мало возможностей для обога-

щения и после династии. В сербских городах постепенно образовалась тонкая, но влиятельная, благодаря своему богатству, прослойка городской купеческой буржуазии, представлявшей сербский торговый капитал. Сербское купечество неуклонно захватывает внутреннюю торговлю в свои руки и пытается вырвать у австрийских фирм, создавших свои закупочные конторы в Белграде, монополию скупки для экспорта. Этот процесс вытеснения австрийцев затянулся на два десятилетия.

Возникновение нового фактора в социально-экономической жизни Сербии не могло не отразиться в политической жизни страны образованием новой политической партии — радикальной. Идеологами ее явились профессор Белградского университета Светозар Маркович и инженер Никола Пашич, фактическим организатором — Пера Тодорович. Маркович и Пашич, бывшие в молодости горячими последователями идей Бакунина, вернувшись в Сербию, предвосхитили пример Струве и пошли „на выучку к капитализму": интересы национального капитала заслонили идеи Бакунина. Оказалось, что „социалистическая революция в Сербии не имеет под собой почвы". Приходилось быть буржуазами поневоле.

Образованная радикальная партия в сущности была партией национального радикализма, так как только объединение всех южных славян вокруг Сербии избавляло сербский торговый капитал от назойливой и стеснительной австрийской опеки и давало выход к морю.

Это положение заставляло делать логические выводы: создание национального государства, являющегося типичной государственной формой буржуазии на заре ее существования, требовало разрушения обоих национально-государственных анахронизмов на Балканах — Турции и, в особенности, Австро-Венгрии. Только таким путем Сербия могла добиться выхода к морю и избавиться от

австрийской опеки. Вот почему Маркович поставил важнейшим пунктом программы радикалов во внешней политике борьбу против Турции и Австрии, решительно отказавшись от создания „славянской Австрии", т. е. включения Сербии в состав Австро-Венгрии и объединения с другими юго-славянскими землями, внутри последней хотя бы на правах автономной земли. Он имел на это право: оккупация 1878 года и реконструкция Австрии на началах двуединства, усилившееся ущемление славянских меньшинств говорили о возврате Австрии к Меттерниховскому принципу.

Радикальная партия отлично уясняла себе, что существование Сербии в пределах Австрии будет сопровождаться экономическим угнетением сербской буржуазии, что Австрия не откажется от угнетения сербославянских меньшинств. Радикалы также не могли не видеть, что существование реконструированной Австрии является угрозой независимости Сербии и что, рано или поздно, Австрия сделает последний логический шаг: попытается завладеть Сербией. Значит, оставалось бороться, и Маркович так сформулировал задачи этой борьбы: „идея сербского единства является самой революционной идеей на Балканах от Стамбула до Вены. Эта идея содержит в себе уничтожение Турции и Австрии, исчезновение Сербии и Черногории, как самостоятельных княжеств, и переворот во всей политической структуре сербского народа. Из частей этих обоих империй и двух сербских княжеств возникает единое новое сербское государство—вот что называется сербской свободой". [1] Для Марковича Сербия, в силу своего географического положения, главным образом, — центр революционной работы не только среди сербов, но и среди

[1] Іован Скерлич. Светозар Маркович. Белград. 1910. стр. 202 и сл.

всех юго-славян, при чем под словом „революция“ понимались цели национальные, а не социальные. Эта „революционная“ работа, которая в конечном счете должна была завершиться распадом Австро-Венгрии, совпадала с панславистской программой русских официальных кругов, для которых раздел или распад Австро-Венгрии являлся такой же „необходимостью“, как и захват Константинополя с проливами. Этим, с одной стороны, объясняется отказ радикалов от сближения с Австрией и ориентация на Россию, и, с другой, та чуткость, с которой „дальновидные“ и „проницательные“ панслависты России относились к притязаниям радикальной партии, „несмотря на ее революционную работу“. Русскому влиянию в Сербии в эпоху господства радикальной партии, т. е. после 1903 года, мы посвятим особую главу, теперь же заметим, что русская дипломатия была спокойна только тогда, когда у власти в Сербии стояли Пашич и радикалы.

Той точкой, где программа радикалов во внешней политике совпадала с программой во внутренней, являлась сфера экономического оборота. Избавление от австрийской опеки в сфере внутреннего экономического оборота означало вытеснение австрийского капитала из сербской торговли. Именно поэтому радикальная партия выдвинула лозунг национального „манчестерства“: поощрение и всевозможные льготы национальному сербскому капиталу и поощрение национального „грюндерства“. Сербская буржуазия хотела развиваться и накоплять капиталы без всякого вмешательства в процесс накопления со стороны правящей власти, в рамках конституционных гарантий. Это давало программе радикалов в известной степени прогрессивной оттенок, ибо тот режим, который был создан в Сербии династией Обреновичей, несмотря на свою конституционную види-

мость, был режимом самого яркого произвола и деспотизма. Обреновичи правили страной, нарушая конституцию на каждом шагу. Их произвол не ограничивался только сферой внутреннего управления, а проник, и это самое главное, даже в сферу экономического оборота, нарушая нормальную хозяйственную жизнь страны. Их династическая монополия на самые прибыльные отрасли торговли и народного хозяйства для нарождавшейся сербской буржуазии являлась цепями, которые нужно было сбросить.

Такова была экономическая причина конфликта радикалов с династией Обреновичей во внутренней политике. Поэтому радикальная партия в своем конфликте с Обреновичами выдвинула требование заменить режим личного произвола и деспотизма режимом конституционных гарантий в государственной жизни страны и режимом юридической лойяльности в административной практике.

Под этими лозунгами — национальное объединение, национальное грюндерство, реализация конституции — радикальная партия в конце 80 гг., начинает свою борьбу о Обреновичами. Ряд заговоров и покушений против царствующего дома окончился неудачно. Руководители партии подвергались преследованиям. Часть их, в том числе Пашич, осужденный заочно к смертной казни, была принуждена эмигрировать. Только сближение радикалов с офицерством, возбужденным фаворитизмом и произволом в армии, помогло радикалам организовать заговор 29 мая 1903 года.

Об этом заговоре знали одинаково и в Вене и в Петербурге и дали ему совершиться. Почему? Австро-Венгрия — потому, что король Александр Обренович своим произволом и угодничеством перед Австрией настолько скомпрометировал себя в политических кругах Белграда и среди офицерства, что дальнейшее пребывание его на

троне, как австрийского агента, было нецелесообразно. Такой „расшифрованный" агент австрийскому правительству был ненужен. Наоборот, в смене династии оно видело в лучшем случае предлог для вмешательства в сербские дела, в худшем—воцарение нового человека, который заменит короля Александра в должности австрийского агента, и при этом, как новый правитель, будет иметь незапятнанную в смысле австрофильства репутацию—и, следовательно, сможет принести больше пользы австрийцам, чем скомпрометировавший себя Обренович. Для России, с 1885 года вытесненной из Болгарии и, в силу этого с обидой за личную неудачу и с завистью смотревшей на успехи австрийцев по укрощению Сербии, смена династии тоже представляла некоторые выгоды.

Во-первых, уход австрофилов Обреновичей и замена их Карагеоргиевичами внушала надежду превратить Карагеоргиевичей в своего агента и этим парализовать влияние австрийцев в Сербии; во-вторых, связавшись с радикалами, можно было даже использовать Сербию для борьбы против Австрии на Балканах, следуя заветам господина Родофиникина, как раз впервые опубликованным в 1901 году с указанием, что эти заветы сохранили свою актуальность и для нашего столетия. Вот почему дворцовый переворот, о котором говорили совершенно открыто не только в Сербии, но и на всех европейских дипломатических перекрестках за несколько месяцев до его совершения, был выполнен заговорщиками без особых политических осложнений,

Переворот 29 мая 1903 года явился национальным предприятием сербской буржуазии. Он был совершон на программе радикальной партии и знаменовал собой для Сербии такой же поворот во внешней и внутренней политике страны, какой пережила Австрия в 1866—67 гг. Радикалы, пришедшие к власти, потому что их про-

грамма совпадала с интересами в данный момент страны, навязали ее в качестве программы действий новой династии Карагеоргиевичей. Петр Карагеоргиевич был избран в 1903 году на трон под условием осуществления программы радикалов.

Но если Австрия в отношении династического переворота могла занимать выжидательную позицию, надеясь на то, что Сербия и при Карагеоргиевичах будет не менее послушна, чем при Обреновичах, то Сербия, которая и самую смену династии производила во имя освобождения от Австрии, не собиралась ждать.

Новое царствование началось прежде всего с разрыва с Австрией. Радикальное правительство предприняло шаги для того, чтобы освободить сербский экспорт от австрийского контроля и тем самым смягчить узы, которыми австрийский империализм успел сдавить Сербию. Торговый договор с Австрией истекал в 1905 г. Чувствуя за своей спиной поддержку России, сербское правительство в середине 1905 года начинает секретные переговоры с Болгарией; в декабре 1905 года эти переговоры вылились в соглашение о таможенном союзе между Сербией, Черногорией и Болгарией.

В Вене известие о сербских переговорах было встречено „дурным глазом", ибо образование подобного союза создавало солидный экономический блок славянских государств к югу от Дуная и своего рода оплот против экономической австро-германской экспансии, в то время как политика Австро-Венгрии сводилась к раздроблению и изоляции славянских государств друг от друга. Австрия ответила на этот удар нотой, в которой сообщала о своем решении не возобновлять торгового договора и закрыть свою границу для транзита сербских продуктов в случае, если таможенный союз с Болгарией станет совершившимся фактом. Пашич ответил, что при-

нятого решения изменить он не может. Тогда в Вене решили наказать сербов, точно так же, как наказали их в 1895 году: переговоры о торговом договоре с Сербией продолжались, но австрийское правительство закрыло границу для сербского скота и сельскохозяйственных продуктов. Началась знаменитая „свиная война" между Австрией и Сербией. Австрия надеялась, что закрытие границы вызовет массовый падеж скота, сосредоточенного в сербских пограничных пунктах; разорение сербского крестьянства от этих потерь и крупный дефицит в народном доходе Сербии побудит сербское правительство к уступчивости. Одновременно вдоль сербской границы по Дунаю и Саве начались маневры австро-венгерских войск.

Мы не будем излагать все перипетии этой „свиной войны". Достаточно будет заметить, что сербское правительство не растерялось перед угрозой. Кроме того на помощь сербам пришел французский капитал, начинавший тогда серьезно интересоваться Балканами и даже имевший в составе административного совета государственных сербских монополий своего представителя [1]. На французские деньги в крупнейших городах Сербии были устроены бойни для скота, находившиеся под контролем правительства, и построено несколько крупных консервных фабрик для мяса и фруктов. Специальная торговая миссия сербского правительства объехала госу-

---

[1] В 1895 году в целях уплаты процентов по большому займу, заключенному в Париже для консолидации сербского государственного долга, сербское правительство выделило из государственных доходов доходы от монополий на табак, соль, керосин, спички, папиросную бумагу, марки и налог на потребление. Управление этими монополиями было поручено независимому от правительства административному совету из 6 лиц, в том числе 4 серба, 1 француз и 1 немец.

Зр

дарства на побережьи Средиземного моря, бывшие главными потребителями сербских продуктов. Сербскими фирмами были заключены крупные контракты на поставку мяса, битой птицы, зерна и фруктов на острове Мальте (английский гарнизон), в Египте, Марселе, Генуе.

Сербы отправляли на французских пароходах битое мясо по Дунаю, где, в силу интернационализации этой реки для торгового оборота, австрийцы были бессильны принять какие-либо меры с целью затруднить сербский вывоз. Грузы шли либо на север до Ратисбонна, откуда направлялись в Германию, либо на восток через Галац и Браилов и далее, по Черному морю и проливам, попадали в порты Средиземного моря. Сокращение транспортных издержек, благодаря замене экспорта живого скота экспортом мяса, и умелое маневрирование тарифами для содействия национальному предпринимательству, позволили сербскому правительству не только избежать дефицита в хозяйственном балансе страны, но и увеличить экспорт и собрать немалую прибыль.

Таким образом из рук австрийцев было вырвано не только оружие политического воздействия на Сербию, но и немалые доходы, которые австрийский капитал наживал при транзите или перепродаже заграницу половины сербского экспорта. Кроме того, резкое вздорожание мяса в Вене и в других городах Австрии, потреблявших другую половину сербского экспорта, окончательно показало австрийцам, что они просчитались в своих расчетах. Австрийский капитал потерял сербский рынок, на котором он до сих пор занимал преобладающее положение. Австрийское правительство поспешило открыть границу, но было уже поздно.

Результаты „свиной войны" оказались не в пользу австрийцев. В Вене они вызвали настоящую панику в дипломатических и военных сферах, в кругах капита-

листов и буржуазной печати. Как раз к этому периоду и относится отставка министра иностранных дел Голуховского, замененного Эренталем. Однако, в Вене не теряли надежд образумить сербов, политика обострения конфликтов продолжалась. Заказы на поставку военного снаряжения для сербской армии явились еще одним поводом для обострения конфликта.

В 1903 году сербское правительство решило обновить артиллерийское вооружение армии в виду того, что полевая пушка образца 1877 года, принятая в сербской армии, успела устареть и не выдерживала никакого сравнения с новоизобретенными скорострельными полевыми пушками. С этой целью в Европу была послана специальная комиссия из 4 офицеров, осмотревших австрийские заводы Шкода в Богемии, немецкие заводы Круппа в Эссене и Эргардта в Дюссельдорфе, и французские заводы Шнейдера в Крезо.

Комиссия в своем отчете военному министерству решительно высказалась в пользу французских орудий завода Шнейдера. Крупп и Шкода немедленно организовали дипломатическую и газетную кампанию против Сербии, и сербское правительство было принуждено отступить: в августе 1905 года в Европу была послана новая комиссия, для того, чтобы произвести „дополнительные испытания“ и „окончательно“ решить вопрос о заказе. Мнения членов комиссии разделились. Признавая орудия Шнейдера лучшими, часть членов (не артиллеристы), по чисто политическим мотивам, стояли все же против того чтобы отдать заказ Франции.

Как известно, закупка военного снаряжения заграницей, в особенности, малыми странами, не является чисто финансовым предприятием: сделал заказ, уплатил деньги, и все кончено. Заказывая вооружение заграницей, государство попадает в зависимость от другого государства,

в отношении своего вооружения; для государства же, поставляющего вооружение, новый заказ служит своего рода признанием военного и хозяйственного суверенитета. К этому следует прибавить еще одно обстоятельство: обычно малые страны не имеют наличных денег и дают такие заказы либо в кредит под гарантию правительства той страны, куда отдан заказ, либо при помощи займа. Вопросы о военных заказах так важны, что часто связываются и с торговыми договорами, и заключение последних стоит в зависимости от дачи заказа. Мощное большое государство, желающее добиться заказа для своих военных фирм, имеет достаточно средств воздействовать в этом смысле на маленького соседа, нуждающегося в покупке оружия.

Так случилось и с сербским заказом. Сербское правительство наличных денег, конечно, не имело. Кредиты и займы оно получало на Парижской бирже, и без нового займа разместить свои заказы не могло. С другой стороны, 1905 и 1906 годы были разгаром таможенной войны с Австрией. Было еще неизвестно, чем и как закончится эта война. Австрийское правительство использовало эту войну для того, чтобы воздействовать на Сербию. Считая, что Сербия не может выдержать долго закрытия границы и экономического измора, австрийское правительство поставило условием возобновления переговоров о торговом договоре сдачу заказа австрийским заводам Шкода. Пашич был поставлен перед дилеммой: сдать заказ австрийцам и добиться этим торгового договора он не мог, потому что иначе французские банки могли не дать денег, а французское правительство не допустить котировки этого займа на парижской бирже; сдать же заказ французам и получить заем значило оставить всякую надежду на возобновление торгового договора с Австрией.

Вопрос о военных заказах и займе привел к падению кабинета Пашича, но оппозиция, пытавшаяся заключить заем у австрийских и венгерских банков, натолкнулась на такие ростовщические условия, что принуждена сама была уйти в отставку. Пашич снова сформировал кабинет, и его министр финансов Лазарь Пачу обратился к французским банкам. Французы обещали дать деньги на сравнительно льготных условиях, поставив условием займа, что сербское правительство должно согласовать с французским вопрос о котировке займа во Франции и сдаче военных заказов французской промышленности. Это, а главное, выяснившийся к тому времени (осень 1906 года) провал для австрийцев „свиной войны" решили колебания Пашича. К тому же сербская армия была решительно против заказа в Австрии, не желая в войне с австрийцами, объявление которой не было исключено, пользоваться сфабрикованным в Австрии оружием. Поэтому Пашич отверг новые предложения австрийцев, и в октябре 1906 года передал заводам Шнейдера заказ на 47 батарей с 2000 зарядов на каждое орудие. Австрийцам оставалось лишь зарегистрировать новое поражение.

Мало того, французское правительство поспешило использовать разрыв торгового соглашения между Австрией и Сербией для того, чтобы закрепить свои позиции в Сербии. К займам и военным заказам присоединился еще и торговый договор между Сербией и Францией, представлявший французским товарам положение наибольшего благоприятствования на сербском рынке. Это было выгодно для Сербии тем, что укрепляло ее международно-экономические связи и освобождало от австрийской зависимости. За франко-сербским торговым договором последовали торговые договоры с Румынией, Турцией, Черногорией, Италией (кроме договоров с Бол-

гарией и Германией, заключенных ранее). Благоприятно развивались также переговоры о договоре с Россией и Англией. Положение Сербии настолько улучшилось, что не австрийцы сербам, а сербы австрийцам начали навязывать свои условия. Со стороны сербского правительства делалось все, чтобы показать австрийцам, что Сербия может обойтись без Австрии. Правительству Пашича удалось наладить хорошие отношения почти со всеми государствами Европы. Благодаря его стараниям и такту а вернее в связи с укреплением положения Сербии, как фактора в международной политике (уже начинали понимать значение Балканского вопроса в мировой политике), в 1906 году Англия отказалась от своей позиции бойкота, занятого ею после переворота 1903 года, когда английское правительство в знак „морального" осуждения цареубийства и наград, пожалованных королем Петром цареубийцам, прервало дипломатические сношения с Сербией, и английский посол вручил королю Петру свои вверительные грамоты.

Эти неудачи австрийцев добиться подчинения Сербии дипломатическим и экономическим путем вызвали в правящих кругах Вены и Будапешта глухое раздражение. В Вене и Будапеште постепенно назревает мысль, что политика мирного воздействия или измора недостаточна, что сербский вопрос может быть разрешен только „железом и кровью", тем более, что успехи сербов в борьбе с Австрией вызвали такое обострение югославского движения, которое начало принимать опасные для существования Двуединой монархии размеры. Так, в результате совещаний хорватских депутатов в Фиуме и сербских в Заре в конце 1905 года была выработана объединительная программа для совместных действий. Основным лозунгом этой программы были: 1) торжественное провозглашение принципа: „сербы и хорваты составляют один народ", что означало крах усилий австрийской бю-

рократии натравить эти национальности друг на друга, путем предоставления хорватам привиллегий за счет сербов; 2) блок с венгерской партией независимости, т. е. с теми венграми, которые остались неудовлетворенными австро-венгерским соглашением 1867 года и требовали полной независимости Венгрии.

Эта программа являлась математической точкой и отправным пунктом хорватского сепаратизма, ибо до сего времени хорваты в своей массе были верноподданными династии Габсбургов, и свидетельствовала о переходе их на сторону сербского населения Двуединой монархии, среди которого идея Сербии, как Пьемонта всего южного славянства, успела уже пустить прочные корни. От блока же с партией венгерской независимости был всего один шаг до блока с самой Сербией. Австрийское правительство, оценившее реальный смысл новой программы, усилило преследования (ряд политических процессов по обвинению в государственой измене, в том числе знаменитый Аграмский 1908 г.) своих подданных южных славян и начало искать случая раздавить Сербию, становившуюся национальным очагом южного славянства. Именно к этому периоду — 1906-08 г.г. — относятся первые планы начальника австрийского генерального штаба Конрада фон Гетцендорфа о превентивной войне с Сербией.

Первым шагом по пути „железа и крови" явилась аннексия Боснии-Герцеговины, оккупированных австрийскими войсками в 1878 году.

Что вызвало аннексию? Пока эти провинции находились под национальной властью турок, Сербия, как мы уже говорили, могла надеяться на присоединение их к себе в случае удачной войны с Турцией. Аннексия Боснии-Герцеговины Австро-Венгрией клала этим надеждам конец: только распад Австро-Венгрии в результате рево-

люции или войны мог осуществить национальное объединение южно-славянских народностей. Мы полагаем, что именно рост Сербии, превращение ее из послушного австрийского вассала в действительно независимое по отношению к Австро-Венгрии государство, и австро-сербский конфликт на почве преследования юго-славских народностей, обострившийся юго-славское движение в Австро-Венгрии, были действительными причинами аннексии. Строго говоря, Австро-Венгрия аннексировала Боснию-Герцеговину не у Турции, а у Сербии. Только это соображение — боязнь потерять награбленное, если на нем не будет поддержанного всем австро-германским авторитетом клейма, — превратило экономическую аннексию 1878 года в 1908 году в политическую, хотя австрийские немцы и, в особенности, венгры боялись усиления славянского элемента в государстве. Отсюда необычайная острота дипломатического спора между Австрией и Сербией об аннексии.

Самая международная обстановка в то время для аннексии была сложной и едва ли благоприятной для Австрии. Смысл намечавшейся аннексии — и это австрийцы достаточно хорошо понимали — к тому времени уже начинал становиться ясным не только для непосредственно заинтересованной балканскими делами России, но и для Франции и Англии, начинавших понимать мировое значение балканского вопроса и ревниво следивших за каждым шагом там Австрии и Германии. Та международно-политическая ситуация, которая на Берлинском конгрессе позволила Австро-Венгрии получить во временную оккупацию эти две провинции, безвозвратно прошла. Кроме того, Австрия уже прекрасно отдавала себе отчет, что Сербия является послушным агентом России и в любую минуту по ее наущению может „обидеться“ и начать войну. Значит весь вопрос заключался в том, как воспри-

мёт аннексию Россия, а за ней Франция и Англия. Как далеко они пойдут? „Готовы" ли они? Хотя Россия еще не оправилась после неудачной войны с Японией, но за ней м о г л и стоять другие силы. Поэтому, не решаясь неожиданной аннексией сразу создать австро-русский, а может быть и обще-европейский конфликт, преемник графа Голуховского на посту министра иностранных дел Эренталь решил позондировать вопрос об аннексии прежде всего в России.

К его удивлению, русское ухо оказалось на это счет не очень тугим. Извольскнй (русский министр иностранных дел), приглашенный 17 сентября 1908 года Эренталем на свидание в замок Берхтольда (австрийского посла в России) — Бухлау, оказался очень сговорчивым.

Что произошло на свидании, известно лишь из немецких и австрийских источников, так что проверить свидетельства заинтересованной стороны, пока не будут опубликованы другие, нельзя. По сообщению же этих источников, дело представляется в следующем виде: в Бухлау между Эренталем и Извольским было достигнуто, повидимому, полное соглашение по всему балканскому вопросу: „Аннексия Боснии-Герцеговины, отказ (Австрии—Н.П). от продвижения к Салоникам, вывод гарнизонов (австрийских —Н.П.) из (Новобазарского — Н.П.) Санджака, готовность Австро-Венгрии вступить в переговоры с Россиией по поводу пожелания последней свободного прохода судов через проливы"[1]. Таким образом, в обмен на согласие России признать аннексию, Австро-Венгрия обязывалась благожелательно отнестись к предложению России допустить через проливы проход военных судов[2]

[1] Grosse Politik, B. XXVI, B. I, № 8935.

[2] Вопрос о проходе русских военных судов через проливы более столетия как приобрел интернациональный характер, и всякая попытка разрешить его либо военным, либо дипломатическим путем

„всех прилегающих к Черному морю государств", т. е. фактически России. Срок объявления аннексии Эренталь Извольскому сообщил: до открытия делегаций, [1] т. е. до 8 октября. [2] Извольский взял на себя задачу убедить французское, английское и итальянское правительство согласиться на эту сделку.

Таким образом в Бухлау повторилось то, что произошло 30 лет назад в Рейхсштадте. Интересы Сербии снова были принесены в жертву, когда показали лакомую приманку в виде проливов. Правда, Извольский поднял вопрос о компенсации Сербии кусочком Боснии, но, получив решительный отказ Эренталя, не настаивал более, а просил только дать ему время подготовить русское мнение к этой сделке. Эренталь согласился ждать в пределах указанного срока.

Переговоры с итальянским министром иностранных дел Титтони, получившим за 3 дня до встречи с Извольским (26 сент.) подробное письмо от Эренталя с указанием срока аннексии, сошли благополучно. Но в Париже Извольского окатили первым холодным душом. „Неосторожность" австрийского посла графа Кевенхюллера, вручившего президенту Фальеру письмо императора Франца-Иосифа с извещением об аннексии не 7 октября, а 3 октября, открыла французам секрет (в письме, между

неизменно натыкалась на сопротивление Англии и Франции. Берлинский трактат, подтвердивший запрещение, был не двусторонней сделкой Австро-Венгрии и России, а международным трактатом, поэтому двустороннее австро-русское соглашение, изменявшее весь смысл этого трактата, нуждалось в санкции остальных держав.

[1] Делегации представительные комитеты австрийского и венгерского парламентов, объединяемые на особых сессиях для совместной работы по согласованию „всех дел общих и для Австрии и для Венгрии", т. е. дел и законодательства, касающихся всей Двуединой монархии в целом.

[2] Grosse Politik, B. XXVI, B. I примечание на стр. 31.

прочим, сообщалось, что Россия и Италия согласны на аннексию).

В Париже не особенно стремились видеть русские броненосцы на Средиземном море, а затем — и это самое главное — если они и могли появиться там, то не благодаря австрийской, а французской помощи. Уплата правом прохода русских военных судов через проливы должна была произойти лишь после победоносной войны с Германией, Французы понимали, что втянуть Россию, уже имеющую право прохода через проливы, в войну с Германией было трудно, если не невозможно вовсе. Клемансо, бывший тогда премьер-министром, осыпал Извольского упреками за то, что он за спиной союзников заключает тайные соглашения с правительствами тройственного союза. Что же касается существа вопроса — разрешения русским военным судам проходить проливы—в Париже ответили уклончиво и посоветовали обратиться в Лондон: что там скажут. Извольский оправдывался и уверял, что на свидании в Бухлау был только обмен мнений, что ни к какому окончательному решению там не пришли, и выдвинул идею европейской конференции по балканскому вопросу. В Лондоне к предложениям Извольского о конференции (здесь Извольский побоялся даже промолвить слово о проходе русских судов через проливы) отнеслись еще неприветливее. Известие об аннексии, полученное в Лондоне 7 октября, вызвало здесь настоящую ярость, и Извольский получил самый решительный отказ.

Положение Извольского было не из приятных. И Николай II и Дума приняли известие об аннексии в штыки,— приходилось оправдываться и дома! Извольский разразился громовыми упреками в печати и в разговорах на тему о нечестности Эренталя. Выражения „наглая ложь“ (mensonge effronté), „абсолютное отсутствие честности“

(„manque de foi absolu"), „политика авантюриста" сыпались из его уст по адресу Эренталя при каждом удобном и неудобном случае. „Только при условии созыва конференции по балканскому вопросу он собирался дать свое согласие на аннексию!" В Вене слушали иеремиады Извольского с нескрываемым удовольствием: о холодных душах, которыми окатили Извольского в Париже и в Лондоне, уже было известно. Только тогда, когда Англия и Франция, по настоянию Сербии, решили побудить русское правительство довести вопрос об аннексии до вооруженного конфликта, Эренталь пригрозил Извольскому какими-то скандальными разоблачениями. В чем они состояли, неизвестно, но, насколько можно судить, они касались сделки насчет сербов и носили такой характер, что опубликование их подрывало весь престиж России на Балканах. Извольский поспешил дать отбой по всей линии. 17 марта 1909 года эрцгерцог Франц-Фердинанд заявил графу Брокдорф-Ранцау: „поведение Извольского более, чем сомнительно; он обманывает своего монарха. Мы имеем его согласие на аннексию черным по белому; он даже просил в Берлине через графа Остен-Сакена (русского посла в Берлине — Н.П.), чтобы мы согласились воздержаться от опубликования письменных документов" [1].

Тем не менее австрийское правительство, боясь осложнений со стороны России и Сербии, начало с ноября 1908 года готовиться к мобилизации. Гарнизоны в Галиции и южно-славянских землях были усилены. Положение было напряжено, но в Вене решили не обострять его излишне и не доводить дела до войны, тем более, что русский совет министров 20 марта 1909 года высказался в пользу мира. Таким образом, оставался скомпрометированным или одураченным сам Извольский. На

[1] Grosse Politik, B. XXVI, B. II, № 9453.

помощь ему пришла... Германия, до сих пор не подававшая никаких признаков движения.

Как это ни странно звучит и как это ни противоречит установившейся в австрийской политике традиции, Эренталь, предпринимая столь смелый и решительный шаг, как аннексия Боснии-Герцеговины, сопряженный с явным нарушением Берлинского трактата и могущий вызвать по меньшей мере австро-сербско-русскую войну, не предупредил о сроке этой аннексии свою союзницу Германию. Для последней срок аннексии явился сюрпризом. В Берлине решили проучить союзника за излишнюю самостоятельность и показать, что Австро-Венгрия может добиться каких бы то ни было успехов лишь благодаря помощи Германии [1]. Отлично зная, что опасность войны миновала, Бюлов (герм. канцлер) 23 марта 1909 года дал распоряжение графу Пурталесу, германскому послу в Петербурге, осведомить Извольского, что „если Россия не согласится признать аннексию Боснии-Герцеговины, Германия предоставит Австро-Венгрии свободу действий". Этот знаменитый ультиматум давал возможность Извольскому „спасти свое лицо". Так как к европейской войне были не готовы, царь немедленно телеграфировал Вильгельму II, что Россия признает аннексию и „этим с божьей помощью война будет избегнута". Было ли выступление Германии самостоятельным или согласовано предварительно между Бюловым и Извольским, пока неизвестно, но впоследствии Извольский характеризовал его, что „оно ломилось в открытую дверь".

Этим европейский конфликт был закончен. Оставалась Сербия, принявшая известие об аннексии, как национальную катастрофу, и начавшая подготовлять партизанские отряды для того, чтобы поднять восстание в Боснии.

---

[1] W. Steed. Through thirty years, Vol. I, стр. 300—301.

Были призваны резервисты и ассигновано 16 млн. динар на подготовительные меры по обороне страны.

Сербское правительство, не зная о тайнах австро-русской сделки в Бухлау, бросилось за помощью к Извольскому и послало ноту протеста всем державам, подписавшим Берлинский трактат. Но Извольский поспешил окатить сербского посла в Париже Веснича холодным душем, так как ретивость Сербии при выяснившемся крушении его, Извольского, планов, „согласованных" с Эренталем, действительно могла вызвать ненужную России войну: „Вы, сербы, не можете, помимо всего надеяться выбросить Австро-Венгрию из этих двух провинций. Вы понимаете, что я не могу допустить, что Россия в настоящее время не в состоянии сделать это, но в действительности это настоящая причина. На самом деле Австро-Венгрия ничего не выигрывает своим выступлением... Я не могу понять возбуждения в Сербии; в действительности, вы ничего не теряете, а выигрываете нашу поддержку. Пусть сербское население в Боснии-Герцеговине продолжает свою работу по своему духовному возрождению" (т. е. антиавстрийская пропаганда в этих провинциях, руководимая из Белграда, пусть расширяется и растет! — *Н. П.*). В заключение Извольский советовал Сербии прийти к скорейшему соглашению с Черногорией (как раз в эту эпоху были опубликованы разоблачения Настича о заговоре „Словенского Юга" — см. главу IV). „Скандальные разногласия между Белградом и Цетинье должны быть изжиты возможно скорее" [1]. Сербскому послу в Лондоне Груичу Извольский советовал прекратить подготовку к войне, начатую в Сербии [2].

[1] German White Book 1919: Responsibility of Authors of the War. Carnegie Endowment for International Peace. New-Jork. 1924, стр. 73. Сообщение Веснича о беседе с Извольским от 22 сент./5 окт. 1908 г.

[2] Там же, стр. 78—81. Сообщение Груича 30/IX—13/X 1908 г.

Телеграммы послов взбудоражили сербское правительство, ожидавшее от России более энергичной поддержки. В Европу был послан министр иностранных дел Милован Милованович со специальной миссией: просить поддержки великих держав на тот случай, если Сербия начнет войну с Австро-Венгрией, или же, на худой конец, чтобы Англия и Франция воздействовали на последнюю в смысле предоставления Сербии компенсации „за протори и убытки". С той же целью в Россию выехал сам премьер-министр Пашич. Что ответили в Париже Миловановичу — неизвестно, но в Лондоне относительно поддержки на случай войны отказались даже разговаривать, а насчет компенсации ехидно заявили, что „будут поддерживать сербские притязания до тех пор, пока Россия будет поддерживать их" [1]. Николай II объявил Пашичу, что „вопрос о Боснии-Герцеговине может быть разрешен только войной, но так как подготовленность Сербии (?!—*Н. П.*), к войне слаба" то сербскими „руководящими принципами должно быть соглашение с Турцией, спокойствие, военная подготовка и выжидание" [2]. Дальнейшее развертывание событий показало сербам, что Россия воевать не может и нужно уступить. То же говорили и все русские политические деятели (Извольский, Столыпин, Гучков, Хомяков, граф Бобринский), советуя смириться и подождать, потому что Россия к войне не готова, но что война будет, она неизбежна, и тогда Австрия дорого заплатит за унижение России.

Сербам оставалось лишь зарегистрировать печальный факт — результат этой поучительной для них диплома-

[1] German White Book 1919, стр. 82 — 83, телеграмма Милованович 16/29 окт. 1908 о беседе с Греем и Гардинжем.

[2] German White Book 1919, стр. 84. Телеграмма Пашича из Петербурга о беседе с Николаем II от 30/X—12/XI 1908 и след. донесения сербского посла в Петербурге Косутича.

тической истории: „Развитие и окончание недавнего кризиса ясно показало, что сила, являющаяся единственным фактором какого-либо значения в проведении реальной политики — на стороне Германии и Австро-Венгрии, оказавшихся в состоянии навязать свою волю Европе. Поскольку сохраняется этот (нынешний — *Н. П.*) баланс сил в Европе, для маленьких балканских народов опасно становиться открыто и определенно (окончательно) на сторону держав, которые, не имея достаточной силы в своем распоряжении, принуждены отступать в решительный момент ценой уступок насчет маленьких балканских государств. Сербия и ее опыт в недавнем кризисе — один из примеров этого“ [1].

Надо было смириться. 31 марта 1909 года сербский посол в Вене вручил австрийскому правительству ноту о том, что „аннексия Боснии-Герцеговины ничуть не затрагивает интересов Сербии“.

Для сербского правительства оставалось одно утешение: когда дело дойдет до большой войны — а об этой войне уже говорили и в Лондоне и в Петербурге и говорили, что она неминуема, но только к ней надо подготовиться, — тогда интересы и права Сербии будут приняты во внимание. В Лондоне указали на необходимость прийти к соглашению (т. е. просто заключить союз) с Болгарией [2], внушив этим сербам первую мысль о балканском союзе, осуществившемся в 1912 г. В Петербурге также советовали сплотиться и забыть все внутренние раздоры, чтобы подготовиться к борьбе.

У сербского правительства оставалось одно мощное оружие для борьбы с Австро-Венгрией — именно „тот

[1] German White Book 1919, стр. 89, сербская циркулярная нота всем сербским миссиям заграницей.

[2] German White Book 1919, стр. 87 — 88. Телеграмма Груича и Лондона от 3/IV—1909 г.

внутренний враг, который часто опаснее внешнего". Сам Извольский указал им на необходимость развития ирриденты в южно-славянских землях Двуединой монархии: „пусть сербское население в Боснии-Герцеговине продолжает свою работу по своему духовному возрождению". Сербское правительство, решительно вступившее на этот путь после аннексии, почувствовало, что на этой дорожке ему развязаны руки, тем более, что национальное югославское движение достигло к этому моменту такого развития, что представляло самый горючий и благодарный материал для взрыва. Сербскому правительству оставалось только взять руководство им в свои руки и направить его в своих интересах и целях. Для этого сербское правительство организует в Белграде патриотические и националистические общества „Народна Одбрана" и „Черная рука", которые поддерживают и развивают деятельность крайнего левого крыла югославского национального движения — „Омладину".

* * *

Организационными центрами югославского движения в южных землях Австро-Венгрии являлись многочисленные раздробленные кружки, возникавшие параллельно в одних и тех же городах и часто не имевшие связи друг с другом. Составленные обычно из представителей молодого поколения, учеников высших и средних школ, сельских учителей, священников и т. д. — эти тайные кружки и группы молодежи получили известность под названием „Омладины" („Омладина" — молодежь) [1].

[1] L'Unité yougoslave, стр. 32 и сл.: Dubrovic. Od nacijonalne revolucijonarne omladine do triumfa socialnoj revolucije (на хорватск. яз.) в „Federation Balcanique" 1925 г., № 27, там же № 31/32 М. Владимиров „Ситон-Ватсон о предратном югословенском революционарном покрету" (серб.); Seton-Watson. The Serajevo. London. 1926, глава III. Oskar Tartaglia „Yeleizdajnik". Agram-Spalato. 1928.

Трудно, почти невозможно говорить об „Омладине", как о единой стройной организации. Возникшие на почве иллирийского движения 30—40 г.г. прошлого столетия, эти кружки имели своей политической программой создание панславянской республиканской федерации. В 70-х годах эта программа была заменена новой — объединением всего сербского народа. До аннексии „Омладина" была внепартийным национальным движением молодежи и сотрудничала со всеми политическими партиями, независимо от их социальной и экономической программы. После аннексии она стала крайней левой югославского национализма, окончательно изжив последние остатки идеи триализма. Центр югославской государственности перешел из Загреба (Хорватия) в Белград, и Сербия стала югославским Пьемонтом; с этих пор „Омладина" решительно усваивает радикальную тактику, применяя ее во всех формах своей деятельности.

И до и после аннексии организационными центрами омладинского движения являлись обычно редакции различных периодических изданий, издававшихся отдельными омладинскими группами и кружками. Большинство этих кружков и групп известно обычно по названию своих газет и журнальчиков, возникавших в различных городах южно-славянских земель, как грибы, и имевших очень часто весьма кратковременное существование. Мы перечислим некоторые из них: в Вене — „Зора", в Загребе и Праге — „Вал", в Спалато — „Юг", „Уедненье" и „Застава", в Фиуме — „Нови Живот", в Шибенике — „Напредняк", в Сараево — „Србска Омладина", в Сомборе — „Нови Србин", в Загребе — „Вихор", „Нова Речь" и „Народно Единство", в Любляне (Лайбахе) — „Препоред", затем „Глас Юга" и „Омладина", в Триесте — „Югославия" и т. д. Омладинское движение имело свои центры и заграницей. В Женеве его органом был жур-

нал „Вила", в Чикаго, Нью-Йорке и Сен-Луи — ряд местных сербо-хорвато-словенских радикальных изданий, например, „Балкан" и „Борба Балкана".

Стоя на крайнем левом фланге национального югославского движения, „Омладина" одновременно приняла левую социальную программу. Значительное число омладинцев были сторонниками идей Прудона, Крапоткина, Бакунина, Бланки и др., боевую программу и тактику которых они пытались применить в своей борьбе против бюрократического австрийского режима.

Эта социально-революционная струя расколола в конце концов омладинское национальное движение на две группы. Одна, называвшаяся „Югословенска националистичка омладина", составляла правое, более умеренное и буржуазное крыло омладинского движения. Главные организационные центры ее находились в Праге и Бече. Ее социальная программа сводилась к „реформам", а национально-политическая идеология декларировала, что сербы, хорваты и словены составляют один народ. В борьбе против австрийцев эта группа выдвигала лозунг объединения всех южно-славянских национальностей вокруг Сербии. Ее тактика и методы борьбы заключались „в легальной работе" — в условиях австрийского режима — культурно-просветительной, пропагандистской, воспитательной и т. д. Практически работа этой группы выражалась в декларациях и манифестах, самое большое — в демонстрациях, и не шла дальше слов и резолюций.

Вторая группа омладинского движения носила название „Национально-революционарной омладины" и, согласно своему названию, являлась боевой революционной организацией югославского движения. Социальная программа этой группы была пропитана идеями анархизма и синдикализма. В национально-политическом вопросе эта группа выдвинула лозунг, что сербы, хорваты и сло-

вены — три различных народа, имеющих каждый свою собственную историю, язык и культуру, правда, родственные между собою. Проповедуя создание южно-славянской федерации национальных республик, эта группа однако считала Сербию Пьемонтом, который поможет угнетенным южно-славянским народностям сбросить цепи австрийского и турецкого ига. Поэтому, не считая довоенный сербский политический режим идеалом, она все же полагала для себя возможным опираться в своей деятельности на Сербию и получать поддержку и материальную помощь от сербских националистических организаций.

В свою очередь это крыло омладинства особенно ценилось и поддерживалось последними. Его тактика носила явно выраженный боевой характер. Эта группа не удовлетворялась „легальной борьбой", резолюциями и фразами, а требовала „тактики прямого действия" — вооруженных восстаний и террористических выступлений против наиболее видных и прославившихся анти-югославскими выступлениями австрийских и венгерских сановников. Русские покушения революционной волны 1904—06 года являлись для нее классическим примером и образцом, и ее представители в эмиграции были близки к русским эмигрантским кругам, в частности, к эсерам и анархистам.

Применительно к своим взглядам в национальном вопросе, эта группа „Омладины" разбивалась на ряд национальных „Омладин". В Боснии она называлась „Млада Босна" (Молодая Босния) и группировалась вокруг журнала „Омладина". Существовали также хорватская и словенская „Омладины", деятельное участие в работе которых принимали Юкич, Герцигонья, Марина и Оскар Тарталья и другие лица, имена которых будут не раз упоминаться на наших страницах.

„Национально-революционарна омладина“ с достаточным презрением относилась к деятельности „Югословенской националистичкой омладины“. Поддерживая с ней связь более для информации, она не раз пыталась воздействовать на нее в смысле активизации ее деятельности. После ряда безуспешных попыток в этом смысле главари „Национально-революционарной омладины“ решили махнуть на нее рукой. Так, когда „Югословенска националистичка омладина“ созвала свой первый объединительный конгресс в Бече 28 июня 1914 года, руководитель „Молодой Босны“ Гачинович получил приглашение войти в состав Совета этого конгресса. Он резко отказался, заявив своему приятелю, приехавшему к нему в Лозанну с этим предложением, что работа конгресса будет заключаться лишь в фразах и пожеланиях, и что они (революционные омладинцы) с теми программами и методами борьбы, которые предлагает конгресс, не имеют ничего общего.

IV. Теория и практика великосербской идеи.

(„Словенский юг" — „Народна Одбрана" — „Черная рука").

Австрийский Drang nach Süden — к Салоникам, одним из конечных результатов которого должно было явиться поглощение Сербии Двуединой Монархией, и проекты разрешения южно-славянского вопроса путем дарования равноправия католическому и мусульманскому населению южно-славянских земель и подчинения православных сербов католикам, — словенам и хорватам — и мусульманам-боснякам — угрожали мечтам о создании Великой Сербии в форме национального государства, охватывающего все области, заселенные южным славянством, и свободе сербской торговли от австрийской ростовщической опеки. Поэтому Сербия, до 1903 г. покорно влачившаяся в орбите австрийской политики и бывшая австрийской пешкой в дипломатической борьбе Австро-Венгрии с Россией за гегемонию на Балканском полуострове, после 1903 г. резко поворачивает фронт. Поддержка России, снова начинающей ставить на „сербскую лошадь", дает ей надежду на благоприятное разрешение вопроса о сербском государстве в национальных границах — по крайней мере в отношении Турции — и некоторые гарантии от поглощения Австрией. Насколько учитывали сербские политические деятели реальность этих гарантий, помня о постоянных изменах России в зависимости от „текущего

момента" (хотя бы за согласие Австрии на захват Константинополя и проливов), насколько они верили в то, что Россия не выдаст Сербии на „поток и разграбление" австрийцам, — нам трудно судить сейчас: сербские архивы еще под замком. Но выбирать не приходилось: из двух бед всегда выбирают меньшую, и даже коварный друг все же лучше открытого и — как мы знаем, непримиримого — врага. Сербские политики не могли не понимать, что Сербия, находясь в австрийском окружении, не может вести самостоятельной политики. Поддержка России, хотя бы и призрачная, все же давала надежду продержаться в первое время, не загадывая на будущее.

Анти-австрийская позиция Сербии и стремление ее найти свои национальные границы несомненно явились толчком для оживления национального движения как внутри, так и вне страны, — движения, которое ставило своей целью помощь официальному правительству в будущей его схватке с Австрией.

Накануне переворота — так бытие радикальной Сербии отражало ее сознание — в 1902 году в Белграде создается студенческое культурно-просветительное общество „Словенский Юг", программа которого сводится к объединению всех южно-славянских национальностей. После переворота 1903 г., когда австрофилы по подкупу Обреновичи уступили трон австрофобам по принуждению Карагеоргиевичам, общество значительно укрепилось и развило свою деятельность в славянских землях Турции — Македонии, Албании и Боснии-Герцеговине. Членами основателями общества явились поручик Милан Прибичевич, бывший офицер австрийской армии в отставке, принятый в сербскую (брат нынешнего лидера демократической партии и б. премьер-министра Светозара Прибичевича, бывшего в те времена редактором сербской га-

зеты „Србобран" в Загребе), капитан Милан Васич, Люба Иованович Цупа (председатель) и др.

Сербия является классической страной дворцовых и государственных переворотов, тайных покушений и убийств, помимо взяточничества, казнокрадства и продажной бюрократии. Вопреки распространенному у нас (благодаря стараниям Милюкова и других „славянофилов") в период 1908—17 гг. мнению, что Сербия—демократическая и патриархальная страна par exellence, влияние безответственных факторов в политической жизни Сербии выпирает наружу во все периоды сербской истории. Чтобы не ходить далеко, перечислим лишь перевороты последних 2 или 3 царствований: переворот 1858 г., переворот 1883 г., переворот 1892 г., переворот 1900 г., переворот 1903 года. Число заговоров и покушений против царствующего дома, благодаря борьбе двух династий — Обреновичей и Карагеоргиевичей — достигает колоссальных цифр [1]. Конституция государства за тот же период менялась около 10 раз и была лишь живописной декорацией, своего рода „Потемкинской деревней", чтобы производить впечатление на иностранцев. Движущей пружиной сербской политической жизни тогда была армия; все попытки политических партий — либеральной, прогрессивной и радикальной — установить в государственной жизни известный режим юридической ответственности парализовались, помимо противодействия военщины, тем фактом, что сами эти партии приходили к власти путем государственного переворота. Династии правили страной постольку и до тех пор, пока опирались на армию. Осо-

[1] Это тоже предвидел „проницательный и дальновидный" г. Родофиникин: „Нужен князь. Быть ему избираемым, откроется путь к раздорам и подастся повод почасту посягать на жизнь князя в земле, где убить человека почитается весьма малым грехом". „Чтения" 1901 г., кн. 4, стр. VI.

бенно сильно ощущалось влияние армии на политической жизни страны после переворота 29 мая 1903 года, возведшего на престол династию Карагеоргиевичей. Король Петр, обязанный своим престолом цареубийцам, всю жизнь боялся их. Эти заговорщики — „Черная рука" в своем эмбриональном развитии — во время его царствования занимали в армии и военной администрации самые ответственные посты. Правда, некоторые из них временно были принуждены уйти с соответствующей пенсией в отставку, но это случилось только потому, что после переворота 1903 г. английское правительство прервало дипломатические сношения с Сербией и отозвало своего посла из Белграда, мотивируя этот разрыв именно наградами и поощрениями, которыми король Петр осыпал цареубийц, возведших его на трон.

Эти традиции политической жизни Сербии были усвоены и „Словенским Югом" хотя долгое время последний считался невинным и кротким культурно-просветительным обществом и только[1]. Организуя свои ячейки, ведя пропаганду, подготавливая покушения против „вредных лиц", „Словенский Юг" видел вдали „Великую Сербию" и может быть потому и пользовался, как можно думать по некоторым данным, покровительством весьма высоких особ. Впрочем его деятельность, методы которой были сходны с методами работы его преемников — „Народной Одбраны" и „Черной руки", была менее яркой и серьезной. В соответствии с обще-политической ситуацией она направлялась как против Австрии, так и против других врагов великосербской идеи.

Одним из таких врагов оказался и князь Николай Черногорский. Этот „единственный друг" Александра III и

[1] Prof. Dr. Th. Masaryk. Der Agramer Hochverratsprozess und die Annexion von Bosnien und Herzegowina. II Auflage. Wien. 1909. Yerlag C. Konegen.

потомственный содержанец обоих дворов — и русского, и австрийского — был вреден для великосербской идеи тем, что существование в Черногории особой династии являлось тормозом на пути объединения славянства, вернее объединения Черногории с Сербией под властью Карагеоргиевичей. Как именно был дан „Словенскому Югу" соответствующий „национально-социальный заказ" — об этом официальных документаций, конечно, не имеется. Но что такой заказ мог быть дан и вероятно и был дан, — можно уже судить по некоторым косвенным уликам.

В 1907—08 годах деятельность „Словенского Юга" должна была безвременно прерваться вследствие скандальных разоблачений некоего Настича о подготовке этим обществом покушения против Черногорского князя Николы и его семьи при ближайшем содействии сербского правительства и старшего сына короля — престолонаследника принца Георга. По словам Настича, принц Георг для производства покушения распорядился выдать обществу „Словенский Юг" бомбы из казенного сербского арсенала в Крагуеваце. Покушение приурочивалось ко дню открытия первой черногорской скупщины, но заговор был раскрыт. Настич, получивший кой-какие сведения о нем, кстати сказать, от самого князя Николы, напечатал о деятельности „Словенского Юга" и покушении целую книгу, в которой одновременно рассказывал и о методах пропаганды „Словенского Юга" в Боснии,—методах, ставивших целью добиться отторжения этой провинции от Австрии.

Разоблачения Настича, вызвавшие европейский скандал, были встречены недоверием: слишком уже невероятным казалось видеть царствующих особ в роли обыкновенных убийц. В те времена обыватель еще верил в „право, совесть и честь" в международной политике.

Правда, обыватель еще не забыл убийства Обреновичей, но ведь то были „насильники", „деспоты" и „предатели", справедливо наказанные возмущенным народом: „Есть моменты, когда убийства необходимы. В жизни народов бывают минуты, когда убийство становится долгом". Теперь же шла речь о простом убийстве и вдобавок из самых „корыстных побуждений". Вот почему в Европе не поверили и остальным разоблачениям Настича о поддержке сербским правительством сербской ирриденты и пропаганды в Австрии. Вот почему Австрия, которая на собственной шкуре знала правдивость показаний Настича и попыталась использовать их для создания большого процесса в Аграме о государственной измене с целью официально установить связь между сербским правительством и сербской пропагандой в Боснии, оказалась не в состоянии убедить общественное мнение Европы.

Когда начался аграмский процесс, угрожавший 53 смертными приговорами, сербская пресса подняла скандал, и австрийское министерство иностранных дел и полиция, чтобы оправдать жестокость обвинительного акта в общественном мнении Европы, не постеснялись прибегнуть к фальсификации документов, с целью доказать справедливость обвинений и поддержку Белградом югославского национального движения.

Мы несколько задержимся на этом моменте, так как грубая и глупая ошибка австрийских Лыжиных сказалась очень больно для Австрии и в 1914 г. и в другие ответственные моменты ее истории.

Чтобы оправдать аграмский процесс, друг Эренталя и публицист австрийского министерства иностранных дел, известный венский историк доктор Фридъюнг напечатал в газете (Neue Freie Presse от 25 марта 1909 г.) статью о том, что хорватские и сербские депутаты в рейхсрате находятся на содержании у Белграда. Прило-

жением к статье был якобы официальный сербский документ, из которого следовало, что автор Фиумской резолюции, депутат рейхсрата и видный деятель юго-славского движения, Франио Супило получил из Белграда значительные суммы. Супило и другие сербские и хорватские депутаты рейхсрата возбудили против Фридъюнга и еще одной газеты, (Reichspost) поддерживавшей последнего, обвинение в клевете.

Этот процесс кончился неожиданно. Представителям интересов Супило и его товарищей, известному чешскому ученому, ныне пожизненному президенту Чехословацкой республики, профессору Массарику и командированному из Белграда начальнику отдела сербского министерства иностранных дел, впоследствии сербскому послу в Петербурге, доктору Спалайковичу на суде без особого труда удалось доказать, что документ Фридъюнга является фальшивкой, что таким шифром и номером в сербском министерстве иностранных дел не пользуются. Припертый к стене Фридъюнг заявил, что считал документ достоверным, так как получил его из рук высоких особ: министра иностранных дел Эренталя, начальника генерального штаба Конрада фон Гетцендорфа и самого престолонаследника Франца-Фердинанда. „Но ведь вы же ученый"! — крикнул Супило Фридъюнгу, намекая, что нельзя принимать без проверки ни одного политического документа, из чьих бы рук он ни исходил. Фридъюнг сконфуженно молчал.

Получался неслыханный, угрожавший чести династии самого государства, скандал, который удалось потушить с большим трудом и только потому, что Супило, соблазненный рядом обещаний, решил не доводить дело до конца. Все же уверенность в подлинности австрийских документаций получила такой удар, что не могла оправиться от него до сих пор.

Этот исход процесса Фридъюнга отразился и на показаниях Настича, которые использовало австрийское правительство для создания Аграмского процесса. Верить „австрийскому клеврету“ после процесса Фридъюнга Европа не могла и предпочла поверить Массарику, ездившему в Белград на предмет получения справок на месте, и доказывавшему с трибуны рейхсрата (речи Массарика 14 и 18 мая 1909 г.), что „Словенский Юг“ — самое невинное и мирное культурно-просветительное общество, членами которого являются студенты и офицеры: вице — председатель — Люба Иованович-Цупа, студент (впоследствии член Врховной центральной управы „Черной руки“. — Н. П.), поручик Милан Прибичевич (в 1914 г. — секретарь „Народной Одбраны“ и член „Черной руки“), капитан Милан Васич (с 1908 по 1913 гг.—секретарь „Народной Одбраны“ и член Врховной центральной управы „Черной руки“). Разве могло такое культурно-просветительное общество, сплошь состоявшее из зеленых юнцов—студентов и офицерской молодежи, заниматься подготовкой покушений и против кого же? Против династии родственного государства, по поручению другой династии? Репутация профессора Массарика, созданная ему процессом Фридъюнга стояла так высоко, что о разоблачениях Настича постарались поскорее забыть.

Выступления Массарика в рейхсрате и процесс создали ему легкую славу. Едва ли бы он нажил ее так легко теперь, когда стала известной та „культурно-просветительная деятельность“, которой занимались бывшие члены „Словенского юга“ Прибичевич, Люба Иованович-Цупа, Васич, вошедшие впоследствии в другие тайные общества „Народна Одбрана“ и „Черная рука“ и руководившие их работой. В свете деятельности „Черной руки“ и „Народной Одбраны“, о которых ниже, разоблачения Настича вовсе уж не являются так неве-

роятными, как казалось тогда. Если заговоры, покушения, перевороты являлись традицией государственной жизни Сербии, то тем легче было использовать эту традицию за ее пределами. Мысль об участии принца Георга в покушении против Черногорской династии могла показаться дикой только человеку, плохо знакомому с сербской историей. Вполне возможно, что в архивах русского министерства иностранных дел, в депешах царских дипломатов из Белграда, могут найтись кой-какие документы, излагающие историю об участии принца Георга в покушении на черногорского князя Николу совсем „по-Настичу".

Но, как бы то ни было, сербские правительственные гверильясы из „Словенского юга" получили Аграмским процессом должное предупреждение. Ссориться с Австрией было не время, и „Словенский юг" вынужден был сначала сократить, потом и вовсе прервать свою высокопатриотическую деятельность.

* * *

Провал „Словенского юга" и неудача первой попытки использовать юго-славское движение в своих целях порядком обескуражили сербское правительство. Только аннексия Боснии-Герцоговины создает крутой поворот в белградских настроениях.

Реальная угроза существованию страны, поставленная аннексией, заставила сербское правительство возобновить попытку объединения юго-славского движения в своих интересах, тем более, что удар, нанесенный аннексией юго-славскому движению, вызвал крутой перелом в пользу Сербии и в омладинских кругах, справедливо прочитавших в аннексии и усилении австрийских репрессий против южного славянства крах своих иллюзий о триединой Австрии. К тому же в Белграде отлично пони-

мали, что национальный вопрос в Австро-Венгрии является самым больным и уязвимым ее местом и что само существование австро-венгерского государства зависит от того, удастся ли ему разрешить национальный вопрос. Но распад Австрии одновременно заканчивал строительство сербского национального государства на северной и западной границах, а распада можно было добиться лишь исключительно путем использования в своих целях юго-славского национального движения в австрийских областях. Поэтому сербское правительство сейчас же после аннексии предпринимает самые решительные шаги к тому, чтобы взять в свои руки руководство юго-славским движением, возникшим стихийно и самостоятельно от Белграда, и сделать Сербию Пьемонтом южного славянства. Оно пытается слить все многочисленные и раздробленные организации юго-славского движения в один мощный и стройный национально-освободительный поток.

Для этой цели сербским правительством учреждается общество „Народна Одбрана".

В предвоенной истории „Народной Одбраны" следует различать три периода: первый — от возникновения до признания аннексии, последовавшего 31 марта 1909 года; второй — от признания аннексии — до создания „Черной руки", и третий — от создания „Черной руки" до начала войны 1914-18 годов.

История возникновения „Народной Одбраны", сведения о ее программе, целях и тактике взяты нами из брошюры, изданной Высшим советом этого общества в виде программного отчета о своей деятельности: „Народна одбрана. Изданье стредизног одбора „Народне одбране". Београд. 1911. Нова Стампария Люб. Давидовича (министра. — Н. П.), Дечанска ул., № 14". Отметим сейчас же, что в предисловии, под которым красуется

подпись—„Высший совет Народной Одбраны", руководящая головка общества сообщала, что „брошюра не является—не смеет и не может быть по многим причинам—полной и исчерпывающей картиной всей деятельности „Народной Одбраны".

Создание „Народной Одбраны", явившееся первым и прямым ответом на аннексию, преследовало цель помощи правительству в предполагаемой им войне с Австрией.

Как сообщает отчет, „Народна Одбрана" возникла „по требованию возбужденных национальных масс... на следующий день после аннексии Боснии-Герцеговины (24 сентября старого стиля 1908 года—Н. П.) одновременно в различных городах. Под влиянием воли народа в Шабаце, Нише и других местах собрались самые уважаемые люди и основали советы „Народной Одбраны".

Такой же совет был избран в начале октября 1908 года и в Белграде на состоявшемся в городской ратуше собрании самых уважаемых граждан. В числе этих „самых уважаемых" были генерал Божо Янкович, министры Люба Иованович, Люба Давидович и Велеслав Вулович, директор национальной типографии Живоин Дачич, капитаны (впоследствии майоры) Войя Танкосич и Милан Прибичевич [1].

Новое общество окончательно конституировалось 8 октября, когда была утверждена выработанная временным советом в Белграде (вернее Миланом Прибичевичем; Милан Прибичевич был автором и статута „Словенского Юга" Н. П.) программа его деятельности. Эта программа „поручала совету:

1) будить, подбодрять и укреплять национальное сознание,

[1] Serajevo. La conspiration serbe... Стр. 137. Рапорт полицейского комиссариата в Землине. Журнал Сараевской следственной комиссии № 655/1a.

2) вербовать и набирать добровольцев,

3) формировать добровольческие отряды и подготовлять их для вооруженных выступлений,

4) собирать добровольные приношения в деньгах и припасах для осуществления своей задачи,

5) организовывать, вооружать и обучать особые повстанческие отряды комитаджей для специальных и самостоятельных выступлений (партизанской войны),

6) вести дело защиты сербского народа также и во всех прочих отношениях".

Программа была не только активной, но даже боевой и, так как готовились к войне, то первым председателем общества был избран военный — генерал Божо Янкович.

Белградский совет немедленно связался с советами „Народной Одбраны", возникшими на местах, подчиняя их своему руководству. „Создание этого совета и его программа были столь радостно приветствованы народом, что не прошло и 20 дней, как вся страна организовалась в единый союз под лозунгом „все для сербов и отечества". Воодушевление было столь велико, что советы организовывались сами собой и в таких местах, где никто этого не ожидал". Меньше чем в месяц по городам и деревням было организовано 223 совета и почти столько же отделов.

Ставя себе задачей помощь правительству в войне с Австрией, общество первым долгом взялось за организацию притока живой силы в сербскую армию. Это было тем более необходимо что, в связи с тревожной обстановкой и национальным подъемом, созданными аннексией, поток добровольцев шел стихийно. Деньги, оружие и люди лились рекой. Оставалось только регулировать. „В короткое время собралась целая армия добровольцев и набрали массу пожертвований. Отдельные уезды и округа жертвовали советам „Народной Од-

браны" большие суммы на вооружение добровольцев (округ Смедерево—20.000 динар), другие по предложению советов покупали пулеметы для формирований".

Этим формированиям и обучению отрядов комитаджей общество уделяло особое внимание. На комитаджей во время войны падала ответственнейшая задача — разрушать австрийские тылы и организовывать среди тылового сербского населения деструкционную работу. Поэтому будущих комитаджей обучали сербские офицеры, натаскивавшие обучаемых согласно последнему слову военной техники. „Центральный совет создал кроме того отряд комитаджей в 800 человек. Их обучали употреблению оружия и всякого рода взрывчатых веществ, чтобы они, не стесняясь в выборе средств, могли принести как можно больше вреда врагу. Этот отряд комитаджей имел также для всякого рода взрывчатых веществ лабораторию, в которой избранные комитаджи работали над изготовлением бомб и других взрывчатых снарядов. Чудесно было видеть, как 12 молодых людей (большей частью студенты университета) в маленьком городке Сербии, в тесном подвале, изготовляли бомбы и материалы для бомб. Какой несказанной радостью было для них, когда им удалось самостоятельно приготовить бомбу. Ни занятия, ни угрозы полиции (сербская полиция следовательно терпела существование этой неофициальной лаборатории, изготовлявшей бомбы для покушений. — Н. П.), ни увещевательные письма родных не были в состоянии разогнать эту полную энтузиазма кучку молодых сербов, которые, точно соколы, слетелись с различных концов, чтобы подготовить себя к отчаяннейшим деяниям во имя сербского народа".

Ясно, что при таком масштабе своих действий „Народна Одбрана" не могла забыть и о заграницe. Там

ведь тоже жили сербы и притом в большом количестве, так как эмиграция из Сербии и Австро-Венгрии, вследствие роста и пауперизации населения, была уже довольно значительной. Еще меньше можно было забыть о сербах, томившихся в австрийском угнетении. Поднять этих угнетенных швабами братьев, составлявших вместе со славянами и чехами большинство населения лоскутной монархии, организовать их так, чтобы во время войны взорвать Австрию изнутри, — для этой благодарной задачи можно было создать не одну „Народну Одбрану", а несколько таких обществ. И вот почти сейчас же вслед за возникновением сербских отделов „Народной Одбраны", советы и ячейки общества организуются и за границей — отчасти по инициативе белградского совета, отчасти самостоятельно. Цель их та же, что и у сербских отделов — работать на национальную оборону, помогая пожертвованиями, пропагандой сербского дела, вербовкой добровольцев. В частности такие заграничные советы „Народной Одбраны" организовались и в Соединенных штатах, среди местных сербов и представителей юго-славянских народностей, иммигрировавших сюда из Сербии и Австро-Венгрии. Руководство американскими советами „Народной Одбраны" принял на себя нью-йоркский и чикагский центральный совет, с которым Белградский совет „Народной Одбраны" поддерживал постоянную связь письмами и посылкой доверенных людей. Американские советы имели в своем распоряжении две газеты: „Балкан" — в Чикаго и „Борба балкана" — в Сан-Луи. Эти органы американских отделов „Народной Одбраны" повели горячую пропаганду среди американских сербов, хорватов и словен.

Но приток добровольцев шел не только за счет сербов-эмигрантов и юго-славянских народностей Австро-Венгрии, а и подданных других национальностей —

Болгарии, Греции, Италии и России. На помощь сербам обещал прийти даже сам генерал Гарибальди во главе отряда гарибальдийцев. Из Москвы запрашивали телеграммой, могут ли приехать в Сербию 10.000 добровольцев.

Этим следовало воспользоваться, и одним из первых актов белградского совета „Народной Одбраны" явилась организация великосербской пропаганды за границей. Такая пропаганда велась уже по всем городам и селам Сербии, для чего устраивались специальные митинги, вечера и лекции, разъяснявшие задачи „Народной Одбраны"; в связи с аннексией издавались специальные брошюры, создавались специальные органы печати или привлекались для работы на „Народну Одбрану" уже выходившие. Теперь эту великосербскую пропаганду следовало распространить и на заграницу — не только для организации притока пожертвований и добровольцев, но и для популяризации великосербской идеи в общественном мнении Европы. Готовясь к войне с Австрией, надо было соответственно обработать Европу, которая могла помочь сербам. Эта популяризация проводилась в довольно широком масштабе. „В крупнейших европейских газетах и журналах деятели „Народной Одбраны" излагали свою программу. Большую заслугу в этом отношении имеют родственные иностранные общества, предоставившие себя в распоряжение „Народной Одбраны" и мобилизовавшие общественное мнение у себя в стране в пользу сербского дела. Особенной благодарности заслуживает деятельность итальянских патриотических союзов, в том числе союза гарибальдийцев".

И всему этому неожиданно пришел конец! Пришлось прекратить все — и закупку оружия, и обработку общественного мнения за границей, и вербовку добровольцев, и обучение комитаджей, которые „одушевленные этим

желанием (подготовить себя к „отчаянным деяниям". — Н. П.) вместе со своим учителем Пепеком, не позволяли себе оторваться от дела... События... приняли известный неблагоприятный оборот... Под угрозой австрийского ультиматума в марте 1909 года, Сербия была вынуждена признать аннексию и отказаться от подготавливаемой ею войны, так как Россия под угрозой ультиматума Вильгельма, отступила". Вся работа „Народной Одбраны" — „даже и та, о которой нельзя говорить", — оказывалась не имеющей точки опоры: готовиться к войне было нельзя, так как нельзя было воевать...

Изменение политической обстановки — вынужденное отступление Сербии, очутившейся в положении „блестящей изоляции" — однако еще более усиливало возможное значение и роль общества, делало его помощь правительству еще более необходимой. Сербские политики отлично понимали, что советы Извольского, данные им после аннексии сербской миссии в Париже, — усилить пропаганду в Австрии, были дельны и отличались отменным пониманием дела. Разрешение Извольского следовать по этому пути развязывало сербскому правительству руки во всех отношениях. Упускать поэтому такой блестящий шанс, который давало правительству образование широко разветвленного, имеющего крупные заграничные отделы патриотического общества, позволить заглохнуть этому могучему порыву сербского народа — было бы национальным преступлением. Общество должно было существовать, следовало только изменить его цели и программу: распустив комитаджей и прекратив прием добровольцев, не сворачивая общество, перейти от тактики ближнего прицела к тактике прицела дальнего — непосредственную подготовку к войне заменить длитель-

ной и упорной „культурно-просветительной работой“ по идейной подготовке войны.

С этой генеральной линией „Народна Одбрана“ вступила во второй период своей работы.

Новая программа „Народной Одбраны“ начиналась конечно с „идеалов“. Разве можно было жить и работать без идеалов? Своей работой, которая должна была охватить все население, включая женщин и детей и „проявляться в самых незначительных будничных и повседневных мелочах народной жизни“, „Народна Одбрана“ стремилась „к созданию новой Сербии, нового рода, нового человека, новой интеллигенции, к внутреннему преображению их“. О да, конечной целью всех усилий „Народной Одбраны“ было только„ возрождение государства, народа и всего общества в целом“! Но скромно признавался отчет — „это еще идеал отдаленного будущего“. До его наступления нельзя было забывать о делах житейских...

А эти житейские дела ставились весьма широко и принципиально. „На юге старые турки отхлынули уже назад: только частица нашего народа страдает под их игом. Но с севера надвигаются новые турки, более страшные и опасные, чем старые. Более культурные и экономически сильные двигаются на нас с севера враги. Они хотят отнять у нас нашу свободу и наш язык, хотят нас раздробить, уничтожить. Уже чувствуются предвестники будущей битвы. Сербский народ стоит перед вопросом: быть или не быть“... Идеалы оставались идеалами, но— в будущем! „Теперь же, когда сербский народ стоит перед новой битвой на Коссовом поле, мы должны подготовиться к этой битве. Внешние причины нового Коссова находятся на наших северных и западных границах: это — немцы, австрийцы и швабы, надвигающиеся на наш сербский и славянский юг. Это современные турки, с которыми нам нынче предстоит встретиться на

сербском Коссово и выдержать бой во имя Сербии и сербской свободы".

Итак „Народна Одбрана" стоит на той точке зрения, что после аннексии Боснии-Герцоговины „вторжение с севера на наши земли обозначилось совершенно явственно". Поэтому она считает Австрию — „нашим главнейшим и величайшим врагом" и именно это она считает своим долгом „разъяснить народу". Проповедуя необходимость борьбы с Австрией, она проповедует „святую истину, вытекающую из положения нашей нации". Этой войны Сербия не желала: „если ненависть к Австрии пробудилась у нас, — не мы ее посеяли. Австрия — сеятель этой ненависти своими выступлениями против нас, которые принуждают нас к борьбе до полного ее уничтожения".

Но было бы ошибочно думать, что проповедь ненависти к Австрии вызывалась чисто идеалистическими, национально освободительными соображениями — желанием помочь угнетенным братьям и освободить их. За освободительными целями скрывались более реальные и практические, и программа „Народной Одбраны" спешила указать эти цели тем, кому одного идеализма было слишком мало. Подоплека священной ненависти к угнетателям порабощенных братьев была проста: „освобождение порабощенных земель и объединение их с Сербией необходимо для наших граждан, нашего купца, наших крестьян вследствие самых элементарнейших потребностей культуры и торговли: хлеба и пространства (места! — Н. П.)... Нашему народу нужно сказать, что свобода Боснии нужна ему самому не только из чувства сострадания к братьям, но ради торговли и сообщения с морем".

Этот заключительный аккорд программы „Народной Одбраны" не оставляет никаких сомнений в том, что

общество являлось выразителем идей самого беспардонного великосербского милитаризма. Не помощь угнетенным братьям, не культурно-просветительная работа по „созданию нового сербского человека“ и нового общества были ее целями, а мечты о великой Сербии, о выходе к морю, о возможности для сербского купца и кулака вывозить свои продукты и скот, минуя таможенные рогатки венгерских аграриев и австрийских чиновников. Только это! Мы в особенности подчеркиваем этот факт в виду укоренившего у нас еще со времен мировой войны и не рассеянного в достаточной мере среди широких масс мнения, что „Народна Одбрана“ была исключительно культурным и просветительным обществои. Из изложенного, мы надеемся, в достаточной мере ясно, что „Народна Одбрана“ была агентом сербского империализма.

За такой широкой „постановкой вопроса“ шли „оргвыводы“. Справедливо признавая, что „в настоящие времена весь народ является армией, что мира не может быть, и всякое состояние мира является состоянием войны, в которой ведут борьбу при помощи школы, книг, торговли, хозяйства, пока не начнется борьба при помощи ружей и снарядов, чтобы, поставив все на карту, найти решение спора“, „Народна Одбрана“ объявляла своей практической задачей „подготовку народа к борьбе во всех областях народной деятельности и согласно требованиям нынешней эпохи“. Отсюда массовый характер общества, и, выражаясь языком наших профработников, — чтобы облегчить вовлечение масс — „Народна Одбрана“ ставит своей задачей смягчение политической, партийной и личной борьбы во имя сербского народа и государства, объединение в своих советах, независимо от звания и состояния, членов всех партий и всех направлений, лишь бы они помогли обществу в выполне-

нии им своих целей. „Только поддержка самих широких масс, пробужденных при помощи упорной методической агитации (вечеров, лекций, митингов), может превратить деятельность „Народной Одбраны“ в обще-национальное дело“.

Эта общая принципиальная установка программы „Народной Одбраны“ должна была не менее широко и ярко отразиться в каждой практической сфере деятельности общества: в работе по укреплению национального сознания, в работе по физической подготовке (для этого признавалось необходимым ввести обязательное военное обучение в школах) и закалке населения, наконец в методах использования этой закалки для „общенационального дела“. Так, важнейшей задачей физической подготовки всех сербов становится обучение стрельбе. „В Сербии не должно быть ни одного серба, который не был бы членом стрелкового общества, ни одной деревушки без стрелкового общества. Упражнения в стрельбе должны быть введены во всех школах в качестве обязательной повинности, и государство должно оказывать самую широкую поддержку стрелковым объединениям, чтобы вся Сербия превратилась в один огромный стрелковый тир, в котором по воскресным дням, от одной вершины к другой, от одного местечка к другому, с одного конца Сербии на другой звучали выстрелы сербов — освободителей... На новый удар, подобный аннексии, новая Сербия должна подняться и отразить его, — такая Сербия, где каждый серб от ребенка до старца будет стрелком“. Так понимало общество свою главную задачу по „внутреннему преображению сербов“.

Кроме стрелковых обществ, другой формой военного воспитания должны были явиться сокольские общества и олимпийские игры, в которых работа велась „со специальным военным уклоном“.

Таким образом, мирный и культурно-просветительный характер „Народной Одбраны“ был лишь маской, прикрывавшей пропаганду войны и военизацию сербского населения. Работа по укреплению национального самосознания, по физической подготовке и закалке населения, по поднятию экономического и санитарного состояния народа, по культурному воспитанию и т. д. должна была иметь характер длительной мобилизации, направляться к единой цели: к укреплению военно-хозяйственной мощи страны путем всяческого поощрения индивидуальной инициативы и энергии.

Такие же цели ставила „Народна Одбрана“ и в практической своей работе заграницей с той только разницей, что учитывались особенности положения юго-славянских народностей Австро-Венгрии. Здесь нельзя было мобизоваться так открыто, как, положим, в Америке, но зато эти особенности положения — состояние подданным враждебной страны — открывали широкий простор для шпионско-деструкционной и даже террористической работы, ибо чем как, не призывом к террористическим актам, звучали следующие осторожные строчки отчета: „Сербии сейчас не менее нужны Обиличи и Сингеличи, чем во времена борьбы против турок... Национальная работа требует жертв, в особенности в наших землях заграницей—в Турции и Австро-Венгрии, где власти преследуют наших работников, вешают их и бросают в темницы,.. „Народна Одбрана“ не сомневается, что в борьбе ружьями и снарядами, которую мы поведем против швабов и других наших врагов, наш народ выдвинет вереницы героев. Но „Народна Одбрана“ не довольствуется только этим. Она считает и наш нынешний мнимый мир войной и требует героев также и для нынешней борьбы, которую мы ведем в Сербии и по ту сторону границ“.

В связи с этим, „одной из главнейших задач „Народной Одбраны“ становится поддержание связи с нашими более далекими братьями по ту сторону границы, с нашими прочими друзьями в мире“. Под словом „народ“ „Народна Одбрана“ понимает не только живущих в Сербии, но и все юго-славское население. „Народна Одбрана“ надеется, что развиваемая ею в Сербии деятельность послужит мощным толчком для братьев по ту сторону границ энергично поддержать со своей стороны частную инициативу для того, чтобы новый национальный порыв создал мощное и крепкое войско стрелков из всех сербских земель“. Общество предлагало для лучшего ознакомления и сближения отдельных южно-славянских народностей устраивать специальные вечера смычки, приглашая на них „братьев из-за границы“.

Отчет Центрального совета „Народной Одбраны“ на 1911 год вскрывает любопытнейшие детали организационной структуры общества. Центральный совет в Белграде руководит всей работой „Народной Одбраны“. Ему подчинены все местные советы. Центральный совет распадается на 4 секции: 1) культурно-просветительную, которая работает в тесной связи с сербским министерством народного просвещения и культуры, 2) физического воспитания — тесно связанную с армией, военным министерством и генеральным штабом; 3) финансовую — связанную с министерством финансов и 4) иностранных дел, в которой сербское министерство иностранных дел имеет своего представителя. Таким образом, общество является отнюдь не частной организацией, как его рисовали в эпоху 1914-18 гг. сербские и антантовские публицисты, а весьма и весьма официальной организацией, работавшей под непосредственным руководством правительства.

Правительственный характер общества вскрывается еще яснее на местах. Окружные советы руководят ра-

ботой общества, „имея свое местопребывание в тех городах, где находятся политические власти округа". Каждый окружной совет делится на 1) культурно-просветительную секцию, председателем которой должен быть руководитель местного отделения „Культурной лиги" 2) секцию физического воспитания, руководителем которой должен быть член общества стрелков, сокольской организации, охотников или кавалеристов и 3) финансовую секцию. Некоторые окружные комитеты (пограничные!) имеют секцию иностранных дел. Районные комитеты руководят работой общества в соответствующих районах, имея свое местопребывание там, где находятся административные власти района. Сельские комитеты руководят работой в деревнях. Доверенные лица находятся в глубине страны, где не ощущается необходимости в создании комитета.

Так была создана стройная сеть организаций „Народной Одбраны", покрывшая даже самые глухие места Сербии. При этом вертикальная схема организации дополнялась еще горизонтальной. Параллельно с „Народной Одбраной" работали: „Культурная лига", имевшая обширную сеть своих филиальных отделений на местах, ассоциация стрелков, охватившая 762 стрелковых общества, сокольская лига „Душан Сильный" с 2500 членов, олимпийский клуб, охотничье общество и кавалерийское общество „Князь Михайло". Все эти организации имели свои отделения в провинции и находились в тесной связи с „Народной Одбраной".

Ясно, что в Австро-Венгрии отделы и советы „Народной Одбраны" официально существовать не могли. Здесь была возможна только горизонтальная структура, организационная же осуществлялась при помощи членов „Народной Одбраны", так называемых „поверенников", являвшихся доверенными и уполномоченными „Народной

Одбраны" в создаваемых на территории Австро-Венгрии для великосербской агитации культурно-просветительных, сокольских, гимнастических и иных обществах и кружках.

В соответствии с программой практическая деятельность „Народной Одбраны" была велика и обильна, но официальную работу „Народной Одбраны" в области „культурно-просветительного" воспитания, создания стрелковых, сокольских и просветительных обществ мы оставим в стороне, ибо эта отрасль работы ничем решительно не отличается от деятельности любого патриотического или националистического общества в любом из государств Западной Европы. Гораздо интереснее и важнее для нас иностранная работа общества и те его дела, о которых оно, по собственному его признанию, „не может и не смеет открыто говорить".

Официальная иностранная работа „Народной Одбраны" состояла прежде всего в установлении „культсмычки" с угнетенными братьями заграницей. С этой целью организовались массовые экскурсии членов различных, связанных идейно с „Народной Одбраной", культурно-просветительных и иных организаций в Сербию, где экскурсантов принимали как почетных гостей, возили бесплатно или по половинному тарифу по железной дороге. В свою очередь эмиссары „Народной Одбраны" отправлялись в агитационные поездки в южнославянские земли.

Другим видом работы „Народной Одбраны" в Австрии являлась великосербская агитация и поощрение — материальное и идейное — антиавстрийских выступлений различных организаций, обществ и отдельных лиц. Эта агитация имела отнюдь не мирный культурно-просветительный характер. Так, упомянутый уже один из членов-основателей общества Живоин Дачич, во время одной из своих поездок в 1912 году в качестве эмис-

сара „Народной Одбраны“, увлекся до того, что забыл, где находится, и в Карловицах (Словения) выступил с речью „об объединении всех сербов против общего врага“. Представитель „Народной Одбраны“, майор сербской армии, Миха Янкович на празднике „Просветы“ в сентябре 1912 г. открыл публично вербовку членов общества среди боснийской молодежи. Такому же эмиссару, майору Милану Прибичевичу удалось сманить нескольких офицеров австро-венгерской армии, своих бывших товарищей по военной службе, и они дезертировали в Сербию из своих полков. Молодежь, исключенная за антиавстрийские выступления из школ и гимназий, в Сербии встречалась с раскрытыми объятиями; их принимали в школы, давали стипендии и даже снабжали фальшивыми паспортами, чтобы они могли съездить к себе на родину под чужим именем для свидания с родными. Так, например, было с тремя учениками учительской семинарии в Пакраце (Хорватия), исключенными за беспорядки и бежавшими в Сербию. Префект сербского округа Краина выдал им такие паспорта.

Еще более своеобразный характер придает культурно-воспитательным целям „Народной Одбраны“ деятельность ее, так сказать, „добровольных обществ“, работой которых „Народна Одбрана“ руководила через своих „поверенников“.

Главным филиалом „Народной Одбраны“ в Боснии-Герцеговине была местная „Просвета“, которая являлась главным штабом революционных организаций в этих областях. В идеологические задачи „Просветы“ входило: национально-революционная пропаганда на тайных митингах, собраниях и лекциях, проводимых тайными агитаторами; шпионская служба и донесения о дислокации и передвижениях австро-венгерских гарнизонов, постройке крепостей, железных и шоссейных дорог, казарм и про-

вантских складов. Православные священники, члены „Просветы", разрешали сербов-солдат в местных австрийских частях от присяги „служить верой и правдой австрийскому императору" и запрещали им под угрозой вечного проклятия стрелять в братьев-сербов. „Просвета" вербовала добровольцев для школ комитаджей в Чуприе и Прокуплие и воспитывала молодежь для террористических актов. Оружие покупалось на пожертвования патриотов и сборы денег, устраиваемые ежегодно в Видовдан (28 июня). „Просвета" организовала свои отделения и „очаги" во всех городах и деревушках Боснии-Герцеговины, с библиотеками памфлетов и книг, изданных „Народной одбраной". Руководителями „Просветы" были Василь Гргиич, депутат боснийского ландтага, поддерживавший тесную связь с начальником пограничного участка в Лознице, капитаном Костой Тодоровичем, и Центральным советом „Народной Одбраны" в Белграде, и сараевский богач Гриша Ефтанович.

Параллельно с „Просветой", работал „Сокол", организованный сербским сокольским обществом „Душан Сильный" в Крагуеваце. „Сокол" вел спортивную работу среди интеллигенции и учащейся молодежи Боснии-Герцеговины, приспособляя спортивные упражнения к военным целям: походы организованными колоннами, ночевка и разбивка лагерей, стрелковое ученье были почти исключительно главными упражнениями, практиковавшимся в „Соколе". Членов общества обучали разведочной и сигнальной службе. Все это военное обучение происходило ни более, ни менее как по уставам сербской армии, члены общества были сведены в особые военные формования по сербскому воинскому образцу, по которому же было установлено расписание должностей; начальниками отдельных отрядов были назначены сербские офицеры пограничной

службы, жившие на сербской территории и руководившие оттуда воспитанием и обучением „вверенных им“ отрядов. На сербской территории у границы были организованы склады оружия для вооружения этой неофициальной сербской армии, обучавшейся для партизанской войны в Австро-Венгрии, под самым носом австрийских властей. Как успешно развивалась работа этой организации, говорит тот факт, что, например, в Боснии-Герцеговине в 1914 году имелось 40 сербских сокольских организаций с 3000 членов, которые были сведены в 4 полка комитаджей, готовых выступить в поход против Австрии при объявлении войны или поднять восстание по приказу Белграда.

Третьей великосербской организацией в Боснии-Герцеговине был крестьянский союз „Побратимство“ („побратим“ — по-сербски кровный брат). Это общество было создано для работы специально в крестьянских массах. Официально оно преследовало экономические цели, выступая в качестве своеобразной крестьянской кассы взаимопомощи. Настоящей его целью было распропагандировать крестьянские массы в великосербском духе, организовать и дисциплинировать их, научить военному строю и стрельбе и т. д. В отдельных организациях существовали, в качестве унтер-офицерских кадров, сокольские секции; для усиления работы по воинскому обучению были присланы из Сербии представители сербского сокольства, хорошо знающие военный строй. Боснийских крестьян „от сохи“ обучали походной службе (походы в военном строю из деревни в деревню), стрельбе, производству взрывов, в особенности мостов, разрушению железных дорог, телеграфных и телефонных линий. В 1912 году насчитывалось 46 организаций „Побратимства“ с 2000 членов, однако, из-за „косности крестьянского мышления“, процесс военизации босний-

ского крестьянства далеко отставал от военизации интеллигенции и молодежи.

Такая же сеть „Просвет", сокольских организаций и „Побратимства" имелась и в Хорватии-Славонии, Далмации, Бачке [1].

Связь этих обществ с „Народной Одбраной" в Белграде при выполнении той работы, о которой „нельзя было открыто говорить", осуществлялась следующим образом. Начальники пограничных участков в Сербии работали по указаниям местных отделов общества, получавших инструкции из Белграда. На австрийской территории в городах Сараево, Тузле, Прибое и других сербским отделам „Народной Одбраны" соответствовали местные отделы „Просветы". В пограничной полосе Боснии в каждом селе имелся „поверенник", избранный „Народной Одбраной" из членов „Просветы", „Сокола" или „Побратимства". Курьер, отправленный с инструкциями из Белграда, при содействии таможенной стражи переправлялся в условленном заранее месте через реку Дрину, где его ждал вожатый. Этот вожатый вел курьера из одной деревни в другую — от „поверенника" к „повереннику", пока курьера не сдавали из рук в руки в Сараево, Тузлу и т. д. Таким же образом шла переправа оружия. „Народной Одбраной" были созданы 3 тайных коммуникационных линии с Боснией — в Лезнице, Любовие и Шепацка Ада [2]. Нам придется познакомиться с ними более полно в следующей главе.

Кто работал на „Народную Одбрану"? Для своей работы в Австро-Венгрии „Народна Одбрана" преимущественно выбирала крестьян, духовных лиц, мелкую и

[1] Sarcotič „Der Hochverratsprocess von Banjaluka" в Kriegsschuldfrage", январь 1929 г.

[2] V. Serge. „La verité sur l'attentat de Sarajevo" в Clarté, май, 1925.

среднюю интеллигенцию. Крестьянин, сельский учитель или священник, мелкий торговец — вот из кого состояла главная масса доверенных лиц „Народной Одбраны" на австрийской территории. Они же руководили работой и местных сербских культурно-просветительных организаций, стрелковых и сокольских обществ. С помощью этих поверенников „Народна Одбрана" создала в южно-славянских землях такую обширную сеть шпионажа, что в период 1909—1914 гг. в Боснии-Герцеговине было возбуждено военными судами 166 процессов по обвинению в шпионаже и государственной измене. Великосербская агитация развивалась так успешно, что в июле 1914 года Иован Иованович, сербский посол в Вене, перед отъездом в Белград мог заявить французскому послу, что „ростущие условия беспокойства в югославских провинциях Двуединой монархии таковы, что австро-венгерское правительство будет принуждено либо примириться с отделением этих провинций, либо сделать отчаянную попытку удержать их, путем умаления Сербии до состояния бессилия... время работает на сербов... в течение трех лет южно-славянские провинции будут готовы к восстанию против Австро-Венгрии, без того, чтобы Сербия шевельнула мизинцем в этом направлении" [1].

Не довольствуясь шпионской службой, „Народна Одбрана" формировала отряды комитаджей для повстанческой борьбы в Австро-Венгрии и, имея лабораторию взрывчатых веществ, изготовляла бомбы для покушений омладинцев.

Об этой работе „Народной Одбраны" дает любопытнейшие данные дело некоего Трифки Крстановича [2]

[1] British Documents on the Origins of the War, vol XI, № 265 телеграмма английского посла в Лондоне де Бунзена сэру Эдуарду Грею.

[2] Oesterreichische Rote Buch 1919, II, № 48 („доссье"), приложение V.

Булочник-подмастерье Трифко Крстанович был арестован в Сараево в ночь с 6 на 7 июля 1914 г. по обвинению в причастности к покушению на эрцгерцога Франца-Фердинанда. Именно: после покушения он заявил, что такого покушения нужно было ожидать. На допросе выяснилось, что к убийству эрцгерцога он не имеет ни малейшего отношения и его слова основаны лишь на предшествующем знакомстве с деятельностью „Народной Одбраны" и были выражением его убеждения, что, при наличии проводимой в Сербии агитации против Австро-Венгрии и особенно против эрцгерцога, нужно было ждать подобного деяния.

Допрошенный 19 июля 1914 года сараевской следственной комиссией Крстанович показал, что осенью 1908 г. перешел сербскую границу, желая найти работу и прибыл в Белград как раз во время опубликования указа Франца-Иосифа об аннексии Боснии-Герцеговины. Обманувшись своих в ожиданиях найти работу, так как в Сербии в это время все готовились к войне, он отправился в австрийское консульство с просьбой вернуть его на родину. При выходе из консульства он был арестован жандармом, который, подозревая в Крстановиче шпиона, отвел его в караул. Там Крстановича допросили и, когда узнали, кто он и почему хочет вернуться домой, унтер-офицер набросился на него с криком, как смеет оставить он Сербию как раз в ту минуту, когда ей нужно возможно больше людей, так как война с Австрией неминуема, и предложил Крстановичу записаться в комитаджи. Под влиянием нужды Крстанович согласился, и жандарм отвел его в гостиницу „Зеленом Виенцу", где представил Войе Танкосичу, начальнику комитаджей и капитану регулярной армии. В „Зеленом Виенцу", бывшем квартирой отряда, Крстановичу дали пищу и помещение. От Танкосича Крстанович узнал, что задачей комитаджей

являются упражнения в метании бомб, в разрушении мостов, туннелей, телеграфных линий и железных дорог, и что между Австрией и Сербией ожидается война. Затем его отвели в канцелярию отряда комитаджей, помещавшуюся в казенном доме, и Милан Прибичевич записал его в комитаджи. Вместе с Крстановичем было записано около 70 человек.

„Приблизительно через полтора месяца наш вождь Танкосич сообщил нам, что великие державы запретили наш отряд, что мы должны удалиться из Белграда и скрыться в какой-нибудь пустынной местности, не посещаемой иностранцами. В виду этого нас послали в город Чуприю. Там мы имели в качестве инструкторов офицеров Войю Танкосича, Душана Путника, Живко Гвоздича и Митара Джиновича. Последний был замешан в черногорском деле с бомбами и расстрелян в Черногории. Нам было запрещено общаться с прочим населением, чтобы наша задача и наше число не стали известны. Мы упражнялись во взрывании бомб, закладке мин, в разрушении телеграфов, железных дорог, туннелей, мостов. Раз в две недели нас посещали с целью осмотра Милан Прибичевич, генерал Божо Янкович, аптекарь Скарич, депутат Рафалович, чиновник министерства иностранных дел по имени Гришин Милютин, которые присутствовали на наших занятиях и оплачивали каждый раз счета по нашему содержанию. В Чуприи нас было приблизительно 140 человек [1]. Кроме пищи, помещения и одежды мы получали ежедневно на табак 25 пара (около 10 копеек). Это обучение продолжалось приблизительно 3 месяца, до марта 1909 года; тогда члены комитета объявили нам, что мы уволены, и каждый может идти туда, куда

[1] В Чуприйской школе комитаджей, организованной, по словам Крстановича, „Народной Одбраной", имелось более 20 австрийских подданных, в том числе Милан Циганович.

ему заблагорассудится, что аннексия Боснии-Герцеговины признана Великими державами и существование нашего отряда потеряло смысл".

После роспуска отряда генерал Божо Янкович устроил Крстановича на службу к Божо Милановичу, председателю „Народной Одбраны" в Шабаце и местному купцу. Прочитав рекомендательное письмо генерала Янковича, Божо Милановичсообщил Крстановичу, что его главная работа будет заключаться в разноске писем. При этом Милановичприбавил, „что если я не передам писем указанным лицам и они попадут в другие руки, это будет мне стоить жизни". Уже на следующий день Божо Милановичдал мне запечатанное письмо для доставки его Чедо Лукичу, сержанту таможенной стражи в Рача (Сербия). По дороге в Рача я был арестован в Богатиче начальником округа, который взял письмо, открыл его и прочел. В письме говорилось, что Лукич должен немедленно купить 3 лодки и держать их наготове—в случае надобности. К письму было приложено 100 динаров. По этому случаю начальник мне заметил, что имеется строгий приказ министерства о том, что комитаджи не должны предпринимать ничего самостоятельно, чтобы не вызвать международных осложнений. Я вернулся в Шабац и сообщил обо всем, что случилось со мною, Божо Милановичу. Божо Милановичотправился к окружному префекту и последний приказал, чтобы мне вернули револьвер, который начальник Богатича забрал у меня. Он приказал еще, чтобы начальник отправил письмо, адресованное Чедо Лукичу.

Такие письма я разносил с марта 1909 года по октябрь 1910 года, и в течение этого времени отнес 43 письма в сербскую Рачу, 55—в Лозницу, 5—в Зворник, 2—в Любовия и, не знаю сколько, в Ковильячу и Шепацка Ада... Я относил письма начальникам таможенной стражи

этих мест и получал от них ответные, которые относил Божо Милановичу. В Белград я носил письма Божо Милановича каждую неделю и вручал их Милану Прибичевичу и Божо Янковичу. О содержании этих писем я ничего не знал, и никто тем более не говорил мне, что написано в письмах. Насколько я мог видеть, письма, отправляемые Божо Милановичем, не были зашифрованы, в то время как письма начальников таможенной стражи были написаны особыми знаками, что я заметил, когда Божо Милановичь вскрывал эти письма. Однажды я принес Божо Милановичу письмо, зашифрованное таким образом кажется из Зворника, и он отправил меня с этим письмом к профессору Мике Анастасевичу в Шабаце, чтобы последний расшифровал его. Он это сделал, как делал это обычно, но возможно забыл его запечатать, так что я мог прочесть его. В письме говорилось, что, по сообщению из надежного источника, будут чеканиться монеты с изображением престолонаследника и это служит признаком, что император Франц-Иосиф отречется от престола. Приблизительно после 8 месяцев моей службы у Божо Милановича последний дал мне визитную карточку, на которой был нарисован череп и было написано, что я являюсь доверенным лицом „Народной Одбраны“ („поверенник“). При этом он мне сказал, что дело идет о шпионаже“.

От офицера Душана Оптеркича, члена „Народной Одбраны“, Крстанович узнал, что „Народна Одбрана“ насчитывает в Боснии-Герцеговине 23 члена[1]. Время от времени Милан Прибичевич давал ему револьвер или деньги для покупки револьвера для передачи таможенной страже, находившейся на службе у „Народной Одбраны“, и служившей ранее в качестве комитаджей.

[1] Отдела — Н. П.

О террористической деятельности „Народной Одбраны“ Крстанович рассказал следующее:

„Однажды во время моего пребывания на службе у Божо Милановича, последний поручил мне отправиться с одним лицом к одному крестьянину в Лозницу на реке Дрине. Этот крестьянин должен был сообщить и показать нам все необходимое для того, чтобы мы вдвоем убили некоего Любу Станаричича, офицера сербского запаса, бежавшего в Белину (в Боснии). Постоянный комитет „Народной Одбраны“, узнав, что Люба Станаричич стал опасным для сербского государства, решил предать его смерти. На меня и другое лицо Божо Милановичем было возложено поручение перейти реку Дрину в указанном месте и убить Любу Станаричича, который поселился как раз на боснийском берегу Дрины, в округе Белины. Я и этот человек вошли в Дрину, но, так как река была глубока, и мы также увидели, что Люба ходит с ружьем на плече вокруг своего дома, то вернулись к крестьянину в дом. Видя, что мы не можем убить Любу при помощи ножа, я послал своего компаньона в Шабац сообщить Божо Милановичу, что убить Станаричича так именно, как он желает, при помощи ножа, невозможно. В ответ на это мне было поручено Божо Милановичем убить его каким угодно способом. Тогда мы решили убить его выстрелом из ружья. Согласно инструкциям, полученным от Божо, лицо, сопровождавшее меня, должно было выстрелить в Станаричича, и убить его, а я должен был следить за исполнением этого. Однако в это время приехал конный жандарм и привез приказ окружного префекта вернуться обратно и отказаться от нашей задачи. Так мы вернулись в Шабац“.

В октябре 1910 г. Крстанович, не получив прибавки к жалованью, бросил службу у Божо Милановича и отправился в Белград. Здесь он был арестован по приказу генерала

Янковича за нарушение служебной дисциплины. Его таскали почти 2 месяца по разным тюрьмам, боясь разглашения Крстановичем тайн „Народной Одбраны“. Жизнь Крстановича подвергалась опасности. Наконец, в декабре 1910 года его переправили в Боснию и сдали австрийскими жандармам.

Этот безыскусственный рассказ красочно живописует ту деятельность „Народной Одбраны“, о которой она „не смела говорить“. То, что делал купец Божо Миланович в Шабаце, делали ветеринарный инспектор Петре Кларич в Фоче, капитан сербской армии и начальник пограничной стражи в районе Рача-Любовия Коста Тодорович, майор Раде Попович — в Шабаце, капитан пограничной стражи Прванович — в Лознице, школьный учитель Кубрилович — в Прибое, Миско Иованович — в Тузле, и бесконечное число других членов „Народной] Одбраны“ у себя — на сербской или заграницей на австрийской — территории. Каждый работал по мере сил и возможностей. Все южно-славянские земли Двуединой монархии, в особенности Босния-Герцеговина, были покрыты густой сетью сербского шпионажа.

Теперь проследим связь „Народной Одбраны“ с правительственными органами. Это вопрос очень интересный, в связи с встречающимися даже сейчас утверждениями, что „Народна Одбрана“ была частным обществом или что сербское правительство ничего не знало о ее тайной деятельности заграницей.

Во время войны и оккупации Сербии австрийскими войсками была захвачена часть архивов сербского министерства иностранных дел. Часть секретной переписки сербских дипломатических агентов была опубликована в качестве приложения к ответу Германской мирной де-

легации на доклад комиссии союзников, устанавливавший одностороннюю ответственность Германии и Австрии за войну 1914—18 гг.[1] Часть архива, захваченная в ноябре 1915 года в монастыре Любостинья у Трстеника, была в начале декабря доставлена в государственный архив в Вену и, после распада Австро-Венгрии и перемирия, передана в конце 1918 года специальной сербской комиссии, о чем был составлен соответствующий акт. Отправленный по Дунаю в Белград на сербском катере этот архив, однако, не достиг до места своего назначения и бесследно исчез. По всей видимости его утопили сами сербы[2].

Опубликованные документы дают любопытную картину связи „Народной Одбраны" с правительством.

16 февраля 1909 года сербский посол в Цетинье (впоследствии в Вене) Иован Иованович писал министру иностранных дел Миловановичу о своих переговорах с черногорским правительством относительно подготовки войны с Австрией и поставки военного снаряжения: „В этом смысле министр президент Томанович и министр Пламенац просили меня по поручению князя написать в Сербию, чтобы им в кратчайший срок были посланы взрывчатые вещества, в особенности ручные бомбы. Я всегда отвечал господину Томановичу и точно также ответил и вчера, что правительство не располагает бомбами, но возможно, что таковые имеются у совета „Народной Одбраны" и что за ними следует обратиться туда. В ответ на это он попросил меня еще раз написать Вам, что я и делаю. Быть может, это будет возможно сделать через Совет „Народной Одбраны", но официально ни в коем

[1] German White Book 1919: Besponsibility of Authors of War. N-Y 1924.

[2] Hans Uebersberger „Zum ultimatum von 23 Juli 1914" в Kriegsschuldfrage 1928, июль.

случае". На документе стоит надпись Миловановича: „Принято к сведению, сообщено военному министру".

В эпоху мирной деятельности „Народной Одбраны" 14 декабря 1912 г. преемник Иовановича в Цетинье Гаврилович писал премьер-министру Пашичу: „Многие члены „Народной Одбраны" из Боснии и Герцеговины, явившиеся и качестве добровольцев в Черногорию, слышали, что Австро-Венгрия мобилизуется. Тогда они обратились доверительно в посольство с вопросом, должны ли они вернуться домой, где они в случае войны с Австро-Венгрией будут весьма полезны. Прошу срочно ответить." На этом письме имелась собственноручная пометка Пашича от 16 декабря: „Домой они возвращаться не должны, так как их немедленно предадут военному суду и обвинят Черногорию в том, что она возбуждает людей к мятежу". Но Гаврилович не удовлетворился этим ответом и 18 декабря запросил телеграммой Пашича: „Я получил вашу телеграмму от 16 декабря и осведомил членов „Народной Одбраны"; 6 из них, активные члены и студенты из Герцоговины, спрашивают меня, что им делать. Могут ли они приехать в Сербию, могу ли я их отправить туда"? 19 декабря Пашич ответил: „Если они хотят жить спокойно и воздерживаться от агитации, они могут приехать, иначе им лучше оставаться там". Ответ Пашича только самый отчаянный казуист может понять в том смысле, что студентов приглашали воздерживаться от пропаганды против Австрии. Их всего на всего приглашали воздержаться от агитации революционного характера, которую сербское правительство, не терпя у себя, охотно поощряло на австрийской территории.

Обыски в архивах сербских министерств в Белграде позволили австрийцам проследить судьбу еще одной не менее любопытной переписки об организации „Народной

Одбраной" на австрийской территории шпионажа по заданию военного министерства. Мы печатаем эту переписку полностью [1].

I. Письмо президента Шабацкого совета „Народной Одбраны" Божо Милановича секретарю Белградского совета „Народной Одбраны".

1) Боривой Субич, начальник таможни в Малом Зворнике, не имеет никаких средств для покрытия расходов по осведомительной службе, равно и для оплаты доверенных людей („поверенников"—Н. П.), которых он высылает для осведомительных целей через переход у Большого Зворника (австрийского Зворника. — Н. П.) и т. д. Прошу сговориться, чтобы ему был предоставлен кредит.

2) Таможенного чиновника в Раче я совсем не знаю; он не помогает нам в работе, не имеет с нами ничего общего и не хочет ни о чем слышать, кроме службы. Было бы необходимо, чтобы сюда прибыл кто-либо из властей и сговорился с ним.

Б. *Милановић.* Место печати.

На письме штамп военного министерства:

Res. F. Gj. 0 № 626.

II. Письмо сербского военного министра сербскому министру финансов.

Res. F. Gj. 0. № 626.

Господин министр!

Президент „Народной Одбраны" Подринья (по-Дринского округа — Н. П.), на которого возложена задача следить за изменениями и политическими со-

[1] F. von. Wiesener. Die Schuld der Serbischen Regierung am Mord von Sarajevo. Anlage 4 в „Kriegsschuldfrage", 1928 апрель.

бытиями в соседней монархии, сообщает, что начальник таможни в Рача господин Драголюб Михайлевич не хочет знать о подобных делах и делает только то, что ему приказано управлением финансов.

Имею честь просить вас, господин министр, соблаговолить отдать распоряжение таможенному чиновнику Михайлевичу принять на себя, кроме своей службы, и эту службу, в силу чего ему следует встретиться с президентом „Народной Одбраны" господином Божо Милановичем у военного командира (начальника пограничной охраны участка — Н. П.) и сговориться с ним об общей работе.

Военный министр: полковник *Бойович.*

Место печати.

Белград, 3 ноября 1912 года.

III. Письмо сербского министра финансов сербскому военному министру.

Министерство финансов.
Таможенное управление.
Res. С. № служебное.

Господин министр!

В ответ на Ваше письмо имею честь осведомить Вас, что я сделал необходимые распоряжения.

Одновременно прошу Вас, в случае, если Вы узнаете, что работа названного лица не будет удовлетворительна, поставить мена в известность об этом, чтобы я мог действовать дальше.

С глубоким уважением
Лазарь Пачу, министр финансов.

Место печати.

Эта переписка является одним из любопытнейших образчиков связи между правительством, „Народной Одбра-

ной“ и „Черной рукой“, о которой мы узнаем ниже. Тот военный начальник, у которого должны были встретиться президент „Народной Одбраны“ Подринья Божо Милановић и непокорный таможенный чиновник Михайлевич, был не кто иной, как капитан Дмитрий Павлович, член „Черной руки“. Начальник контр-разведки сербского генерального штаба полковник Драгутин Димитриевич, председатель Врховной центральной управы „Черной руки“, дал ему назначение в Шабац в 1911 г. специально для усиления шпионской службы. Непокорных таможенников, не хотевших ничего знать кроме своей прямой службы, заставляли, вопреки их желанию, вести работу „Народной Одбраны“. Михайлевича на первый раз „одернули“. При вторичном отказе он бы слетел с места. Не менее ярко эта переписка характеризует роль и власть в Сербии „Народной Одбраны“. Это общество было фактическим хозяином страны. Шабацкий купец Божо Милановић командовал двумя министерствами, заставляя их плясать под свою дудку: военное министерство отпускало ему кредиты на шпионаж, а министерство финансов одергивало своих чиновников. Хорошенькое „частное общество“ с „культурно-просветительной работой“, „совершенно неизвестное сербскому правительству“!

* * *

Однако австрийцы, довольно ясно представлявшие себе характер „Народной Одбраной“, не имели ни малейшего представления о том, что последняя после нескольких лет работы, так сказать, удвоилась организационно, что, параллельно с „Народной Одбраной“ или, вернее, внутри ее возникла могучая тайная организация, настолько законспирированная, что австрийские шпионы и агенты не знали до самой последней минуты о ее существовании.

Далеко не все члены „Народной Одбраны“ могли пользоваться полным доверием. Организация была слишком обширна, и массовый приток членов грозил проникновением в нее австрийского шпионажа и разоблачением самых сокровеннейших тайн общества. Кроме того, правительственный характер „Народной Одбраны“ был слишком на виду, и это заставляло считаться с возможностью неприятных дипломатических выступлений со стороны могущественного северного соседа. И вот руководящая головка общества, как в центре, так и на местах, начинает выделять из всей массы членов наиболее достойных и надежных.

Первым шагом в этом отношении явилась организация „поверенников“—своего рода аристократии в „Народной Одбране“. Вторым шагом — создание особой тайной организации, существующей параллельно с „Народной Одбраной“ и тесно связанной с ней на основах персонального представительства.

Так возникло тайное общество „Уедненье или Смрт“ („Объединение или смерть“), получившее в народе название „Черной руки“.

Первый разговор об организации этого общества состоялся 8 февраля (старого стиля) 1910 года[1]. Под этим числом в дневнике подполковника артиллерии и члена „Народной Одбраны“ Велимира Вемича мы находим следующую запись: „Встретился в казино с Танкосичем (псевдоним „Силья“) и Раденковичем Богданом (Раденкович — чиновник министерства иностранных дел, впоследствии сербский консул в Афинах. — Н. П.), и мы условились, что необходимо основать клуб с революционным направлением. Раденкович должен выработать статут по образцу статутов студенческих обществ и карбонариев“.

[1] Wiesner. Die Schuld der serbischen Regierung am Mord von Saraiewo в Kriegsschuldfrage, 1928, апрель, Anlage 1.

Разговоры об организации клуба или общества поднимались не раз, по мере того, как выяснилось, что „Народна Одбрана“ работает недостаточно активно и что деятельность ее не может принести желанных результатов в кратчайший срок, чего требовали от общества самые рьяные и неугомонные члены.

Тем временем к Вемичу, Танкосичу и Раденковичу присоединился четвертый товарищ — журналист Люба Иованович-Цупа, вице-президент общества „Словенский юг“, с декабря 1910 года работавший по поручению правительственных сфер над организацией новой газеты. Эта газета, ставшая органом нового общества, была основана 21 февраля (ст. стиля) 1911 года под названием „Пьемонт“. Средства для газеты были собраны „добровольными пожертвованиями“. Младший сын короля сербского Петра, принц Александр, дал из своих личных средств 26.000 динаров, строительный подрядчик Васо Течич дал крупную сумму, потребовав в награду за пожертвование крупный подряд по постройке нового здания сербской скупщины (парламента). Этот подряд был ему предоставлен. На следующий день после выхода газеты Танкосич и Вемич отправились к майору сербского генерального штаба Драгутину Димитриевичу и Илье Радивоевичу из корпуса жандармов и сообщили им свои проекты об основании нового общества. Названные офицеры отнеслись к проектам с величайшим одобрением. На заседании 3 марта 1911 г. (ст. стиля), где впервые собрались названные выше 6 лиц, был заслушан выработанный Раденковичем и Танкосичем проект статута нового общества. 3 и 9 мая состоялось подписание статута [1].

---

[1] Bogitschevitsch. „La société serbe „Union et la Mort“ в „Evolution“, июль и его же „Le procès de Salonique“ Paris. 1927.

На этом статуте следует остановиться. Он любопытен как с точки зрения нравов ирридентистов, так и с точки зрения его назначенности.

Задачей новой организации являлось осуществление национального идеала: „объединения всех сербов“ (§ 1). Поэтому, „каждый серб без различия пола, религии, места рождения, а равно и все искренне преданные делу объединения сербов могли стать членами нового общества (§ 1), имевшего официальное название „Уедненье или Смрт“ (§ 3). Для достижения поставленной цели общество:

1) добивается влияния на правительственные круги-различные классы населения и на всю общественную жизнь сербского королевства, которое оно считает „Пьемонтом“ (§ 4).

2) „организует революционную акцию на всех территориях, где живут сербы“ (§ 4).

3) „борется за пределами сербского королевства про, тив противников этой идеи („объединения всех сербов“— Н. П.) всеми средствами“ (§ 4).

4) „поддерживает дружеские отношения со всеми государствами, народами, организациями, питающими дружеские чувства к Сербии и к сербам“ (§ 4).

5) „оказывает всяческую помощь и поддержку всем народам и организациям, которые борются за свое национальное освобождение и объединение“ (§ 4).

Так как общество предпочитает террористические акты интеллектуальной пропаганде, то оно должно оставаться абсолютно тайной организацией для всех лиц, не участвующих в нем (§ 2).

Задача объединения всех сербов при помощи революционного движения в неосвобожденных сербских землях за границей и борьбы всеми средствами против противников этой идеи, находящимися за пределами Сербии,

а равно и террористические методы этой борьбы требовали строжайшей тайны и строжайшей дисциплины со стороны членов общества. Деятельность общества, направленная против Турции и Австро-Венгрии, так как только в этих государствах имелись неосвобожденные сербские земли, могла вызвать резкий конфликт между государствами и Сербией. Отсюда — особая забота составителей статута обеспечить дисциплину и тайну со стороны членов общества. Это особенно ясно подчеркивается в разделах статута, касающихся компетенции руководителей головки общества — „Врховной централ-ной управы“ (Верховного центрального комитета) и ее отношений с подчиненными инстанциями, и в разделе о членах организации.

Во главе организации стоит „Врховна централна управа“ в Белграде, в руках которой сосредоточена вся исполнительная власть (§ 5). Число членов „Врховной централной управы“ не ограничено, но в принципе оно должно быть возможно более незначительным (§ 6). В состав членов „Врховной централной управы“, кроме представителей сербского королевства, согласно § 7 статута, входит по одному делегату от всех сербских земель заграницей: 1) Боснии-Герцеговины, 2) Черногории; 3) Старой Сербии и Македонии, 4) Хорватии-Славонии и Сирмии, 5) Воеводины (Банат), 6) Приморья (Далмации). В пределах Сербии только Белградской „Врховной централ-ной управе“ принадлежит право исполнять предписания общества (§ 8). В сербских землях заграницей право исполнения предписаний общества на своей территории принадлежит Управам отдельных земель (покраинским Управам), являющимся верховной властью своей земли (§ 9). Дальнейшими низшими инстанциями в организационной структуре общества являются окружные и районные управы, число и группировка которых устанавли-

ваются Белградской „Врховной централной управой“ в особом регламенте (§ 10). Каждая Управа избирает председателя, секретаря и казначея (§ 11). В Белградской „Врховной централной управе“ должности председателя и казначея носят почетный характер (§ 13); секретарь же, являющийся, вследствие характера своей работы заместителем президента, получает содержание из средств общества для того, чтобы иметь возможность целиком посвятить себя работе для общества (§ 12).

В „Врховной централной управе“ решения, касающиеся деятельности организации, принимаются большинством голосов (§ 14), но право приведения этих решений в исполнение принадлежит исключительно лишь председателю и секретарю „Врховной централной управы“ в Белграде через соответствующие низовые инстанции общества (§ 15). В случаях исключительной срочности или в вопросах меньшей важности председатель и секретарь Белградской „Врховной централной управы“ могут принять решение и привести его в исполнение с последующим докладом „Врховной централной управе“ на ее ближайшем заседании (§ 16). Для лучшего руководства текущими делами „Врховна централна управа“ разбивается на секции по отдельным отраслям государственного управления (§ 17).

Связь с комитетами заграничных сербских земель (покраинскими управами) осуществляется Белградской „Врховной централной управой“ при помощи полномочных делегатов из состава членов „Врховной централной управы“ или, в исключительных случаях, через специальных делегатов (§ 18). Покраинским управам предоставляется полная свобода действий на территории своей власти, и только организация революционного движения более широкого характера (практически — вос-

станий! — Н. П.) зависит от одобрения Белградской „Врховной центральной управы“ (§ 19), которой принадлежит право контроля над деятельностью покраинских, окружных и иных управ (§ 22). Белградская „Врховная центральная управа“ должна держать через подчиненные ей управы всех членов организации в курсе важнейших вопросов, касающихся деятельности организации (§ 21), и принимать все необходимые меры для того, чтобы сохранить тайный характер организации (§ 20).

Итак, по статуту фактически вся полнота власти была сосредоточена в руках „Врховной центральной управы“ в Белграде, вернее в руках ее председателя и секретаря. Этот строгий централизм исполнительной власти усугублялся еще и § 8, согласно которому все решения, касающиеся самой Сербии, подлежали ведению исключительно „Врховной центральной управы“, т. е. покраинские управы не могли иметь никакого влияния на руководство деятельностью организации в самой Сербии. Наоборот, деятельность каждой из покраинских управ, хотя и совершенно автономная в пределах своей территории (§ 19), контролировалась Белградской „Врховной центральной управой“ (§§ 18, 19, 22). § 19 статута фактически гарантировал сербское правительство от нежелательных для сербской реакции выступлений революционных заграничных организаций в самой Сербии. Сербские делегаты „Врховной центральной управы“, количественно превышавшие число представителей покраинских управ, справедливо рассуждали, что выгодное в Австро-Венгрии и Турции — революционное движение, покушения, восстания, партизанская война и т. д., — в самой Сербии неприемлемо. Рядовым членам организации в обмен за полноту власти, предоставленную ими „Вр-

ховной центральной управе", и, как мы увидим ниже, беспрекословное ей повиновение, предоставлялась сомнительная гарантия, жизненность которой они не имели никакой возможности проконтролировать, в том, что „Врховна центральна управа" должна осведомлять их о важнейших вопросах, касающихся организации (§ 21).

Не менее жестки и суровы постановления статута о членстве.

„Всякий член, входя в организацию, должен знать, что этим фактом он теряет даже свою личность, что он не может ждать от него никакой славы или личной выгоды, все равно материальной или моральной. Поэтому каждый член, который попытается воспользоваться организацией из личных, общественных или партийных мотивов, будет наказан. Если же он повредит своими деяниями самой организации, он будет наказан смертью" (§ 30), „Всякий, кто входит в организацию, не может более из нее выйти, и никто не может принять его ухода (§ 31). „Члены организации обязуются беспрекословным повиновением по отношению к комитету, равно как и все подчиненные комитеты в отношении высших комитетов (окружных управ) в Сербии и покраинских управ за границей (§ 27). „Обязанность каждого члена — завербовать новых членов и ценой своей жизни быть поручителем за всех, кого он ввел в организацию" (§ 24). „Члены организации не знают лично друг друга. Только члены „Врховной центральной управы" могут знать лично друг друга" (§ 25). „В самой организации члены обозначаются номерами. Только „Врховна центральна управа" в Белграде должна знать их имена" (§ 26).

Не менее строгим и конспиративным был и порядок отчетности. Статутом организации было установлено в принципе, что все отчеты и донесения должны де-

латься специально уполномоченными и делегированными лицами (§ 23). „Каждый член должен помогать организации взносами дважды в месяц. Организация может также при необходимости изыскивать средства путем принудительным. Разрешение на подобные меры должно быть дано Белградской „Врховной центральной управой“ или за границей покраинскими управами“ (§ 32). Далее статут устанавливал, что „интересы организации выше всех остальных“ (§ 29). „Каждый член обязан сообщить по иерархической линии „Врховной центральной управе“ в Белграде все, что он узнает, все равно ли частным образом или по службе“ (§ 28).

Таким образом, для „Черной руки“ не существовало государственных тайн.

Особый пункт регламентировал порядок наказания смертной казнью, которой могло подвергнуться любое лицо. О принципиальной возможности карать смертной казнью не говорилось, потому что это считалось само собой разумеющимся. Статут говорил лишь о методах исполнения смертных приговоров. „Когда „Врховна центральна управа“ в Белграде вынесет приговор о наказании смертью, единственной важной вещью в данном случае является, чтобы выполнение казни было обеспечено. Способ выполнения не важен“ (§ 33).

Прием членов в общество регламентировался особой инструкцией. Как только члену общества удавалось набрать пять или по крайней мере трех новых членов, он сообщал о них своему покровителю — члену „Черной руки“, который ввел его самого в общество. Этот покровитель присутствовал на торжественной церемонии приема новых членов, завербованных его питомцем, в качестве делегата „Врховной центральной управы“ из Белграда, и назначал место и время самой церемонии. Комната, в которой принималась присяга от новых членов,

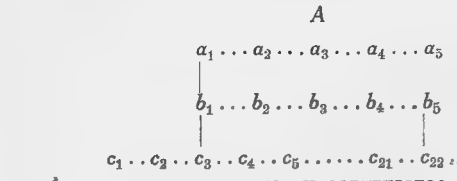
освещалась только одной восковой свечкой. По середине комнаты стоял покрытый черной материей стол, на котором были разложены крест, нож и револьвер. Член общества, вводивший в него новичков, объяснял им статут, регламент (инструкцию) общества и предупреждал об опасностях, угрожающих всем входящим в общество. В заключение он спрашивал их, готовы ли они вступить в общество? Как только новички изъявляли свое согласие, делегат „Врховной центральной управы" (член-покровитель того члена общества, который вовлек новичков), совершенно замаскированный, выходил из соседней комнаты и только тогда — поручитель и новички приносили присягу: Я — NN, становясь членом организации „Уедненье или Смрт", клянусь солнцем, согревающим меня, землей, питающей меня, кровью моих предков, моей честью и моей жизнью, что всегда буду готов принести для нее (организации) все жертвы. Клянусь перед богом моей честью и жизнью, что унесу все тайны организации в свою могилу. Пусть бог меня осудит, пусть товарищи по организации меня судят, если я нарушу или не выполню сознательно или бессознательно мою клятву" (§ 35 статута). После этого новые члены обнимали друг друга и поручителя, который ввел их в общество, делегат „Врховной центральной управы" пожимал им руку в знак поздравления, ибо он не произносил ни одного слова, чтобы не быть узнанным, и тотчас же удалялся. Только в этот момент комната освещалась, и новые члены переписывали текст присяги, скрепляя его своей подписью, и вручали свои росписки поручителю за них, указывавшему им их номер и тайный пароль организации. Эти присяги новых членов организатор группы должен был без всякого промедления отправить по иерархической инстанции в запечатанном конверте „Врховной центральной управе".

Всякая неправильность или небрежность со стороны организатора или комитета жестоко каралась. Статуты, регламенты и все аксессуары, необходимые для церемонии, возвращались „Врховной центральной управе“, которая уведомляла организатора группы о получении присяги. Эти правила распространялись и на покраинские управы. Группы обозначались римскими, члены — арабскими литерами.

Регламент еще раз подчеркивал обязанности членов в отношении дисциплины и хранения тайны. „Каждая группа обязана помощью и содействием членам организации, посылаемым „Врховной центральной управой“ для выполнения приказа, и поэтому должна подготовить все для исполнения и способствовать бегству исполнителя“ (§ 8 регламента). „Члены организации должны хранить самый строжайший секрет о деятельности своего комитета и самой организации. Тайна организации ни в коем случае не должна быть предана. Самые ужасные мучения не извиняют измены, наказываемой смертью“ (§ 14 регламента).

Немного остается прибавить для разъяснения статута, вошедшего в силу немедленно после его подписания 9 мая 1911 г. (§ 36). Член общества, попавший в него, терял право на личную и общественную жизнь; он становился послушной пешкой, безжизненным номером в руках „Врховной центральной управы“, которая, в силу организационных принципов общества, состояла из членов-основателей. Эти члены-основатели обладали тайной, невидимой властью над жизнью каждого члена общества (§ 33 и 35 статута), и только смерть избавляла его от служения им. Члены-основатели позаботились и о гарантиях своей власти и своей несменяемости. § 37 недвусмысленно говорил: „Эти статуты не могут быть изменены“.

Организационная структура и система вербовки новых членов сводилась к тому, что вся Сербия и югославские провинции были покрыты сетью пятерок или троек, члены которых не могли и не смели знать членов других групп, кроме тех, которые они организовали сами. В самом деле, кого в самом лучшем случае мог знать рядовой член общества: во-первых, члена — своего поручителя, во-вторых — товарищей по группе (5 человек), в-третьих — членов той группы, которую он сам организовал (5 человек) и членов тех групп, которые были организованы последними. Если это изобразить графически, то мы получим:



где A — член — покровитель и организатор группы членов a_1 — a_5.

член a_1, мог знать члена A, 4 членов a_2, a_3, a_4 и a_5, 5 членов „b“ и 25 членов группы „c“, итого 35 человек. Но при достижении третьего колена группа членов „a“ становилась окружной или районной управой. Фактически же рядовой член обычно знал только своего поручителя A, являвшегося его непосредственным начальником, и своих 4 товарищей. В „Бесах“ Достоевского мечты Верховенского о пятерках и тройках, которыми нужно засыпать всю Россию, звучат жутким бредом. Сербская военщина сумела воплотить этот бред в жизнь.

Свое название „Черная рука“ общество „Уедненье или Смрт“ получило по двум причинам: во первых, оно имело печать, в центре которой была изображена мускулистая согнутая рука, держащая развернутое знамя. На знамени, как на щите, был изображен череп со скре-

щенными костями, на краю знамени — нож, бомба и яд. Кругом печати слева направо шла подпись — „Уедненье или Смрт". В нижней части печати было вырезано — „Врховна централна управа"; во-вторых, в числе организаторов и руководителей общества были лица, принимавшие непосредственное участие в цареубийстве 29 мая 1903 года (убийство сербского короля Александра Обреновича и королевы Драги), организованного офицерством и радикальной партией. Эта группа офицеров, получившая в народе кличку „Черной руки", влилась почти полностью в состав новаго общества.

Мы можем перечислить поименно и состав 10 „счастливцев", входивших в состав „Врховной централной управы" и наслаждавшихся своей тайной и неограниченной властью. Это были:

№ 1 — полковник Илья Радивоевич, начальник Белградской жандармерии, первый президент общества, убит в 1913 году.

№ 2 — Богдан Раденкович, редактор статута общества, чиновник сербского министерства иностранных дел, вице-консул в Салониках и кандидат сербского правительства на пост Ускюбского митрополита (*// Н. П.*) в Старой Сербии.

№ 3 — полковник Чедомир Попович, осужденный по Салоникскому процессу и помилованный в 1925 году.

№ 4 — полковник Велемир Вемич.

№ 5 — Люба Иованович—Цупа, редактор статута, редактор газеты „Пьемонт" и бывший вице-председатель общества „Словенский юг", убит в 1913 году под Криволаком.

№ 6 — полковник Драгутин Димитриевич, начальник контр-разведки сербского генерального штаба.

№ 7 — майор Войя Танкосич, убит осенью 1915 года.

№ 8 — полковник Илья Иованович.

№ 9 — майор Милан Васич, секретарь „Народной Одбраны“ и начальник школы комитаджей, убит в 1913 году.

№ 10 — Милан Гр. Милованович, полковник генерального штаба и помощник начальника штаба сербской армии, осужден по Салоникскому процессу в 1917 г. и помилован в 1925 году.

Секретарем „Врховной Центральный Управы“ был, по некоторым указаниям, полковник генерального штаба Радое Лазич (№ 11).

Печатным органом общества являлась газета „Пьемонт“, редактором которой после смерти Любы Иовановича-Цупы стал журналист Бранко Бозович. Пост президента общества после смерти полковника Радивоевича занял полковник Димитриевич (№ 6), ставший душой организации.

В обществе Димитриевич имел „партийную кличку“ — „Апис“...[1]. „Это была чрезвычайно талантливая и незаурядная личность, пользовавшаяся такой любовью в кругу товарищей по службе и обществу, которая доходила почти до обожания. Его облик напоминает портреты героев итальянского и германского национально-революционных движений 1848 года, начерченные Александром Герценом. Красивая наружность, талант вождя, оратора, заговорщика и террориста, уменье руководить людьми и внушать любовь женщинам своеобразно сочетались в этом человеке, решившем судьбу ночного переворота 29 мая 1903 года благодаря своему необычайному мужеству и энергии: получив 3 пули в грудь, он все же ворвался во дворец короля Александра. Его при-

[1] Victor Serge, Clartè. май, 1925.

знали вождем заговорщики-генералы, хотя „Апису" в эти годы было всего 27 лет и он носил скромный мундир поручика; организацию заговорщиков 29 мая („завереницы") ему удалось сохранить до 1911 года, когда она, под его руководством, влилась в „Черную руку". В эту эпоху Драгутин Димитриевич уже занимал пост начальника контр-разведки сербского генерального штаба и, сосредоточив в своих руках управление обширной сетью внутреннего и внешнего шпионажа, стал невидимым, но влиятельным винтиком в сербском государственнм аппарате. О нем восторженно отзываются даже его противники: сербский официальный историограф Сараевского убийства, профессор истории Белградского университета Станое Станоевич [1] посвящает ему пламенные строки:

„Талантлизый, культурный, лично храбрый и честный, полный честолюбия, энергии и охоты к труду, убедительный собеседник, Драгутин Димитриевич имел исключительное влияние на окружающих его лиц, в особенности на товарищей и младших офицеров, бывших ниже его и по чувствам, и по характеру. Он обладал качествами, которые очаровывают людей (в Сербии). Его доводы были исчерпывающими и убедительными. Он умел повернуть дело так, что самые ужасные деяния казались мелочью, а самые опасные планы невинными и безвредными. В то же самое время он был во всех отношениях великолепным организатором; он держал все в своих руках и даже самые близкие друзья имели лишь представление о том, что замышляется в данную минуту. Но Драгутин Димитриевич был вместе с тем исключительно высокомерен и капризен. Будучи крайне

[1]) Stanoje Stanojovitsch. Die Ermordung des Erzherzogs Franz-Ferdinand in 1914. Frankfurt. 1923, стр. 50–51.

честолюбив, он любил тайную деятельность и любил также, чтобы люди знали о том, что он занят тайной работой и все держит в своих руках. Сомнения о том, что возможно, что невозможно, о возможной связи между властью и ответственностью никогда не смущали его. Он не имел ясного представления о политической жизни и ее ограничениях. Он видел лишь одну цель перед глазами и шел прямо к ней не колеблясь и не обращая внимания на последствия. Он любил опасность приключения, тайные козни и таинственные предприятия".

По словам Становевича вся жизнь этого „способного и талантливого офицера" прошла в организации заговоров и покушений. „В 1903 году он был одним из главных организаторов заговора против короля Александра (Обреновича). В 1911 г. он посылал своего эмиссара для убийства австрийского императора и престолонаследника; в феврале 1914 г. он вступил в соглашение с тайным болгарским революционным комитетом об убийстве царя Фердинанда Болгарского; [1]. в 1914 г. он задумал и организовал заговор против австрийского престолонаследника, в 1916 году с острова Корфу он посылал своего эмиссара для убийства греческого короля Константина и, наконец, в том же году он, видимо, пытался вступить в переговоры с врагами и организовать заговор против сербского престолонаследника принца Александра. За это он был осужден к смерти и казнен в Салониках в июне 1917 года".

Правой рукой Димитриевича был его сотоварищ по перевороту 1903 года майор Войя Танкосич (№ 7) —

[1] Этим делом были заняты член „Черной Руки" бывший радикальный министр Жорже Генчич, имевший связи с революционными македонскими организациями, и русское посольство в Белграде, снабжавшее Генчича деньгами на организацию покушения. См. Grosse Politik der Europäischen Kabinette B. XXXIX, № 15538.

„маленький энергичный человек, веселый и шумный, хороший химик, вождь комитаджей, знающий каждую тропинку в Македонских горах, гроза полиции и властей, поколотивший в 1908 году, по слухам, сына короля Петра, престолонаследника принца Георга“ [1].

Руководимое этими лицами общество приступило к работе. Главной задачей его в этот период был набор новых членов. Выбирали самых надежных и испытанных людей, на которых можно было положиться во всех отношениях и с которыми можно было итти до конца.

Первые месяцы своего существования общество было немногочисленно. К октябрю 1911 г. оно насчитывало, кроме основателей, всего 30 членов, в числе которых имелся и служащий сербских железных дорог Милан Цинганович (№ 37), воспитанник школы комитаджей в Чуприе в 1908—09 г. В сентябре 1912 года к моменту возникновения первой Балканской войны общество имело 517 членов, к началу войны 1914—18 г. — более 2000 членов (найден членский № 2020.—Н. П.).

С другой стороны, стремясь подчинить своему влиянию правительственный аппарат, руководители общества заботились о привлечении в общество таких лиц, помощь и влияние которых могли бы существенно облегчить работу общества. Распространившееся в белградских придворных и военных кругах известие, что сербский престолонаследник принц Александр является неофициальным главой и покровителем новой организации, вызвало необычайный прилив желающих вступить в члены „Черной руки“. Димитриевич ввел в общество почти всех заговорщиков, участвовавших в дворцовом перевороте 29 мая 1908 года. Затем в общество были приняты влиятельнейшие офицеры генерального штаба, управле-

[1]) Victor Serge в Clarté, 1925, май.

ния военного министерства, королевской гвардии и корпуса жандармов.

Списки членов, опубликованные членом „Черной руки“ майором Лазаревичем [1]) и бывшим сербским chargé d'affaires в Берлине Богичевичем, показывают, что членами „Черной руки“ были:

генералы: Дамиан Попович, Милош Боянович, Михаил Иосилович, Николай Стефанович, Иотца Атанаскович, Леонид Солярович, Михаил Живкович, Михаил Рачич, Михаил Бод, воевода (генералиссимус) Радомир Путник.

полковники генерального штаба: Милан Милованович, Петр Мишич, Крсто Симилианич, Драгомир Цветкович, Драгомир Милоевич, Божидар Терзич, Душан Стефанович, Стоян Стоянович, Стаевич, Милош Иованович.

полковники армии: Юра Дьюкич, Алексей Стойчич, Драгомир Стоянович, Миливой Ангелькович, Янко Вукасович, Воислав Живанович, Иован Викторович, Миливой Зечевич, Мирко Милославлевич, Воин Попович, Зойко Павлович, Радивой Бойович, Душан Гуфеджич, Пера Попович, Иован Васич, Иовица Милетич, Милослав Бралович, Милан Дунич, Петре Прендич, Коста Кнеевич, Илья Гойкович, Млад. Мазалович, Александр Гличич, Живоин Баджич, Милан Яновшевич, Жорже Палигорич.

подполковники: Иовитца Иовович, Чедо Иованович, Драголюб Тодорович, Тихомир Стоянкович, Сава Травкович, Анте Антич, Петре Живкович (ныне генерал и премьер-министр Юго-Славии), Петре Жи-

[1] Lazarevitsch. Die Schwarze Hand. Lausanne. 1917. Bogitschevitsch. Le procès de Salonique. Paris. 1927.

вотич, Павле Юричич, Владимир Туцович, Милан Недич, Воислав Ковачевич, Андрей Шушкалович, Алиппе Марианович, Драголюб Иеремич, Иован Аранделович, Мирослав Томич, Милослав Дабианович, Милан Николич, Владимир Иованович, Милош Иованович, Петре Маркович, Милан Васич, Илья Дмитриевич, Милан Прибичевич, Воин Попович.

майоры и капитаны: Любомир Костич, Милич Симианович, Войя Танкосич, Панта Драшкич, Светозар Гличич, Александр Здравкович, Милослав Елич, Мирко Пантелич, Жорже Булич, Стоян Маринович, Савва Викторович, Миливой Станоевич, Тодор Милошевич, Гриша Перич, Драгутин Стефанович, Даниил Джерич, Радослав Ковачевич, Миливой Драгутинович, Андрей и Лука Лазаревичи, Драгутин Пурич, Спас Спасоевич, Милорад Попович, Милан Маринкович, Михаил Русимич, Милан Петрович, Душан Гличич, Милютин Теодосиевич, Б ривой Джурич, Милан Петрович, Жорже Ристич, Коста Тодорович.

Эти списки показывают, что почти все штаб-офицеры и генералитет сербской армии были членами „Черной руки". Обществу удалось привлечь в состав своих членов лиц, занимавших самые важные военные посты (воевода Путник был начальником сербского генерального штаба; генерал Милош Бо́янович, полковник генерального штаба Душан Стефанович, полковник артиллерии Радивой Бойович, полковник, впоследствии генерал, Божидар Терзич были по очереди военными министрами). Управление военного министерства и генерального штаба было почти сплошь заполнено членами „Черной руки"; полковник Янко Вукасович был начальником сербской жандармерии, полковник Воислав Живанович — начальни-

ком дивизии в Битолии, полковник генерального штаба Крсто Симилианич, полковник Иован Викторович и генерал Милош Боянович во время войны командовали армиями, подполковник (теперь генерал) Пера или Петре Живкович, — начальником королевской гвардии (ныне премьер-министр, выполнивший по указанию короля Александра фашистский переворот в 1928 году), полковник Душан Гуфеджич — плац-комендантом Белграда, подполковник генерального штаба Милан Недич, — главным инспектором железных дорог; многие командовали полками, занимали ответственные посты в интендантстве и военном суде и т. д. „Черная рука" приложила особые старания к тому, чтобы захватить в свои руки белградскую полицию. В полицейском управлении Белграда служило не мало членов „Черной руки" — офицеров, кончивших военную академию.

Но „Черная рука" не ограничилась захватом армии и военного министерства. Кроме полиции, влияние „Черной руки" распространилось на министерство внутренних дел, министерство финансов, министерство иностранных дел и т. д.

Будучи конспиративной организацией, „Черная рука" не могла действовать открыто и поддерживала связь с министерствами путем личного представительства. Однако, ей удалось завербовать в число членов и неофициальных членов-соревнователей немало влиятельных политических деятелей, не раз занимавших министерские посты. По спискам Лазаревича, в числе членов „Черной руки" значились министр внутренних дел и один из лидеров радикальной (правящей) партии Стоян Протич, министр юстиции Люба Стоянович, бывшие министры Жорже Генчич, Иован Авакумович и Любомир Живкович, ряд ответственных работников в министерствах внутренних дел, финансов, иностранных дел, на железных доро-

гах, в провинциальной, гражданской и военной администрации, в особенности в районах пограничных и т. д. В состав общества входили, например, Ефрем Симич, секретарь министерства иностранных дел, после войны 1914—18 сербский посол в Варшаве и Ватикане, Милютин Иованович, племянник Пашича, — после войны сербский посол в Швейцарии, Деметриус Новакович (№ 441)— секретарь Белградского университета, Михаил Живкович (№ 442) — секретарь кассационного суда, видные чиновники министерства иностранных дел — Станое Симич (№ 467), Драголюб Илич (№ 462), Иован Михайлович, Бора Проданович — сын радикального министра, советник сербского посольства в Париже Милош Михайлович, секретарь управления железных дорог, — Милан Иованович (№ 401) и т. д.

По сообщению Лазаревича членом „Черной руки" был сам премьер-министр и глава радикальной партии Никола Пашич. Это сообщение еще требует большой проверки, но можно считать установленным тот факт, что Пашич, даже если и не был формально членом „Черной руки", то все время был в курсе деятельности этого общества через своего доверенного человека. Этим доверенным человеком Пашича в „Черной руке" члены последней и почти все исследователи вопроса о сараевском убийстве считают Милана Цигановича.

Нет ничего удивительного, что общество с таким составом членов, с такими соответствовавшими видам и намерениям правительства целями и задачами могло рассчитывать на покровительство и помощь правительства. И эту помощь и покровительство „Черная рука" не замедлила получить.

Критическим моментом существования организации можно считать лишь ее первые дни, когда сами руководители ее еще не знали, как отнесутся к этой организа-

ции в правящих сферах. Руководители „Черной руки“ отлично понимали, что, несмотря на все желание правительства взорвать изнутри „лоскутную монархию“, деятельность общества может встретить решительное неодобрение в правящих сферах, хотя бы уже по одному тому, что работа общества за границей (а именно для этого оно и было основано) не может не вызвать неприятных дипломатических конфликтов и осложнений.

Вопреки их ожиданиям новое общество было встречено в правительственных кругах с чувством полного одобрения. В дневнике подполковника Вемича под датой 10 октября 1911 года имеется следующая запись „Стоян Протич (министр внутренних дел) рассказывал, что имеется организация, насчитывающая 2.000 человек. Ее последний циркуляр попал ему в руки...“ [1]. Действительно, осенью 1911 года в руки белградской полиции, а оттуда к Протичу, попал секретный циркуляр Центрального комитета с инструкциями относительно заграничной деятельности „Черной руки“. Однако Протич, узнавший из захваченного циркуляра о самых сокровенных тайнах „Черной руки“, приказал „не трогать организацию“. Об обнаружении общества и приказе его „не трогать“ подтверждает и Душан Алимпич, бывший бургомистром Белграда в 1912 году [2]. Но не только Протичу было известно о существовании общества. 12 октября Вемич записывал: „У меня: Радивоевич, Иованович-Цупа, Дмитриевич-Апис и Танкосич. Со всех сторон идут сообщения, что организация известна. Раденкович заверил, что Стоян (Протич — Н. П.) знает. Апис говорит, что ему (Апису — Н. П.) сообщил об этом Саша (этим именем на конспиративном жаргоне „Черной руки“

[1] „Tajna превратна организация. Солунь, 1918, стр. 354. Цитирую по Wisener, Kriegsschuldfrage. апрель, 1928, Anlage, 1.

[2] „Nova Evropa“. Agram. XVI, 10 стр. 310.

назывался принц Александр Сербский — Н. П.). Оба добавили, что военный комендант Бозанович призвал их к себе и расспрашивал о так называемой „Черной руке".

Постепенно „Черной руке" удалось завязать прочные связи во всех министерствах и при дворе. Сам Драгутин Димитриевич подтвердил это в следующих выражениях: [1] „Когда нужно было предпринять что-либо для национального дела, это обсуждалось на заседании организации и, в связи с природой спора и ведомственных проволочек, проведение этого дела брал на себя тот член „Врховной центральной управы", который был к этому делу всего ближе. Когда что либо-имело общее значение, было предусмотрено, что один из членов „Врховной центральной управы" сговорится об этом с министром иностранных дел, военным министром или каким-либо другим министром... Он (Димитриевич—Н. П.) находился в самых лучших отношениях с королевской семьей, и Богдан Раденкович был их официальным представителем в министерстве (иностранных дел — Н. П.) и в Турции. Кроме того, он (Димитриевич) сообщил обо всем покойному министру иностранных дел Милованович, сказав ему открыто, что несколько офицеров объединилось на чисто патриотической программе и надеются, благодаря этому, добиться успеха для национального дела; на это Милованович ответил: „Предоставьте, мой юный друг, „Черную руку" в мое распоряжение и вы увидите, что в скорости сделает Милованович для сербского народа".

После этого разговора „Черная рука" „стала исполнительным органом министерства иностранных дел, предоставившего в распоряжение Димитриевича крупные суммы для анти-австрийских выступлений".

---

[1] Тајна превратна организација, стр. 168, 177.

Так, параллельно с вербовкой новых членов, „Черная рука“ завязывала связи и завоевывала все большее и большее влияние в Сербии. Каждый новый член общества был в силу устава лишней частицей силы, накапливаемой и сосредотачиваемой в руках „Врховной центральной управы“. Увеличивая число членов, „Врховна центральна управа“ увеличивала свое могущество. Видный и влиятельный член был вдвойне полезен, ибо кроме личного повиновения он приносил руководителям „Черной руки“ весь свой вес и влияние, которыми пользовался по занимаемой им должности и положению. В скором времени общество стало своего рода государством в государстве. „Деятельность заговорщиков была столь разторопна и им удалось в такой степени заставить считаться с их интересами во внутренней жизни страны, что вскоре не было более ни одного места, где нельзя было не проследить их влияния“ [1]. Создалась, как картинно выражается Лазаревич, „ситуация безответственных факторов“, когда страной правили не те, кто официально стоял у кормила власти, а всюду, во всех областях государственной жизни, во всех винтиках государственного аппарата, всем руководила тайная организация, направлявшая внешнюю и внутреннюю политику государства, не считаясь с конституцией и парламентом, в интересах избранных кругов военщины, находившейся в личной дружбе с сербским престолонаследником Александром.

Есть основания думать, что эта личная дружба имеет связь с неожиданным изменением обычного порядка престолонаследия, последовавшем в 1909 году в обстоятельствах весьма таинственных. У короля Петра было два сына: старший — престолонаследник — Георг и младший

[1] Lazarevitsch. Die Schwarze Hand. Lausanne. 1917.

принц Александр. Выше мы приводили показания Настича о причастности Георга к организации покушения на Николая Черногорского и его семью. В связи с этим, отношения между черногорским и сербским царствующими домами в 1907—09 годах были обострены до крайности, а „неудачливость" Георга, репутация которого, хотя показаниям Настича и не дали веры, все же была скомпрометирована, лишила его трона.

По сообщению некоего A—d [1] князь Никола, тайно нформированный о заговоре братом престолонаследника, принцем Александром, пожаловался своим дочерям, знаменитым „черногоркам", женам великих князей Николая Николаевича и Петра Николаевича, а те довели об этом до сведения Николая II. Поэтому, когда в 1908 году после аннексии престолонаследник Георг, ставший во главе кругов, требовавших войны с Австро-Венгрией, по рекомендации Пашича и радикальной партии, был послан королем Петром к Николаю II с просьбой о помощи и защите сербского дела, Николай II, осведомленный об участии Георга в заговоре „Словенского юга", принял его более чем холодно: ему была дана личная аудиенция не как сербскому престолонаследнику, а как графу Остапац и во время аудиенции Николай пожаловал принцу Георгу из собственных рук какой-то очень незначительный мелкий орденок, даваемый титулярным советникам. Тем самым принц Георг был дискредитирован, как престолонаследник Сербии, не умеющий поддержать достоинство государства при русском дворе. И вот 27 марта 1909 года принц Георг, при очень таинственных обстоятельствах, подписал отказ от своего права престолонаследия, и престолонаследником был объявлен младший

[1] A—d. Die Tragödie des „tollen Prinzen". Warum Prinz Georg Karageorgeviê irrsinnig erklärt würde. „Federation Balcanique", 1925, № 20/21, стр. 282—3.

сын короля принц Александр. Это подтверждается и другими источниками. Лазаревич, выпустивший книгу о работе „Черной руки", определенно указывает, что этот дворцовый переворот в пользу принца Александра был совершен по настоянию заговорщиков 29 мая 1903 года, желавших иметь на троне своего ставленника, который издавна считался любимцем и надеждой заговорщиков [1]. Скомпрометированная репутация принца Георга не позволяла надеяться на особо внимательное отношение к нему России. Ясно, что такую услугу было не легко забыть...

Таким образом, новое общество не встретило никаких препятствий ни при возникновении, ни при своих первых шагах. Во-первых—уже слишком влиятельны были его члены и слишком почтенны цели общества. Во-вторых — в нем не видели ничего необычного или нового в сербской политической жизни. Наоборот, вся традиция политического развития Сербии подготовила и облегчила ему путь. В официальных кругах опасались лишь одного—чересчур большой откровенности в методах работы. Поэтому общество тайком одобрили и оказывали ему всяческое содействие, официально же делали вид, что о нем не знают или же что оно в природе не существует. Строжайшая конспирация и подбор надежных членов весьма облегчили эту тактику правительства. Оставалось еще наладить отношения с „хозяином страны" — радикальной партией, но эта последняя, с 1903 года прочно стоявшая у власти, поспешила обезопасить себя в отношении выросшего соперника и направить деятельность „Черной руки" в своих интересах

[1] Необходимо отметить, что это изменение порядка престолонаследия было совершено без ведома скупщины, которую поставил просто перед совершившимся фактом.

Для этого вожди партии вошли в состав нового общества. Со своей стороны, и „Черная рука“ на заре своего существования искала помощи и поддержки у радикалов. Конфликт между этими „большими величинами“ возник только тогда, когда общество окрепло и приобрело крупнейшее влияние в политической жизни страны. Он наметился после победоносного окончания обеих Балканских войн.

Как мы знаем, радикальная партия защищала и представляла интересы нарождавшейся сербской буржуазии, в частности торгового капитала. Ее длительная борьба с либеральной и прогрессивной партиями в эпоху 90 гг. и 900 гг., в сущности, означала борьбу торгового капитала с землевладением, поддерживавшим австрофильскую династию Обреновичей. В числе заговорщиков, „сделавших“ 29 мая 1903 года, было шесть штатских: 2 радикальных министра, 3 купца и 1 фабрикант. Невольно напрашивается сравнение с декабристами и „Русско-Американской торговой компанией!“ Эти купцы и фабрикант, кстати сказать, финансировали заговор.

Одним из пунктов этой партии молодой буржуазии было требование полицейских, но внешне юридических форм управления. Режим „кабинета теней“, стоящего за реальным министерским кабинетом, был в силу этого для нее неприемлем. Между тем специфически военный характер „Черной руки“ возрождал режим офицерской клики, правившей Сербией во второй половине XIX и в начале XX века, и являлся полным отрицанием этой программы полицейской законности и легализма. Пока „Черная рука“ была слаба и не вмешивалась в управление государством, подчиняясь руководству радикальной партии, до тех пор радикальная партия мирилась с „Черной рукой“. Но, как только „Черная рука“ окрепла и стала навязывать свои решения правительству, т. е. ра-

дикальной партии, между обеими организациями началась борьба.

Открыл эту борьбу знаменитый „спор о приоритете“, закончил — не менее знаменитый Салоникский процесс 1917 года, бывший разгромом „Черной руки“.

Под борьбой за приоритет в сербской политической публицистике понимается борьба за первенствующее влияние между военной и гражданской администрацией в завоеванных и присоединенных к Сербии после Балканских войн 1912—13 гг. областях. Сторонники „Черной руки“ рисуют эту борьбу, как выступление прогрессивной части сербского офицерского корпуса против продажности и лихоимства гражданской администрации, созданной в этих областях из своих ставленников радикальной партией. Вряд ли это объяснение, после того, что мы знаем о „Черной руке“, нуждается в критике. Гораздо более правдоподобным кажется нам объясненпе Лазаревича, для которого этот спор был только явным отражением скрытой борьбы между „Черной рукой“ и радикальной партией за власть и хозяйничанье в этих областях и, в дальнейшем, во всей стране.

Дело началось с того, что один из ближайших друзей Димитриевича и товарищ его по цареубийству 29 мая 1903 года, член „Черной руки“ генерал Дамиан Попович, назначенный гарнизонным командиром в Ускюбе (Скоплие), отказался занять место в кафедральном соборе города по левую руку гражданского префекта Ускюба и потребовал себе первого места на всех церемониях. Конфликт между генералом и префектом был доведен до сведения совета министров, пославшего соответствующее вразумление генералу. Тогда Попович публично разразился бурной речью, в которой, между прочим, заявил, что ему плевать на все министерские постановления и что он будет поступать так, как ему заблагорассудится.

Такой серьезный оборот дела заставил совет министров и радикальную партию всполошиться. Стоян Протич, бывший тогда министром внутренних дел, угрожая своей отставкой, потребовал убрать буйного генерала. Но у Дамиана Поповича нашелся могущественный защитник в лице влиятельнейшего генерала, начальника сербского генерального штаба, воеводы Путника, авторитет которого, после недавних побед, одержанных сербской армией над турками и болгарами, стоял в Сербии так высоко, как ничей. Путник, сам бывший членом „Черной руки", заявил, что генерала Поповича он убрать не даст и что это вообще „очень достойный генерал". Пашич, поспешивший от имени совета министров к королю, встретил неожиданный отказ. Радикальной партии пришлось уступить и молча признать свое поражение.

Отчаявшись достичь победу путем „прямого действия", радикальная партия повела борьбу против „Черной руки" тихой сапой и попыталась возбудить внутри самого офицерского корпуса общественное мнение против ее заправил. Повод вскоре нашелся [1]: „Черная рука", захватившая в свои руки „Офицерский союз" — организацию, объединяющую всех офицеров сербской армии, — провела в почетные председатели союза воеводу Путника и в фактические — полковника Чедо Иовановича, члена „Черной руки". Когда выяснилось, что Чедо Иованович растратил на издание органа „Черной руки", газеты „Пьемонт", и на нужды членов общества (по личным запискам членов „Черной руки" выдавались суммы 3.000—4.000 динаров) все средства „Офицерского союза" в сумме 300.000 динаров, в том числе и 180.000 динаров, данных незадолго до того союзу правительством, радикальная печать подняла шум, требуя отставки руко-

[1] Lazarevitsch. Die Schwarze Hand, стр. 11—18.

водящей головки „Союза“ и расследования. Стоян Протич провел в совете министров постановление, обязавшее военного министра (члена „Черной руки“) произвести расследование, но „Черной руке“ удалось добиться, чтобы расследование прекратили. Тогда правительство предложило воеводе Путнику принять меры со своей стороны, но Путник отказался подписать протокол ревизионной комиссии, говоривший о растрате, и тем фактически прикрыл ее. Но хотя радикальная партия, таким образом, вторично потерпела поражение, однако кампания радикальной печати имела свои последствия: офицерский корпус, шедший до сих пор за „Черной рукой“, раскололся, в среде офицеров образовалась оппозиция „Черной руке“.

Конфликт между „Черной рукой“ и радикальной партией достиг своего апогея в течение мая и июня 1914 г. О том, что происходило в эти дни, у нас имеются самые противоречивые сведения. Начался этот конфликт с того, что министр внутренних дел Стоян Протич захватил помещение офицерского клуба — шаг, „по существу равноценный объявлению войны“, как характеризует его Сетон-Ватсон [1]. По данным протокола Салоникского процесса, Димитриевич, в ответ на этот удар, начал подготовку к перевороту, имевшему целью устранить правительство Пашича и возвести на трон престолонаследника принца Александра. От переворота, однако, пришлось отказаться, так как офицеры „были утомлены своими разбойничьими подвигами в Македонии“, и архимандрит Велимирович уговорил Димитриевича отказаться от „кровопролития и внутренней смуты“ [2]. Однако, давление

[1] Seton-Watson. The Sarajevo Murder в „Foreign Affairs“ (амер.) 1925, апрель.

[2] „Tajna prevratna organizacija, 37, 51, 171 и сл., 183 и сл. 272 сл., 276, 303 сл., 336, 409 сл., 481, исл., 594, 600.

„Черной руки", действовавшей в блоке с оппозиционными партиями, было настолько сильно, что правительство Пашича 2 июня подало в отставку. Наступил парламентский кризис. Король Петр начал переговоры с оппозиционными партиями, закончившиеся безрезультатно. 10-го июня Пашич согласился образовать кабинет, а 24 июня, т. е. за 4 дня до Сараевского покушения, король Петр отрекся от престола в пользу принца Александра, назначенного регентом.

Почему Пашич ушел в отставку и почему он так неожиданно возвратился к власти, хотя престолонаследник Александр и воевода Путник поддерживали „Черную Руку" — этот факт еще поддается объяснению. Можно сказать: Пашич победил, и „Черная рука" принуждена была покориться. Но почему отрекся король Петр, и престолонаследник Александр, выступавший вдобавок против Пашича и радикальной партии, стал регентом государства, хотя отречение короля Петра не вызывалось решительно ничем, — это обстоятельство продолжало долгое время быть загадкой для исследователей. Ниже мы попробуем дать объяснение и ему, а пока заметим, что Сараевское покушение временно оборвало борьбу за приоритет. Угроза войны заставила забыть обо всех внутренних разногласиях.

Таково влияние „Черной Руки" внутри страны. Общество, ставшее „кабинетом теней" (cabinet of shadows), опираясь на наследника сербского трона, пыталось управлять — и управляло — страной от имени военщины. В эпизоде с регентством Александра настоящего переворота не было. Все приготовления к нему, если они даже и имели место, не вылились в сколько-нибудь осязательную форму, однако радикальная партия почувствовала, что имеет перед собой могучую силу, с которой нужно считаться и считаться всерьез. Наоборот,

это же обстоятельство — существование мощного тайного общества — династию в лице престолонаследника Александра, как мы увидим впоследствии, смущало меньше всего, иначе олигархическая диктатура „Черной руки“ не была бы заменена такой же диктатурой „Белой руки“.

* * *

Нам остается лишь добавить несколько слов о связи „Черной руки“ с „Народной Одбраной“, о работе ее заграницей и той революционной борьбе, которую она вела в неосвобожденных сербских землях. По понятным причинам, эти области деятельности заслуживают самого пристального внимания, ибо связи „Черной руки“ с правящими кругами и династией придавали этим сторонам работы высоко официальный, хотя и негласный, характер.

Руководители общества придавали особое значение захвату аппарата „Народной Одбраны“ в свои руки. С этой целью в состав Врховной центральной управы был введен секретарь „Народной Одбраны“ майор Милан Васич (№ 8). Как заявил сам Димитрович, „его личной заботой было получить через Милана Васича влияние на „Народну Одбрану“. До какой степени дошло это влияние, показывает тот факт, что шифр, употреблявшийся Димитриевичем для переписки с членами „Черной руки“, был тем самым шифром, которым пользовалась „Народна Одбрана“ для корреспонденции со своими агентами и шпионами в южно-славянских землях Австро-Венгрии.

Эта персональная связь была дополнена и организационной связью.

Во время оккупации Сербии австрийскими войсками в 1915 году австрийским властям, на основании документов, собранных в сербских архивах, удалось составить

подробный отчет о деятельности, составе и задачах „Народной Одбраны“. Они установили, что при каждом из 15 окружных советов „Народной Одбраны“, рядом с секциями культурно-просветительной, физического воспитания, экскурсионной и т. д., имелась и секретная секция, в которой лежал центр тяжести работы общества: остальные секции лишь прикрывали ее своей работой. Так, деятельность культурно-просветительной секции исчерпывалась изданием агитационных брошюр и листовок, в числе которых творчество директора государственной типографии Живоина Дачича занимало почетное место, карты южно-славянских племен и военного календаря, иначе „Черной книги австро-венгерской армии [1].

Тайные секции делились на 2 подсекции — внутренних и внешних дел. Подсекция внутренних дел осуществляла функции негласной и неофициальной полиции безопасности. Она имела на своем учете специальных лиц, выполнявших по ее указаниям террористические акты, и укрепляла это своеобразное „гайдуцкое движение“. В подсекции иностранных дел совместно работали влиятельные члены радикальной партии и офицеры — члены „Черной руки“. Далее выяснилось, что некоторые из этих подсекций по иностранным делам держат тесную связь с Белградской франк-массонской ложей „Побратим“ („Кровный брат“), руководимой профессором университета и бывшим министром Светомиром Николаевичем, и работают по ее указаниям. Кроме того, выяснилось,

[1] В этой Черной книге, например, говорилось: „все сербы должны знать об организации австро-венгерской армии, так как это будет им полезно в случае войны“, Австро-Венгрия образована из 10 народностей и в этом причина ее слабости, так как ее солдаты не захотят сражаться. Австро-венгерская артиллерия слаба; жандармерия ненавидима народом. Сербы и хорваты составляют 7% состава австро-венгерской армии и т. д.

что, вскоре после образования „Врховной центральной управы“, некоторые ее члены были посланы в качестве представителей „Черной руки“ в массонскую ложу „Побратим“ для осуществления персональной связи между „Черной рукой“ и сербским массонством. В числе этих „кооптированных“ были майор Танкосич и редактор „Пьемонта“ Люба Иованович-Цупа [1].

„Черная рука“ отправляла своих эмиссаров и заграницу. Богичевич опубликовал мандат одного из таких эмиссаров. Вот его текст:

„Врховна центральна управа организации „Уедненье или смрт“ делегирует своего члена № 1872, Михаила Видановича, для того, чтобы основать в Париже (Франция) покраинскую управу и поручить ей выполнение работы организации в духе статутов и регламента. Врховна центральна управа должна быть осведомлена о результатах обычным порядком“

Место печати.

Удалось ли Видановичу организовать покраинскую управу в Париже — неизвестно. Но раз такие попытки были, не исключена возможность, что членами „Черной руки“ заграницей, помимо сотрудников сербских посольств, были и местные жители. Ведь речь шла о покраинской управе, которая должна была явиться головкой более или менее многолюдной организации. Один штат сербской миссии и консульств вряд ли мог доставить из своей среды необходимый человеческий материал. Связи сербских масонов с французскими, с одной стороны, и с членами „Черной руки“, с другой, облегчали возможность приема иностранцев. К сожалению, деятельность „Черной руки“ заграницей, кроме Австро-Венгрии и Турции, в исторической и мемуарной литературе осве-

[1] Wiesner в „Kriegsschuldfrage“, апрель, 1928 г., стр. 330-1.

щена так так слабо что сделать какие либо выводы о работе „Черной руки“ заграницей пока невозможно.

Методами революционной борьбы общество считало повстанческое партизанское движение и террористические выступления в интересах национального дела. Первый метод оно старалось применять в славянских областях Турецкой империи, например, в Македонии и Албании, где издавна существовало обширное четническое движение, и отряды комитаджей вели упорную непрерывную борьбу с турецкой администрацией. Ведя борьбу за освобождение угнетенных турками, общество не ограничивалось материальной поддержкой и поощрением существующих местных чет, но и формировало новые, сыгравшие большую роль во время Балканских войн 1912-13 годов. Для этой цели „Черная рука“ с ведома военного министерства организовала школу комитаджей в Прокуплие [1] — маленьком городке к юго-западу от Ниша, в 30 километрах от железной дороги — школу, решительно ничем не отличавшуюся от той школы комитаджей, которую „Народна Одбрана“ устроила в 1908 году в Чуприи. Учеников в школу направляли „Врховна Центральна Управа“ и пограничные офицеры, принадлежавшие к местной организации „Черной руки“. Среди учеников было не мало турецких и австрийских подданных.

В южно-славянских землях Двуединой монархии в мирное время четническое движение использовать было нельзя — из опасения вызвать войну с Австрией, но подготовка комитаджей на случай войны шла усиленным темпом. Как выяснилось после войны 1914-18 гг., сербским военным министерством, по соглашению с генеральным штабом, задолго до войны были разработаны

---

[1] Прокуплие — этот захолустный городок — был выбран потому, что здесь легче было скрыть школу от посторонних глаз.

подробные инструкции о деятельности комитаджей в предстоящей войне [1]. Инструкции предписывали четам, в случае наступления сербской армии, взять на себя задачу глубокой разведки и дезорганизации австрийского тыла, а также организацию восстаний среди населения сербских провинций. В случае отступления сербской армии, четы должны были остаться в окупированных австрийцами областях Сербии и вести партизанскую работу в тылу наступающих австрийцев, вооружая местное население. Во время боев на реке Ядар в августе 1914 года существовали следующие отряды комитаджей: 1) в Златиборе, под командой майора (быв. капитана) Косты Тодоровича (№ 254) — в составе 3 чет, численностью в 750 человек, оперировавших в районе черногорской границы до горы Медведник и юго-восточнее от Зворника; 2) у реки Ядар под командой майора Воина Поповича (№ 105) — в составе 2 чет, численностью в 500 человек, 3) в районе Рудника под командой Войи Танкосича (№ 7), численностью в 500 челов., 4) в районе Горняка к востоку от реки Моравы под командой Велемира Вемича (№ 4), численностью в 500 человек. Эти 2000 комитаджей надо было обучить и вытренировать к предстоящей им деятельности задолго до войны.

Но если „пошарпать" при помощи чет „австрийские берега" было невозможно, то второй метод борьбы— террористические акты и покушения — применялся исключительно в южно-славянских землях Австро-Венгрии, для чего „Черная рука" усиленно поддерживала омладинческое движение в лице „Национально-Революционарной омладины".

Выше мы указывали, что статут „Черной руки" вводил в состав „Врховной централной управы" по 1 пред-

[1] Генерал Живко Павлович „Битка на Јадру августа 1914 год". Београд — Земун. 1924 стр. 619—623.

ставителю покраинских управ — 1) Боснии-Герцеговины; 2) Черногории; 3) Старой Сербии и Македонии (фактически упразднена после 1913 года), 4) Хорватии-Славонии, 5) Воеводины (Баната) и 6) Приморья (Далмации). Эти покраинские управы являлись организационными центрами омладинского движеняя в каждой из этих земель и обладали верховной властью на своей территории.

Представителем Боснии-Герцеговины в Белградской „Врховной центральной управе" был организатор боевой террористической группы „Млада Босна" в Боснии, некто Владимир Гачинович, значившийся в списках „Черной руки" под № 217. Сперва студент Белградского, а затем — Лозаннского университета, в котором он учился, получая стипендию от сербского правительства, Гачинович был доверенным человеком „Черной руки" и получал от нее средства на организацию омладинского движения в Боснии. „Этот высокий худой юноша, с изможденным лицом сектанта, влюбленный в панславистскую мечту, последователь Бакунина, талантливый писатель и поэт (он оставил после своей кончины в Фрейбурге в 1917 году томик стихов, критических и публицистических этюдов) был идеологом юго-славского национально-революционного движения и пользовался неоспоримым авторитетом в кругах университетской молодежи. Заграницей он поддерживал связи с русскими эмигрантскими кругами, встречался с Черновым, Троцким, Луначарским" [1]. Организованная им „Млада Босна" стала боевой группой боснийского омладинского движения, объединившегося вокруг сараевского журнала „Србска омладина". Помощником Гачиновича в Боснии был Данило Илич, а членами „Млада Босна" — Принцип, Грабеч, Боривой

[1] Victor Serge в Clarte, май 1925.

Евтич и др. „Млада Босна“ организовала и объединила под своим руководством ряд омладинских кружков в Боснийсхой области.

Любопытное описание „Молодой Босны“ дает Л. Д. Троцкий [1], составивший его по рассказам и рукописи одного из ее членов, с которым он встречался заграницей, — едва ли не самого Владимира Гачиновича. Троцкий встретился с ним спустя несколько дней после Сараевского покушения в Café de la Rotonde, воспетой Ильей Эренбургом в „Необычайных приключениях Хулио Хуренито“. Мы приводим из статьи Троцкого несколько выдержек.

„В Сараеве движение группировалось вокруг журнала „Омладина“, который переводами Герцена и других русских писателей воспитал целое поколение. Я (собеседник Троцкого. — Н. П.) принадлежал к тому маленькому кружку, в который входили Принцип и его друзья, руководившие „Омладиной“. Нами была переведена брошюра Бакунина о „Коммуне“. Она в числе других изданных нами брошюр была распространена организаторами по всей стране. Мы часто спорили о том, о чем в свое время так много спорили и вы: о социализме, о судьбах народа, о методах борьбы. В наших рядах не было серьезных разногласий, как и в наших идеях не было большой определенности; но мы все были убеждены, что только после страшной борьбы можно будет освободить народ и спасти сербство. С восторженной любовью мы читали роман Чернышевского „Что делать“, останавливаясь перед сильной фигурой аскета Рахметова... ... Мы подражали герою Чернышевского, как могли. В статуты нашего кружка входило обязательное воздержание от

[1] Л. Д. Троцкий. Годы великого перелома. Книгоизд. „Коммунист“. Москва 1919. статья „Мальчики, которые „вызвали“ войну“.

любви и вина. Вы мне не поверите, если я скажу, что мы все оставались верны статутам. Каждый вечер мы собирались в восточной части Сараева, в убогой комнате одного из наших друзей. Поочереди читали по-сербски и на иностранных языках новые статьи, выдержки из книг, рукописи для „Омладины". Распределяя между собой работу, мы учились, чтобы учить других. Евтич, наиболее начитанный среди нас, поэт, хорошо известный сербскому юношеству, был руководителем нашей работы, От имени нашей группы он переписывался с единомышленниками по всей стране, руководя организацией новых кружков в провинции. Бледный и нервный, с большими черными глазами, всклокоченными черными смоляными волосами, смелый и мечтательный, он был для нас непререкаемым литературным авторитетом".

Приблизительно такие же омладинские центры с боевыми группами „Черной руке" удалось создать в Хорватии:

„Кроатская молодежь сплотилась вокруг журнала „Вихорь", в 1912 г. выходившего в Аграме. Это издание имело антиклерикальный оттенок, вызванный преобладающим влиянием клерикализма в католической Кроации. В этой группе Владимир Черина представлял мадзинистское направление, которое он проводил в своей провинциальной библиотеке „За нацию". После покушения Юкича на бана Кроации Цувая, легальные организации были повсюду закрыты". Руководителями хорватского омладинского движения были Рудольф Герцигонья, Лука Юкич и Эндлихер.

В Приморье (Далмация) руководителем далматской Омладины и представителем ее в Врховной центральной управе „Черной руки" был некто Оскар Тарталья из Спалато, редактор журнала „Покрет" („Организация"), затем газеты „Нови лист" в Фиуме, а с марта 1914 года — редактор-издатель омладинского журнала „Застава" в

Спалато. Во время проезда сербского престолонаследника принца Александра через Спалато в августе 1910 года, он организовал несколько националистических манифестаций в честь принца Александра; в 1912 г. он был организатором кровавых манифестаций в Сараеве по случаю роспуска боснийского лантага. В „Черную Руку" он был принят в 1912 году и получил номер между 296—304,

„В Славонии (Горица и область Триеста) молодежь группировалась вокруг журнала „Препоред" („Возрождение"), который выходил в 1912 году под градом цензурных преследований. Группа „Препореда" несомненно была самой активной и методической в работе. Вождями движения являлись здесь воспитанники немецких университетов, так как с преподаванием на словенском языке существуют только низшие школы. Часть словенской интеллигенции находилась под влиянием венских клерикалов. Дух политических клик и карьеризма существовал в ее среде. Против этого сервильно-корыстного направления поднял знамя возмущения „Препоред". „Мы верим в жизненные силы нашей расы,— писал он в первой своей статье,— верим в будущее. Кузнецы, выковывайте стойкие характеры и несокрушимую волю!". Сторонники „Препореда" нередко так и называли себя в беседах — кузнецами. Журнал публикует биографию Петра Крапоткина и письма Александра Герцена о польском восстании 1863 года. Это был последний номер „Препореда"—его закрыли. В первый раз я встретился со словенской молодежью в Вене в 1911 году. Мои собеседники, которые впоследствии образовали редакцию „Препореда", вышли из распадавшейся старо-радикальной организации словенского юношества. Здесь стремились к более активной борьбе и искали связей с сербской и кроатской молодежью".

Как и при чьей помощи „Черная рука“ и последователи Бакунина и Герцена нашли общий язык? Ясно, что Врховна централна управа не могла самостоятельно руководить омладинским движением. Слишком уж велика была пропасть между сербской военщиной — теми генералами и полковниками, которые составляли основное ядро членов „Черной Руки“, и югославской революционной молодежью! Ведь если все омладинцы были готовы пожертвовать своей жизнью ради сербского дела, так только потому, что в их сознании социальная революция совпадала с национально-освободительной. „Шваб“ и „мадьяр“ были не только политическими угнетателями, но и символами социального угнетения. Их деятельность казалась им революционной и в объективном, и субъективном смысле. Как же случилось то, что эта революционная молодежь могла стать бессознательным орудием в руках самой реакционной военщины и бюрократии? Как могло случиться то, что даже старые деятели омладинского движения, сгруппировавшиеся сейчас вокруг органа Балканской федерации компартий „Federation Balcanique“, до последней минуты, до самого последнего времени, даже после войны и всех разоблачений о деятельности „Черной руки“, — до сих пор еще пребывают в заблуждении, что полковник Димитриевич был революционером и республиканцем. Достаточно прочесть показания Павле Бастаича и Мустафы Голубича Виктору Сержу в майском номере „Clarté“ за 1925 год, статьи Обарова, Владимирова, Мермета и др. в „Federation Balcanique“ за 1924 — 25 годы, чтобы убедиться в незыблемости этого заблуждения. Нам кажется, что это вызвано двумя причинами:

1) Статут „Черной руки“. Рядовые члены общества, в частности омладинцы, знавшие только свою пятерку и своего члена — поручителя, не знали и не могли знать

всех сокровенных тайн общества. Общих собраний, на которых Врховна централна управа докладывала бы о деятельности общества, не было и не могло быть. Полковник Димитриевич являлся только в самые торжественные минуты как deus ex machina и при помощи личного обаяния и ораторского таланта воспламенял и без того горячую молодежь; этим собственно и ограничивалось все знакомство омладинцев с головкой общества.

2) В Сербии была создана „Србска националистичка омладина", фигурировавшая перед заграничной молодежью под маркой революционной организации. Руководителем этой „Омладины" был член Врховной централной управы Люба Иованович-Цупа, бывший вице-председатель общества „Словенский юг" и один из героев разоблачений Настича.

Вот как рисовался собеседнику Троцкого образ Любы Иовановича: „Иованович был Мадзини молодой Сербии. Очень высокий, изнеможденный, с большим лбом, неутомимый работник и последовательный аскет, фанатик-агитатор молодой Сербии, Иованович путешествовал по всем сербским провинциям, часто пешком, сближаясь со страной и людьми, знакомясь с выдвигающимися политическими деятелями, завязывая связи, направляя и толкая вперед. Он прекрасно знал болгарскую общественную жизнь и имел личных друзей среди македонских деятелей. Еще студентом в Брюсселе, работая по 14 часов в сутки в королевской библиотеке, он урезывал себя во всем, сберегая гроши для будущей газеты, в которой вел пропаганду с рвением апостола. Все руководящие элементы юго-славской молодежи проходили через скромную редакцию „Пьемонта", чтобы видеть и слушать Любомира. Там можно было встретить конспираторов из всех провинций Австро-Венгрии и Македонии. Иованович был как бы молчаливо признанным центральным ко-

митетом движения, которое обещало освободить и объединить нашу расу. Все юго-славское юношество знало его по имени, легенды о нем ходили в наших кружках. В марте 1903 года, накануне кровавого переворота в Белграде, Люба Иованович был вместе с молодым тогда Туцовичем, организатором бурных демонстраций против короля Александра. В следующем году он основывает журнал „Словенский юг“ [1]. Программа издания — национальное и социальное освобождение от Австро-Венгрии юго-славянских провинций. Он влиял может быть больше, чем кто-либо другой, в нашу эпоху на всю нашу жизнь. Я был у него в редакции „Пьемонта“ в сентябре 1911 года. Он сидел один, низко согнувшись над столом и писал статью для следующего номера газеты. „Вот как? Вы—бакунист? Наши мысли близки друг другу. Но посмотрите на действительность и вы согласитесь со мной. Нужно сильнее скрепить движение национальной идеей, иначе оно грозит упасть. Нужно звонить тревогу, переработать нашу душу, закалить себя“. Я часто видал его около семи часов вечера, когда он выходил из редакции, молчаливый, погруженный в свои мечты, как загадочная тень. Когда я думаю о Сербии, я всегда вижу его апостольскую фигуру над сербским горизонтом“. „Президента этого союза („Словенского Юга“—Н. П.)—его зовут Любой Иовановичем—Настич, некоторые доносы и газеты сделали опасным и влиятельным политическим персонажем. Но это простой студент, который был счастлив, что правительство (сербское — Н. П.) дало ему стипендию и он мог поехать для своего образования в Брюссель“ — так распинался с трибуны рейхсрата проф. Масарик по поводу Любы Иова-

[1] Вокруг этого журнала и группировалось общество „Словенский юг“, деятельность которого была предметом разоблачений Настича.

новича-Цупы [1]. Так ли был наивен Масарик чтобы не понимать и не знать действительности? Историкам предоставляется возможность исследовать этот вопрос более детально чем коснулись его мы в своем изложении. Теперь же достаточно прочесть это восторженное описание Гачиновича, чтобы понять, как именно и в каком аспекте являлась для омладинцев „Черная Рука". Сидевшие в ней полковники и генералы были невидимы для боснийской молодежи, не подозревавшей, что они являются в их руках обыкновенными пешками. Рядовые омладинцы и революционно настроенная молодежь знали только Любу Иовановича-Цупу. Он принимал их в редакции „Пьемонта", наставлял и внедрял в них сознание необходимости террористической тактики, учил словом и действием.

В том, что руководимая Любой Иовановичем-Цупой „Србска националистичка омладина" в самой Сербии не вела никакой работы, кроме пропаганды великосербского национализма, вряд ли приходится сомневаться. Во первых, Пашич и его коллеги никакой другой деятельности в своей стране просто бы не потерпели; во-вторых, вся агитация и пропаганда выдвигали в первую очередь задачу добиться освобождения южных славян от австрийского и турецкого ига. Реформа и революция в самой Сербии тогда не заставят себя ждать. Перефразируя знаменитые слова Столыпина, можно сказать, что программа юго-славского движения, выдвинутая „Черной рукой", выражалась почти Столыпинской формулой: „Сначала освобождение, затем реформы". Такова была приманка, на которую ловились идеалистические караси. То, что омладинцы вряд ли бы дожидались обещанных

[1] Prof. Masaryk. Der Agramer Hochverratsprozess und die Annexion von Bosnien und Herzegowina. Wien. 1909, стр. 56.

„Черной рукой" реформ и революций, весьма убедительно показывает политическая жизнь Юго-Славии после войны. Юго-Славия стала символом социальной реакции на Балканах, успешно заменив в этом отношении Австро-Венгрию.

Эти причины объясняют в известной степени, почему омладинцы верят до сих пор в революционный характер „Черной руки". Подобно двуликому Янусу, „Черная Рука" поворачивалась к ним исключительно своим наружным революционным лицом, тщательно скрывая свое внутреннее—лицо социальной реакции, лицо военной (по преимуществу) и бюрократической (отчасти) олигархии, являвшейся опорой династических притязаний честолюбивого младшего сына короля Петра принца Александра, хотевшего царствовать вместо своего старшего брата — принца Георга.

Используя эту молодежь, генералы и полковники из „Черной руки" систематически готовили террористические акты против австрийских сановников. Сейчас мы перечислим крупнейшие террористические выступления омладинцев в Австро-Венгрии, совершавшиеся под руководством „Черной руки".

15 июня 1910 года, т. е. еще до организации общества „Черной руки", боснийский студент Богдан Жераич совершил покушение на военного губернатора Боснии генерала Варешанина (предшественника Потиорека). Покушение не удалось. Жераич в генерала Варешанина не попал, хотя успел выстрелить 5 раз и своими выстрелами убил видного австрийского чиновника. Преследуемый полицией, Жераич застрелился. В его квартире нашли обрывки писем и бумаг, которые он сжег перед покушением, и одну из брошюр Крапоткина. Австрийские власти, удивленные покушением, — это был первый случай покушения на австрийского чиновника в южно-славянских

землях, — объяснили покушение влиянием анархических брошюр и памфлетов, которых начитался Жераич. В австрийских газетах появились написанные в этом смысле статьи, а именно: Жераич был анархистом и т. д. Но каково же было удивление австрийцев, когда по ту сторону Дуная сопричисление Жераича к анархистам было воспринято, как оскорбление. Белградская пресса разразилась целым потоком статей, в которых недвусмысленно указывалось, что об анархизме Жераича не может быть и речи, что Жераич отомстил угнетателям сербского народа и пожертвовал своей жизнью ради югославской идеи. 2 месяца спустя после покушения, по случаю исполнившегося 18 августа 1910 года 80-летия императора Франца-Иосифа, официоз сербского правительства „Политика" не нашел лучшего способа отметить юбилей австрийского императора, как поместить большой портрет Жераича в траурной рамке со стихами:

Император, ты слышишь, в блеске револьвера
Как свинцовые пули пронижут твой трон...
Этот выстрел только первый гонец
Сербского воскресенья вслед за муками Голгофы.

Передовая статья подчеркивала, что австрийцы стремятся всячески замазать „благородный кровавый протест Жераича против угнетения юго-славского народа" и, пытаясь представить Жераича анархистом, стереть всякую память о Жераиче. „Но именно этот страх мертвого Жераича и запрещение упоминать о нем в Боснии-Герцеговине имеют своим результатом, что народ чтит его память, как память святого, и в этот день 18 августа, пожалуй, больше чем когда-либо. И мы в этот день зажжем свечу на его могиле и воскликнем „Живио, Жераич!" [1].

[1] Oesterreichische Rote Buch 1919, II № 48 („досье").

В годовщину покушения и в дни народной скорби сербская пресса не уставала славить имя Жераича, как первого бойца за сербское дело, как достойного преемника Обилича. Гачинович посвятил памяти Жераича агитационную брошюру „Смрт едног Героја“ („Смерть одного героя“), имевшую большое влияние на юго-славскую молодежь. (Принцип просиживал ночи на могиле Жераича!). Редакция „Пьемонта“ отпечатала 10.000 экземпляров этой брошюры особым приложением к газете и нелегально распространяла ее по всем южно-славянским землям Австро-Венгрии. Брошюра раздавалась бесплатно. Когда австро-венгерские войска в 1914 г. оккупировали часть Сербии, — в одном из складов редакции „Пьемонта“ было найдено еще несколько тысяч экземпляров этой брошюры [1].

После оккупации Белграда австрийцами во время войны выяснилась причина самоубийства Жераича: он застрелился, боясь проболтаться во время допроса и суда о соучастниках и вдохновителях покушения. Выяснилось также, что оружие он получил от сербского майора, впоследствии полковника, Божина Симича, личного друга Димитриевича и члена созданной позже „Черной руки“, в которой Симич был зарегистрирован под № 111. При этом Божин Симич не только дал Жераичу оружие, но обучал его во Вранье (Сербия) стрельбе из револьвера. Таким образом, устанавливалось, что покушение Жераича было задумано и организовано в Белграде.

8 июня 1912 года боснийский студент Лука Юкич стрелял из браунинга в Аграме (Загребе) в бана Хорватии Цувая. Покушение снова окончилось неудачей Юкич промахнулся и убил советника бана Гервоича. Во время бегства Юкич ранил трех полицейских, в том числе

[1] Wiesner, в „Kriegschuldfrage“ 1928, апрель.

одного смертельно. Но спастись ему не удалось. На суде Юкич признался, что мысль совершить покушение ему пришла во время пребывания в Белграде вместе со студенческой экскурсией Аграмского университета. На торжественных празднествах, устроенных в честь прибывших гостей, Юкич завязал знакомства с несколькими лицами, принадлежавшими к „Народной Одбране", и вел с ними политические споры. Позже он снова съездил в Белград и здесь получил от одного сербского майора бомбу, а от одного товарища — браунинг, при помощи которого и совершил покушение. Бомба, найденная у Юкича, по свидетельству экспертов на суде, была военного образца и была взята из запасов какого-то неизвестного им арсенала [1].

Эти показания Юкича нуждаются в некоторых пояснениях.

В 1928 году вышли мемуары упоминавшегося нами Оскара Тартальи под несколько громким названием: „Государственные изменники. Мои воспоминания из эпохи борьбы против Черно-Желтого Орла" [2]. В них Тарталья рассказывает следующее.

В феврале 1912 года в Сараево состоялись бурные демонстрации по поводу роспуска боснийского ландтага. Тарталья, руководивший этими демонстрациями, познакомился в Сараево со студентом Лукой Юкичем, и речи Тартальи об „изнасиловании хорватов" произвели на Юкича такое впечатление, что последний в разговоре с Тартальей вызвался поехать в Аграм (Загреб) и совершить там покушение на бана Хорватии Цувая. Уже в те времена Тарталья был связан с „Черной рукой". Так как

[1] Oesterreichische Rote Buch 1919, II, № 48 („досье"); Serajevo. La conspiration serbe contre la Monarchie Austro-Hongroise. Bern. 1917.

[2] O. Tartaglia. „Weleizdajnik". Agram-Spalato. 1928 стр. 26, 36, 24, 55 и сл.

омладинское движение было раздроблено, и отдельные выступления носили неорганизованный характер, в Белграде решили добиться „единства действия", т. е. координировать омладинское движение в юго-славянских землях. Для этого в целях „смычки", как между собой, так и с „Черной рукой", была устроена экскурсия студентов из различных юго-славских земель в Сербию. Экскурсия в составе 176 студентов, продолжавшаяся с 18 по 25 апреля 1912 года, посетила Белград, Крагуевац и Семендрию. В честь приехавших представителей заграничных братьев сербские официальные круги устроили ряд торжественных встреч и праздников. Министры Маринкович и Люба Иованович (однофамилец Любы Иовановича-Цупа) дали студенческой делегации торжественный прием; в Топчидере в честь приехавших состоялся военный парад регулярных войск, который принимали студенты; Белградский офицерский корпус устроил бал. Во время шествия студентов по Белграду они остановились у королевского конака (дворца) и принесли присягу в верности. В это время на балконе показался сам король Петр, принявший, таким образом, присягу. Тарталья рассказывает, что в эти дни он вел конфиденциальные переговоры с главарями „Черной руки", в частности с полковником Димитриевичем и редактором „Пьемонта", Любой Иовановичем-Цупа. По его словам, он предложил Димитриевичу совершить покушение против бана Хорватии Цувая, ставшего ненавистным для омладинцев за суровые политические репрессии, и, в качестве исполнителя, представил ему Юкича. Димитриевич одобрил предложение и отослал Тарталью и Юкича для дальнейших переговоров к майору Танкосичу. С Танкосичем Тарталья встретился в офицерском клубе, где и изложил ему свое предложение. После этого „Танкосич забрал Юкича в свои руки и самолично обучил его стрельбе

из револьвера и обращению с ручными бомбами". От Танкосича Юкич получил браунинг, который увез с собой в Аграм. Бомбы были доставлены третьим лицом.

В связи с этими переговорами, 22 апреля в Белградской гостинице „Москва" состоялся торжественный обед на 20 персон, устроенный полковником Димитриевичем. На обеде присутствовало 6 гостей — австро-венгерских подданных, в том числе Тарталья, Юкич, Павле Бастаич и кажется Гачинович. Со стороны хозяев были Димитриевич, майор Танкосич, майор (впоследствии подполковник) Вемич, секретарь „Народной Одбраны", капитан (впоследствии майор) Милан Васич, Люба Иованович-Цупа и др. На этом обеде, данном в честь омладинцев, герои будущего покушения занимали почетное место: по правую руку полковника Димитриевича сидел Тарталья, по левую — Юкич. За обедом Димитриевич изложил Тарталье свои взгляды по поводу необходимости объединить все революционные силы югославского движения и в Сербии, и в Австро-Венгрии. Тарталья согласился с планами Димитриевича. Это объединение сил было символически закреплено приемом Тартальи в члены „Черной руки" 27 апреля. При посвящении Бранко Бозович сказал Тарталье, что его прием в члены „Черной руки" составляет крупное событие в жизни этой организации, так как Тарталья — первый католик, хорват и представитель Далмации в Врховной центральной управе „Черной руки". В этот же период в члены „Черной руки" были приняты Юкич, Гачинович, Принцип и др. Юкич в сопровождении еще одного компаниона посетил дворец и был принят в тайной аудиенции сербским престолонаследником принцем Александром (в последнем признался на суде и сам Юкич).

Покушение Юкича, по словам Тартальи, имеет еще и внутреннюю связь с сараевским покушением. Юкич

до своего вступления в сараевскую „Омладину“ принадлежал к югославскому революционному кружку, основанному в 1909 году в Тузле Радивоем Гурановичем, членами которого были и ставшие впоследствии героями сараевского дела учитель села „Прибой“ Велико Кубрилович, гимназисты Трифко Грабеч и Гаврило Принцип. Гурапович связался с сербскими тайными организациями в Белграде и включил свои кружки в их сеть. Во время балканской войны он поддерживал связь с Димитриевичем и Танкосичем, и именно это обстоятельство явилось причиной того, что Принцип явился к майору Танкосичу с просьбой зачислить его в школу комитаджей.

Третьим покушением было покушение Планинчака, стрелявшего в ноябре 1912 года в бана Цувая и легко ранившего его.

Четвертое покушение совершил 18 августа 1913 года Степан Дойчич, с этой целью прибывший в Хорватию из Соединенных штатов. Он стрелял (неудачно) в преемника Цувая, бана Хорватии, барона Скерлеча. Как выяснилось впоследствии, Дойчич был членом одной из омладинских организаций в Америке, объединенных Нью-Иоркским и Чикагским советом „Народной Одбраны“. Впоследствии выяснилась причина совершения покушения американским эмигрантом: на процессе Юкича выяснились скандальные подробности о визите студентов в Белград, о приеме Юкича на личной аудиенции сербским престолонаследником принцем Александром, о сербском майоре, давшем Юкичу бомбу. Австрийское правительство сделало по этому поводу „дружественное представление“ сербскому правительству, и в Белграде решили переменить тактику и сбить австрийцев с толку. Для этой цели и был выписан из Америки Дойчич, относительно которого никто уже не мог сказать, что его покушение имеет свои нити в Белграде. В самом деле, кто мог

подумать о том, что австрийский подданный Дойчич, американский эмигрант, связан с Белградом?

Наконец 20 мая 1914 года [1], т. е. приблизительно за месяц до покушения Принципа, студент Яков Шефер пытался произвести в Аграмском театре покушение на бана Скерлеча. В последнюю минуту его задержали и выполнить покушение он не успел. Судебное следствие выяснило, что Шефер был одним из 6 лиц, составивших для убийства Скерлеча заговор, душой и руководителем которого был некий Рудольф Герцигонья. Арестованные заговорщики сознались, что заговор был организован по указке из Белграда, откуда они и получили оружие. Герцигонья, бывший товарищем Юкича, после ареста последнего предпринял попытку устроить бегство Юкича из тюрьмы. Неудача этой попытки заставила его бежать в Сербию (это произошло в октябре 1912 года). В Белграде Герцигонья вступил с „Черной рукой" и деятелями „Народной Одбраны" в переговоры, предметом которых была организация покушений на австрийских сановников в южно-славянских землях в Австро-Венгрии и, в первую очередь, на эрцгерцога Франца-Фердинанда. Когда в Белграде этот вопрос был принципиально разрешен, Герцигонья с деньгами и оружием вернулся в Аграм (Загреб) и здесь сформировал группу заговорщиков для покушения на Скерлеча. В число этих заговорщиков вошел и Шефер.

Из этого перечня покушений видно, как и в чем проявлялась связь „Черной руки" с омладинцами. В отношении своей организации все 5 покушений удивительно походят друг на друга, различаясь быть может только оттенками: и деньги, и оружие и наконец сама идея шли из Белграда. Белград был конечной и высшей

[1] Oesterreichische Rote Buch, 1914, № 19.

инстанцией, решавшей вопрос — стоит ли или не стоит совершить покушение и на кого именно? Если покушение одобрялось, замысел приводился в исполнение. Предусмотрительн сть „Черной руки“ при этом была так велика, что для выполнения покушений специально подбирались лица, не достигшие еще 20-летнего возраста, так как по австрийским законам их нельзя было приговорить к смертной казни.

Вот почему некоторым из исполнителей покушений удалось дождаться свободы. Распад Австро-Венгрии в 1918 году освободил их из тюрьмы. Так досрочно на свободу вышел Дойчич, вернувшийся обратно в Америку. Однако тюрьма его так измотала, что вскоре после освобождения он умер. Вышел также из тюрьмы и Юкич, получивший от сербского правительства земельный надел в награду „за труды и лишения“. На этом участке земли он живет и сейчас, подобно Цинцинату, променявшему меч и громы войны на скромный плуг пахаря.

Так работала „Черная рука“, эта невидимая и мощная организация, использовавшая национальное революционное югославское движение в своих целях. Тщательно законспирированная, она с момента своего возникновения обозначила третий период в истории „Народной Одбраны“: оба общества работают параллельно. „Народна Одбрана“ — как идеологическая, „Черная рука“ — как боевая организация. Конечно это разграничение можно провести лишь в самых грубых чертах, так как в очень многих областях деятельность „Черной руки“ и „Народной Одбраны“ тесно сливались друг с другом, и фактически „Народна Одбрана“ прикрывала работу „Черной руки“ и облегчала ее путем организации „каналов“, шпионской службы и службы „поверенников“. Вот почему никто в Австрии, и даже население югославских провинций, не верило, что „Народна Одбрана“ после аннексии и кризиса 1908—

1909 года прекратила свою боевую деятельность. Существование „Черной руки“ для них было покрыто тайной. Только немногие знали, от кого исходят покушения, а вся масса населения, в том числе и австрийские власти, упорно приписывали их „Народной Одбране“, что было весьма выгодно руководителям „Черной Руки“. Поэтому многие члены последней в югославских провинциях, даже в среде омладинцев, были известны только как члены „Народной Одбраны“. И вот почему „правительственные круги Австро-Венгрии считали „Народну Одбрану“ опаснейшей заговорщической организацией“. О „Черной руке“ австрийцы знали лишь по наслышке и при том только как об организации заговорщиков, совершивших переворот 29 мая 1903 года. „Реконструкция“ „Черной руки“ в 1911 году была еще не известна, и поэтому, когда допрос сараевских убийц выяснил, что покушение, как и предыдущие, шло из Сербии, австрийский ультиматум потребовал роспуска именно „Народной Одбраны“.

Теория и практика великосербской идеи с 1903 по 1914 год имели одну цель. И программа радикальной партии, и статут „Словенского юга“, и программа „Народной Одбраны“, и статут „Черной руки“ — все стремилось к одному: к разрушению Австро-Венгрии и созданию „Великой Сербии“. Методом достижения этой задачи были избраны — война с Австрией при поддержке России, организация повстанческого движения и восстаний в южно-славянских землях Австро-Венгрии и покушения на выдающихся австро-венгерских сановников в этих землях, чтобы терроризировать и дезорганизовать австрийскую администрацию. Сербское правительство знало и одобряло эту деятельность, так как пришло к власти на программе войны с Австрией. В самом деле могла ли работа тайных обществ, в период 1910—1914 года совер-

шивших 5 покушений (кроме сараевского) против австро-венгерской администрации, проходить без ведома и благожелательного отношения сербского правительства? И состав членов этих обществ, и обстановка, в которой они работали, прямо вопиют против подобных утверждений. Изложенные нами факты не позволяют сомневаться в том, что террористические акты, организуемые в Белграде, были частью сербской правительственной программы. Поэтому, сараевское покушение, бывшее шестым по счету за 4 года, отнюдь не является случайным эпизодом, а лишь одним из звеньев в серии убийств и покушений, быть может только более громким и более удачным, чем предшествующие.

V. Подготовка сараевского покушения.

Судьба эрцгерцога Франца-Фердинанда была решена давно.

Из дневника подполковника Вемича известно, что проект убийства эрцгерцога обсуждался еще в 1908—1909 годах. В 1911 году, как мы знаем из признаний профессора Станое Станоевича, полковник Димитриевич посылал своего эмиссара в Вену для убийства императора Франца-Иосифа или престолонаследника Франца-Фердинанда, но покушение не удалось.

К 1912 году относится и смертный приговор массонских организаций: „Эрцгерцог не будет царствовать. Он умрет на ступенях трона" — смертный приговор, известный Францу-Фердинанду.

В 1912 году „Черная рука" поручила организацию покушения против эрцгерцога одному из руководителей Хорватской „Национальной революционарной омладины" — Герцигонье. Но эрцгерцог был за пределами досягаемости и в те области, где „Черная рука", благодаря своим связям с „Омладиной", была хозяином положения, не показывался.

Поэтому известие о приезде эрцгерцога в Боснию было встречено в кругах „Черной руки" с чувством удовлетворенного ожидания. Посещение эрцгерцогом Боснии ни в коем случае не должно было пройти

бесследно. В Боснии, где ирридента с 1908 года была особенно сильна, на эрцгерцога можно было организовать настоящую методическую облаву, и для этой цели „Черная рука“ мобилизовала всех своих „поверенников“.

С этими „поверенниками“, выполнившими покушение, нам следует познакомиться поближе. Не из соображений сенсации! Биографии маленьких людей, вызвавших большие события, любопытны, как иллюстрация того, как буржуазия умеет использовать человеческий материал, где она его находит и как обрабатывает. Ведь история, как мы знаем, повторяется..

Физических исполнителей покушения было несколько. Их имена Данило Илич, Гаврило Принцип, Трифко Грабеч и Неделько Габринович. Их пособниками и техническими организаторами в Белграде явились известный уже нам майор Танкосич и Милан Циганович.

* * *

Данило Илич был доверенным лицом и ближайшим сотрудником руководителя „Молодой Босны“ Гачиновича в самой Боснии. Сельский учитель по профессии, он, после увольнения за антиавстрийскую агитацию устроился служащим Сербского национального банка в Сараево. В 1912 году он ездил в Белград со студенческой экскурсией и там встретился вместе с Юкичем, Герцигоньей, Тартальей и Принципом и был принят в члены „Черной руки“, войдя, таким образом, в тот избранный круг югославской молодежи, который „Черная рука“ подготовляла для террористических актов. По возвращении в Сараево Илич работал в редакции газеты „Србска речь“, а затем редактировал сербскую социалистическую газету „Звоно“ (Колокол). Вместе с Гачиновичем, заезжавшим время от времени в Сараево

из Лозанны, Илич, Принцип и Боривой Евтич, в 1912-1913 годах не раз обсуждали организацию какого либо выдающегося" террористического акта.

Любопытную характеристику Илича дает руководитель „Молодой Босны" Владимир Гачинович, рассказывавший Л. Д. Троцкому спустя несколько дней после покушения о сербской ирриденте в Боснии.

„К нашему же кружку принадлежал Илич, фактический организатор сараевского покушения. В 1909 году, он покидает страну, направляясь в Швейцарию, без средств от пристанища к пристанищу. Пешком он переходит из Цюриха в Берн, Лозанну и Женеву и возвращается через несколько месяцев в Боснию. Он расказывает нам, еще ни разу не покидавшим Боснии, что он побывал в самой Женеве, и мы слушали его, как мусульмане слушают паломника, который вернулся из Мекки. В Боснии он занялся переводами Горького, а накануне последнего покушения начал издавать собственный орган „Колокол". В первой же статье он открыто провозгласил необходимость освобождения юго-славянской расы от австрийского ярма. Это происходило как раз в дни большого сараевского заговора, за три недели до исторического дня 28 июня. В длинном письме он сообщал мне — я в это время уже находился за границей,—что он остался один в редакции „Колокола", и призывал меня на помощь. Он писал, что Боснийская провинция пробуждается, сознание растет во всех слоях общества и журнал встречает неожиданно широкий отклик. В Дервенте например рабочие устроили в пользу „Колокола" концерт, который удался на славу и вызвал подражания. Предпоследняя открытка была послана им из N... в Герцеговине, куда он отправился по делу „Колокола" и где вероятно было назначено свидание с конспираторами юга. Под его подписью карандашом были набросаны

несколько слов другим товарищем,—одним из немногих, кому посчастливилось спастись после великой катастрофы... „Колокол“ становился с каждым днем все более воинственным. Это издание осталось последним литературным памятником нашего поколенія, которое так быстро сгорело на костре национальной борьбы. Последней раз Илич вместе с Принципом писали мне за несколько дней до покушения. Они сообщали о внутренних распрях в нашим прежнем сараевском кружке, вызванных какими то новыми обстоятельствами; об этих последних говорилось иносказательно и туманно. Быть может некоторые друзья были против дела 28 июня, и пытались оказать моральное давление на группу, стремившуюся к действию во что бы то ни стало. Мне было больно читать это тревожное письмо, написанное рукою Принципа и дополненное несколькими словами Илича. Я готовился ответить им в духе умиротворения, как вдруг на весь мир прозвучал выстрел Принципа“.

„Маленький гимназист“ Гаврило Принцип, на долю которого выпала судьба стать центральной фигурой покушения... впрочем предоставим ему самому изложить собственную биографию. Эта автобиография Принципа, рассказанная им доктору Мартину Папенгейму за несколько месяцев до своей смерти в крепости Терезиенштадт, где он отбывал наказание за убийство эрцгерцога, была недавно опубликована последним. [1] Принцип был тяжко болен и говорил с трудом. Мы приводим эти отрывистые и спутанные предсмертые записи в дословном переводе, устраняя лишь многочисленные повторения и снабжая непонятные места примечаниями.

„27. VIII. 1894 (Дата рождения Принципа). Отец — крестьянин, но занимался промыслами. Тихий непью-

[1] „Dr. Pappenheim's conversations with Princip“ в „Current History“ 1927, август.

щий человек. Отец живет в Грахове, Босния. Семья без болезней, 5 классов гимназии в Сараево, затем 3 класса в Белграде, без матуры (аттестата зрелости). Всегда был здоров. В гимназии — лунатик, ходил по комнате. Очнулся от лунатизма в третьем классе. Никогда не страдал припадками беспамятства.

Всегда лучший ученик до 5 класса. Затем влюбился. Начал „иметь идеалы". В 1911 году бросил гимназию в Сараево. В то время происходили националистические демонстрации против Тиссы (граф Тисса — венгерский премьер-министр.— Н.П.). Был в первых рядах студентов. Подвергся плохому обращению со стороны профессоров. Читал много анархических, социалистических и националистических брошюр, беллетристику и прочее. Сам покупал книги; об этих вещах (о прочитанном — Н.П.) ни с кем не говорил. Отец не занимался политикой. Не водился много с другими товарищами по школе, всегда один. Был всегда спокойным, сентиментальным ребенком: всегда серьезный, с книгами, картинами и т. д. Даже ребенком не был слишком религиозен.

Считает 1911 критическим. Выехал один в Белград, никому не сказал об этом. Отец и брат не хотели посылать денег. Обещал быть хорошим учеником. Тогда они согласились, чтобы он остался в Белграде.

Отец — 54 лет от роду, мать—45; два брата: один — 26, другой—18 лет. Остальные шестеро умерли маленькими детьми, в возрасте до 10 лет. Сам он четвертый ребенок. Из братьев — один ученик реального училища, другой – купец. Братья вполне обыкновенные люди. Любовь к девушке не исчезла, но он никогда не писал ей; он познакомился с ней в 4 классе; идеальная любовь, ни разу не поцеловал ее. Ни с кем не общался, один всегда в библиотеках и т. д. Хотел пойти добровольцем на Балканскую войну, но был найден слишком слабым.

Каждый год несколько месяцев проводил с братом невдалеке от Сараева. Только в мае 1914 выдержал экзамен в 8-й класс."

Еще в Сараево Принцип познакомился с Иличем, Боривоем Евтичем и другими членами сараевской организации „Молодой Босны", и с головой погрузился в политику."

„На собраниях нашего кружка, — рассказывал Гачинович Л. Д. Троцкому, — Принцип, младший среди нас, всегда сумрачный и скромный, держался как бы в стороне. Он избегал теоретических споров, но всегда требовал книг и жадно пожирал их. Четырнадцати лет Принцип уже вступил в кружок самообразования... Небольшого роста, сутуловатый, но сильный и выносливый, смуглый, почти черный, с лицом, на котором внутренняя страсть уже проложила резкие черты, Принцип проводил ночи за чтением. Его книгами были те, которые говорили о действии. Несколько ночей Принцип провел на могиле Жераича в Кошеве. На деревянном кресте он перочинным ножом вырезал два слова: „Богдан Жераич" и усадил могилу цветами которые привез из Сараево."

Впоследствии на суде сам Принцип показал, что мысль о покушении возникла у него во время этих ночных бдений на могиле Жераича.

„Даже тогда, когда я был еще в Сараево, я решил совершить покушение. Я часто приходил по ночам на могилу Жераича. Я устраивался так, что просиживал у нее целую ночь и думал о наших делах, о нашем скверном положении, и тогда я принял решение." Этим решением была мысль пойти по стопам Жераича.

В Белграде Принцип быстро сошелся с группой студентов и гимназистов, исключенных из учебных заведений Боснии-Герцеговины и бежавших в Белград для

окончания своего образования. Все они были стипендиатами сербского правительства, „Народной Одбраны“ или крупных сербских общественных деятелей. Принцип тоже вскоре получил стипендию, — как можно судить из показаниям свидетелей на сараевском процессе, — по средств Гриши Ефтановича и Спалайковича [1]. В Белградскую гимназию он был принят по распоряжению министра народного просвещения и культов и одного из членов-основателей „Народной Одбраны“, Любы Иовановича-Цупы.

В Белграде Принцип продолжал вести замкнутую и уединенную жизнь, работал в библиотеках, ведя знакомство лишь с деятелями омладинского движения.

Однако, несмотря на эту замкнутость, он был принят в лучшем обществе Белграда, приглашался на обеды профессорами местного университета и считался „многообещающим юношей.“ Во время своего пребывания в Белграде он познакомился с Танкосичем и Цигановичет и был принят в члены „Народной Одбраны“ и „Черной руки“. С тех пор решение совершить „что-либо подобное делу Жераича“ у него еще более окрепло. Когда в сентябре 1912 года вспыхнула первая Балканская война, Принцип явился к секретарю „Народной Одбраны“, майору Васичу, и просил его зачислить в комитаджи. Васич отправил его к Танкосичу, формировавшему отряды комитаджей, и попросил зачислить

---

[1] Гриша Ефтанович, богатый гражданин Сараева и глава сараевской „Просветы“; доктор Спалайкович, его зять, крупный чиновник министерства иностранных дел в Белграде, в 1913 — 17 сербской посол в Петербурге, в 1909 выступал свидетелем на процессе Фридъюнга и доказал, что документы, предъявленные Фридъюнгом для подтверждения того, что омладинское движение в южнославских землях Австро-Венгрии организуется и руководится из Белграда являются фальшивкой.

Принципа в один из отрядов. Но уже в это время, как показало медицинское освидетельствование, у Принципа развился туберкулезный процесс. Танкосич отказался принять Принципа, ссылаясь на его слабое здоровье, и просил его „сберечь себя для будущего."

В эти годы Принцип не раз возвращался домой на побывку в Сараево, где поддерживал тесную связь с кружком Илича и вел неоднократные переговоры с членами кружка об организации покушения на какого-либо австрийского сановника. В последний раз он приехал в Сараево в октябре или ноябре 1913 года. Илич в то время был болен и лежал в госпитале. Здесь в больничной палате они вдвоем обсуждали шансы убить генерала Потиорека, но от этого плана пришлось отказаться, так как выяснилось, что Илич не в состоянии организовать покушения.

Один из друзей Принципа оставил о нем следующие любопытные строки: „Среднего роста, с несколько широкими, слегка вогнутыми, плечами. Он был темным шатеном, с сентиментальными голубыми глазами под слегка нахмуренным лбом. Но хотя его глаза были сентиментальны, огонь и отвага сияли в них. Он был мускулист и костляв, и в его руках чувствовалась сила. Говорил коротко, короткими фразами и внушал впечатление человека, взвешивающего свои слова: он был умен (это подтверждает и доктор Паппенгейм.— *Н. П.*). Его речь часто была вызывающей и могла казаться сарказмом, если бы во всем его лице и, в особенности, в его глазах не было так много мечтательной и славянской меланхолии. Он был хорошим и бескорыстным другом".

Рядом с Принципом стоит Трифко Грабеч, товарищ его детства и видный участник кружка Илича, учившийся в гимназии в Тузле и исключенный оттуда за участие в демонстрации; Грабеч уехал в Белград, где

поступил в местную гимназию и записался в члены революционной организации „Словенский Юг“. После приезда Принципа в Белград оба они жили вместе, на одной квартире.

В марте 1914 года Грабеч выдержал экзамен в восьмой класс Белградской гимназии. По отзывам его товарищей, это был солидный и представительный юноша, умевший держать себя с большим достоинством. В виду этих качеств он был избран заговорщиками для непосредственных переговоров с майором Танкосичем.

Неделько Габринович, как и другие участники покушения, был австрийский подданный и житель Сараева. По профессии наборщик, он в молодости „увлекся социалистическими идеями“ и вступил в члены местной социалистической организации при газете „Глос слободе“, Позже он стал склоняться к анархизму. В Белград он прибыл впервые в 1908 году и сразу познакомился с майором сербской армии, Миланом Васичем, секретарем „Народной Одбраны“. Васич дал ему деньги и совет „быть хорошим сербом“. Габриновича это расположило в пользу сербского национализма. Из Белграда Габринович вернулся в Сараево, где работал в типографии радикальной сербской газеты „Народ“. В то время он познакомился с сотрудниками газеты „Сербска речь“ в которой работал Илич. Связь Габриновича с деятелями „Молодой Босны“, его неоднократные шовинистические излияния о том, что сербская армия скоро вступит в Боснию, что Сербия готовится к войне с Австрией, а главное склочничество и частые распри с товарищами явились причиной исключения Габриновича из социалистической организации „Глос слободе“. После этого Габринович становится ярым националистом и окончательно входит в круг „омладинцев“, совершая время от времени поездки в Хорватию и Далмацию.

С началом второй Балканской войны Габринович решил вернуться в Белград [1]. В курорте Аббация, вернее его предместьи Волоска, Габринович встретился с доктором Иво Орличем, одним из руководителей омладинского движения в Далмации и приятелем и соработником Юкича и Эндлихера. Боясь лично явиться за паспортом в местную полицию, Габринович просил доктора Орлича взять на себя хлопоты по получению паспорта. Это было 4 октября 1913 года. Доктор Орлич отправился с рабочей (расчетной — *Н. П.*) книжкой Габриновича в местное полицейское управление и получил паспорт.

Во время пребывания в Волоске Габринович сообщил доктору Орличу о своем намерении убить эрцгерцога Франца-Фердинанда, и они совместно обсуждали план покушения. 25 октября Габринович прибыл в Аграм (Загреб), где прожил неделю. Здесь он имел многочисленные конспиративные совещания в омладинских кружках и несколько раз переезжал из одной гостиницы в другую, чтобы запутать свои следы. В конце концов, опасаясь ареста (выяснилось, что полиция разыскивает его!), он исчез из Аграма. Мы встречаем его зимой 1913 года в Белграде, где он, по распоряжению одного из руководителей „Народной Одбраны" и директора государственной типографии, Живоина Дачича, получил место в названной типографии.

Здесь нашел его Принцип. Габринович был уже предупрежден о готовящемся покушении: в середине марта он получил из Сараева письмо, в котором была вырезка из аграмской сербской газеты „Србобран". Вырезка сообщала о предстоящем приезде на маневры в Боснию Франца-Фердинанда. Как выяснилось впоследствии, вы-

[1] Dr. Orlic в аграмской газете „Rijec" 10/VII. 1927 г. Цитирую по статье Wiesner „War Nedéljko Gabrinovic ein Oesterreichischer Konfident?" в Kriegsschuldfrage, 1927, сентябрь.

резку послал Габриновичу кружок Илича, а именно — один из членов кружка, молодой журналист Боривой Евтич. [1]

Живой связью между заговорщиками и „Черной рукой", а также учителем их в уменьи обращаться с оружием был Милан Циганович. Он родился 20 марта 1888 года в Петроваце (Босния), в сербской православной семье, выселившейся сюда из Хорватии. Окончив сельскую школу в деревне Срб, он поступил в четырехклассное коммерческое училище в городе Бихаце, где его отец служил в местном финансовом управлении.

По желанию отца, в 1905 году молодой Циганович отправился в Призрен, в местную православную семинарию, для того, чтобы подготовиться к духовной карьере, но звание священника не привлекало Цигановича, и он вскоре вернулся в Боснию к родителям. Отец устроил его на службу в налоговом управлении, и, 18 месяцев спустя, провалившись на экзамене, который требовался от всех поступающих на таможенную службу, Циганович бросил место в налоговом управлении и исчез из Бихаца, собираясь бежать в Сербию. Без денег и паспорта он достиг границы, но здесь был арестован патрулем австрийских жандармов и возвращен по этапу в Бихац. Во время кризиса, вызванного аннексией Боснии-Герцеговины, Циганович снова исчез из Бихаца и вторично направился к границе, чтобы переправиться в Сербию. Без денег и паспорта, терзаемый голодом, он прибыл в Землин, городок на австрийском берегу Дуная, как раз против Белграда. Здесь ему посчастливилось.

— В этот счастливый день, — рассказывал впоследствии сам Циганович [2], — я ходил взад и вперед по на-

---

[1] Ievtic. Sarajevski Attentat. Sarajevo, 1924.

[2] „Политика" (Белград), 29 сентября 1927 года.

бережной Землина. Ко мне неожиданно подошел скромный молодой человек, заговорил со мной и спросил, кто я такой, куда я иду и что ищу здесь. Так как я думал, что этот господин из Белграда, потому что он назвал себя матурантом, готовящимся к экзамену на аттестат зрелости, по имени Богдан Пурич, и так как, взглянув на его паспорт, я увидел, что паспорт рассчитан на несколько человек членов его семьи, я сообщил ему о своем намерении уехать в Белград и просил провезти меня с собой по его паспорту. Он тотчас же согласился и перевез меня на пароходе в Белград. Швабам (австровенгерская полиция. — *Н. П.*), просматривавшим паспорта, я сказал, что являюсь записанным в паспорт Радойкой Пуричем (Радойка—женское имя.—*Н. П.*); они не могли разобрать, мужское это или женское имя, и пропустили меня. Когда я приехал в Белград, я попал в самую гущу демонстраций и выступлений, направленных против Австро-Венгрии. В это время открылась школа комитаджей в Чуприе под командой капитана Войи Танкосича. Там собралось много молодежи из различных земель — студентов, гимназистов, рабочих, и тут впервые мне пришла в голову мысль: „Здесь работает Молодая Босния". В Чуприе мы убедились в правах Сербии на Боснию. Мы образовали маленькую чету (отряд комитаджей) в 30 человек".

В Чуприе Циганович стал „поверенником" Войи Танкосича. После роспуска школы комитаджей Циганович пристроился на службе в управлении сербских государственных железных дорог. Место он получил благодаря протекции сербского премьер министра Николы Пашича.

После создания „Черной руки" Войя Танкосич вписал 18 июня 1911 года в члены общества своего „поверенника", получившего в списках общества № 37. Перед Балканской войной с Турцией Циганович вступил в члены

революционного кружка „Огнисте“ (Стадо), организованного в Белграде эмигрантами из Боснии.

Во время балканских войн 1912—13 годов члены кружка, в том числе и Циганович, служили в отрядах комитаджей, руководимых Танкосичем. После окончания войны Циганович вернулся на старое место в управлении железных дорог.

* * *

В истории подготовки Сараевского покушения еще далеко не все выяснено. Некоторые звенья в цепи событий, касающихся первой стадии подготовки покушения, еще неизвестны или слишком спорны.

В частности в кругах исследователей много разногласий вызывает вопрос о том, к какой дате следует приурочить зарождение заговора, и кто явился его инициатором. Здесь существуют две точки зрения.

Одни исследователи убеждены в том, что мысль о покушении возникла у „Молодой Босны“ самостоятельно и руководители ее осведомили о своих планах „Черную руку“, а „Черная рука“ только одобрила план и оказала заговорщикам всяческую помощь и поддержку в материальном отношении, предоставив деньги, оружие и содействие пограничных властей при переходе заговорщиками границы. Этой точки зрения придерживается, например, редакция журнала „Kriegsschuldfrage“, являющегося наиболее авторитетным органом по вопросу о подготовке мировой войны.

Другую точку зрения высказал недавно Визнер, обследовавший в июле 1914 года, по поручению австрийского министерства иностранных дел, работу и материалы сараевской следственной комиссии. По его мнению, „Черная рука“ с самого начала явилась инициатором и внушила мысль о покушении на эрцгерцога руководителям „Млада

Босна". Был сделан своего рода „социальный заказ", на который „Млада Босна" ответила убийством Франца-Фердинанда. Не предрешая сейчас вопроса о том, чья точка зрения более соответствует действительности, мы ограничимся пока хронологическим изложением фактов.

Мысль убить эрцгерцога Франца-Фердинанда зародилась не то в конце декабря 1913 года, не то в начале января 1914 года у руководителя „Младой Босны", Владимира Гачиновича [1].

Гачинович в это время жил в Лозанне, где учился в местном университете, будучи стипендиатом „Черной руки" и сербского правительства. Он руководил боевой революционной организацией Боснии-Герцеговины, составленной из наиболее решительных и энергичных членов „Млада Босна", и группой юго-славских студентов эмигрантов, учившихся в европейских университетах на средства сербского правительства, „Черной руки" и „Народной Одбраны".

В числе этих студентов были студент юридического факультета в Женеве Мустафа Голубич, студент факультета социальных наук в Лозанне Иован Живанович и Павле Бастаич. Кроме того, Гачинович пригласил на помощь Мухамеда Мехмедбашича, уроженца местечка Столац в Герцеговине, по профессии столярного подмастерья.

Всех этих лиц Гачинович созвал на совещание, которое должно было состояться в Тулузе, где в маленькой гостиннице Сен-Жером на улице Сен-Жером, дом № 12 или 20, жили Голубич и Мехмедбашич.

Голубич, незадолго до этого вернувшийся из Белграда, привез следующую инструкцию Войи Танкосича:

---

[1] V. Serge в Clarté, май 1925: показания Павла Бастаича и Мустафы Голубича журналисту Виктору Сержу.

„Вы будете действовать независимо от того, что мы сделаем в Белграде".

Только один Гачинович прибыл в Тулузу в назначенный срок. У остальных двух — Живановича и Павле Бастаича — не хватило денег. Здесь в середине января 1914 года в скромном номере отеля состоялось знаменитое Тулузское совещание „Молодой Босны".

На совещании было решено совершить ряд покушений против высших австро-венгерских сановников в южно-славянских землях, при чем особенно подчеркивалась желательность убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда. Обсуждался вопрос и о покушении на губернатора Боснии, генерала Потиорека, но совещание решило, что предпочтительнее направить все старания против эрцгерцога, так как смерть Франца-Фердинанда, которого все считали заклятым врагом юго-славского национально-революционного движения, произвела бы больший эффект и дезорганизацию в политических сферах Австро-Венгрии, чем смерть любого сановника. Потиорека берегли на худой конец.

На совещании Гачинович предложил для выполнения намеченного плана помощь своих друзей и учеников — Илича, Принципа, Грабеча и других членов боевой группы в руководимой Гачиновичем „Молодой Босне". Предложение было принято. Тогда Гачинович решил немедленно известить о принятом решении Принципа. Он написал ему письмо, где черным по белому, без всяких околичностей стояло: „принято решение уничтожить Франца-Фердинанда... рассчитываем на вас".

Это письмо было отправлено Гачиновичем в Женеву к своему приятелю, студенту-юристу Милована Продановичу. Проданович должен был доставить его в Лозанну к квартирной хозяйке Гачиновича, мадам Раба (улица Энтиньи, № 4), имевшей адрес Принципа, с просьбой

переотправить письмо далее. В письме Гачинович приглашал Принципа и Илича прибыть в Лозанну для переговоров и выработки плана покушения.

Сейчас же после совещания Мухамед Мехмедбашич вернулся в Боснию и осведомил о Тулузском решении Илича, предлагая ему организовать покушение против Потиорека. Это было в конце января или в начале февраля, и о предстоящем приезде эрцгерцога Франца-Фердинанда в Боснию начали уже проскальзывать первые сведения в австрийских газетах. Но Илич совершенно резонно отказался от плана Мехмедбашича, считая убийство эрцгерцога предприятием более важным.

Принцип и Илич ответили на письмо Гачиновича полным согласием и стали готовиться к отъезду в Лозанну, но предварительно Принцип, решил поехать в Белград, очевидно, для того, чтобы достать средства для заграничной поездки, которых у них не было. Надо помнить, что и Принцип и Илич были людьми с очень скромными достатками, и поездка вдвоем заграницу на собственные средства была им не по карману. Кроме того, Принцип считал нужным переговорить о покушении с Димитриевичем и Танкосичем.

В Белграде, однако, решили не тратить деньги на заграничную поездку и взять руководство предприятием в свои руки. Танкосич заявил Принципу, что раз решение убить эрцгерцога принято, поездка в Лозанну становится излишней, и Принцип, должен остаться в Белграде. Через несколько недель об этом обороте событий было сообщено Гачиновичу. Принцип и Илич писали ему о невозможности прибыть в Лозанну, так как приготовления к убийству эрцгерцога в Белграде и Сараеве находятся в полном разгаре.

Этим заканчивается первая стадия подготовки к покушению. Спорным вопросом в ней еще до сих пор остается

вопрос о поездке Принципа за границу. Был ли Принцип за границей и когда именно? Действительно ли его видели весной 1914 года в Париже и притом в здании военного министерства? [1] Об этом нет никаких достоверных сведений. И хотя свидетель Любовой Югович на Сараевском процессе [2] показал, что встретился с Принципом в Загребе (Хорватия), и Принцип рассказал ему, что вернулся из Фиуме, откуда он ездил в Италию, вопрос о поездке Принципа заграницу до сих пор еще остается невыясненным. Большинство исследователей считают ее апокрифом. Однако в последние годы в итальянской печати появилась статья, автор которой Микеле Интальетта сообщает о пребывании Принципа в Швейцарии [3].

Подготовка к покушению шла параллельно и в Белграде и в Сараево. Грабеч, живший вместе с Принципом, как раз в то время (в марте) выдержал экзамен в VIII класс белградской гимназии и решил уехать домой в Сараево, чтобы подготовиться там к экзамену на аттестат зрелости. Принцип сообщил ему о своем плане и просил передать Иличу, что раз поездка в Лозанну не состоится, то Илич должен воспользоваться этим и начать в Сараево подготовку покушения. Грабеч сейчас же заявил о своем желании участвовать в покушении, но Принцип не согласился, умоляя его „сберечь себя для другого дела". С этим Грабеч уехал, и вскоре от Илича пришло письмо, в котором последний сообщал, что он примет все меры для организации подготовки в Сараево, но хочет быть также непосредственным участником покушения. В письме

---

[1] Ch. Norman. A searchlight on the European War. London. Labour Publishing C°, 1924, стр. 42–43.

[2] Sérajévo. La conspiration serbe contre la Monarchie Austro-Hongroise, Bern, 1927, стр. 131.

[3] Michele Intaglietta, „La mano nera" в „Gazetta del popolo" (Турин) 13. XII. 1927, № 296.

Илич просил Принципа достать оружие, обещая со своей стороны подыскать нескольких исполнителей покушения среди сараевской молодежи.

Через две недели Грабеч неожиданно вернулся в Белград и заявил Принципу о своем непреклонном решении принять участие в заговоре. В это же время в марте месяце Принцип вступил в переговоры с Габриновичем.

Так сошлась для заговора белградская группа участников покушения.

В Сараево Илич также не терял времени даром, подготовляя почву в городе для осуществления заговора. Ему удалось сколотить местную сараевскую группу боевиков, куда входили ученик VII класса сараевской гимназии Васо Кубрилович, ученик учительской семинарии в Сараево Цветко Попович и приехавший из Тулузы Мухамед Мехмедбашич. Таким образом вся группа непосредственных участников покушения насчитывала 7 человек.

Тем временем в Белграде Принцип и Габринович деятельно добывали оружие. По их показаниям сараевской следственной комиссии, они открыли свои намерения некоему белградскому обывателю Гьоко Баичу, который сказал им, что если они серьезно хотят выполнить свои планы, то должны обратиться за помощью к „Народной Одбране". Принцип и Габринович признали совет хорошим и сразу же обратились за оружием к упоминавшимся уже нами не раз руководителям „Народной Одбраны", директору государственной типографии Живоину Дачичу и майору Милану Прибичевичу. Последних, по словам Принципа, не оказалось дома; они были в отъезде из Белграда, и тогда они обратились к некоему Милану Цигановичу, чиновнику сербских железных дорог.

Давно установившаяся в Белграде репутация Милана Цигановича, как комитаджи, внушала надежду получить

при его помощи оружие от „Народной Одбраны“. Цигановић благосклонно отнесся к просьбе и обещал достать бомбы, но заявил, что у него нет денег на покупку пистолетов-браунингов, о чем просили заговорщики, и он должен раньше переговорить с майором Танкосичем. Через несколько дней Циганович сообщил Принципу и Габриновичу, что Танкосич купил требуемые пистолеты, но желает переговорить лично с одним из заговорщиков.

Для свидания с Танкосичем был избран Грабеч, — самый представительный из всех заговорщиков и умевший показать товар лицом.

Циганович повел Грабеча к Танкосичу. Последний встретил Грабеча возгласом: „Значит, ты один из них? Готовы ли вы?“ Грабеч ответил утвердительно. Тогда Танкосич спросил, умеют ли они стрелять из браунинга Грабеч сказал, что они совершенно не умеют обращаться с револьвером. Тогда Танкосич передал браунинги Цигановичу со словами: „Пойди и научи их стрелять!“

Это было 24 мая. На следующий день Циганович повел Принципа и Грабеча в стрелковый тир „Народной Одбраны“ в королевском парке в Топчидере, в окрестностях Белграда. Здесь, в маленьком лесу у парка, он дал им уроки обращения с браунингом и заставил упражняться в стрельбе. Принцип оказался способным и талантливым учеником и далеко оставил за собой Габриновича. Здесь же Циганович показал им, как нужно заряжать и бросать бомбы. 27 мая он передал заговорщикам 6 бомб, 4 браунинга с патронами, 100 динаров на дорогу и ампулы с ядом — цианистым кали. Этим ядом заговорщики, по примеру Жераича, должны были умертвить себя, чтобы вместе с ними умерла тайна покушения.

Танкосич вел переговоры с заговорщиками отнюдь не по своей собственной инициативе, как показывали на допросе сараевской следственной комиссии Габринович

и Принцип. За спиной Танкосича стоял Димитриевич, бывший все время в курсе приготовлений заговорщиков к покушению. Участники Тулузского совещания Мустафа Голубич и Павле Бастаич впоследствии признались, что деньги Танкосичу на покупку браунингов дал Димитриевич. Это подтверждает и Богичевич, бывший до войны сербским chargé d'affaires в Берлине. По его свидетельству пистолеты для заговорщиков купил сам Димитриевич. Вскоре после объявления войны Димитриевич, смеясь, показывал Богичевичу квитанцию об уплате денег за браунинги, которую он в те времена постоянно носил при себе. Очевидно, что Танкосич только получил от Димитриевича револьверы для передачи их заговорщикам.

Не выяснен еще вопрос о сумме денег, которыми располагали заговорщики для переправы через границу и организации покушения. По показаниям Принципа, Циганович дал им всего 160 динаров, т. е. около 60 рублей. С такими деньгами, что называется, далеко не уедешь! А между тем заговорщикам предстояло пройти около 200 километров по одной только австрийской территории и жить более месяца в Сараево в ожидании приезда эрцгерцога. Но деньги заговорщики все же откуда-то получили. Мы знаем по протоколам Сараевского суда, что в комнате Принципа полиция нашла 2.700 австрийских крон в мешке от соломы и 1 000 крон в рамке иконы. Откуда и от кого получили заговорщики эту сумму — около 1.200 рублей на наши деньги? Ни Циганович, ни Танкосич, ни Димитриевич из собственных средств дать их не могли. Взять их из сумм „Черной руки", и притом на предприятие довольно сомнительное в смысле удачи, было довольно рискованно. К тому же касса „Черной руки" была пуста — на издание „Пьемонта" было растрачено более 300 тыс. динаров (100 тыс. рублей), принадлежавших офицерскому союзу. Вполне возможно, что

деньги на экспедицию либо были взяты из сумм контрразведки сербского генерального штаба, либо пожертвованы каким-нибудь богатым членом „Черной руки". Имеются указания, что таким щедрым даятелем был финансировавший уже переворот от 29 мая 1903 года, крупный сербский промышленник Вейферт (в настоящее время — директор государственного банка Югославии. — *Н. П.*), всю жизнь считавшийся любимцем нынешнего короля Юго-Славии, Александра [1].

* * *

Принципа и его друзей особенно беспокоил вопрос о том, как они переправятся через границу и дойдут до Сараева. В Сараево их ждали друзья. В Сараево они могли скрыться, где угодно, так как знали город, как свои пять пальцев. Но как пробраться в Сараево? Во-первых, они должны были добраться до австрийской границы, не открыв себя, и добраться при том с оружием и бомбами. Значит, следовало по возможности избегать нежелательных встреч с сербской полицией, которая могла счесть их подозрительными и арестовать. Такой казус сразу бы испортил все предприятие Принципу и его товарищам. Пришлось бы объяснять сербским жандармам, что они идут убивать Франца-Фердинанда. Заговоры не организуются таким образом. Во-вторых, после перехода границы дело обстояло еще хуже: заговорщики должны были пройти 200 километров по австрийской территории и прежде, чем попадут в Сараево, — пробраться незамеченными через тройной кордон австрийских жандармов и пограничных войск. При этом они шли не налегке, а с грузом, который требовал сугубой осторожности. Ведь бомбы могли взорваться при по-

[1]. „Giornale d'Italia" от 19 марта 1927 г.

спешном бегстве в их собственных руках. Мало того им нужно пронести оружие, доставить его во что бы то ни стало, иначе весь заговор обращался в нелепость.

Свои сомнения и страхи они изложили Цигановичу, но последний заметил, смеясь, что они пойдут по „подземному каналу", который вырыт между сербской границей и Сараево. На повторные распросы заговорщиков, он ответил, что переправу берет целиком на себя. Он так разработал план перехода, что заговорщики могут итти совершенно спокойно. Больше затруднений вызывает доставка оружия, в частности вопрос о том, как пронести его по самой Боснии, но заговорщики не должны беспокоиться, так как эту обязанность возьмет на себя учитель в Тузле, Миско Иованович, которому они должны были передать оружие и действовать по его указаниям. Он доставит Принципа и товарищей в Сараево. В общем же, — заявил Циганович, — заговорщики не должны ломать себе голову относительно того, как совершится переход. Все налажено, все предусмотрено. От них только требуется самое точное и самое беспрекословное исполнение тех указаний, которые им будут давать названные Цигановичем лица. Но они должны помнить, что только при условии беспрекословного и абсолютного исполнения всего, что от них потребуют — можно гарантировать их благополучное прибытие и доставку оружия в Сараево.

Накануне отъезда Принципа, Габриновича и Грабеча из Белграда Циганович дал им подробное описание маршрута, по которому им надлежало итти. Они должны были отправиться в Шабац и, явившись там к начальнику пограничного участка майору, Раде Поповичу, передать ему визитную карточку Цигановича, на которой было написано шифром два условных знака. Майор Попович, — заявил Циганович, — даст сопроводительные бу-

маги до Лозницы, следующего этапа в их пути. Из Лозницы заговорщики должны были тайно переправиться через границу и итти в город Тузлу, в Боснии.

Что обозначали шифрованные слова — знаки на визитной карточке Цигановича, Принцип (как признался он сам на допросе) точно не знал, но полагал, что они означали приказ накормить его и товарищей, дать ночевку и указания для дальнейшего пути.

28 мая утром заговорщики покинули Белград. Простая одежда и котомки на плечах делали их похожими на мирных пешеходов-туристов, путешествующих для своего удовольствия. Прибыв на пароходе в Шабац в тот же день в 6 часов вечера, они прямо с парохода отправились на квартиру майора Поповича, адрес которого был дан Цигановичем. Поповича однако дома не оказалось. Он ушел в кофейню. Заговорщики отправились искать его по городу. После распросов они нашли его в одной из кофеен, где он играл в карты с приятелями. Принцип передал ему визитную карточку Цигановича с условными знаками. Попович, взглянув на карточку, распрощался с приятелями и повел заговорщиков в местную комендатуру. По дороге туда, он между прочим спросил заговорщиков, почему они не хотят переправиться через Дрину у Кленаца. Принцип и Габринович ответили, что у них есть причины, в силу которых их переправа должна совершиться в полной тайне. В Кленаце же их легко могут заметить и т. д. Попович больше не спрашивал. В контрабандном переходе границы он, начальник целой пограничной полосы, не нашел ничего необычного и неестественного. Наоборот, в комендатуре он изготовил для заговорщиков фальшивый пропуск и скрепил его своей подписью.

По этому пропуску один из заговорщиков, Грабеч, должен был изображать таможенного чиновника, а осталь-

ные двоих его товарищей. Кроме пропуска майор Попович вручил им запечатанное письмо на имя начальника пограничного участка в Лознице, Иована Прановича.

Во время разговора Попович сообщил, что только накануне прибыл из Белграда. Сараевская следственная комиссия долго допрашивала заговорщиков, стараясь выяснить, не была ли связана поездка майора Поповича в Белград и возвращение за день до прибытия Принципа и его товарищей с переходом ими границы, не был ли предупрежден в Белграде майор Попович о выходе заговорщиков в путь и их маршруте через Шабац? Ни Принцип, ни его товарищи не могли дать утвердительного ответа на этот вопрос. Они могли сообщить только, что, судя по той готовности ускорить и облегчить им выезд из Шабаца, которую проявил майор Попович, они не считают этого предположения невероятным. Письмо Поповича Прановичу еще более укрепляет это предположение.

Ночь с 28 по 29 мая заговорщики провели в Шабаце. Где они ночевали — на квартире ли майора Поповича, в местном ли клубе „Народной Обраны", в гостинице или у кого либо из знакомых — это до сих пор еще не выяснено. Вполне возможно, однако, что они ночевали на квартире самого Поповича, ибо, как заявил следственной комиссии Принцип, майор Попович проводил их на вокзал и усадил на поезд, идущий в Лозницу. Так как все путешествие заговорщиков в глазах местных властей носило более или менее официальный характер, и майор Попович выдал им соответствующие паспорта и удостоверения, то Принципу и его товарищам была сделана скидка. Их провезли по льготному половинному тарифу, который применяется на сербских железных дорогах для офицеров и чиновников, едущих по казенной на-

добности. Будущие убийцы австрийского престолонаследника находились тоже в служебной командировке!

В Лозницу заговорщики прибыли в полдень. Они немедленно разыскали начальника пограничного участка капитана Првановича и передали ему письмо от майора Поповича, его начальника. В письме стояло: „Прими этих людей и присмотри, чтобы они отправились туда, куда ты знаешь". Таким образом Прванович был уполномочен начальством не только переправить заговорщиков дальше, но и следить за тем, чтобы они не отклонялись от установленного маршрута. Очевидно, пограничные власти были осведомлены заранее о путешествии Принципа и его товарищей.

Во время разговора с Првановичем Принцип заметил, что они не имеют никаких документов и поэтому переправиться через границу обычным путем не могут. Прванович, подобно своему начальству, не стал расспрашивать дальше. Его не интересовало, почему именно Принцип и его друзья не могут перейти границу в обычном порядке. Он не задал ни одного вопроса, считая такой ненормальный переход делом вполне нормальным. Цели и причины путешестия заговорщиков, видимо, казались ему вполне оправдывающими тайный переход границы. Он поспешил заявить, что уладит все дело и переправит их через границу с надежными людьми из таможенной стражи. Таким образом сербская таможенная стража, задачей которой являлось недопущение контрабандных тайных переходов границы, должна была в качестве надежных людей гарантировать благополучные переход ее будущими убийцами.

Переговорив с таможенникам по телефону, Прванович предложил заговорщикам явиться на другой день в 7 часов утра в его канцелярию, где их уже будут ждать провожатые.

Ночью заговорщикам впервые пришло в голову, что переход границы и прогулка втроем по Боснии могут показаться подозрительными австрийской полиции. После горячего спора они решили разделиться. Было решено, что Габринович, налегке с пропуском, который выдал майор Попович, пойдет отдельно через Зворник. Принцип и Грабеч решили переправиться тайком у Лезницы. Они несли оружие и должны были избегать всякой возможности подвергнуться обыску австрийских жандармов. Подобная предосторожность, как обнаружилось впоследствии, оказалось нелишней.

30 мая, в 7 часов утра, заговорщики, как было условлено, явились в канцелярию Првановича. Здесь они сообщили Првановичу, что Габринович пойдет через Зворник отдельно, и, следовательно, для успешного перехода границы ему необходимо дать в помощь таможенника, который знает дорогу.

Вопреки их ожиданиям (они ведь нарушали маршрут! — Н. П.) Прванович одобрил этот проект: „Действительно, будет гораздо умнее, если вы разделитесь, — заявил он. — Втроем вы выглядите слишком уж подозрительно".

Не теряя времени, он уселся за стол и написал рекомендательное письмо в Малый Зворник, финансовому инспектору Суничу, одному из руководителей тамошней организации „Народной Одбраны". В письме он просил Сунича помочь Габриновичу переправиться через границу. На тот случай, если Сунича почему либо в Малом Зворнике не окажется, Габринович должен был передать это письмо заместителю Сунича по „Народной Одбране", местному учителю Милану Яковлевичу.

В сопровождении таможенника, которого дал ему Прванович для охраны и безопасности, Габринович немедленно отправился в дорогу. Путь до Малого Зворника они прошли благополучно, что нисколько не удиви-

тельно, так как Габриновича все это время охраняла бдительная и заботливая рука предержащей власти.

Сунича в Малом Зворнике не оказалось. Тогда таможенник отвел Габриновича к Яковлевичу. Яковлевич прочел рекомендательное письмо, оделся, собрался и повел Габриновича через границу в Боснийский Зворник. На самой границе их задержали австрийские власти, но Габринович вытащил свой фальшивый паспорт на имя Грабеча, выданный ему в Шабаце майором Поповичем. Австрийская стража нашла документ в полном порядке — такие переходы таможенников и жителей пограничной полосы составляют обычное явление на любой границе! Кроме того, Габриновича сопровождал знакомый страже Яковлевич. Их благополучно пропустили, кажется, даже не обыскав, как следует. Впрочем обыск не дал бы никаких результатов, так как при Габриновиче ни револьверов, ни бомб не было. Яковлевич довел Габриновича до Боснийского Зворника, где передал его общинному (сельскому) писарю Георгию Дачичу, у которого Габринович переночевал.

Впоследствии выяснилось, что Дачич был членом „Народной Одбраны“ и „поверенником“ Яковлевича по Боснийскому Зворнику. Он был первым звеном в той живой связи, которую установила на австрийской границе „Народна Одбрана“. Дачич принимал от Яковлевича письма, людей, деньги, оружие и переотправлял их далее, другим „поверенникам“ общества. Тем не менее, на суде в Сараево Дачич выступал не в качестве обиняемого, а в качестве свидетеля. Он показал, что встретил Габриновича в Зворнике „случайно“ и, по его просьбе, указал ему для ночлега гостиницу Любы Иовановича. На следующий день он также „случайно“ встретил Габриновича и указал ему местную станцию почтовых дилижансов.

Записка Прановича, которую Габринович передал Яковлевичу, не пропала для истории. Она была найдена в бумагах Яковлевича во время кратковременной оккупации Малого Зворника австро-венгерскими войсками. Мы приводим ее полностью:

Начальник охраны
пограничного района Лозницы
№ служебная

Милый Сунич!

Помоги этому юноше переправиться через границу из Малого Зворника. Если это будет безопасней, то пусть переведет его Яковлевич.

В случае отсутствия Сунича из Малого Зворника, настоящее относится к господину Милану Яковлевичу.

С приветом.
Прван.

Печать начальника
охраны участка.

На следующий день Дачич проводил Габриновича на станцию и усадил на почтовый дилижанс, идущий в город Тузлу (в 30 километрах от Зворника), куда Габринович прибыл в тот же день вечером. Часть пути он сделал в дилижансе, часть пешком. По дороге у него еще раз спросили паспорт и, найдя последний в исправности, пропустили дальше. Габринович ехал спокойно, разговаривая с дорожными спутниками. В Тузле, как было условлено, он явился к Миско Иовановичу и поселился у него в ожидании прихода товарищей.

Гораздо более драматично, с большей тревогой и приключениями совершили переход границы Принцип и Грабеч. После ухода Габриновича, они решили переправиться через Дрину у Лезницы, приблизительно в 10 — 11 кило-

метрах к северу от Лозницы. В провожатые им был дан таможенник Рудивой Грбич, которому Иованович приказал: „Переведи этих людей в полдень, когда будет легче всего, через Дрину".

Принцип и Грабеч немедленно запротестовали. Они заявили, что не могут переправляться через Дрину среди белого дня. У них нет никаких документов. Поэтому на той стороне реки их немедленно схватят жандармы, чего нельзя допустить ни в коем случае. Они должны пройти совершенно незамеченными, их путешествие должно быть сохранено в полной тайне!

Прванович и при этой оказии не стал спрашивать, почему Принцип и Грабеч должны пройти незамеченными австрийскими жандармами. Повидимому такие таинственные переправы для сербского пограничного начальства были бытовым явлением. Он согласился. В свою очередь Грбич почтительно доложил, что у его сторожки, против острова „Исаковица Ада", можно перейти Дрину совершенно незаметно, безопасно и легко. Принцип и Грабеч приняли это предложение.

Грбич посадил заговорщиков в фургон для мяса и повез в Лезницу, куда они прибыли в полдень. Вечером он отвел их в сторожку таможенной стражи, где они заночевали. Их покой заботливо охранялся сербскими таможенными властями. На следующее утро, 31 мая, Грбич при помощи другого таможенника переправил Принципа и Грабеча на остров „Исаковица Ада". Здесь заговорщики провели день, упражняясь в стрельбе из револьверов. Их упражнения в стрельбе вызвали полное одобрение обоих таможенников. Грбич благожелательно улыбнулся и подмигнул заговорщикам, показывая на бомбы, которые они держали совершенно открыто.

Затем Грбич отправился в деревню искать проводника, который должен был переправить заговорщиков на

австрийский берег. Но видимо, не найдя сразу, через несколько часов вернулся и повел заговорщиков к домику Милана Кулы, у которого они устроились на отдых, свалив оружие — револьверы и бомбы — открыто на стол. В это время Грбич снова отправился на поиски проводника. Ему вскоре посчастливилось найти своего знакомого крестьянина села Янья на австрийском берегу Дрины, Мико Мичича, уже не раз исполнявшего различные поручения Грбича по доставке писем и переводу людей через границу. За эти услуги Грбич разрешал Мичичу перевозить контрабанду. Грбич попросил Мичича перевести через границу двух студентов, едущих в Сараево со специальной миссией. Мичич тотчас же согласился. Они вернулись в хижину Кулы, где Мичич увидел револьверы и бомбы, лежавшие открыто на виду у всех. Мичич отправился искать второго проводника, указанного ему Грбичем, а именно крестьянина Якова Миловича. Чтобы не терять времени, Грбич отвел заговорщиков в какую-то избушку на „Исаковица Ада", где они должны были ожидать возвращения Мичича и Миловича. Однако последнего в тот день найти не удалось, и заговорщики провели ночь вместе с Грбичем в этой избушке.

После долгих поисков Мичич разыскал Миловича и передал ему, что Грбич ждет его на „Исаковица Ада". Поиски стоили по всей видимости не мало трудов, так как проводники явились к Грбичу и заговорщикам, изнывавшим от ожидания, только на другой день, 1 июня, в 6 часов вечера. Грбич имел продолжительный разговор с Миловичем в сторонке, при чем в заключение заявил: „Смотри, не проболтайся, а то не сносить тебе головы". После этого напутствия он распрощался с заговорщиками и уехал на лодке на сербский берег.

Принцип и Грабеч решили выждать пока стемнеет. Поздно вечером вместе с Миловичем и Мичичем они переправились на другой берег Дрины, после чего Мичич ушел к себе домой.

Ближайшим этапом на пути заговорщиков было село „Прибой" в 20 километрах от границы, где они должны были явиться к местному учителю сельской школы Велико Кубриловичу.

Велико Кубрилович воспитывался на субсидию председателя Боснийской „Просветы", Василия Гргиича, депутата радикальной партии в боснийском лантаге; в одну из своих поездок в Белград он познакомился с известным нам уже Божо Милановичем, председателем „Народной Одбраны" в Шабаце и был назначен им комиссаром „Народной Одбраны" в Боснии. В „Прибое" он—кроме своих учительских обязанностей — был председателем местного общества „Сокол", организованного по его инициативе. С Божо Милановичем он поддерживал тайную связь через Миловича, бывшего курьером и переносчиком писем. С этим учителем — соколом Принцип познакомился еще во время своего пребывания в Сараево, но кто избрал Кубриловича промежуточным этапом на пути в Тузлу, — сам ли Милович или заговорщики, — сараевской следственной комиссии установить не удалось.

После перехода границы для заговорщиков начался самый утомительный и трудный этап пути. Им предстояло пробраться сквозь первую линию австрийских кордонов у границы. Дорога шла по густой чаще леса и болотам. Путаясь вправо и влево, замирая и припадая к земле при малейшем подозрительном шорохе, они благополучно миновали австрийские дозоры. Милович вывел их к своей хижине, и в ней Принцип и Грабеч прилегли на отдых. Они находились на боснийской территории и уже

было хотели заночевать в доме своего проводника, но близость границы делала такую ночевку опасной. И поэтому после краткого отдыха Милович повел их дальше.

Есть что-то жуткое в этом ночном перехода, когда заговорщики, нагруженные бомбами, пробивались точно звери сквозь лесную чащу, минуя исхоженные человеческие пути и дороги, убегая от звука человеческого голоса. Хотя Милович и облегчил им ношу, взвалив часть оружия на свои плечи, но путь был крайне утомителен. Австрийский берег Дрины очень высок. Крутые обрывистые горы, покрытые дремучим лесом, сменялись глубокими оврагами и прогалинами, переходившими в болото.

Несмотря на полную темноту, Милович вел их совершенно уверенно. После нескольких часов пути заговорщики едва ступали от усталости. В 2 часа забрезжила заря, и Принцип и Грабеч, спотыкавшиеся на каждом шагу, взмолились об отдыхе. Милович уложил их на отдых в какой-то яме, а сам остался сторожить их сон.

Утром они двинулись дальше. Милович привел их в село „Трнова Горня" и устроил их в доме крестьянина Обрена Милошевича. Принцип и Грабеч немедленно потребовали у Милошевича два мешка и на глазах хозяина, кстати сказать, отнюдь не удивленного или испуганного при виде такого оружия, сложили свои револьверы и бомбы. Милошевич задал вопрос, для кого они предназначаются, и, узнав, что оружие переправляется для Миско Иовановича в Тузлу, совершенно успокоился. К контрабандному перевозу оружия через границу он уже давно привык, будучи одним из звеньев в том „подземном канале", который, по словам Цигановича, соединял сербскую границу с Сараево.

После короткого отдыха Милошевич и Милович повели заговорщиков в село Прибой. Идя по чаще и избе-

гая проезжих дорог, они прибыли туда между 2 и 3 часами дня. У входа в село заговорщики спрятались за тыном, а Милович и Милошевич пошли искать Кубриловича.

В этот день (2 июня) Велико Кубрилович собирался со своим знакомым священником Иовановичем поехать верхом в село Мезграйя. Выехав на околицу Прибоя Кубрилович неожиданно увидел Миловича, поклонившегося ему и сделавшего условный знак рукой. Кубрилович тотчас же понял, что Милович пришел с каким-то поручением от Божо Милановича из Шабаца. Он распростился со священником, ссылаясь на то, что вода поднялась слишком высоко (чтобы попасть в Мезграйю— надо было переправиться через реку) и поехал с Миловичем, который привел его к месту, где скрывались заговорщики.

Принцип и Грабеч вышли навстречу из-за плетня и попросили его дать повозку для поездки в Тузлу. Кубрилович сейчас же согласился и отослал по домам Миловича и Милошевича, приказав им итти разными дорогами. После ухода крестьян заговорщики попросили его спрятать оружие. Кубрилович спросил при этом Грабеча, предназначаются ли эти бомбы и револьверы для убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда, и, получив утвердительный ответ, спрятал оружие в седельную сумку. Кубрилович повел заговорщиков в дом крестьянина Прибоя, своего кума и друга, Митара Керовича. Прибыв туда, он спросил Керовича, может ли он доставить в повозке в Тузлу двух учащихся так, чтобы их никто не видел. Керович ответил утвердительно и послал своего сына Недо запрягать лошадь. Но у Недо болела рука, и Кубрилович, видя невозможность „использовать“ Недо, послал его за крестьянином того же села Цвияном Степановичем.

Когда последний пришел и согласился отвезти учащихся в Тузлу, Кубрилович вытащил бомбы и револьверы из седельной сумки и разложил на столе, поучительно заявив при этом сыновьям Керовича, Недо и Благойе, что бомбы могут взорваться, и советовал обращаться с ними с крайней осторожностью. По его просьбе Принцип показал, как надо заряжать бомбы и стрелять из револьвера. Тогда Благойя, которому „учащиеся" показались странными, потребовал разъяснений, кто прибывшие гости и куда они направляются. Кубрилович не замедлил дать разъяснение: „У них нет паспортов. Австрийский престолонаследник должен приехать в Сараево. Студенты идут убить его, они должны бросить бомбы. Они идут из Сербии и рискуют своей жизнью И поэтому все нужно хранить в тайне".

Получив такой ответ, Благойя посоветовал отцу не вмешиваться в предприятие, которое может для него плохо закончиться, и от которого ему нечего ждать добра. Увидев, что дело принимает неожиданный оборот, Кубрилович заявил, что студенты —„хорошие сербы" и отдают свою жизнь за Сербию, а кто-то из заговорщиков, — не то Принцип, не то Грабеч,— произнес речь на тему, что „Босния—зеница в глазу Сербии". Но агитация, видимо, не имела успеха, так как сыновья Керовича и после нее были не особенно расположены способствовать заговорщикам. Тогда Грабеч посоветовал „скептикам" держать язык за зубами ради их собственной шкуры: у них (заговорщиков) есть друзья, которые отомстят в случае измены, и прибавил, что они рискуют жизнью за сербское дело. В свою очередь Кубрилович успокоил семью Керовичей тем, что студенты, как только совершат покушение, покончат самоубийством, и поэтому никто ничего не узнает. Последний довод показался убедительным и протесты прекратились, если верить тому,

что они вообще были. Ведь об этих протестах семья Керовичей поведала только сараевскому суду во время перекрестного допроса 17 октября, когда все стремились свалить вину друг на друга и выгородить себя.

По просьбе Принципа, Кубрилович написал для заговорщиков рекомендательное письмо Миско Иовановичу в Тузлу, прося его дать помещение и помочь им добраться до Сараева. Этот Миско Иованович был принят в „Народную Одбрану" Божо Милановичем при содействии Кубриловича и являлся комиссаром „Народной Одбраны" в Тузле и председателем местной сокольской организации. Сын богатого купца и владелец кинематографа Миско Иованович был зажиточным и влиятельным лицом в селе. Он занимал посты члена церковного совета, совета сербской православной школы, совета сербского банка и т. п. Во время Балканской войны он ездил в Белград для того, чтобы поступить добровольцем в сербскую армию, но по состоянию здоровья был признан негодным для несения военной службы. Тогда он занялся сбором пожертвований для сербского „Красного Креста" среди населения Боснии, попутно распространяя агитброшюры „Народной Одбраны", принадлежащие перу Живоина Дачича. На этого человека указал заговорщикам Циганович, но и сам Принцип слышал о нем еще в Белграде.

В 11 часов вечера заговорщики тронулись в путь. Степанович и Недо Керович запрягли телегу, спрятав оружие в охапке сена. Дорога вела мимо жандармских казарм. Не желая подвергнуть себя риску неожиданной встречи с жандармами, Принцип и Грабеч перед казармами слезли с телеги и пешком обошли казармы по боковой тропинке. Благополучно миновав опасное место, они присоединились к возчикам, ожидавшим их на дороге, и, улегшись на сене, заснули.

На рассвете они подъехали к Тузле. Здесь компания разделилась: Степанович и Недо Керович поехали с оружием прямо к дому Иовановича, а Принцип и Грабеч решили подождать дня. Они попросили крестьян передать оружие Миско Иовановичу и сказать ему, что владельцы оружия будут ждать его в 9 часов утра в читальном зале „Србска Читавница". Степанович и Керович привезли оружие и выложили его на стол перед глазами хозяина. Иованович спросил: „Что это?". Они ответили: „Это посылает вам учитель Велико Кубрилович" и передали ему рекомендательное письмо последнего. Иованович ответил: „Хорошо". Тогда крестьяне передали ему просьбу заговорщиков явиться в „Србску Читавницу", а сами отправились к Принципу и Грабечу с докладом об исполненном поручении.

В 9 часов утра явился Иованович и попросил Степановича показать ему „студентов". В это время вошли Принцип и Грабеч, и Степанович перезнакомил их, после чего крестьяне уехали.

По словам Иовановича, Принцип и Грабеч заявили ему, что „идут в Сараево и боятся нести туда бомбы, так как два (!) эрцгерцога должны приехать в город. Не разрешит ли Иованович оставить оружие у него на хранение на несколько дней, пока специальный человек не приедет за ним?"

Иованович дал согласие, чтобы, как он заявлял потом на суде, „выручить студентов из затруднения" (почему в самом деле не помочь двум хорошим людям, которые так боятся приезда „двух" эрцгерцогов? — Н. П.). Оставалось лишь уладить вопрос о том, как может Иованович опознать в лицо доверенного человека, который приедет за оружием. Иованович предложил для этой цели особый опознавательный знак: именно, приехавший человек должен передать ему крышку от коробки

папирос марки „Стефания". На том заговорщики и порешили.

Это было 3 июня. Принцип и Грабеч, к которым присоединился ожидавший их в Тузле Габринович, вечером сели в поезд на Сараево. Освободившись от опасной ноши и пройдя благополучно самую опасную часть пути, заговорщики чувствовали себя победителями. Они обнаглели. Габринович, насмешливый и циничный юноша, свел в поезде знакомство с агентом сараевской полиции неким Иваном Вила и всю ночь дурачил простодушного полицейского рассказами о том, как плохо живется бедному человеку в Сербии, как малы заработки и как дорога жизнь. Под крылышком этого полицейского агента заговорщики утром, 4 июня, благополучно прибыли в Сараево.

* * *

Мы нарочно подробно проследили такой, казалось бы незначительный факт, как переход заговорщиками границы, и постарались описать его с мельчайшими деталями по двум причинам:

Во 1) такое подробное описание пути заговорщиков, как нам кажется, появляется впервые в нашей литературе, и в силу этого само по себе представляет некоторый интерес.

Во 2) у нас до сих пор еще распространен взгляд, что содействие сербских пограничных и таможенных властей заговорщикам в переправе через границу является плодом больного воображения австрийской дипломатии, беззастенчиво извративший действительность для того, чтобы обосновать свой ультиматум Сербии от 23 июля. Автору этих строк приходилось встречаться с этим взглядом не только в широких читательских кругах, но и среди историков-исследователей. Детальное описа-

ние пути заговорщиков, основанное на протоколах судебного разбирательства в Сараеве, по нашему мнению, будет в значительной мере способствовать изживанию этого взгляда, созданного еще в эпоху военного патриотизма.

Но вернемся еще раз к путешествию Принципа и его товарищей. Путешествие заговорщиков служит яркой иллюстрацией работы тех „подземных каналов", которые создала „Народна Одбрана" для переправы своих агитаторов, оружия, литературы и денег в Боснию и для получения оттуда от своих комиссаров шпионской корреспонденции. Эти каналы действовали без перебоев с четкостью хорошо прилаженного и смазанного механизма, в котором отдельные звенья живой цепи, использованной Принципом и его друзьями, в большинстве случаев знали, что делают, кого и что переправляют. Сербские таможенные и пограничные власти были первой промежуточной станцией, принимавшей и отправлявшей живые (человеческие), и мертвые (вещевые) грузы на этом пути. Но было бы напрасно думать, что пересылка таких грузов производилась пограничниками по их собственной инициативе.

Слово „канал" стало официальным термином для связи с Боснией-Герцоговиной в деловой переписке сербского генерального штаба и военного министерства. В цитированной уже нами „Инструкции о деятельности комитаджей в южно-славянских землях Австро-Венгрии", [1] — инструкции, разработанной сербским генеральным штабом по приказу военного министерства, — дословно говорится:

---

[1] Генерал Живко Павлович „Битка на Јадру августа 1914 год", Београд—Земун 1924, стр. 619—623.

В августе 1914 г. Павлович был начальником оперативного отделения сербского главного командования, позже заместителем начальника штаба главнокомандующего сербской армией.

„Доставка донесений и поддержка связи должна осуществляться путем курьеров через „каналы", которые должны организовать командиры чет. При организации „каналов" для доставки донесений необходимо иметь в виду, чтобы связь осуществлялась возможно быстрее, с таким расчетом, чтобы командующие армиями, которым подчинены командиры чет, могли получать известия возможно скорее".

Могут сказать, что инструкция предусматривает организацию каналов на случай войны. Это не так. „Каналы" были созданы в мирное время, задолго до войны с Австрией [1]. В 1911 году, разрабатывая планы войны с Турцией, начальник сербского генерального штаба и член „Черной руки" воевода Путник встретился с одним непредвиденным затруднением: в сербском генеральном штабе слишком мало знали о том, что делается в соседних государствах. Поэтому воевода Путник приказал начальнику контрразведки Драгутину Димитриевичу заместить посты начальников пограничных участков офицерами — членами „Черной руки". И тогда все 6 пограничных офицерских постов были переданы Димитриевичем „надежным людям". В частности, на границе с Австрией были устроены: в Ужице — капитан, впоследствии полковник, Чедо Попович (№ 3), член „Врховной центральной управы", в Лознице на Дрине—капитан Коста Тодорович (№ 254) и в Шабаце на Саве капитан Димитрий Павлович.

Эти пограничные офицеры, по заданию Врховной центральной управы „Черной руки", организовали „каналы", действовавшие по отзыву самого Чедо Поповича, „безупречно". Служба „каналов", организованная и под-

[1] „Nova Evropa" (Agram), XVI/5 стр. 140—148, воспоминания полковника Чедо Поповича.

держиваемая сербским генеральным штабом, осуществлялась сербскими офицерами до Балканских войн, когда эти офицеры отправились в действующую армию.

На время этих войн заботу о „каналах“ приняла на себя „Народна Одбрана“, агенты которой, в особенности Божо Милановић в Шабаце, развили бешеную деятельность, пользуясь „каналами“ в интересах своего общества. Ну, а так как мы из предыдущей главы уже знаем, каковы были цели и деятельность „Народной Одбраны“ в отношении Австро-Венгрии, то можем с полной убежденностью сказать, что интересы сербского штаба во время этой кратковременной отлучки офицеров членов „Черной руки“ не пострадали. И, действительно, как раз в эту эпоху Велико Кубрилович в „Прибое“, по предложению из Белграда, составил „строго научное детальное описание части округа Зворник“ [1]. Эта „литературная компиляция“, по его собственному признанию, помимо учета всех сербских семейств в округе, заключала „описание всех дорог, тропинок, ручьев, источников и была топографической картиной скрупулезной точности“. За эту работу он получил из Белграда 50 динаров. Такую же работу в отношении Герцоговины выполнил, по словам Кубриловича, профессор Дедие.

После Балканских войн офицеры из „Черной руки“ вновь вернулись на свои пограничные посты и заработали здесь с такой энергией, что принуждено было вмешаться министерство иностранных дел: оно напомнило военному министерству, что „с их (офицеров) стороны наблюдается чересчур большая патриотическая агитация и что они должны помнить о большей осторожности в своих действиях“. Военное министерство предписало офицерами

---

[1] Sérajévo. La conspiration serbe... стр. 87. Показания Велико Кубриловича.

пограничникам свернуть свою деятельность и вскоре заменило их другими, состоявшими лишь в „Народной Одбране“, а не в „Черной руке“. Тот факт, что Принцип и его товарищи переправились по „каналу“ у Лозницы, как раз при содействии офицеров-пограничников, членов всего лишь„ Народной Одбраны“, еще более подчеркивает причастность „Народной Одбраны“ к Сараевскому покушению.

Кстати сказать, после покушения в Сараеве сербский генеральный штаб снова взялся за эти „каналы“, но не с целью уничтожения их, а для того, чтобы наладить их службу. Димитриевич самолично подтверждает это в следующих выражениях: [1]. „Когда стало ясно, что между нами и Австрией идет к войне, я вызвал Малобабича в Белград, чтобы дать указания по работе его самого и его корреспондентов в Австрии на случай мобилизации и военных действий“. Раде Малобабич, австрийский подданный, осужденный в 1909 году по Аграмскому процессу в государственной измене, с 1913 года был доверенным лицом Димитриевича по организации шпионской службы в Австро-Венгрии. Прибыв в Белград и получив задание, Малобабич отправился в служебную командировку на реку Дрину, чтобы найти новые места для перехода в Австрию и проверить состояние уже работавших „каналов“. Во исполнение этой миссии Малобабич 19 и 20 июля 1914 года, т. е. за три дня до посылки австрийского ультиматума, посетил Дрину и тут вместе с майором Поповичем — и капитаном Првановичем — двумя офицерами, способствовавшими переходу Принципа и его товарищей — осмотрел границу, в частности „каналы“ у Ковильяча

---

[1] „Тайна превратна организација, 202, 213 и 106—107. Димитриевичу это стало „ясно“ с 15 июля см. подробней главу VII.

и Лозницы. 24 июля он через Шабац направился в Белград, где 25 июля сделал подробный доклад о состоянии „каналов“ полковнику Димитриевичу.

В свете этих данных тезис о непричастности сербских пограничных властей вряд ли может поддерживаться защитниками сербской невинности. Наоборот, путешествие Принципа и его товарищей, можно сказать, было предуготовлено и облегчено не только приказами Верховной центральной управы „Черной руки“, но и инструкциями генерального штаба и военного министерства. „Во время глубочайшего мира существовал установленный и руководимый властью шпионский и революционный аппарат, направленный против Австро-Венгрии, который предназначался для использования партизанскими и четническими отрядами в случае войны“, — говорит Визнер. И с этим утверждением трудно не согласиться. Для Принципа и его товарищей путь, по которому они шли, был абсолютно неизвестен. И все-таки они прошли его с чудесной сказочной легкостью. Чья-то рука вела и опекала их всю дорогу так заботливо, что сам Принцип, во время своего допроса на суде об обстановке переправы через границу, мог ответить лишь, что находит в нем „что-то таинственное“ [1].

* * *

В Сараеве заговорщики связались прежде всего с Иличем, с лихорадочным нетерпением ждавшим их прихода и с еще большим—оружия. Начались бесчисленные конференции. Что происходило среди заговорщиков в эти дни 4—28 июня, трудно установить. Об этом периоде существуют лишь самые скудные и отрывочные сведения, так как сараевская следственная комиссия из

[1] Sérajévo. La conspiration serbe... стр. 73. Показания Принципа.

чисто политических соображений обратила свое внимание, главным образом, на подготовку покушения в Белграде. Участие местных жителей интересовало австрийские власти гораздо менее. Данные об участии местных жителей не представляли ничего необычного, и упор на эту сторону покушения мог даже иметь нежелательные политические последствия. Австрийское правительство было менее всего заинтересовано в доказательстве тезиса, что сараевское убийство является чисто местным предприятием, организованным боснийской молодежью на свой страх и риск, без помощи Белграда. Лить воду на сербскую мельницу, иллюстрировать фактами, усиленно провозглашаемый в Белграде тезис, что покушения на австро-венгерских сановников вызваны режимом гонений, созданных австрийской властью и ожесточавших население, оно не собиралось. Поэтому в протоколах следственной комиссии и судебного разбирательства период пребывания заговорщиков в Сараеве освещен очень слабо.

Следствие велось очень небрежно, власти не пытались докопаться до конца и в результате пощадили много таких лиц, которых более тщательное и энергичное расследование несомненно бы посадило на скамью подсудимых.

Немного света в отношении этого периода проливает и послевоенная литература. Время пребывания заговорщиков в Сараеве освещено несколько более полно лишь в воспоминаниях Боривоя Евтича [1], члена кружка „Молодой Босны", руководимого Гачиновичем и Иличем. Но к показаниям Евтича, „человека увлекающегося", по словам самого Гачиновича, нужно относиться с большой осторожностью. В те времена Евтич, попросту говоря, был зелен и юн, и по молодости в тайны и конспирации

[1] Borivoj Jevtic. Sarajevski Attentat. Sarajevo. 1924.

кружка не посвящался. О деталях он знал только по наслышке, а если и знал, то скрыл их, пытаясь реабилитировать сербское правительство. Иначе в его воспоминаниях, появившихся в 1924 году, не было бы такой массы грубейших неточностей и ошибок, которые были тотчас же отмечены европейскими исследователями.

Трудно без невольной усмешки читать отрывистые показания тех участников заговора, которых привлек в Сараеве Илич. Слишком наивно и слишком откровенно конспирировала эта зеленая молодежь, хвастаившаяся направо и налево перед товарищами по школьной скамье, тем, что они убьют эрцгерцога. Например, подсудимый Драган Калембер, 16 лет, ученик Сараевской гимназии, показал [1], что является сторонником прогрессивной партии, но оказался не в состоянии объяснить, какова программа этой партии. Ему хочется, чтобы сербы жили в добром согласии с хорватами, а сам он не занимается политикой. Васо Кубрилович (его товарищ по гимназии и младший брат Велико Кубриловича), также привлеченный к заговору Иличем, однажды на прогулке сказал ему, что убьет австрийского престолонаследника и имеет для этой цели бомбу и револьвер. Обвиняемый не поверил этому. В субботу накануне покушения Кубрилович повторил ему то же самое, приглашая пощупать оружие, которое, по его словам, было у него в кармане. Калембер отказался последовать приглашению. Он не донес на Кубриловича потому, что не принял его слов „всерьез". Приятель Калембера, Никола Форкапич показал, что Кубрилович после покушения хвастался, что 2 раза стрелял в эрцгерцога.

На самом деле Васо Кубриловичу не пришлось применять на деле свое смертоносное оружие, хотя он

---

[1] Sérajévo. La conspiration serbe... стр. 95.

стоял в двух шагах от Габриновича и имел полную возможность бросить бомбу до покушения последнего или подойти к автомобилю эрцгерцога, когда после взрыва этот автомобиль на несколько минут остановился, и стрелять в эрцгерцога в упор, как сделал Принцип, имевший, кстати сказать, гораздо меньше времени в своем распоряжении. По показаниям школьных товарищей, после убийства эрцгерцога Кубрилович дрожал от страха и умолял взять у него оружие.

Из всех сотрудников, привлеченных Иличем, только один Мухамед Мехмедбашич представлял добротный человеческий материал в смысле способности выполнить покушение. Остальные два — Васо Кубрилович и Цветко Попович, так же имевший полную возможность убить эрцгерцога, — он стоял как раз против того места, где остановился автомобиль эрцгерцога после взрыва бомбы Габриновича, — откровенно сознавались, что у них на это не хватило храбрости; до покушения они ходили, надувшись, как молодые индюки, и хвастались перед товарищами, что на эрцгерцога будет совершено покушение и что именно они убьют его. Впрочем, их репутация была такова, что товарищи отмахивались от них рукой.

Организация покушения не представляла для заговорщиков особых трудностей. В Сараеве их знали и, странно сказать, считали благонамеренными гражданами. Сам город был им известен вдоль и поперек; каждый из участников прожил в городе несколько лет и знал, что называется, все ходы и выходы.

Сараево, маленький провинциальный городишко с 60 тыс. жителей, застроенный по турецкой системе, с бесчисленным количеством улочек и переулков, с извилистыми и узкими улицами, разбросанными домами, представляет типичный городок востока. В европейской части города, застроенной после австрийской оккупации

1878 года и представлявшей по словам австрийцев полную „противоположность“ старому Сараеву, улицы были так узки, что по некоторым из них с трудом могли проехать 3 экипажа.

Среди заговорщиков долго обсуждался вопрос, где встретить эрцгерцога. Город представлял много благоприятных возможностей для покушения; удача могла быть, но заговорщики хотели заполучить Франца-Фердинанда наверняка. В их спорах красной нитью проходило, что эрцгерцог во всяком случае не должен уйти живым из Сараева. „Убийство эрцгерцога было национальным делом всей молодежи Боснии“, — глубокомысленно замечает по этому поводу Евтич. Поэтому, в конце концов, было решено воздержаться от отдельных попыток разрозненными силами и действовать коллективно и организованно.

За несколько дней до приезда эрцгерцога местные газеты напечатали подробный маршрут путешествия по городу, с перечнем тех мест, которые должна была посетить эрцгерцогская чета: городскую ратушу, музей, Сараевский конак (дворец), резиденцию военного губернатора Боснии-Герцеговины, генерала Потиорека и т. д. Опубликование маршрута весьма облегчило заговорщикам задачу. Вместе с тем они видели, что никаких особых приготовлений к встрече эрцгерцога со стороны местных властей не замечается. Сведения от знакомых и друзей говорили одно и то же: не видно ни увеличения полиции, ни прихода войск в город. Сараевская полиция не ходила, как в 1910 году при посещении императора Франца-Иосифа, по домам подозрительных граждан и не советовала во избежание различных неприятностей не показывать носа на улицу в дни пребывания эрцгерцога в городе. Словом, судьба благоприятствовала планам заговорщиков.

Оставалось доставить в Сараево оружие, которое было оставлено на хранении у Миско Иовановича в Тузле. Велико Кубрилович, получивший от семьи Керовичей и Степановича донесение о том, что заговорщики вместе с оружием благополучно прибыли в Тузлу, заинтересовался вопросом о дальнейшей доставке оружия. Поэтому спустя несколько дней после отъезда Принципа и Грабеча из Прибоя, он отправился сам в Тузлу, чтобы спросить у Миско Иовановича, что будет с оружием. Он боялся, чтобы в решительную минуту заговорщики не оказались без самого необходимого. Миско Иованович сказал ему, что с оружием дело улажено: оно еще находится в Тузле, но за ним скоро приедет доверенное лицо. При этом они попутно поговорили о приезде эрцгерцога, но разговор был неожиданно прерван. На следующий день явился Данило Илич и показал крышку от коробки папирос марки „Стефания".

Иованович вынул бомбы и револьверы, которые он хранил у себя в доме на чердаке, и передал их Иличу. Но Илич, „человек боязливый и слабый", по выражению Принципа, боялся везти оружие один. Он заметил, что, собственно говоря, оружие предназначается для Добоя, маленькой узловой станции в 45 километрах от Тузлы, и что было бы хорошо, если бы Иованович проводил его туда. Иованович согласился и отнес оружие на станцию железной дороги. Здесь он и Илич уселись на поезд в Добой. В Добое Илич пересел на поезд в Сараево, а Иованович вернулся в Тузлу к своим занятиям. Это было 15 июня. Оружие Илич сложил у себя в комнате, где вместе с ним поселился после прибытия в Сараево Принцип. 16 июня Илич снова уехал, — на этот раз в Белград для доклада полковнику Димитриевичу о подготовке покушения. Димитриевич одобрил все. Илич вернулся из Белграда так, как и проехал туда, — вос-

пользовавшись теми же „каналами“, по которым прошла белградская группа заговорщиков.

Принцип случайно оказался на улице в тот день, когда эрцгерцог с женой неофициально посетили город. Это было вечером 26 июня. Он стоял в нескольких шагах от эрцгерцога в толпе народа, верноподданнически приветствовавшего наследника трона. Совершить покушение было очень легко, но Принцип забыл дома оружие. На другой день в Илидзе он хотел загладить неудачу, трижды пытаясь пробраться в отель, в котором остановилась эрцгерцогская чета, и всякий раз стража задерживала его на полдороге. Видя, что все усилия безуспешны и своими попытками он начинает обращать на себя внимание, Принцип вернулся обратно в Сараево.

В этот же день он послал телеграмму Цигановичу: „Свадьба состоится в воскресенье. Пришлите денег“. Циганович передал телеграмму секретарю „Черной руки“ майору Лазичу, который выслал 1.000 динаров. Этой суммой закончились издержки по сараевскому делу.

Вечером Принцип встретился с Евтичем. По словам Евтича, всю ночь накануне покушения они провели вместе, горячо споря и обсуждая шансы на удачу или неуспех предприятия. Утром они простились навсегда.

Вечером накануне покушения (27 июня) Габринович отправил доктору Орличу в Аббацию последнее прощальное письмо, которое звучало похоронным приветом: „Дорогой друг! Накануне своей смерти, тяжелобольной, желаю Вам и Вашей жене всякого счастья в новой объединенной родине“.

Утром 28 июня заговорщики сошлись в маленькой кондитерской на углу набережной Аппеля против моста Цумурья. На предшествующих совещаниях было решено устроить засаду вдоль набережной Аппеля — узкой пря-

ПЛАН ЗАСАД ЗАГОВОРЩИКОВ В САРАЕВО [1].

Темными точками обозначены места заговорщиков.

1. Махмедбашич.
2. Васо Кубрилович.
3. Габринович.
4. Цветко Попович.
5. Первая позиция Принципа.
6. Трифко Грабеч.
7. Вторая позиция Принципа.
8. Данило Илич.

Маршрут фактического пути Франца-Фердинанда.

Маршрут, намеченный перед покушением Габриновича.

Маршрут, намеченный после покушения Габриновича.

Покушение Габриновича в 10 час. 25 мин. утра. a

Покушение Принципа в 10 час. 50 мин. утра. b

[1]) Из журнала „Kriegsschuldfrage", 1927, март.

мой улицы, потому что по набережной эрцгерцог должен был проехать наверняка: чтобы попасть по какому-либо другому пути в ратушу, эрцгерцог должен был проезжать самыми узкими и тесными улочками города. Илич роздал оружие и яд. После этого они разошлись и разместились по обеим сторонам набережной. (См. план). Мехмедбашич, Васо Кубрилович и Габринович стали со стороны реки у моста Цумурья, Илич и Цветко Попович — напротив их у входа в переулок и возле здания австро-венгерского банка. Принцип занял место дальше по набережной, так сказать, во второй очереди у Латинского моста, и Грабеч в третьей — у Императорского.

День обещал быть солнечным и жарким. Вдоль набережной столпилось население. Заговорщики прогуливались взад и вперед. Они устали ждать и изнывали от нетерпения, когда вдруг издали послышались крики: вдали показался автомобиль эрцгерцога...

VI. Судьба заговорщиков.

Вернемся к судьбе заговорщиков. Ультиматум, а затем война оттеснили вопрос о заговорщиках на второй план. Более грозные события обрушились на Европу и заставили забыть о „мальчиках, которые „вызвали" войну". В опьянении шовинистическим угаром немецкие социалисты проголосовали 4 августа военные кредиты, и мужественный голос Либкнехта в рейхстаге прозвучал одиноким протестом. Во Франции от руки фанатика-убийцы, подогретого царским золотом, пал Жорес.

Европа, вооружавшаяся в течение 50 лет, теперь готовилась проверить, насколько совершенны ее вооружения в практике человекоистребления. Под гром военных фанфар, под вопли желтой прессы — в „Париж", в „Петербург", в „Берлин" и т. д. некому, и собственно говоря не для чего, было помнить о заговорщиках. Тень войны заслонила их надолго от внимания Европы, заставив забыть об их участи.

Когда началась война, правительственным кругам Австро-Венгрии первое время было тоже не до заговорщиков. На карту было поставлено все, и решался вопрос о судьбе страны. Самое страшное решение уже было принято, и потока событий все равно нельзя было повернуть вспять. Следовательно, единственной задачей правительства в отношении заговорщиков было добиться

того, чтобы судебное разбирательство подтвердило показания убийц, данные ими на предварительном следствии. Для австро-венгерского правительства это было более, чем важно. Каков бы ни был исход борьбы на полях сражений, выясненная судебными властями причастность официальных сербских кругов к организации покушения, давала повод представить свой ультиматум—австрийская военщина не меньше хотела войны, чем сербская! — вынужденным и этим снимала с австрийцев одиум морального осуждения, как зачинщиков мировой войны. Для правительства Австро-Венгрии было крайне важным право сказать в нейтральных странах: „Смотрите, вот документы! Вот, что сказали сами убийцы об участии Белграда! Мы не могли поступить иначе!"

Эта международно-политическая цель процесса, делавшая его событием первостепенной важности, одновременно предопределила и самый характер судебного разбирательства. Со времени злосчастного процесса в Аграме и процесса Фридъюнга, когда австрийские власти, чтобы доказать правильность своих обвинений об участии Белграда в организации югославского движения и покушений против австро-венгерских сановников в южнославянских землях Империи, решились на подделку документов, европейское общественное мнение не давало большой веры австрийским документациям. Нужно было разбить недоверие, с которым в Европе встречали все австрийские „документы". Поэтому, хотя предварительное следствие велось в строжайшей тайне, и власти просто-на-просто запретили газетам писать что бы то ни было о ходе сараевского следствия, — судебное разбирательство было решено предать самой широкой гласности.

* * *

В этой политической обстановке открылся в Сараеве судебный процесс. Зал судебного заседания был наполнен избранной публикой: по собственной инициативе и по приглашению правительства на процесс съехалось более 100 корреспондентов газет. Особенно предупредительно встретили корреспондентов иностранной печати нейтральных стран. Стенограммы и протоколы допроса подсудимых, свидетелей и прений велись на хорватском языке. Подсудимые отвечали на сербском. Для иностранных корреспондентов, в частности для американских, присутствовавших на процессе в немалом количестве, эти языки были тарабарщиной. Поэтому корреспондентам разрешили иметь даже собственных переводчиков—чтобы нельзя было сказать о неправильной информации казенными переводчиками. Председатель суда дважды обращался к тем, кто показывал слабым или невнятным голосом: „Говорите громче, это публичное разбирательство, и другие хотят вас слышать, как я". Заседания, несмотря на официальный характер судебной процедуры, велись с большими отступлениями от регламента. Председатель часто делал перерывы на 5 минут, чтобы открыть окна и освежить публику. Подсудимым не угрожали, не производили на них давления. Вызванных свидетелей допрашивали без „пристрастия". Словом было сделано все, чтобы у представителей печати создалось впечатление беспристрастности судебного разбирательства и уверенность в том, что показания свидетелей и подсудимых не вынуждены угрозами или фальсифицированы.

Самые главные подсудимые — Принцип, Габринович и Грабеч — говорили довольно охотно и непринужденно. Им было нечего скрывать. О войне они уже знали и понимали, что их показания на процессе уже не могут повлиять на ухудшение австро-сербских отношений.

Менее замешанные обвиняемые естественно давали путанные показания, старались свалить вину друг на друга и выгородить себя.

Обвиняемых было 25 человек: Неделько Габринович, Гаврило Принцип, Трифко Грабеч, Данило Илич, Васо Кубрилович, Цветко Попович—непосредственные исполнители покушения; Лазарь Гыокич, Милан Краньичевич, Бранко Загорац. Марко Перин, Никола Форкапич, Драган Калембер — знавшие о покушении и привлеченные в качестве его участников; Миско Иованович, Велико Кубрилович, Мико Мичич, Яков Милович, Обрен Милошевич, Митар Керович, Недо Керович, Иово Керович, Благойя Керович и Цвиян Степанович — способствовавшие переходу границы заговорщиками; Иван Момчинович, Франио и Анжела Садило — принявшие на сохранение оружие от заговорщиков после покушения и этим способствовавшие сокрытию следов преступления. Двадцать шестой подсудимый участник заговора Мухамед Махмедбашич успел благополучно бежать за границу.

22 подсудимым было предъявлено обвинение в государственной измене по статье 3 § а уголовного кодекса Боснии-Герцеговины, а именно: „в совершении действий, имевших целью оскорбить или поставить в опасность его величество Апостолического императора и короля в отношении его тела, его здоровья или его свободы, или в воспрепятствовании ему осуществить свои права управления".

Подсудимым Ивану Момчиновичу, Франио Садило и Анжеле Садило было предъявлено обвинение по ст. 296 уголовного кодекса „в оказании содействия преступлению и преступникам путем попыток затруднить открытие преступления либо его виновника". Эта статья угрожала тюремным заключением. Остальным же обвиняемым, привлекаемым по ст. 3 § а, угрожала смертная

казнь. Но, согласно ст. 90 австрийского уголовного кодекса, подсудимым Габриновичу, Трифко Грабечу, Васо Кубриловичу, Цветко Поповичу, Иво Краньичевичу, Лазарю Гьюкичу, Загорацу, Марко Перину, Драгану Калемберу и Николае Форкапичу, не достигшим 20-летнего возраста, смертная казнь заменялась пожизненным тюремным заключением.

Свидетелей было вызвано более ста человек. Председательствовала на суде обер-юстиц-советник Куринальди, членами были юстиц-советники Наумович и Гофман; судьями-заместителями юстиц-советники Фиалка и Питра; обвиняли — генеральный прокурор Свара и заместитель прокурора Сарк. Защита была представлена адвокатами-стажерами д-ром Премузич, д-ром Цистлером и д-р Фельдбауэром, юстиц-советником Струплем и юстиц-секретарем Малаком.

Обвинительный акт, состоявший из 33 страниц in folio печатного текста, детально излагал всю историю возникновения заговора в Белграде (в этот момент австрийские власти не имели еще представления об участии Гачиновича и „Черной руки“) при непосредственном содействии руководителей „Народной Одбраны“. Деятельность последней изложена по мемуару австрийского министерства иностранных дел, основанному на официальной брошюре — отчете (цитирована нами в главе IV) Центрального совета „Народной Одбраны“. Далее обвинительный акт подробно излагал переговоры заговорщиков с Танкосичем и Цигановичем о получении оружия, переход заговорщиками границы при содействии сербских таможенных и пограничных властей, путешествие по „каналу“ до Сараево при содействии эмиссаров „Народной Одбраны“, расстановку засад на улицах, покушение и арест обвинямых. После прочтения обвинительного акта и выполнения прочих формальностей

судебной процедуры, суд приступил к допросу обвиняемых.

Мы не будем приводить весь материал допроса подсудимых и свидетелей. Многое из того, что они поведали на суде, рассказано нами в предыдущих главах. Мы остановимся лишь на тех моментах в истории возникновения и выполнения заговора, которые судебное разбирательство установило впервые и которые были неизвестны Сараевской следственной комиссии и, следовательно, не явились материалом для австрийского ультиматума и приложенного к нему „досье" о великосербской пропаганде против Австро-Венгрии. Однако судебное разбирательство вскрыло целый ряд таких интересных моментов, которые привели в изумление прежде всего самих австрийцев, не ожидавших такого захватывающего материала.

Первым был допрошен Неделько Габринович, который подтвердил все изложенное в обвинительном акте и рассказанное нами в главе V. При этом он заявил, что в начале апреля 1914 года, т. е. уже после того, как мысль убить эрцгерцога осенила его голову, он был представлен сербскому престолонаследнику принцу Александру директором государственной типографии и членом-основателем „Народной Одбраны" Живоином Дачичем и удостоился личной аудиенции.

Это заявление Габриновича, которого кстати сказать никто не тянул за язык, повергло суд в настоящую панику. Все буквально оцепенели. Когда суд несколько оправился и пришел в себя после такого неожиданного пассажа, Габриновичу задали вопрос, о чем же говорил он, простой рабочий, с принцом. Вопрос более чем законный, скажем мы, ибо австрийский суд отлично понимал, что в такой отнюдь не демократической стране, как Сербия, где остатки крепостнических отношений

прочно вкоренились в общественный строй, прием простого рабочего престолонаследником на личной аудиенции был неслыханным явлением. Габринович ответил, что тайну этого разговора с принцем он унесет с собой в могилу, и отказался отвечать на все дальнейшие расспросы. Ошарашенный суд прекратил допрос и прервал заседание.

На следующий день 13 октября защитник доктор Премузич спросил, как Габринович относится к франк-массонству. Габринович непринужденно ответил, что он интересуется массонским движением. Председательствующий задал вопрос, принадлежит ли сам подсудимый к массонам. Габринович весьма уклончиво ответил: „О том, что вы меня спрашиваете, я не могу ответить". На дальнейшие расспросы суда Габринович все же ответил, что покушение на эрцгерцога было выполнено отчасти потому, что эрцгерцог был набожным католиком, но что этот факт был побочной причиной покушения. Затем Габринович очень неохотно признался, что массонами были также и Танкосич и Циганович. Тогда Габринович подвергли перекресному допросу, и он постепенно признался, что и он сам принадлежит к массонам и что массонская связь между ним, Танкосичем и Цигановичем повлияла в положительном смысле на его решение совершить покушение на эрцгерцога. В заключение он добавил: „Я ни от кого не получал поручения совершить покушение. Связь между франк-массонством и покушением только в том, что благодаря франк-массонству я укрепился в своем намерении. В франк-массонстве разрешено убивать. Циганович сказал мне, что франк-массоны более года тому назад приговорили Франца-Фердинанда к смерти, но об этом смертном приговоре он сообщил нам только тогда, когда мы уже окончательно решили совершить покушение".

Спрошенный судом, почему он решился на покушение, Габринович ответил, что уничтожение престолонаследника устраняло самое грозное препятствие к осуществлению объединения сербов, которое должно было совершиться путем отторжения сербских провинций, принадлежавших Австро-Венгрии. Он подтвердил, что сербское национальное общество „Народна Одбрана" имело своей задачей объединить всех сербов путем подготовки революции. Студенческое общество „Омладость" в Белграде преследовало ту же цель, но средством для ее достижения считало войну с Австро-Венгрией. В Боснии, по словам Габриновича, имелись революционные организации, имевшие задачей поднять восстание в пользу Сербии в случее войны последней с Австро-Венгрией Кончая свои показания, Габринович признался, что он и его товарищи собирались явиться в Шабац к Божо Милановичу, чтобы просить у него денег. Они не были с ним лично знакомы, но знали, что является комиссаром „Народной Одбраны", почему и рассчитывали получить у него деньги. Но они не застали Божо Милановича дома.

Вторым был допрошен Гаврило Принцип. Он сразу же заявил, что не считает себя преступником, так как хотел „уничтожить зло". Затем он подтвердил свои показания о возникновении заговора в Белграде и переходе границы, данные на предварительном следствии. Убийством эрцгерцога он думал устранить самое опасное препятствие к объединению сербов и всех южных славян под гегемонией Сербии. Председатель спросил Принципа, говорил ли он о франк-массонстве с Цигановичем. Принцип разозлился и ответил контр-вопросом „Почему вы меня об этом спрашиваете?" Ему повторили вопрос, и тогда Принцип ответил, что Циганович действительно говорил ему, что он (Циганович) — франк-

массон, и добавил, что, при другой встрече с Цигановичем, последний сообщил ему, что эрцгерцог приговорен франк-массонами к смерти. Когда председатель спросил, принадлежит ли сам Принцип к массонам, Принцип сначала отказался ответить, а затем после короткого размышления ответил „Нет". На вопрос, принадлежит ли Габринович к массонам, Принцип ответил уклончиво.

Вообще при допросе Принцип проявил бо́льшую сдержанность, чем Габринович, либо отказываясь отвечать на предложенные вопросы, либо отвечая уклончиво или осторожно, чтобы не компрометировать других. Тем не менее, относительно причин, толкнувших его на покушение, он заявил, что миссия Сербии — оторвать Боснию-Герцеговину от Австрии, и что каждый „хороший серб" именно такого мнения. Никакая принадлежность к массонству не оказала на него влияния. Принцип отрицал получение какой бы то ни было помощи от официальных сербских кругов, но не мог объяснить, почему деньги и оружие были доставлены ему лицами, принадлежавшими к этим кругам, почему эти лица вели их и оказывали им покровительство во время пути, когда они шли по совершенно незнакомому для них маршруту. Принцип не мог дать объяснения и тому факту, что путь их по Боснии был совершен при помощи агентов „Народной Одбраны" Миловича, Велико Кубриловича и Миско Иовановича. Удовлетворительного (в смысле правдоподобия) ответа на эти вопросы он дать не мог и ограничился заявлением, что и он сам находит в этом путешествии „что-то таинственное".

На следующий день (14 октября) Принцип признался, что Велико Кубрилович, которого он не знал раньше, сам первый заговорил о покушении и спросил его, готов ли он это покушение совершить. О том, почему Кубрилович знал о готовившемся покушении, а Миско Иовано-

вич оказал им после первой их просьбы помощь, взяв оружие на хранение до передачи его доверенному лицу, которое специально приедет за оружием, Принцип отказался отвечать. Относительно самого покушения он рассказал одну любопытную подробность. Когда Габринович бросил бомбу и его после этого арестовали и повели в участок, он хотел подойти и застрелить Габриновича, а потом застрелиться самому, чтобы тайна покушения осталась нераскрытой, но суетившаяся вокруг толпа помешала ему выполнить это намерение. Когда он узнал, что покушение Габриновича не удалось, то перешел на угол набережной и переулка Франца-Иосифа, чтобы дождаться проезда эрцгерцога на обратном пути. В конце своих показаний Принцип заявил, что Циганович во время переговоров с ними о покушении часто упоминал третье лицо, которое было в курсе предприятия заговорщиков. Имя этого третьего лица, а равно и сведения относительно роли его в покушении Принцип сообщить отказался.

Трифко Грабеч показал, что является сторонником отторжения Боснии-Герцеговины от Австрии и объединения всех юго-славских земель под гегемонией Сербии, все равно будет ли это достигнуто путем революции, или путем войны с Австро-Венгрией. Мысль убить эрцгерцога пришла ему в голову под влиянием статей в белградских газетах и разговоров в обществе „Словенский Юг". В Белграде эрцгерцога все время изображали заклятым врагом сербского народа. Затем он показал, что Циганович дал заговорщикам письма в Шабац к майору Поповичу и в Лозницу — к начальнику пограничного участка капитану Првановичу. В Шабаце майор Попович выдал им льготные билеты для проезда в Лозницу по удешевленному тарифу. Грабеч подтвердил показание Принципа: Велико Кубрилович спросил, пред-

назначаются ли бомбы и револьверы для убийства Франца-Фердинанда, и, получив утвердительный ответ, спрятал оружие и повел заговорщиков в дом Керовича. Миско Иовановича им указал в Белграде Циганович, рекомендовавший его в качестве „хорошего серба". После покушения Принципа, узнав, что престолонаследник убит, Грабеч решил бежать в Сербию, но по дороге в Вышеград был арестован. На вопрос о том, является ли он франк-массоном, Грабеч ответил отрицательно, но добавил, что Циганович рассказывал ему, будто Танкосич состоит членом одной массонской ложи.

Во время допроса Данило Илич пытался опровергнуть или по крайней мере смягчить свои показания, данные на предварительном следствии. Пойманный несколько раз на противоречии с самим собой, он упорно повторял: „не знаю". Относительно покушения Илич заявил, что не он организовал сараевскую группу заговорщиков, а, наоборот, они вовлекли его. Он же все время отговаривал молодежь от покушения. Тогда кто-то из судей спросил его, как примирить это его заявление с тем фактом, что утром 28 июня, за несколько часов до покушения, он распределил бомбы, револьверы, патроны и яд среди заговорщиков и назначил каждому место засады. Илич мог только ответить, что ему казалось, что заговорщики не доведут дело до конца.

Допрос остальных двух непосредственных исполнителей — Васо Кубриловича и Цветко Поповича — не прибавил ничего существенного к показаниям главных обвиняемых. Оба признались, что имели намерение убить эрцгерцога, как заклятого врага славян, и получили для этой цели оружие от Илича. Васо Кубрилович подтвердил, что говорил о готовящемся покушении своим двум товарищам Драгану Калемберу и Марко Перину, но те не захотели его слушать. Кроме того, он просил Милана

Краньичевича взять на хранение оружие. В день покушения он просил Калембера держаться от него подальше, потому что произойдет покушение. Со своим братом Велико о покушении он не вел никаких переговоров и ни слова не говорил о последнем подсудимому Форкапичу. Сам он не бросил бомбы, потому что хотел пощадить герцогиню Гогенберг. Цветко Попович просто признался, что у него не хватило храбрости совершить покушение.

После допроса обоих подсудимых защитник доктор Премузич снова обратился к Габриновичу с вопросом, воздействовал ли кто нибудь на него, чтобы побудить его совершить покушение. Габринович в ответ попросил не беспокоить его такими вопросами: он принимает на себя всю ответственность за свои поступки и тайну своей решимости унесет с собой в могилу.

Велико Кубрилович признался, что был принят в агенты „Народной Одбраны" по Прибою Божо Милановичем из Шабаца, и по просьбе Милановича вовлек Миско Иовановича в Тузле. Однако о революционной и анти-австрийской деятельности „Народной Одбраны" он ничего не знал, хотя знал, что у Божо Милановича есть какие-то таинственные дела. Связью между ним и Милановичем был крестьянин Яков Милович. Он также подтвердил свои показания на предварительном следствии (изложены нами в соответствующем месте V главы) о своем содействии заговорщиками в путешествии по Боснии, пытаясь всячески смягчить свою вину. Так, он заявил, что шутя спрашивал Принципа, не собирается ли он убить эрцгерцога. Принцип на это ответил утвердительно и пригрозил убить его, если он выдаст. Это убедило его в том, что за спиной Принципа стоит революционная организация, и что в это дело вмешалась чья-то могущественная рука, иначе заговорщики бы не получили в свое распоряжение бомбы. Откажись он помочь заго-

ворщикам, сербские революционеры приговорили бы его к смерти. На вопрос председателя, откуда у него такая уверенность, Кубрилович отказался отвечать. Затем он снова заявил, что ничего не знал о тайной работе „Народной Одбраны“ и сокольских обществ, и был убежден в мирной деятельности этих организаций. Тогда суд прочитал ему донесение сербского инспектора „по службе информации“ в Лознице (шпиона — Н. П.) начальнику Дринской дивизии, датированное 5 октября 1911 года и во время кратковременной оккупации австро-венгерскими войсками Лозницы и Малого Зворника в августе 1914 года найденное в бумагах последнего. В донесении говорилось, что сокольские организации, „Побратимство“ и анти-алкогольные общества являются только ширмой, скрывающей деятельность „Народной Одбраны“ и работу по подготовке войны и восстания в Боснии. Отчет сообщал, что в распоряжении Лозницкого бюро шпионажа имеется более 100 доверенных людей (иначе говоря, шпионов), в том числе 9 особенно квалифицированных. К этим квалифицированным отчет причислял, между прочим, и подсудимого Мико Мичича. Кубрилович заявил, что, будучи председателем сокольской организации, он не замечал, чтобы соколы занимались такого рода делами, и тут же, видимо, в подтверждение своих слов, рассказал о своей „научной работе по топографическому описанию австрийского Зворника“.

Заседание 16 октября началось допросом Миско Ивановича, признавшегося, что он состоял комиссаром „Народной Одбраны“ по Тузле и распространял в Боснии брошюры Живоина Дачича, но энергично отрицавшего свою осведомленность о том, для чего предназначалось оружие, оставленное ему на хранение заговорщиками. Все остальное о своей помощи заговорщиками он подтвердил. После убийства эрцгерцога он, будучи лойяль-

ным верноподданным, отправил его величеству императору и королю телеграмму от сокольских организаций с выражением своего соболезнования. Когда председатель суда напомнил ему о низости такого поступка, Иованович ответил, что был принужден это сделать, чтобы обезопасить соколов от преследований..

Допрос остальных „мальчиков" — Лазаря Гьюкича (18 лет), Милана Краньичевича (19 лет), Бранко Загораца (18 лет), Марко Перина (19 лет), Николы Форкапича (19 лет), Драгана Калембера (16 лет)—не дал ничего существенного. Все они, кроме Форкапича, по его словам, ничего не знавшего о покушении, слышали о покушении от Васо Кубриловича и Цветко Поповича, хвастав шихся им, что убьют эрцгерцога, и демонстрировавших свое оружие. Зная хорошо обоих, они им не поверили. Милан Краньичевич признал себя виновным в том, что взял у Кубриловича на хранение оружие и отнес его в дом Садило к жившему там Момчиновичу. Он не донес о заговоре из чувства товарищества. Гьюкич признался, что, отвергнув предложение Ильича, участвовать в заговоре, указал Ильичу на Васо Кубриловича, как подходящего человека. Показания Мико Мичича, Якова Миловича, Обрена Милошевича и семьи Керовичей совпадали с показаниями, данными ими на предварительном следствии. Мичич признался, что видел оружие, но не знал ничего о замысле заговорщиков, и отрицал свою службу в качестве курьера „Народной Одбраны". То же самое отрицал и Милович, объявивший, что перевел студентов через границу только потому, что они возвращались к своим семьям в Боснию. Спрошенный председателем, знает ли он некоего Божо Милановича в Шабаце, Милович закричал „Боже меня избави!" Он и Милошевич признались, что видели у студентов револьверы и бомбы. Семья Керовичей (кроме Иово) и Степанович подтвер-

дили, что знали о намерении заговорщиков убить эрцгерцога, но боялись донести о заговоре из страха мести со стороны друзей последних.

Обвиняемые Момчинович, Франио и Анжела Садило сообщили, что Краньичевич после покушения принес в их дом какой-то сверток на хранение. Позже, когда они развернули сверток и увидели в нем оружие — револьвер и какую-то железную бутылку, Франио Садило пожаловался матери Краньичевича, и та на следующий день пришла и забрала оружие.

На этом закончился допрос обвиняемых. После осмотра вещественных доказательств (оружия) суд занялся вопросом о выяснении возраста Гаврило Принципа.

Для жизни Принципа этот вопрос имел большое значение. В приходском „Домовнике" (книге для записи рождений и смертей в каждой приходской церкви) датой рождения Принципа было указано 13 июня 1894 года ст. стиля, а в его матрикуле датой рождения было 13 июля 1894 г. ст. стиля. На предварительном следствии его признали перешагнувшим 20 лет, и обвинительтый акт не применял к нему ст. 90 уголовного кодекса. Поэтому для установления возраста Принципа защита вызвала его мать и приходского священника Милоша Бильбья. Мать подтвердила дату рождения, указанную в матрикуле, но хотя она оказалась не в состоянии назвать время рождения своих других сыновей, суд согласился удовлетвориться этим свидетельством. Эта разница в месяце спасла Принципа от повешения. Хотя приходский священник признался, что заносил сведения о рождении и смерти целыми сериями в Домовник спустя месяц после́ самого факта и что запись о рождении Принципа относится к серии за несколько месяцев, суд отказался признать достоверными и эти показания: он хотел отстранить упрек в малейшей пристрастности,

и днем рождения Принципа было признано 13/27 июля 1894 года.

Из показаний свидетелей, допрос которых начался 19 октября, мы точно также приведем вкратце только самые интересные и существенные данные.

Свидетель Трифко Крстанович, которого Принцип, Габринович и Грабеч объявили австрийским шпионом, подтвердил свои показания о деятельности „Народной Одбраны" и школе комитаджей в Чуприе (см. глава III). Габринович, спрошенный относительно показаний Крстановича, заявил, что действительно слышал в Белграде о некоем Крстановиче, исполнявшем обязанности курьера и ходившем иногда даже в Боснию. Свидетели Владо Куюндич, Лука Алинович, Владимир Милич, Михайла Козомара, служившие в отрядах сербских комитаджей, подтвердили правильность показаний Крстановича, дополнив их некоторыми данными.

Свидетели Андрей Любоевич, Милош Пура, Иово Карич, Коста Костич рассказали о социалистической работе Габриновича. Свидетель Любо Станаричич, которого в 1909 году ходил убивать Трифко Крстанович, в своих показаниях, прочитанных судом, сообщил, что служил в отряде комитаджей, организованном в 1906 году для действий в Турции, и подтвердил показания Крстановича об анти-австрийской работе „Народной Одбраны". Станаричич также показал, что „Народна Одбрана" получала субсидии от сербского правительства, снабжавшего это общество также и оружием, и путем отбора удвоилась в вторую организацию — „Черный легион", который выполнял при „Народной Одбране" функции полиции безопасности и устранял всех, кто работал против „Народной Одбраны" (это было первое показание о „Черной руке", которое услышали австрийцы!), Габринович подтвердил и эти показания Станаричича, но до-

бавил, что клейма сербских арсеналов имелись не на всех ружьях сербских комитаджей.

Доброслав Евдеевич дал показания о жизни Принципа в Белграде; по его словам, Принцип был принят в высшем обществе Белграда и получил приглашение на обед к профессору Белградского университета Божо Марковичу, почетному председателю общества „Словенский Юг".

Драгутин Стоянович, чиновник железной дороги в Белграде, сообщил, что, узнав о подготовке покушения против эрцгерцога Франца-Фердинанда, хотел донести о заговоре суду в Софии, куда он отправился с этой целью. В Белград он вернулся, чтобы собрать доказательства, затем поехал в Темешвар, где его арестовали, как сербского шпиона. На суде впрочем он не мог сообщить ничего определенного о заговоре. Свидетель служил в отряде комитаджей под начальством майора Танкосича. Его показания о деятельности комитаджей совпали с показаниями Трифко Крстановича. Приблизительно за месяц до покушения Милан Прибичевич спросил его, может ли он выполнить поручение в Боснии. Свидетель отказался, не желая ехать в Боснию. Он слышал в Белграде, что Прибичевич едет в Боснию, чтобы там подготовить все на случай войны. В Белграде ему рассказывали, что Босния наводнена сербским оружием. После покушения Милан Циганович исчез из Белграда. Кончая показания, свидетель заявил, что комитаджи после войны должны были сдать свое оружие правительству, и поэтому заговорщики могли достать бомбы только от сербского правительства и его органов.

Подвергнутые снова допросу Грабеч и Габринович заявили, что Евдеевич — австрийский шпион. В происшедшем после этого споре между Грабечем, Принципом и Габриновичем выяснилось, что о подготовке покуше-

ния знали еще три человека: некий Гьюро Сарац, один мусульманин-босняк из Буковаца и третий — таинственное лицо, доктор Казимирович, изучавший богословие в Киеве, но отказавшийся от духовного сана. Этот Казимирович был большим приятелем Танкосича; заговорщикам не пришлось с ним встречаться лично, но зато они много о нем слышали от Цигановича. Об этом Радославе Казимировиче Габринович сообщил: „Он франк-массон и, по всей видимости, из главарей. Тотчас же после того, как заговорщики предложили свои услуги, он уехал заграницу и объездил весь континент — был в Будапеште, России и Франции. Когда я неоднократно спрашивал Цигановича, в каком положении наше дело, он обычно отвечал: „Потом, пусть тот вернется". Затем Циганович рассказал мне, что франк-массоны приговорили престолонаследника к смерти, но у них нет людей для выполнения смертного приговора. Позже, когда он передавал мне браунинги и патроны, он сказал: „Вчера вечером тот человек вернулся из Будапешта". Я знал, что этот человек предпринял путешествие в связи с нашим делом и совещался за границей с известными кругами". Председатель спросил Габриновича, не являются ли его показания сказками. Габринович ответил, что это чистая правда — „во сто раз правдивее, чем документы „Народной Одбраны", — намекая на отчет общества, изданный в 1911 году (см. глава IV) и оглашенный на суде, вместе с отчетом сокольского общества „Душан Сильный" в Крагуеваце.

Подсудимые Велико Кубрилович и Миско Иованович заявили, что в первый раз слышат о подобной деятельности этих обществ. Затем суд огласил показания Ивана Гркара, Луки Алиновича, Рудольфа Гейстера-Габедюс и Иозефа Хорватича, осужденных австрийскими судами за шпионаж и агит-работу в пользу Сербии. Иван

Гркар в Белграде завязал сношения с членами революционной студенческой организации, преследовавшей ослабление Австрии путем покушений, организации шпионажа и подготовки революционного движения. Его пригласили вступить в члены организации, но он отказался. Студенты дали ему 50 крон, и он вернулся в Аграм. Спрошенные по поводу показаний Гркара Габринович, Грабеч и Принцип, назвали его австрийским шпионом, а его показания ложью.

Из показаний Луки Алиновича, осужденного по обвинению в государственной измене, явствовало, что в 1913 году он получил 100 динаров от „Народной Одбраны" и столько же от тайной студенческой организации для пропаганды и, главным образом, на организацию покушения против Франца-Фердинанда.

Показания Рудольфа Гейстера-Габедюс касались общества „Народное уедненье", имевшего свой организационный центр в Лайбахе (Карниола) и высоких покровителей в Белграде. Свидетель сказал председателю общества „Экскурсии южнославянских студентов" в Сучаке (Фиуме) Иво Эндлихеру, что задачей общества „Народно уедненье" является воспитание студентов для пропаганды идеи объединения всех южных славян, чтобы, таким образом, подготовить почву для войны с Австро-Венгрией. Иозеф Хорватич был знаком с Гркаром, Алиновичем и Гейстером. Алинович часто говорил ему о своем намерении совершить покушение на жизнь высокого сановника и сообщил, что в Белграде существуют организации, имеющие целью уничтожить главных австро-венгерских генералов и оставить австро-венгерскую армию без вождей. Такие же организации существовали в Хорватии, в Боснии и Далмации. Хорватич несколько раз подвергался наказаниям за свои националистические выходки и, в конце концов, был выслан из Австрии.

Друзья направили его к Эндлихеру, от которого он узнал, что общество „Экскурсий южнославянских студентов" — только маска, скрывающая революционную пропаганду в южнославянских землях, и что оно получает деньги из Сербии.

Затем были оглашены показания Светозара Миланича.

Светозар Миланич прибыл в Белград и пытался устроиться преподавателем французского и немецкого языков. Он ходатайствовал о месте преподавателя в Белградской гимназии, но получил отказ и тогда пытался найти работу в качестве иностранного корреспондента и представителя какой-либо торговой фирмы. Обладая значительной суммой денег, — у него было 1600 австр. крон—Миланич поселился в гостинице „Дубова корона". В кафе этой гостиницы он часто видел молодежь, споривщую о политике. Когда газеты начали говорить о предполагаемом приезде эрцгерцога Франца-Фердинанда в Боснию, Миланич увидел издали, что среди этой молодежи ходила по рукам фотографическая карточка эрцгерцога. Вскоре после этого Миланич поселился на частной квартире, где жил в одной комнате с одним молодым человеком. В этой квартире, бывшей очевидно частным пансионом, жила и другая молодежь. Миланич заметил, что у этих молодых людей каждый день происходили совещания, на которых присутствовал какой-то пожилой человек, с виду походивший на военного. Сожитель Миланича по комнате сообщил ему, что этот пожилой человек—начальник сербских сыщиков и что он приходит обучать молодежь различным вещам, которые им понадобятся в ближайшем будущем. Вскоре после этого молодежь покинула пансион. Тогда Миланич возымел подозрение, что против эрцгерцога Франца-Фердинанда готовится что-то нехорошее. Он направился

в австро-венгерское генеральное консульство с целью сообщить свои наблюдения, но по дороге туда был арестован сербским жандармом и отведен в полицейский комиссариат. Здесь его спросили зачем он шел в австрийское консульство и задержали по обвинению в шпионаже. Его таскали из тюрьмы в тюрьму, били мешками с песком (длинные жгуты „колбасы", наполненные песком, являются излюбленным орудием охранных застенков всего мира, так как не оставляют никаких наружных следов на теле обвиняемых — *Н. П.*), душили и однажды чуть не прикончили вовсе: какой-то арестант, очевидно, подкупленный сербской полицией, набросился на Миланича на глазах того жандарма, которому было поручено стеречь Миланича. Наконец его привели из тюрьмы в комиссариат полиции в Белграде. Здесь он встретился с полицейским префектом и его помощником, которые дали ему прочесть вырезку из газеты, в которой говорилось об убийстве эрцгерцога, и сказали с торжествующим видом: „Вот чему ты хотел помешать, но мы оказались хитрее тебя. Настал час Австро-Венгрии. Мы ее разрушим!" Миланичу заявили, что он изгоняется из Белграда, и потребовали подписать декларацию, в которой говорилось, что он получил обратно все свои вещи в полной исправности. Но Миланич отказался подписать декларацию, потому что у него украли все деньги и ценные вещи. Тогда его переправили в Землин, иронически заметив, что он может требовать все свои вещи через графа Берхтольда.

Миланич не выдержал пыток, перенесенных им в белградских застенках, и умер, не дождавшись суда над заговорщиками. Но перед смертью он успел дать показания сараевской следственной комиссии, подтвердив их присягой. Следственная комиссия показала ему фотографии участников покушения, и Миланич узнал в лице

Грабеча одного из тех молодых людей, которых обучал „необходимым вещам" начальник сербских детективов.

Принцип поспешил назвать показания Миланича показаниями шпиона.

После этого суд огласил несколько выдержек из отчета „Народной Одбраны", „Черной книги австро-венгерской армии", выдержки из брошюр „Розные письма" и „Смрт едног героя", посвященных покушению Богдана Жераича и призывающих сербскую молодежь последовать его славному примеру.

При чтении брошюр подсудимые устроили демонстрацию. Принцип крикнул на весь зал: „Живио, Жераич". Суд призвал его к порядку, пригрозив за повторение подобных выходок удалением из зала заседаний. Главные заговорщики Принцип, Грабеч и Габринович вели себя вызывающе, отпуская со своих мест по поводу свидетелей язвительные замечания. Грабеч дошел до того, что потребовал личной явки некоторых свидетелей, запротоколированные показания которых оглашались судом. Однако, когда суд удовлетворил его ходатайство и свидетели были вызваны, Грабеч отказался их слушать и заявил, что вызвал свидетелей только для того, чтобы подразнить суд. „Он мог позволить себе эту фантазию, так как он рискует не более, чем 20 годами тюремного заключения".

В этот же день (21 октября) суд огласил показания свидетелей Гейнриха Шульца, Драгана Бублича, Казимира Ковачича. Портной Гейнрих Шульц, осужденный за шпионаж в пользу Сербии, переправился в 1913 году через границу в Белград. Сербские власти завербовали его для шпионской службы в Австро-Венгрии. Префект полиции в Шабаце направил его в „Народну Одбрану", вернее, к представителю последней Божо Милановичу, выдавшему Шульцу деньги. Коллега Шульца по шпион-

ской службе, Настась Димитриевич отвел его к майору Павловичу, который поручил Шульцу достать сведения об австро-венгерских войсках в Тузле. Спросив Шульца, знает ли он некоего Миско Иовановича в Тузле, он отправил его в Лозницу к капитану Косте Тодоровичу. Тодорович переправил Шульца через Зворник, приказав ему донести о численности австро-венгерских войск и артиллерии в Тузле. Он дал Шульцу 50 динаров, обещав дать больше, если тот пришлет хорошие сведения. При этом он добавил, что в Боснии имеется много доверенных людей, на которых свидетель может рассчитывать в случае войны, и передал Шульцу шифрованное письмо для Миско Иовановича, советуя, в случае нужды в деньгах, обратиться к последнему.

Показания Казимира Ковачича сводятся к тому, что свидетель, в бытность свою в Белграде, познакомился с многими выдающимися политическими деятелями, в том числе с министрами Маринковичем и Продановичем и майором Миланом Прибичевичем. Из разговоров с ними он вынес убеждение, что в сербских официальных кругах стремятся к объединению всех южных славян под гегемонией Сербии. В Белграде он встречал в компании с майором Танкосичем и одним из сыновей министра Продановича, Юкича, который позже, совершил покушение на Цувая.

Свидетель Тодор Попович показал, что крупный белградский промышленник Миша Гьюкич сообщил ему, что в редакцию газеты „Србобран" Светозару Прибичевичу передано 60.000 австр. крон, собранных „Народной Одбраной" в пользу осужденных по процессу в государственной измене в Аграме, и что для этой цели в запасе имеется еще 8.000 крон.

Заседание 21 октября закончилось чтением статута общества молодежи „Народно Уедненье" в Тузле, меди-

цинского протокола о смерти эрцгерцога и его жены и протокола экспертов о бомбах, отобранных у заговорщиков.

На заседании 22 октября были оглашены справки о биографии Милана Цигановича и нота австро-венгерского посольства в Белграде о деятельности Цигановича в Сербии, статут „Организации освобождения славян", обвинительные акты против Шефера, Герцигонья, Луки Юкича и два документа, принадлежащих перу Миско Иовановича. Один из них — отчет о деятельности сербского сокольства Посавско-Подринского округа, в котором автор описывал рост сокольского движения (8 новых обществ) в вверенном ему округе и призывал всех боснийских сербов сплотиться вокруг сокольства под лозунгом „Восстань, живи, борись и не отступай никогда". Вторым документом было обращение Миско Иовановича, как инспектора сокольских обществ, с призывом жертвовать в пользу сербского Красного Креста. В воззваниях между прочим говорилось: „Нам, кому еще не дано пожертвовать своей жизнью за свободу и т. д.

Обвинительный акт по делу о шпионаже Тодора Поповича показывал, что Божо Милановичу из Шабаца удалось создать в Боснии-Герцеговине настоящие агентства-бюро по шпионажу, державшие его в курсе всех передвижений австро-венгерских войск.

Заседание закончилось чтением протоколов о прежней судимости обвиняемых: Трифко Грабеч и Велико Кубрилович привлекались раньше по ст. 345 уголовного кодекса за оскорбление власти, а Мико Мичич — по статье 228 за нанесение тяжких телесных увечий.

На следующий день 23 октября начались прения сторон. Генеральный прокурор Свара подчеркнул роль официальных сербских кругов в создании условий, толкнувших обвиняемых на покушение: „Сербские министры

и сам наследник трона поддерживали личные отношения с агентами революционной пропаганды, с убийцами, подсылаемыми для покушения на жизнь австро-венгерских сановников и с убийцами эрцгерцога-престолонаследника. Общество „Народна Одбрана", орудие сербского правительства, занялось остальным. Эта организация пыталась заразить своим ядом все слои югославского населения монархии. Она сеяла ненависть против Австро-Венгрии, популяризовала идею ее расчленения, желая отторгнуть от нее Боснию, и для выполнения этого плана привлекла к себе на помощь церковь и автономную сербскую школу, культурные, экономические и финансовые организации в Боснии. Все эти учреждения и организации стали орудием подрывной работы против Австро-Венгрии, а их члены государственными изменниками и агентами обширного заговора, сплетенного в пользу Сербии". Указав на признания самих обвиняемых, что Франц-Фердинанд являлся самым опасным противником для великосербских планов, генеральный прокурор обрисовал, как сложилось в правящих кругах Сербии решение устранить эрцгерцога: „Сначала подсылают убийцу Герцигонью, но удар не достиг цели. Затем разыскивают молодежь, нафанатизированную и соблазненную во время пребывания в Белграде, которая изъявляет свое согласие совершить ужасное деяние. Сербское правительство снабжает их деньгами и оружием. Как кукол-автоматов оно переправляет их с оружием по назначению — то при помощи своих агентов в Сербии, то при помощи высокопросвещенных их сотрудников в Боснии. Все это с неоспоримой достоверностью установлено во время разбирательства. Ужасное убийство в Сараево поэтому — только одно лишнее звено в длинной цепи преступлений, которым сербское правительство либо способствовало, либо непосредственно учиняло их против монархии для осуще-

ствления своих милитаристических целей". Разобрав отдельно вину каждого из обвиняемых, генеральный прокурор потребовал для всех их примерного наказания.

Речи защитников были слабы и невыразительны. Оспаривать вину не приходилось. Преступление было слишком очевидно. Поэтому защитники, обращаясь к милосердию суда и напоминая о молодости главных виновников убийства, пытались лишь смягчить вину отдельных подсудимых.

В последнем слове Габринович признался, что „мысль убить эрцгерцога возникла у обвиняемых не самостоятельно, а сложилась у них под влиянием обстановки, в которой он, Принцип и Грабеч жили в Белграде. В обществе, которое их окружало, покушение считали благородным поступком. Люди, среди которых жили заговорщики, не переставали повторять, что нужно уничтожить эрцгерцога, так как он является препятствием к осуществлению объединения сербов. Кроме Принципа, играющего роль героя, все обвиняемые, в сущности, горько сожалеют о том, что было: они не знали, что у эрцгерцога есть дети, и просят, чтобы сироткам сообщили, что обвиняемые сожалеют о своем поступке. Они просят прощения у детей своих жертв". Габринович закончил свою речь заявлением, что „обвиняемые — не преступники, а люди, пожертвовавшие собою за дело, которое они считали правым".

Принцип отказался защищаться или просить о снисхождении. В последнем слове он заявил, что мысль о покушении принадлежит ему и поэтому он ее выполнил. Это было заявление для истории. После этого суд удалился для вынесения приговора.

Приговор был объявлен 28 октября. Принцип, Габринович, Грабеч, Васо Кубрилович и Цветко Попович были признаны виновными в государственной измене по

ст. 111 § в уголовного кодекса Боснии-Герцеговины, и в убийстве, согласно ст.ст. 209 и 210 § 1 того же кодекса.

Данило Илич, Велико Кубрилович, Миско Иованович, Недо Керович и Лазарь Гьюкич были признаны виновными в государственной измене по ст. 111 § в и в соучастии в убийстве (Илич — в квалифицированном соучастии) — по ст.ст. 9, 209 и 210 § 1. Яков Милович и Митар Керович признаны виновными в государственной измене и убийстве по ст.ст. 9, 111 § в, 209 и 210 § 1.

Цвиян Степанович, Бранко Загорац и Марко Перин признаны виновными в соучастии в государственной измене по статье 114 угол. кодекса.

Обвиняемые Иво Керович, Благойя Керович, Никола Форкапич, Драган Калембер, Мико Мичич, Обрен Милошевич, Иван Момчинович, Франио Садило и Анжела Садило — оправданы.

Статья 111 § в гласила: „Считается виновным в преступлении государственной измены... всякий, кто предпринимает деяние, имеющее целью насильственное изменение установленных форм правительственной власти на территории, где действует настоящий закон, или изменение положения этой территории по отношению к Австро-Венгерской монархии, или разрыв государственной связи, существующей между территориями и землями этой монархии, или изменение территориальных условий страны, в которой действует настоящий закон или таковых же условий территорий и земель Австро-Венгерской монархии, будет ли сие иметь место явно или тайно, деянием ли одного отдельного лица или с соглашения нескольких, путем заговора, приказа, возбуждения, соблазна посредством слов, писания печатного слова или изображения, советом или деянием, с оружием или без оного, тайными лозунгами или афишами, вероломными переговорами

с врагом или соглашением с ним, соблазнительной агитацией, вербовкой, шпионажем или всяким деянием, преследующим ту же цель, даже если оно не имело результатов". Виновный в этих преступлениях карался смертной казнью, согласно ст. 112, причем наказание смягчалось до заключения в тюрьме на срок от 10 до 20 лет, если виновный был замешан в преступлении отдаленно или частично, или если сам виновник являлся неособенно опасным.

Согласно ст. 209 „признавался виновным в убийстве всякий, кто действовал по отношению к человеку с намерением его убить так, чтобы смерть этого лица или другого должна была последовать, даже если деяние не имело результата либо по причине физического состояния раненого, либо по причине случайных обстоятельств, в которых деяние было совершено, либо в силу посторонних причин, случайно вмешавшихся в дело, поскольку эти посторонние причины явились результатом самого деяния". Ст. 210 § 1 среди различных видов убийства первым называла убийство, совершенное ядом или „всяким другим предательским средством".

Статья 9 признавала виновным не только непосредственного исполнителя преступления, а также „всякого кто приказом, советом, наущением, похвалой подготовляет преступное деяние или определяет им обдуманное решение, кто оказывает помощь для его совершения, умышленно доставляя средства исполнения или устраняя для сего препятствия, или действуя всяким иным образом; кто имел соглашение с виновником преступления только мимоходом относительно помощи или содействия после совершения преступления или относительно раздела добычи и прибылей".

Статья 114 признавала „виновным в государственной измене того, кто умышленно упускает объявить власти

о деянии государственной измены или лице, намеревающемся совершить подобное деяние, поскольку в его власти совершить подобное осведомление, не подвергая себя опасности или не подвергая опасности своих родителей и особ, которых закон доверил его попечению, или поскольку из обстоятельства не вытекает, что подобное объявление излишне, так как вредоносное предприятие не могло достичь своей цели".

Для того, чтобы не прерывать в дальнейшем нашего изложения, мы приведем сейчас остальные статьи уголовного кодекса, применения которых требовал приговор.

Статья 20 устанавливает смертную казнь через повешение.

Статья 65 предусматривает вынесение наказания по совокупности нескольких преступлений за самое тяжкое из них, с учетом остальных преступлений.

По ст. 90 „в случае преступления, наказуемого смертию или вечным заключением, если виновник не достиг 20 лет в момент совершения преступления, или была лишь попытка к преступлению" наказание смертью или вечное заключение заменяются заключением на срок от 10 до 20 лет.

Ст. 92 позволяла судье уменьшить срок наказания, если в пользу подсудимого имеются очень сильные смягчающие обстоятельства; в этом случае судья может уменьшить срок заключения до 5 лет, если виновный заслуживает наказание от 10 до 20 лет заключения и до 2 лет, если виновный заслуживает его в размере от 5 до 10 лет.

Окончательный приговор суда был формулирован следующим образом:

Гаврило Принцип приговаривается в силу ст. 112, § в и, с учетом статей 65 и 90 уголовного кодекса, к 20 годам тюремного заключения, усугубляемого ежемесячно

днем поста, и 28 июня каждого года переводом в темный карцер с кроватью из досок (без тюфяка).

Неделько Габринович (ст. 112 § в, 65 и 90) к 20 годам тюремного заключения, усугубляемого 28 июня каждого года переводом в темный карцер с кроватью из досок.

Трифко Грабеч (ст. 112, § в 65 и 90) — к 20 годам тюремного заключения, усугубляемого днем поста каждые 3 месяца и 28 июня каждого года переводом в темный карцер с кроватью из досок.

Васо Кубрилович (ст. 112, § в, 65 и 90) — к 16 годам тюремного заключения, усугубляемого днем поста каждые 6 месяцев и переводом 28 июня каждого года в темный карцер.

Цветко Попович и Лазарь Гьюкич (ст. 112, § в, 65 и 90) — первый — к 13, второй к 10 годам тюремного заключения с переводом 28 июня каждого года в темный карцер.

Данило Илич, Велико Кубрилович, Недо Керович. Миско Иованович, — согласно ст. ст. 112, § в и 65 уголовного кодекса, и Яков Милович, — согласно ст. 112 § в, приговорены к смертной казни через повешение (ст. 20).

Приговор указывал порядок казнимых: первым — Яков Милович, затем по-порядку—Недо Керович, Велико Кубрилович, Миско Иованович и последним — Данило Илич.

Митар Керович — согласно ст. 112 § в уголовного кодекса — к вечному тюремному заключению.

Иво Краньичевич был приговорен по ст. 112 § в с учетом ст. 90 уголовного кодекса, к 10 годам тюремного заключения с переводом на кровать из досок 28 июня каждого года.

Бранко Загорац приговорен по ст. 112, с учетом ст. 92 уг. кодекса, к 3 годам тюрьмы.

Цвиян Степанович — по ст. 114, с учетом ст. 92 уголовного кодекса — к 7 годам тюремного заключения, усугубляемого днем поста каждые 3 месяца и переводом в темный карцер с кроватью из досок 28 июня каждого года.

* * *

Немного остается досказать о судьбе заговорщиков. Данило Илич, Велико Кубрилович и Миско Иованович были казнены в Сараево 3 февраля 1915 года. Для Недо Керовича и Якова Миловича смертная казнь была заменена вечным тюремным заключением. Однако исторические события точно также стерли в приговоре слово „вечный", как разорвали они и другие клочки бумаги: распад Австро-Венгрии в конце 1918 года освободил их обоих вместе с остальными участниками Сараевского процесса, кроме самых главных — Принципу, Габриновичу и Грабечу не удалось дожить до того дня, когда толпа приветствовала освобожденных узников, как мучеников за юго-славское дело.

Судьба Принципа, Грабеча и Габриновича была ужасна. Все трое умерли в тюрьме в 1917 году от туберкулеза и истощения, вызванного на почве недоедания. Времена военных пайков тяжко отозвались на населении Австро-Венгрии, а Принципа, Грабеча и Габриновича, являвшихся государственными преступниками, австрийские власти не хотели щадить или оберегать. Их уморили медленной голодной смертью, и эта пытка голодом прошла незаметно для Европы, под гул военных орудий. До „мальчиков, вызвавших своими выстрелами войну" никому не было дела. Официально они умерли от туберкулеза. Но мы полагаем, что на самом деле их смерть была смертью от голода. Правда, известно, что Принцип был слаб здоровьем и еще до покушения болел острой

формой туберкулеза, что дни его были сочтены, и он при наличии хорошего ухода и благоприятных условий жизни мог, только оттянуть свою смерть. Но об остальных двух—Габриновиче и Грабече—этого сказать нельзя. Они были вполне здоровые и физически нормальные люди. И тем не менее при смерти они были настоящими тенями, скелетами, потерявшими человеческий вид.

В декабре 1914 года Принципа, Грабеча и Габриновича из Сараевской тюрьмы перевели в крепость Терезиенштадт. Об их жизни здесь имеются только очень скудные данные. Наиболее интересные и притом беспристрастные из них мы помещаем ниже.

В крепости Принцип познакомился с доктором-психиатром Мартином Паппенгеймом, ныне профессором Венского университета, сумевшим завоевать доверие заключенного и убедить его в том, что он не шпион. Несколько разговоров Принципа с доктором Паппенгеймом записаны последним на глазах у Принципа, не имевшего сил держать карандаш. Выдержки из этих предсмертных записей дадут неприкрашенную картину последних дней Принципа [1].

Тюрьма. 19. II. 1916 г.

„Здесь с 5. XII. 1914. Все время в одиночном заключении. 3 дня тому назад сняли цепи. Ночью спит обычно 4 часа. Много грезит о жизни, о любви, не волнуясь. Думает обо всем, в особенности о положении его страны. Кое-что слышал о войне. Слышал трагическую весть, что Сербия не существует. Моему народу приходится тяжело. Мировая война не замедлила бы прийти и без этого (убийства Франц-Фердинанда Н. П.). Был идеали-

[1] „D-r Pappenheim's Conversations with Princip" в „Current History", 1927, июль.

стом, желавшим отомстить за народ. Мотивы — месть и любовь. Вся молодежь была в таком революционном настроении. Брошюры анархистов призывали к убийству. Теперь смотрит иначе, думает, что социальная революция возможна во всей Европе, так как вещи меняются. Не хочет сказать больше в присутствии тюремщика. С ним обращаются неплохо. Все относятся корректно (?!—НП). Месяц тому назад совершил попытку самоубийства. Хотел повеситься на полотенце. Глупо надеяться. Рана на груди и на руке. Жизнь, подобная той, которую он ведет, невозможна. В тот день в 12 часов дня он не мог есть, был в плохом настроении. Внезапно пришла в голову мысль повеситься. Если бы он имел возможность, то выполнил бы. Думает о родителях и о других, но о них нет известий. Тоска. Во время покушения был ранен в голову, в спину и по всему телу. Принял цианистый кали, но был слаб и его вырвало".

Запись 12. V. 1916. Тюремная больница.

„С 7. IV в больнице. Все время в нервном настроении. Голоден: не получает достаточно еды. Одиночество. Здесь ни воздуха. Ни солнца. В крепости разрешали прогулки. У него нет больше никаких надежд на жизнь. Больше не на что надеяться. Жизнь потеряна. Два месяца нет никаких известий. Но для него все безразлично из-за болезни и несчастий его народа".

По просьбе доктора Паппенгейма, Принцип написал ему на память несколько слов. Он писал с большим трудом, еле держа перо и трижды прекращая писать от слабости. Он признался, что 2 года не имел пера в руках. „По одному случаю мы в кругу товарищей говорили о вопросе, который Кропоткин поставил в своем „Благосостоянии для всех". Что будут делать анархисты в случае социальной революции? Мы все приняли это больше за фразу старого анархиста, чем за серьезное

убеждение, что подобная революция была возможна в то время. Но, тем не менее, мы все спорили об этой революции и почти все допускали, что такая революция возможна, хотя, согласно нашим убеждениям, сначала во всей Европе между народами должны были быть созданы отношения, в которых уравнивались бы все различия. Но мы, как националисты, хотя и читали произведения анархистов и социалистов, не занимались много этим вопросом, думая, что каждый из нас имеет другой долг — национальный долг".

Запись 18. V. 1916 года

„Рана хуже, выглядит плохо. Самоубийство каким либо надежным способом невозможно. „Ждать конца". Покорился, но в действительности не очень огорчен. О чем вы думаете? (вопрос доктора Паппенгейма—Н. П.). Иногда в философском настроении, иногда в поэтическом: а иногда и совершенный прозаик. О человеческой душе. Что существеннее в человеческой жизни — инстинкт, воля или дух? Что движет человеком? Если бы он мог хотя бы 2 — 3 дня читать, то мог бы думать более ясно и выражаться лучше. Месяц ни с кем не говорил".

Запись 5. VI. 1916 года.

„Когда придет разрешение, рука будет ампутирована. Обычное настроение покорности".

Немецкий поэт Франц Верфель, видевший Габриновича в 1916 году в Терезиенштадте, дал несколько лет тому назад на страницах „Neue Rundschau" не менее жуткое описание Габриновича. „Теперь я обнаружил белую, неописуемо воздушную форму, цепляющуюся фосфорически светлой рукой за железную койку. Она, казалось, была одета в лучезарное белое белье, тесно обтянутое вокруг нее. Но это не было впечатлением от закутанного скелета—нет, но трепещущего бледного виденья, невещественного колеблющегося в воздухе пара, словно осво-

божденный от тела дух готовился рассеяться в неестественно желтом блеске, наполнявшем комнату. Габринович, опираясь рукой на кровать, делал своей ногой движения, подобные движению человека, пытающегося ступить в туфли при вставании. Его изможденные колени касались друг друга. Его члены бурно трепетали, словно в нервном кризисе"...

Все три заговорщика умерли в 1917 году с промежутком в несколько недель друг после друга [1].

* * *

Не менее трагически сложилась жизнь заговорщиков — авторов замысла, подстрекнувших Принципа и его товарищей к покушению.

Танкосича убили в августе 1915 года, и австрийские войска разрушили его могилу, разбросав останки „по ветру".

Циганович вернулся из Рибари и временно затерялся в рядах комитаджей.

Члены „Черной руки" рассыпались по всему фронту.

Врховна централна управа в блоке с оппозицией вела борьбу против радикальной партии за „приоритет", когда неожиданно с ясного неба грянул гром: в декабре 1916 года совет министров, по докладу министра внутренних дел Любы Иовановича и военного министра генерала Терзича, вынес решение арестовать всех членов „Черной руки" за организацию заговора, имевшего целью предательски открыть салоникский фронт немецким и австрийским войскам. В период с 10 по 30 декабря была арестована Врховна централна управа в составе полковника Димитриевича, полковника Милана Миловановича,

---

[1] По австрийским официальным данным. По сербским данным Принцип умер 29 апреля 1918 г.

полковника Чедо Поповича, подполковника Вемича и консула в Афинах Богдана Раденковича (остальные пали на полях сражений) и некоторых видных членов „Черной руки“, пользовавшихся особым доверием головки: майора Вуловича, полковника Туцовича, Лазаревича, Мадъяровича, Миту Павловича, подполковника Теодоссиевича, — военного атташе в Афинах Анте Антича, генерала Дамиана Поповича, подполковника Цветковича, Раде Малобабича, Мухамеда Мехмедбашича.

За что был произведен арест? В начале января 1917 года Пашич выпустил обошедшее всю европейскую печать комюнике:

„Офицеры, члены „Черной руки“, в виду замышленного ими открытия Салоникского фронта австрийским и немецким войскам, арестованы и преданы суду для вынесения приговора“.

Это комюнике имело целью парализовать всякую попытку союзников вмешаться в дело и выступить на защиту обвиняемых. Так как верховное командование на Салоникском фронте принадлежало генералу Саррайлю, то сербское правительство приняло особые меры, чтобы обезопасить себя от его вмешательства и развязать себе руки при ведении процесса. Случай помог Пашичу и в этом отношении. Генералиссимус Жофр, давно враждовавший с Саррайлем, как раз в эту минуту потребовал смещения Саррайля с поста главнокомандующего Салоникским фронтом. Сербский престолонаследник Александр выступил перед французским правительством на защиту Саррайля и добился того, что Саррайль остался на своем посту. В благодарность за эту помощь Саррайль предоставил сербскому правительству carte blanche на расправу с „Черной рукой“.

Обвинение членов „Черной руки“ в намерении открыть фронт немецким и австрийским войскам звучало

слишком невероятно. Кто-кто, но не „Черная рука", специально организованная для борьбы с Австрией, могла добиться доверия к такого рода своим предложениям у австрийцев. Все понимали, что такое обвинение нелепо, и поэтому, после ареста членов „Черной руки", во время подготовки к процессу, обвинение было расширено. В своем окончательном виде оно гласило:

1. „Потому что они (члены „Черной руки") в начале 1911 года основали, с целью воздействия на управление и политику государства, тайное общество „Уедненье или смрт", известное под именем „Черной руки", террористические, разрушительные и революционные цели и задачи которого ясно видны в его статуте, вовлекли в него значительное число людей и приступили к проведению своих реакционно-разрушительных идей и военно-олигархических замыслов;

потому, что они своей тайной агитацией среди офицеров в начале 1914 года создали опасное движение военщины против существовавшего тогда правительства и этим, равно как и попытками воздействия на корону и оппозиционные партии, вызвали один из сильнейших и продолжительнейших внутри-государственных кризисов, при помощи коего преследовали цель заменить военной властью гражданскую в Новой Сербии (областях, присоединенных после Балканской войны 1912—1913 гг.), при помощи войска ниспровергнуть парламентское правительство в Белграде и навязать монарху своих людей в качестве министров; потому что они, равным образом после объявления мировой войны, сами и с помощью своих добровольцев предприняли самые ужасные преступления, убийства, разбои и грабежи и прочие противозаконные деяния против сербских граждан и женщин, будучи в то же время государственными служащими при исполнении своих служебных обязанностей;

потому, что они непрерывно подготовляли при помощи государственного переворота роспуск парламента, насильственное ниспровержение конституции и государственного строя, чтобы получить в свои руки управление государством путем учреждения военной олигархии из 15—20 офицеров, для каковой цели они решились убить самого престолонаследника Александра и премьер-министра Пашича.

Путем этой насильственной отмены конституции и уничтожения народного парламента они хотели отнять у народа политическую свободу и дарованные конституцией права — все это в то время, когда сербское государство было представлено только престолонаследником, правительством, народным парламентом и остатками войск; обвиняемые хотели, будучи также государственными изменниками, окончательно похоронить последние остатки государственного бытия Сербии и независимости родины, так как Сербия со своим войском тотчас же была бы покинута всеми союзниками и предоставлена на полный произвол врага.

2. Потому, что они в качестве членов тайного общества „Уедненье или смрт" подготовляли, с целью государственного переворота, изменение государственного строя и захват государственной власти в свои руки, насильственное устранение престолонаследника Александра и династии Карагеоргиевичей и хотели убить престолонаследника Александра при помощи Раде Малобабича и Мухамеда Мехмедбашича, каковые действительно 12 августа 1916 года между Острово и Водена, приблизительно на 135 километре железнодорожной линии Салоники-Монастырь, совершили попытку покушения на проезжавшего в автомобиле престолонаследника Александра, совершив 2 выстрела".

После того, что было нами изложено о возникновении и деятельности „Черной руки", это обвинение звучит несколько странно. Конечно, если подходить к оценке решительно всех событий, пользуясь одним только методом аналогии, то действительно все обвинение покажется весьма и весьма правдоподобным. Сербия — классическая страна государственных переворотов и тайных обществ. И „Черная Рука" — тайное общество с „разрушительными целями", в том числе и с целью воздействия на правительство. „Черная рука" организовала ряд покушений на выдающихся сановников Австро-Венгерской монархии, в том числе и против австрийского престолонаследника Франца-Фердинанда. Следовательно, она могла организовать покушение и против сербского престолонаследника принца Александра. Все элементы, необходимые для характеристики „Черной руки", как антиправительственной организации, имеются налицо и отнюдь не выдуманы досужими историками; концы сходятся с концами, а начала с началами. Но любители метода аналогии забывают одно, а именно, что сравнения показывают (и притом весьма грубо и поверхностно), но не доказывают и не объясняют и не устанавливают причинной связи событий.

Так было и в настоящем случае. Почему, в самом деле, тайное общество, возникшее с ведома и одобрения правительства и, в частности, того же сербского престолонаследника Александра, — общество, деятельность которого была не только терпима, но и поощрялась правительством, общество, включившее в свои ряды выдающихся представителей сербской военной и гражданской администрации, — почему это общество должно было выступить в роли врага того самого режима, который ему покровительствовал и морально, и материально? Ведь если оно было направлено против правительства, то по-

чему же в течение 5 лет (1911 — 16) правительство, зная о его существовании, не закрыло его и разрешало ему в течение 5 лет безнаказанно совершать преступные деяния, разбои, грабежи и т. д. над сербскими гражданами. Только на шестой год правительство благополучно спохватилось и заявило: „Это недопустимо". Почему „Черная рука" собиралась убить сербского престолонаследника принца Александра, когда этот принц стал сербским престолонаследником, может быть, только благодаря ее помощи? Пользуясь одним методом аналогии всех этих фактов мы не объясним и никак не сведем концов с концами.

Однако, мотивировка обвинения покажется еще более необъяснимой, если мы присмотримся к фактическому обоснованию предъявленных „Черной руке" обвинений и ответам обвиняемых на каждый из них.

На обвинение в том, что „Черная рука" была тайным обществом с разрушительными целями, созданным для воздействия на правительство, руководители „Черной руки" представили ряд доказательств того, что существование общества было известно правительству и деятельность его правительством поощрялась (часть доказательств была изложена нами в главе о возникновении „Черной руки". Это выписки из дневника подполковника Вемича, показания Димитриевича о проталкивании членами Врховной центральной управы различных дел по линии соответствующих министерств и т. д.). На суде один из обвиняемых, полковник Туцович, показал: „Однажды майор Радое Янкович рассказал мне, что был у престолонаследника и после этого заявил: „Мы не знаем, чем он является для нас. Он так поразил меня изложением своих идей о дальнейшей работе, что я все время был без языка. При этом случае поднялся разговор и о том, как можно сравнивать всю работу „Черной руки"

с другими делами". Вызванный свидетелем майор Тривунац из батальона королевской гвардии показал, что он „уже в 1911 году, как офицер королевской гвардии, был осведомлен о вербовке в общество „Уедненье или смрт" и в письменном рапорте сообщил, что тогдашний командир дворцового отряда жандармов подполковник Васович потребовал от него вступить в организацию, при чем добавил, что вождем этой организации будет престолонаследник". Свидетель генерал Бозанович, бывший в 1911 году комендантом станции Белград, заявил, что „гнусные речи" о „Черной руке" слышал уже вскоре после 5 января ст. стиля 1912 года". Подполковник Вемич показал, что „цели организации были патриотическими, к выгоде государства и царствующего дома". Обвиняемый консул Раденкович показал, что деятельность организации, хотя и тайная, все же велась в духе намерений правительства к освобождению сербского народа, в силу чего он никогда в те времена не думал, что поставит этой своей деятельностью Сербию в опасное положение. Доктор Маркович показал, что секретарь „Народной Одбраны" и член Врховной центральной управы „Черной руки" майор Васич сообщил ему, что „все держится в тайне только потому, чтобы не узнали соседи и не причинили никаких нежелательных затруднений". Члены „Черной руки" и свидетели представили ряд настолько убедительных доказательств того, что министр иностранных дел Милован Милованович был тесно связан с „Черной рукой", „работавшей по его заданиям", что сам председатель суда был принужден сделать следующее глубокомысленное замечание: „если все это и верно, то министр мог знать об этом лишь как частное лицо, но не по должности, как член правительства".

Второго обвинения, касающегося „борьбы за приоритет" обвиняемые не отрицали, но просили указать

хоть один конкретный факт, который бы свидетельствовал, что эта борьба вылилась в организованные и руководимые обществом формы. Поэтому суду пришлось благоразумно обойти молчанием этот пункт обвинения, тем более, что раз деятельность общества была известна правительству, то и сама борьба за приоритет не являлась государственным преступлением, а отдельными столкновениями военщины с гражданскими властями.

Третье обвинение в разбоях и убийствах сербских граждан представители обвинения выдвинули в качестве лишь декларативного пункта и не особенно упирали на него. Это обвинение доказать было можно, и можно было представить конкретные факты, так как, при желании, партизанская война всегда может быть истолкована и понята, как разбойничий налет. Но ведь партизанские отряды (комитаджи) действовали по инструкции правительства: военного министерства и генерального штаба. В обстановке военных действий и притом партизанских трудно провести резкую грань между войной и разбоем. И, кроме того, упирая на это обвинение, суду надо было доказать, что разбойничали именно члены „Черной руки" и притом по указанию Врховной центральной управы. Точно также не представило обвинение никаких фактических доказательств и того, что „Черная рука" замышляла государственный переворот, чтобы добиться отмены конституции и уничтожения парламента и передать власть военной олигархии (этот пункт обвинения заменил таинственно улетучившееся во время подготовки процесса обвинение „Черной руки" в намерении открыть Салоникский фронт врагу. Об открытии фронта врагу не было сказано на процессе ни слова).

Особо следует выделить вопрос о покушении на престолонаследника Александра и премьер-министра Пашича. Главным свидетелем обвинения в этом вопросе был

некий македонец Трайко, которого сербские власти незадолго до этого выпустили из Салоникской тюрьмы, где он отбывал наказание за убийство и кражу. Эта весьма почтенная личность показала, что 29 августа 1916 года в Острове (в окрестностях Салоник) видела члена „Черной руки" Раде Малобабича с винтовкой в руке. Однако, Малобабич без труда доказал, что он не мог быть в тот день в этом месте. Доказательства, представленные им для установления своего алиби, были неопровержимы. Рапорт французских детективов, которым было поручено расследовать дело о покушении, откровенно говорил, что самого покушения вовсе не было. Но когда полковник Димитриевич потребовал оглашения рапорта, один из лидеров радикальной партии Люба Иованович, бывший тогда министром внутренних дел, заявил, что „рапорт не относится к делу". Тем не менее, когда офицер королевской свиты, полковник Юричич, ехавший в тот день на автомобиле с престолонаследником принцем Александром показал, что слышал свист пули, пролетевшей мимо, то на основании только этого показания суд признал слова македонца Трайко доказанными и сам факт покушения — имевшим место (впоследствии полковник Юричич покончил с собой, повидимому, под влиянием упреков сторонников „Черной руки" и угрызений совести, как признался он сам в предсмертном письме. В этом письме он сознался, что показания, данные им на Салоникском процессе, являются абсолютно ложными).

Некоторого внимания заслуживает и сама процедура судебного разбирательства. Подсудимых и свидетелей, показывавших в их пользу, выслушивали с видом полнейшего безразличия. Судебный трибунал, составленный, по словам Николы Обарова — одного из деятелей омладинского движения, из „прислужников режима, способ-

ных на всякую пакость и подлость, чтобы угодить королю и фаворитам", совершенно не интересовался показаниями обвиняемых и их свидетелей. Он просто не слушал их, выполняя нужную и обязательную, но совершенно бесполезную формальность. Суд торопился закончить процесс, начавшийся 11 апреля 1917 года и не желал лишних проволочек.

Кроме полковника Юричича, свидетелями со стороны обвинения были член радикальной партии Михаил Ранкович и, ко всеобщему изумлению всех обвиняемых, известный уже нам по Сараевскому делу Милан Цигановач. Оба подтвердили данные обвинительного акта о намерении Врховной центральной управы организовать заговор против правительства и династии, о покушении, о разбойничьих деяниях комитаджей, организованных „Черной рукой" (это сам-то Цигановач, бывший в числе комитаджей и подлежавший по смыслу обвинительного акта, прежде всех других, судебному преследованию!) и т. д. Их показания не особенно изобиловали конкретными фактами, которые бы подтверждали их заявления, но суд, как мы уже говорили, не увлекался подробностями. Он принял на веру показания этих свидетелей и придал каждому их слову абсолютную ценность.

Когда Михаил Ранкович поднялся на трибуну для свидетелей, полковник Димитриевич задал ему следующий вопрос: „Свидетель Михаил Ранкович, вы посылали мне до нашего ареста письмо такого содержания: „Дорогой Драгутин! Не доверяй своим друзьям в той же степени, как и своим врагам!" Ранкович ответил утвердительно. „Почему же?"—спросил Димитриевич. „Это был трюк!"— не смущаясь ответил свидетель.

Суд поставил провокатора Цигановича на очную ставку с Димитриевичем. Последний задал Цигановичу вопрос: „Цига! Цига! (уменьшительная и презрительная

кличка Цигановича в кругах „Черной руки“). К чему тебе эта ложь?“ Циганович побледнел, нервно пожал плечами, но без всякого смущения подтвердил все, что он говорил о „Черной руке“ раньше.

Назначенная обвиняемым защита „по должности“ была более чем слаба. Фактически ее не было, и обвиняемые вели защиту сами. Так, защитником полковника Милана Милановича, члена Врховной центральной управы, был назначен офицер запаса и член радикальной партии Мият Миятович, по своей профессии оперный артист. Когда полковник Милованович услышал, что говорил в его пользу его защитник, то, не стесняясь присутствием суда, заорал на всю залу: „Мият, лучше спой мне песню, а не защищай меня“.

Так протекал этот Салоникский процесс, который тот же Никола Обаров характеризует, как „бесчестный спектакль“, а бывший сербский chargé d'affaires в Берлине доктор Богичевич, как „судебное убийство“. 5 июня военный трибунал вынес столь же суровое, сколь и пристрастное решение: полковники Драгутин Димитриевич, Милан Милованович, Радое Лазич, Владимир Туцович и Чедо Попович, подполковник Вемич, майор Вулович, консул Богдан Раденкович и рабочий Раде Малобабич были приговорены к смертной казни; генерал Дамиан Попович получил 20 лет тюремного заключения. В отношении Мехмедбашича трибунал признал, что „хотя его отношения с Димитриевичем были неизъяснимо близки и интимны“ и трибунал знал об участии Мехмедбашича в Сараевском покушении, однако столь мягкая кара (всего 15 лет тюрьмы) была назначена Мехмедбашичу на основании смягчающих обстоятельств его хорошего поведения до сих пор. К 15 годам тюрьмы был приговорен майор Раде Янкович. Влиятельные члены „Черной руки“ — полковник Божин Симич и майор Серб

командовавшие отрядами югославских добровольцев (т. е. комитаджей) в Добрудже, были заочно приговорены „за неявку на суд“ к 15 годам тюремного заключения каждый. Через несколько дней Верховный трибунал, созываемый при особо важных процессах, например, в делах о государственной измене, конфирмовал приговор военного трибунала и представил его на утверждение принцу регенту Александру.

Здесь дело с приговором вступает в особенно интересную стадию. Дело в том, что представители оппозиционных партий, лидеры демократов—Давидович, Драшкович и Войя Маринкович, входившие в коалиционный кабинет национальной обороны, 6 декабря, на заседании совета министров, дали свое согласие на организацию процесса при условии, что не будет вынесено ни одного смертного приговора. К ним примкнули и видные деятели „Югославского национального комитета“, образованного на острове Корфу из представителей Сербии и южнославянских народностей Австро-Венгерской монархии — хорватов и словен, в том числе и председатель комитета доктор Анте Трумбич. Когда смертный приговор поступил на утверждение принца регента Александра, последний спросил Трумбича, что же теперь делать: „нужно ли расстрелять осужденных или же помиловать их?“ Трумбич текстуально ответил: „Ваше величество, если вы расстреляете их, то выроете себе могилу и, когда вы вернетесь в Сербию, вам останется лишь лечь в ней“. Об этом разговоре Трумбич сообщил своему другу Мирко Печоре, бывшему в те времена секретарем министерства иностранных дел. После разговора с Трумбичем принц-регент обратился с тем же вопросом к Давидовичу. Давидович посоветовал „удалить обвиняемых из армии и подождать возвращения домой (в Сербию), а там видно будет“. Тогда Александр попросил

его посоветоваться о судьбе осужденных со своим коллегой по демократической партии и кабинету и посетить его вдвоем на следующий день. Оба министра явились к принцу-регенту в назначенный срок. Александр встретил их вопросом: „Что же вы думаете?“ Министры ответили в один голос: „Смерть ни в коем случае!“ Принц регент вышел из кабинета с криком: „И вы против меня!“

Так неудачно окончилась попытка принца-регента воздействовать на министров, членов демократической партии, с целью добиться их согласия на смертный приговор осужденным. Добиться единодушного одобрения всеми партиями смертного приговора принцу-регенту не удалось. Только радикальная партия, в особенности Стоян Протич, которого Александр принял как раз перед приходом Давидовича и Драшковича, с самого начала стояла за казнь осужденных.

О причинах этой странной настойчивости принца-регента мы узнаем в следующей главе, а пока продолжим рассказ о судьбе осужденных. Министры демократы Давидович и Драшкович, к которым присоединился и Маринкович, подали в отставку в знак протеста против утверждения смертного приговора. Этот шаг вызвал министерский кризис, но принц-регент, не смущаясь таким оборотом дела, поручил Пашичу образовать из одних членов радикальной партии новый кабинет, в котором Стоян Протич получил, кажется, портфель министра финансов. После этого участь осужденных была решена.

Последний камень на чашу весов, впрочем, бросил престарелый Петр I. Страдая припадками безумия он отстранился совершенно от государственных дел, и после отступления сербской армии зимой 1915 года через Албанию, которое он проделал пешком вместе

с солдатами, жил на острове Халкидике. К нему за последним советом, что делать с осужденными, и обратился принц-регент. Король ответил своему сыну телеграммой — „убей их, ибо если ты не убьешь, они убьют тебя".

Однако, принц-регент Александр побоялся утвердить смертный приговор по отношеняю ко всем подсудимым, присужденным к смертной казни. Большинству из них смертная казнь была заменена 15—20 годами тюремного заключения. Только в отношении полковника Димитриевича, майора Вуловича и рабочего Раде Малобабича смертный приговор остался в силе. Остальные отсидели положенные сроки, сокращенные некоторым из них различного рода амнистиями — по случаю окончания войны, по случаю создания Юго-Славии, восшествия на престол и коронования короля Юго-Славии Александра. Если не ошибаемся, одним из первых из тюрьмы вышел „любимец случая" Мухамед Мехмедбашич. Часть особенно замешанных и опасных членов „Черной руки", как полковник Божин Симич и майор 9 пехотного сербского полка Добривой Лазаревич, бежала за границу и до сих пор еще скитается в эмиграции. Накоторые, как майор Серб, коллега Божина Симича по командованию отрядами комитаджей в Добрудже, умерли внезапной загадочной смертью. Но большинство рядовых членов „Черной руки", не знавших, согласно устава, о тайнах Верховной центральной управы, было пощажено. Они постепенно влились в созданную в 1915 году, по инициативе принца-регента Александра, организацию „Белой руки", параллельную „Черной руке" и соперничавшую с нею. Руководителем ее был любимец Александра, начальник королевской гвардии, генерал Пера Живкович. В настоящее время „Белая рука", принесшая особую присягу на верность королю Александру и усвоившая

все методы работы „Черной руки", в том числе и тайные убийства, является боевой организацией югославского фашизма. При помощи ее королем Александром был организован фашистский переворот зимой 1928-29 гг. в Юго-Славии. Председатель „Белой руки" генерал Пера Живкович сейчас занимает пост премьер-министра Юго-Славии. Словом, все осталось по-старому, и ничто по существу не изменилось, — даже и формы.

Немного остается досказать об участи „смертников" Салоникского процесса. Сербские власти торопились с приведением приговора в исполнение. Ночью 26 июня приговор был объявлен смертникам. После прочтения приговора Димитриевича, Вуловича и Малобабича вывели из Салоникской тюрьмы и повели в окрестности города к месту, выбранному для выполнения смертной казни. Было очень темно. Конвойная команда шла исключительно быстрым ходом. Но, прибыв на место казни, исполнители приговора очутились перед новым затруднением: из-за темноты солдаты не могли стрелять. Пришлось подождать рассвета. При первых проблесках зари смертников выстроили в шеренгу и завязали им глаза. Малобабич разразился протестами и пытался сорвать повязку, на что Димитриевич иронически заметил: „Брось, Раде, это тоже сербский закон". Все трое встретили смерть храбро, с криком „да здравствует Юго-Славия!"

Так трагически окончил свою жизнь полковник Димитриевич-Апис. „Человек 29 мая 1903 года, возведший на трон династию Карагеоргиевичей, унес в свою могилу 3 пули этой кровавой ночи, кроме тех, которые пронизали его утром 26 июня 1917 года". (Н. Обаров).

VII. Участие сербского правительства в покушении

Было ли сараевское убийство „безумием кучки молодых людей", как усиленно доказывали перед войной, во время войны и после нее сербские и антантовские политические деятели, настаивавшие на независимости от Белграда омладинского движения? Или оно было „сербским государственным предприятием", как утверждали немцы и австрийцы? Данные, изложенные нами в предыдущих главах, дают достаточно ясный ответ на эти сомнения, но в виду важности вопроса мы коснемся его более детально.

Хотя Сараевское убийство принадлежит к числу таких „событий, относительно которых трудно, если не невозможно совсем представить абсолютные доказательства" [1], как уверяют публицисты Антанты,—кой-какие документы и заявления, более или менее официального характера, уже добыты из пыли архивов или опубликованы в печати.

---

[1] W. Steed. Through thirty years 1892—1922. London. 1924 vol. I, стр. 394. Сравнить мнение сэра Эдуарда Грея: „Миру, вероятно, никогда не будет рассказана вся подноготная (all that was behind) убийства эрцгерцога Франца Фердинанда. Возможно, нет и не было человека, знающего все, что требовалось знать об этом". Lord Grey of Fallodon „Twenty five years 1892 — 1916". London. 1925, vol I, стр. 308 — 309.

О подготовке Сараевского убийства знало слишком много лиц для того, чтобы тайна его действительно оставалась тайной. Конечно, прямого документа — например, записки сербского премьер-министра Пашича полковнику Димитриевичу с приказом убить эрцгерцога Франца-Фердинанда — пока нет (М. Н. Покровский), но зато имеется ряд показаний лиц, либо лично принимавших участие в организации покушения, либо знавших о его подготовке. Часть их уже приведена нами в предыдущих главах, остальное же мы изложим здесь.

Сараевское покушение нашло в Белграде „хорошую прессу". Белградские газеты единодушно подчеркнули, что деяние Принципа является совершенным горячей боснийской молодежью актом протеста и мести за преследование своих братьев австрийской властью. Этим сербская печать единодушно утверждала, что покушение Принцип и его друзья совершили самостоятельно, и Сербия не имеет ничего общего с их деянием. Этот тезис лег в основу всей позиции сербского правительства, отрицавшего свою причастность к сараевскому покушению, и продержался и до сих пор. И теперь находятся некоторые защитники сербской невинности, вроде английского специалиста по югославскому вопросу Сетона-Ватсона, твердокаменно поддерживающего его даже в последние годы. Конечно форма этого тезиса в течение 15 лет (1914—1929) испытала много изменений, но сущность его осталась неизменной. Ниже мы подробно проследим развитие этих форм и покажем, как под ударами научного исследования и критики сербские официозные круги были принуждены отказываться от той или иной формы и сдавать те или иные позиции. Теперь же покажем читателю развитие другого тезиса, выставленного для объяснения Сараевского убийства, как сербскими кругами, так и публицистами Антанты, а именно: сараевское по-

кушение было организовано самими австрийцами с целью найти предлог, чтобы обрушиться на Сербию и раздавить ее.

Об одном из вариантов этого тезиса мы уже говорили в первой главе. Это были — „маневры в Боснии", под видом которых эрцгерцог подготовлял нападение на Сербию. Истинную цену этого утверждения мы уже знаем. Маневры были просто маневрами, не больше. Но одновременно создали и второй вариант для тех, кому первый был недостаточен: Австрия хотела создать повод к войне, а так как сербы в то время сидели смирно и этого повода не давали, то австрийцы сами подготовили покушение и убили Франца-Фердинанда, а потом свалили это на Сербию, чтобы иметь возможность к ней придраться.

Наиболее первородную версию этого тезиса мы находим в белградской газете „Трибуна" от 7 июля 1914 года.

„Сараевское убийство было совершено по приказу, чтобы создать предлог для искоренения одним ударом всех сербов". В сербском официозе „Политика" (от 10 июля) прямо указывалось, что убийство эрцгерцога было организовано некоторыми из членов австрийской императорской фамилии, чтобы устранить Франца-Фердинанда, замышлявшего изменение порядка престолонаследия в пользу своих детей. О том, как технически могло быть организовано подобное предприятие, давала намек газета „Балкан" (№ 168 от 4 июля), объявившая, что она „имела счастливую возможность сделать новое открытие, проливающее новый свет на сараевское покушение и делающее совершенно ясным вопрос о том, кто собственно виновник покушения. Один хороший знакомый Габриновича сообщил редакции такие данные, благодаря которым в невинности Сербии не может быть

никаких сомнений. Наоборот, благодаря этому сообщению, которое должно быть подтверждено официальными властями, ответственность за Сараевское убийство падает не на Сербию, а на Австрию... Габринович был под покровительством австрийских властей. Когда он прибыл в Белград, он явился в нашу (сербскую) полицию, которой он показался подозрительным, так как у него не было документов. Белградская полиция поэтому решила его выслать, однако Габриновичу удалось избежать высылки с помощью австро-венгерского консульства в Белграде. Австрийский консул явился в белградскую префектуру, поручился за Габриновича и потребовал от префектуры оставить Габриновича в покое". В заключение газета указывала, что „об этом факте имеется в белградской префектуре соответствующий документ и что этот документ без сомнения должен быть опубликован".

Однако опубликования этого документа защитники сербской невинности не дождались и до сего дня (1929 год). Австрийское правительство поспешило ответить на выпад „Балкан" опровержением, напечатанным в официозе австрийского министерства иностранных дел Fremdenblatt от 8 июля 1914 года. Опровержение гласило:

„В начале декабря прошлого года (1913 года) белградская городская префектура обратилась к австро-венгерскому консульству в Белграде с официальным запросом: соответствуют ли данные, сообщенные Габриновичем сербской полиции о своей личности и своем прошлом, действительности? Австро-венгерское консульство снеслось с сараевской администрацией и, на основе полученных сообщений, ответило на запрос белградской префектуры в том смысле, что Габринович до сего времени ни в чем не был замешан (unbescholten) и что сообщенные им о себе даты рождения и т. д. верны.

Для более обширного сообщения консульство не имело повода. Совершенно неверно, что консульство вступипилось за Габриновича или давало за него какое-либо ручательство".

Это опровержение, разоблачавшее истинную цену намеков „Балкан" о том, что Габринович был агентом австрийской полиции, в Белграде оставили без ответа. Мало того сербское правительство и пресса продолжали инсинуировать на этой почве.

18 июля генеральный секретарь сербского министерства иностранных дел Славко Груич сообщил английскому chargé d'affaires в Белграде Деррелю Кракенторпу: „Что касается Габриновича, первого покушавшегося на жизнь эрцгерцога, всем известно, что сербское правительство просило по его прибытии,— как принято обычно делать, когда австрийские подданные прибывают в Белграде для жительства, — сведений о его прошлом в австрийском консульстве и получило удовлетворительные справки" [1]. Эта скромная редакция клеветы — Кракенторп был в Белграде и мог обнаружить неожиданную и неудобную для сербских властей любознательность — в Лондоне была заменена более „развернутой". Вероятно по инструкциям из Белграда, сербский посланник в Лондоне Бошкович явился к помощнику сэра Эдуарда Грея (министра иностранных дел) Никольсону и заявил, что „сербские власти считали одного из убийц (это относится к Габриновичу — Н. П.) подозрительным и опасным и хотели его выслать; но, когда они обратились к австрийским властям, последние его защитили и заявили, что он невинный и безвредный человек" [2].

После этого легенда о Габриновиче, как агенте австрийской полиции заняла незыблемое положение в арсе-

[1] British documents on the Origins of War, vol. XI, № 80.

[2] Там же, № 87.

нале доказательств Антанты по поводу невинности сербского правительства в сараевской покушении. Ее подхватил „Temps“, а с началой войны и вся Антантовская пресса. В том или ином виде (Габринович — сам агент австрийской полиции, либо сын агента) ее развивали Стид[1], Говен[2], Дени[3] и др.

В самой Сербии „Мали Журнал“ от 19 июля этой легендой объяснял и участие в покушении Принципа: „Принцип был побужден совершить преступление австро-венгерским агентом. Что касается Вены, то говорят, что настоящий виновник находится в австро-венгерской миссии в Белграде“. Сам Пашич дал интервью на тему о Габриновиче в сербской печати. Эта версия находит своих защитников и по сие время среди тех лиц, которые раз навсегда решились объявить все австрийские документы подделкой. Так, в Сербии некий публицист Душан Тврдорека недавно заявил в сербской печати, что Габринович во время своего пребывания в Волоске (курорт вблизи Фиуме) 4 октября 1913 года совещался со Светозаром Мильяничем, агентом австрийского пресс-бюро, о технической подготовке покушения. Однако последняя версия Тврдорека достаточно опровергается рассказом доктора Орлича о пребывании Габриновича в Волоске, изложенным нами в пятой главе. Габринович не только не имел дела с полицией, а побоялся сунуть нос в местное полицейское управление, и паспорт ему исхлопотал доктор Орлич.

Эта долговечность легенды о Габриновиче объясняется, главным образом, его показаниями на сараевском процессе, скомпрометировавшими в сильной степени бел-

[1] Steed. Through thirty years 1892—1922, vol. I, стр. 400.

[2] A. Gauvin. Les origines de la guerre europeénne. Paris 1914, стр. 64.

[3] E. Denis. La Grande Serbie. Paris 1915, 7 ed. стр. 277.

градские правящие круги, именно сообщением об аудиенции Габриновича у сербского престолонаследника, принца Александра. Показания Габриновича были торжественно объявлены клеветой, а сам он — австрийским провокатором. Однако мы имеем в настоящее время достаточно данных, подтверждающих, что показания Габриновича не были выдуманы.

Корни легенды о провокаторстве Габриновича разрушены следующим документом, найденным австрийскими оккупационными войсками в белградской префектуре и опубликованным во время войны [1].

„Белградское городское управление
Отделение полиции
№—доверительная

Белград 17/30 июня 1914 г.

Господину министру внутренних дел.

Имею честь осведомить Вас, господин министр, что вчера вечером 3 человека, бывшие комитаджи, явились к Светолику Савичу, владельцу газеты „Балкан", и по поручению майору Танкосича передали ему, чтобы он ни в коем случае не позволял себе публиковать в своей газете что-либо о каких бы то ни было связях и отношениях Габриновича со здешними жителяли и об его знакомых, в особенности не смел ничего писать в своей газете, что могло бы скомпрометировать кого-либо из сербов. Иначе ему придется плохо. Сообщая Вам, господин министр, о вышеизложенном, прошу вас сообщить мне, должен ли я принять меры, чтобы выяснить имена этих бывших комитаджей.

Градоначальник Белграда—подпись".

[1] „Berliner Lokal-Anzeiger" от 13 мая 1916 г.

Эти несколько странные на первый взгляд угрозы находят свое объяснение в следующих фактах.

Покушение произошло в воскресенье 28 июня. Имена виновников Принципа и Грабеча стали известны в Белграде поздно вечером. И, тем не менее, газета „Балкан" в своем ближайшем номере, вышедшем 29 июня в понедельник утром, писала: „Неделько Габринович, по профессии типографщик, был во власти анархических идей и известен своим пылким нравом. 20 дней тому назад он еще был в Белграде, куда он прибыл после войны (балканской) и где работал в государственной типографии. Перед отъездом он уверял, что отправляется в Триест, где получит работу во вновь открытой типографии. Гаврила Принцип также находился в последнее время в Белграде. Во время войны он прибыл, чтобы записаться добровольцем, но, не будучи принят, уехал из Белграда

Вернувшись в Белград к Рождеству прошлого года (1913 г. — Н. П.) он некоторое время посещал гимназию и уехал из Белграда приблизительно в одно время с Габриновичем, но разной дорогой. Принцип, молчаливый и нервный, был хорошим учеником и общался с некоторыми товарищами-учениками, прибывшими, как и он из Боснии-Герцеговины, а в последнее время с Габриновичем. Он склонялся к социализму, хотя первоначально принадлежал к прогрессивной молодежи. Принцип и Габринович выросли вместе в Сараево, и оба были связаны неразрывной дружбой со времен детства".

Такое поспешное опубликование данных о Габриновиче и Принципе, когда весь мир знал только их имена, могло навести хоть кого угодно на подозрения, что в Белграде знают кое-что о покушении. Это тем более казалось подозрительным, что сами виновники покушения, Принцип и Габринович, признались, что прибыли из Белграда, не 28-го июня, а 30 июня или 1 июля. На-

печатание „Балкан“ этой статьи и вызвало в тот же день резкую интервенцию Танкосича, предписавшего газете держать язык за зубами. А 4 июля „Балкан“ первая пустила слух, что Габринович — австрийский агент. Так зародилась эта легенда.

Что касается содержания легенды, то оно в свете фактов, изложенных нами в предыдущих главах, не нуждается в особом опровержении. Прием многообещающих молодых людей накануне покушения престолонаследником принцем Александром, как показывают признания Юкича и Габриновича, подтвержденные членом „Черной руки“ Оскаром Тартальей, был при белградском дворе своего рода традицией. Это уже показывает, насколько велика была благонадежность Габриновича с точки зрения не австрийских, а сербских властей. Простым смертным, в особенности рабочим, таких аудиенций даже в такой „демократической“ стране, как Сербия, не давали и не дают.

Член „Молодой Босны“ Боривой Евтич в своих воспоминаниях о Сараевском убийстве убил эту легенду окончательно, подтвердив честность Габриновича.

Но „легенда“ о Габриновиче является лишь частью изложенной выше легенды о том, что сараевское покушение было организовано самим австро-венгерским правительством. В самом „развернутом“ виде эта легенда изложена редактором газеты „Times“ Уикхемом Стидом, бывшим с 1902 по 1913 год корреспондентом „Таймса“ в Вене. Стид, являющийся одним из наиболее выдающихся знатоков международной политики, и в частности Австро-Венгерской монархии (во время войны 1914 — 18 годов он был экспертом по австрийским делам при английском министерстве иностранных дел, одним из основателей Лондонского Югославского комитета, заведующим австрийским отделом „Комитета военной пропаганды“ и экспертом

по вопросам Центральной Европы при друге президенте Вильсона, полковнике Гоузе, на Парижской мирной конференции) развернул эту легенду с большим мастерством и тонкостью. В своей статье, напечатанной в 1916 году в Nineteenth Century and After он утверждал, что стремления Франца-Фердинанда обеспечить соответствующим образом будущее своих детей от брака с графиней Хотек вызвали к нему ненависть среди членов императорской фамилии, в особенности среди родственников эрцгерцога Карла-Франца-Иосифа, который должен был после Франца-Фердинанда наследовать престол. На свидании в Конопиште 12/13 июня 1914 г. с императором Вильгельмом, последний обещал Францу-Фердинанду, что после войны, когда Франция и Россия будут раздавлены, будут созданы два новых королевства для детей: одно польское — от Балтийского до Черного моря, в другое войдут — Чехия, Венгрия и южно-славянские земли с Салониками. После смерти Франца-Фердинанда, эти королевства будут федерированы с германской империей и перейдут к его детям, а законный наследник Карл-Франц получит лишь немецкие земли Австрии. Указывая на странные обстоятельства, сопровождавшие покушение (отсутствие полицейской охраны, небрежность властей, скромность похорон), Стид выражал уверенность, что обширный „семейный фонд" Габсбургов — 80 эрцгерцогов и эрцгерцогинь, зависевших в финансовом отношении от императора, могли без особой скорби думать об устранении Франца-Фердинанда. В заключение Стид добавлял, что Франц-Фердинанд был болен психически и страдал припадками бешенства, во время которых он застрелил своего лейб-егеря, и что император Франц-Иосиф знал об угрожающем престолонаследнику сумасшествии, т. е. намекалось, что жалеть Австрии о потере такого полусумасшедшего особенно не приходилось.

В своей крайней форме эта легенда утверждала, что эрцгерцог Франц-Фердинанд сам организовал на себя покушение, чтобы иметь повод расправиться с Сербией, но покушение вместо того, чтобы остаться фальшивкой, превратилась неожиданно для эрцгерцога в подлинное покушение.

Эта красивая и эффектная легенда, бившая на „нервы" читателей, не продержалась долго... Рожденная в эпоху военного патриотизма и гражданских добродетелей желтой прессы, она не выдержала подписания мира. В 1919 году она была опровергнута французскими публицистами Е. Дени и Шопен (псевдоним Пишона), репутация которых, как присяжных защитников Сербии, не позволяла опорочить их опровержения, тем более, что ни один историк — антантофил не мог представить ни малейшего доказательства этой легенды по сие время.

Из этой легенды впрочем до сих пор остался один элемент, именно небрежность полиции. Действительно, небрежность была вопиющей. Венгерский премьер-министр Тисса на объединенном совете министров Австро-Венгрии 7 июля 1914 года заявил [1] что „в полиции, должна царит невероятная анархия, если 6 или 7 лиц, известных полиции, могут разместиться, вооруженные бомбами и револьверами, на пути следования престолонаследника, без того, чтобы полиция это выследила или удалила хоть одного из них". Но сейчас уже и самые ярые защитники тезиса о сербской невинности перестали оперировать этим фактом в качестве доказательства причастности австро-венгерских властей к Сараевскому покушению. Даже такой сербофил, как Сетон-Ватсон, ближайший помощник Стида по „Комитету военной пропаганды", сделавший так много для популяри-

[1] Oesterreichische Rote Buch 1919, vol. I, № 8

зации и защиты сербских интересов в правительственных кругах Англии, что югославский комитет на Корфу почтил его почетным титулом „отца Юго-Славии", не решается поддерживать это утверждение. Небрежность австрийской полиции в Сараеве он характеризует красочным венским словечком Schlamperei (русское „авось"[1]).

Это словечко пустил в оборот нынешний президент Чехо-Словакии Массарик, не раз беседовавший с Сетоном-Ватсоном в эпоху 1916—17 гг. о Сараевском покушении.) Эту Schlamperei мы достаточно подчеркнули в главе о покушении, указав, что главной причиной ее было ясное и неоднократно выраженное самим Францем Фердинандом желание отказаться от соответствующей полицейской охраны, и изложили основания, побудившие эрцгерцога принять это решение. На этом мы покончим с версией о причастности австро-венгерских властей к Сараевскому покушению.

* * *

Теперь проследим версию о том, что Принцип и его товарищи готовили покушение самостоятельно и что сербское правительство совершенно непричастно. Эта версия в период 1914—29 годов принимала, как мы указали, самые различные формы. Генетическая эволюция этих форм заслуживает самого пристального внимания со стороны читателя, так как в общем эта версия сохранила жизненность и до сих пор.

В довоенные дни эта версия была единодушно подхвачена лишь сербской и русской печатью. Во французской печати к ней отнеслись сдержаннее. „Temps"[2] и

---

[1] Seton-Watson. The Serajevo Murder в „Foreign Affairs" (америк.) 1925, апрель.

[2] „Temps" от 30 июня 1914.

„Journal“[1] первые дни изливались в похвалах покойному эрцгерцогу, осуждая покушение. Revue des deux Mondes первая начала порицать „плачевные увлечения“ общественного мнения Австро-Венгрии, возбужденного покушением, и рассыпалась в комплиментах перед сербским правительством и прессой, „сохранившими свое хладнокровие среди шквала нападок, которым подверглась их страна. „Католические органы „Les Etudes“ (20. VII) и „Correspondant“ (10. VII) проливали слезы „по самому христианскому принцу мира“. Только с 10—15 июля версия о „безумии маленькой кучки людей“ появилась и прочно утвердилась во французской прессе, будучи немало подогрета сообщениями из Белграда, что сербское правительство предупреждало эрцгерцога об угрожающей ему из Боснии опасности, но австрийцы не обратили на это предупреждение внимания. О сербском предупреждении мы скажем далее, а пока заметим, что после посылки ультиматума 23 июля французская пресса решительно стала на сторону Сербии.

Английская печать встретила известие об убийстве эрцгерцога в штыки. Газеты единодушно подчеркивали связь заговорщиков с Белградом. Особенно энергично выражались либеральные правительственные газеты. 30 июня „Standard“ выражал убеждение, что авторы покушения были в связи с сербскими заговорщиками за пределами монархии. „Неправдоподобно, чтобы идея заговора зародилась в славянских кругах Австро-Венгерской монархии, так как благожелательное отношение эрцгерцога к славянским национальностям было известно. В действительности великосербская пропаганда с целью возрождения королевства Душана Сильного сделала большие успехи в югославских землях империи Габсбур-

[1] „Journal“ от 2 июля 1914.

гов. Сербия и ее высокие покровители естественно содействовали этой пропаганде, служившей их интересам". Daily News, Westminster Gazette и Daily Telegraph поддерживали эту же точку зрения. Наконец Daily Cronichle провиденциально заявляла: „Эрцгерцог бесспорно являлся самой серьезной проблемой для России в смысле притязаний этой страны в юго-восточной Европе. Это, конечно, отвратительное явление, самое отвратительное во внешней политике России, которое может быть объяснено лишь нечистой практикой, ставшей традицией у ее представителей за границей, и безответственностью этих агентов, иначе говоря, привычкой России прибегать в этих малоцивилизованных странах к орудию, которое по существу, выражается уже много лет в факте насильственного устранения почти всех тех, кто стеснителен для русской политики на Балканах. Убийство последнего короля Сербии (Александра Обреновича — Н. П.) убийство Стамбулова, свержение Александра Болгарского (принца Александра Баттенбергского), который также был бы предан смерти, если бы не отрекся, — все эти факты принадлежат к одной страшной цепи событий, и мы очень боимся, что сараевская трагедия не может быть совершенно изолирована от них".

Менее энергично выражалась консервативная печать. Но и она (кроме „Таймса" [1]) не верила в то, что покушение было совершено исключительно по инициативе юго-славской молодежи. Австрийский ультиматум был встречен более чем одобрительно. „Требования Австрии не содержат ничего, что было бы в действительности неприемлемо.

[1] „Times" считал убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда „самым крупным политическим событием в Австро-Венгрии после 1848 года. Самые жизненные интересы Монархии на Балканах поставлены на карту и с ними само будущее дома Габсбургов, как элемента стабильности в центральной Европе".

Ее негодование естественно, и Сербия хорошо сделает, если подчинится в кратчайший срок"[1].

„Ни одно государство не выступит на защиту государства — подстрекателя, не только помогавшего непростительному преступлению, но и являющегося постоянной угрозой status quo на востоке" [2]. „Австро-венгерская нота Сербии по своему тону и решительна, и умеренна. Неопровержимо, что Белград — очаг конспирации против спокойствия государства соседа" [3].

„Мы признаем, что Россия не может допустить уничтожения Сербии, но и никто не должен шевельнуть пальцем, чтобы подбодрить Сербию в ее упрямстве или помочь ей избежать полной меры немедленного наказания. Белград — горячая почва, на которой зарождаются беспрерывно мечты и заговоры, непосредственно угрожающие существованию монархии Габсбургов. Двойное убийство в Сараеве — прямой результат этой моральной атмосферы... Мы должны помочь России найти гарантии против уничтожения сербской независимости, не пытаясь спасти это государство от достойного и памятного наказания" [4].

„Не наше дело спасать Сербию от последствий ее интриг и ее тщеславия. Она свыше всякой меры провоцировала Австрию агрессивной агитацией, которую поддерживала среди подданных ее соседки" [5].

„К чорту Сербию!" — выразительно озаглавила свою передовицу самая реакционная газета „Джон Булль", редактировавшаяся членом парламента Горацио Боттомли [6].

---

[1] „Daily News" от 25/VII 1914.
[2] „Daily Telegraph" от 25/VII 1914.
[3] „Pall Mall Gazette" от 24/VII 1914.
[4] „Observer" от 26/VII 1914.
[5] „Standard" от 28/VII 1914.
[6] „John Bull" от 11/VII 1914.

Этот букет цитат достаточно характеризует настроение английской прессы. Только один „Times“, руководимый Стидом, упорно повторял, что Австрия хочет войны. Но — странный факт! — по мере того, как развертывались события и все яснее вырисовывался призрак войны, симпатии прессы к Австрии постепенно испарялись и, наконец, вовсе испарились. Об этом ясно свидетельствует сэр Эдуард Грей в своих мемуарах: „Но когда начали соображать, что сербское правительство само ответственно за преступление, этим симпатиям (к Австрии — *Н. П.*) был положен предел“.

Сэр Эдуард Грей, чудесно зная о том, что обвинения австрийцев не является наглой выдумкой и что бомбы по признаниям самих сербов были получены заговорщиками в Белграде [1], отказался разбирать вопрос о том кто прав, сербы или австрийцы, заявив, что это не его дело [2].

Наедине, тайком английские правители сознавались самим себе, что сербское правительство кругом повинно перед Австрией. Чего стоит, например, следующая запись в дневнике Асквита от 26 июля 1914 г.: „самое странное во всем вопросе, что в отношении многих, если не большинства пунктов (ультиматума — Н. П.) Австрия права, а Сербия неправа. Но австрийцы вообще самый глупый народ в Европе. Их выступление наполнено такой грубостью, что большинство людей пришло к выводу, что большое государство умышленно терроризует маленькое“ [3]

После вступления Англии в войну сербская версия укоренилась плотно и в английском общественном мнении. „Моральный“ англичанин может сражаться только во

---

[1] British Documents on the Origins of War, vol XI № 41, 27, 29.
[2] British Documents, vol. XI № 91, 282.
[3] Дневник Асквита „Daily Telegraph“ 30 апреля 1928 г.

имя свободы, справедливости, святости международных договоров, и Сербия была объявлена невинной.

* * *

Сараевский процесс в октябре 1914 года не разрушил этой версии. Показания участников Сараевского процесса были объявлены грубой подделкой. Крупнейший английский историк сэр Чарльз Оман в своей книге о возникновении войны, долго считавшейся лучшей английской работой о войне 1914—18 годов, например, писал [1]: „Все свидетельские показания подделка... Протокол процесса в такой степени подделан, что ни одному его слову нельзя оказать никакого доверия". В общем, Сараевский процесс прошел незамеченным, хотя австрийское правительство постаралось придать ему возможно большую гласность. Гром орудий заглушал словесные аргументы.

С другой стороны виноваты и сами австрийцы. Имея в руках такое оружие пропаганды для защиты своего тезиса, что ультиматум 23 июля был больше чем скромным минимумом требований к Сербии, они не позаботились издать этот протокол полностью, как официальный документ.

Только в 1917 году в Берне (Швейцария) вышло неофициальное издание протокола и притом в самом сокращенном и урезанном виде [2]. В 1918 году показания главных участников покушения (тоже в сокращенном виде) были изданы неофициально в Берлине [3]. Между

[1] Ch. Oman. The Outbreak of the War 1914—18. London, 1919, стр. 9.

[2] „Serajevo. La conspiration serbe contre la Monarchie Austro-Hongroise". Bern, 1917. F. Wyss, édit.

[3] Prof. Pharos (аноним). „Der Prozess gegen die Attentäter von Sarajewo". Berlin, 1918. По некоторым сведениям под этим псевдонимом скрылся духовник Франца-Фердинанда иезуит-патер Пунтигам.

тем, издание полной стенограммы процесса отдельной книгой явилось бы не только первостепенной важности документацией для историков войны 1914—18 годов, но и могучим орудием пропаганды в руках австрийского правительства, которое эти стенограммы обеляли от „злобной придирки к Сербии".

Австрийцы и в этом показали свою способность опаздывать на одну идею, и при этом безвозвратно. Протокол процесса хранился до конца 1918 года в архиве сараевского суда. Его даже не позаботились перевезти в государственный архив в Вену. В результате „в смутные дни" разрухи и распадения Австро-Венгрии в октябре—ноябре 1918 года этот протокол таинственно исчез. По сообщению барона Колласа, ближайший советник и доверенное лицо Билинского гофрат Черович, „бывший в сношениях с государственными изменниками... с мандатом сербского правительства выбросил всех венгерских и австрийских чиновников из министерства по делам Боснии-Герцеговины, захватил тайные архивы и перевез их в Белград" [1]. По сообщению венской газеты Der Tag [2], протокол процесса попал в руки редактора сараевской газеты „Вечерне Пошта" и был передан им сербскому правительству. Здесь он благополучно упокоился в сербских архивах и, по всей видимости, вряд ли будет когда-нибудь опубликован, так как сербское правительство, несмотря на яростные обвинения его в последние годы в причастности к сараевскому убийству, не сделало никакой попытки сослаться на официальные стенограммы Сараевского процесса в качестве доказательства своей невинности, и опубликовать их. Мы можем только предположить, что в стенограммах

[1] C. Kollas. „Auf den bosnischen Wegspuren der Kriegsschuldigen" в „Kriegsschuldfrage" за 1927, январь, стр. 20.

[2] „Der Tag" от 7 апреля 1925 г., № 84.

процесса, очевидно, не заключается ничего такого, что могло бы свидетельствовать в пользу Сербии.

Равная участь постигла и сербские документы, захваченные австро-венгерскими войсками во время оккупации Сербии в 1915—18 годах. Некоторые наиболее важные и интересные документы были напечатаны в австрийских и германских газетах. Но во время войны их тоже объявили фальшивкой. Затем часть документов из архива сербского министерства иностранных дел была напечатана в „Германской белой книге 1919 года о виновниках войны“ [1].

Эта публикация вызвала неожиданный эффект. Так как и германские и австрийские историки и публицисты отнеслись к опровержению статьи 231 Версальского мирного договора (эта статья, устанавливая одностороннюю ответственность Германии и Австро-Венгрии за войну 1914—18 годов, возлагала в силу этого факта на них обязательство уплатить репарации Антанты) как к своему национальному долгу, и начали выкапывать целые ворохи документов, в том числе и официальные сербские, правительства Антанты решили принять меры для прекращения этой „вредной агитации“. С этой целью они не только потребовали выдачи всех архивов, захваченных войсками центральных держав во время войны, но и обязали в последующих мирных договорах — Сен-Жерменском с Австрией, Трианонском с Венгрией — не опубликовывать документов из своих архивов, касающихся политики австро-венгерского правительства по отношению к Югославии, Румынии, Италии и др. государствам—наследникам Австро-Венгерской монархии без разрешения этих государств. Правда, большинство из

[1] German White Book of 1919: Responsibility of Authors of the war“. N.-Y., 1924.

„наследников“ установило известные сроки, после которых это запрещение утрачивает свою силу. Но эти сроки являются, попросту говоря, скрытым издевательством. Так, например, Румыния назначила первым сроком, после которого политика Австро-Венгрии по отношению к Румынии может комментироваться при помощи документов из венских архивов — 1996 год. (!!) Другие государства оказались не многим либеральнее. Это запрещение, налагающее печать на австрийские и венгерские архивы, является одной из причин того, почему историки в выяснении вопроса о Сараевском убийстве имеют так мало официальных документов в своем распоряжении.

Таким образом, мир облегчил задачу сербского правительства в сохранении тайны, облекающей Сараевскую трагедию. На Парижской мирной конференции комиссия Антанты по установлению виновников войны зарегистрировала невинность Сербии в следующих выражениях: [1] „Акт, совершенный, как он был совершен — подданным Австро-Венгрии на австро-венгерской территории, — не может никоим образом компрометировать Сербию, которая вполне корректно выразила свои соболезнования и приостановила публичные увеселения в Белграде“. Словом, сербское правительство имело все основания чувствовать себя невинным, если бы не одно неожиданное обстоятельство.

В результате войны, для которой сараевское покушение явилось самым ближайшим и непосредственным поводом, была создана такая „Великая Сербия“, о которой в довоенные годы не смели мечтать самые отчаянные сербские империалисты. Выстрел Принципа из „рокового“ стал „героическим“, а сами виновники покушения —

[1] German White Book 1919. Отчет комиссии Антанты о виновниках войны, стр. 15.

народными героями и мучениками за сербское дело. Для общественного мнения их имена стали политическими иконами, и память их прославляется во всех школах и школьных учебниках, не говоря уже о югославских политических организациях. В 1920 году останки Принципа, Грабеча, Габриновича и других были перевезены из Австрии в Сараево и преданы земле с необычайной торжественностью. Оставшиеся в живых участники Сараевского покушения получили земельные наделы и пенсии. Правда, правительство официально не приняло участия в прославлении памяти героев, но о том, как чтится в Юго-славии память „творцов Югославии", лучше всего видно из красочного описания торжественной панихиды на могиле Принципа в день его смерти [1].

„ . . Около 10 часов утра у могилы национальных героев начала собираться толпа. В 10 ½ часов появляется сгорбленная старуха в черном с платком на голове. Это мать Данилы Илича. В глубокой тишине слышны ее легкие рыдания...

— Мой милый сын, золотое мое дитятко! — всхлипывает она. Из обрывка газеты она вытаскивает 4 маленьких свечки, прикрепляет их рядом к могильной плите и зажигает их. В толпе слышен плач. Глаза всех полны слез. Затем мать вытаскивает маленькую кадильницу, высыпает из другого обрывка ладан и разжигает его на свечке, опускаясь с плачем на маленькую скамью.

Священник Милан Божич, секретарь „Народной Одбраны" и товарищ страданий Принципа, начинает панихиду. Собравшиеся отвечают хором. В конце несколько сот мужчин и женщин поют „вечную память". Затем господин Божич берет слово, чтобы сказать о национальных героях, чьи могилы забыты.

---

[1] „Време" (Белград), 30 апреля 1928 г., № 2282.

— Я не удивляюсь, что в такой великий день так немного лиц собралось здесь. Я не удивляюсь, когда подумаю, как жалко доказало свою благодарность свободное отечество этим героям, на костях которых оно создано. О том, как мы приносим благодарность, показывает один взгляд кругом, где мы не видим тех, кто должен был бы стоять в первом ряду (намек на отсутствующих представителей официальной власти, которые сочли неудобным присутствовать на этой панихиде — Н. П.).

— Так и есть! Позор! — прогремело со всех сторон, и тихие поминки на мгновение превратились в возмущение оскорбленных патриотов.

Господин Милан Божич вспоминает о некоторых эпизодах жизни в тюрьме в 1914 году, где он провел некоторое время с Принципом и его приятелями. Он обрисовывает всю историю подготовки к покушению и говорит, что Франц-Фердинанд уже давно был приговорен к смерти революционной молодежью; посещение им маневров явилось для молодежи удобным случаем, чтобы осуществить свой замысел.

Божич обращается теперь к молодежи и требует, чтобы она почаще посещала эти могилы и черпала свои идеалы из живого родника.

— Я склоняюсь низко перед тенями Принципа и его товарищей! — кончает Божич и провозглашает в их честь:

„— Слава!“

Молодой человек в черногорской шапочке с букетом цветов в руках взлетает на могилу. Это господин Милорад Рачич; его сопровождает солдат — воспитанник школы офицеров запаса.

— От имени 800 юношей, окончивших вчера школу офицеров запаса, я прибыл сюда, чтобы почтить память великих героев и возложить этот маленький букет

на могилу героев, которые не захотели допустить, чтобы Габсбург принимал маневры в день св. Витта в Боснии. Мы, юноши, пришедшие в Сараево — город Принципа со всех концов нашей земли, были возмущены, увидев его могилу. Эта могила — позор для государства, позор для Белграда, позор для всего народа. Мы, поклявшиеся присягой верности отечеству, клянемся, что эта могила не останется дальше в этом состоянии. Мы храним, как святыню, память об этих великих народных бойцах. Мы разыскали в Сараеве мать Данилы Илича. На пасху мы приняли святое причастие с хлебом, орошенным ее материнскими слезами.

Господин Рачич клеймит в резких выражениях, сопровождаемых аплодисментами присутствующих, безразличное отношение нынешних властей к памяти героя.

— Целую этот букет от имени моих 800 товарищей и возлагаю его с глубоким благоговением на могилу великого героя.

Рачич затем подходит к матери Данилы Илича и целует ее в лицо. К нему приближается госпожа Иока Сильяк, известная народная работница, и целует его в лоб:

— Прими благодарность, дитя, от имени содружества сербских женщин.

Молодые люди, бывшие до вчерашнего дня воспитанниками школы офицеров запаса, сопровождают мать Данилы Илича до ее жилища. Толпа расходится с этих редких поминок, полная горестных переживаний".

Приблизительно такое же пышное описание похорон скончавшегося в 1927 г. Цигановича дает эта же газета [1].

Если даже приписать некоторую долю этих излияний усердию пера патриотически настроенного репортера, то

[1] „Време" (Белград), 29 сентября 1927 г.

все же картина прославления национальных героев получит характер достаточно яркой и выразительной политической демонстрации, направленной против югославского правительства. Почему же последнее не хочет или не может, наравне с простыми гражданами, „воздать должное памяти героев"? Откуда это непонятное на первый взгляд расхождение с „чувствами народа", расхождение, устранить которое на первый взгляд не стоит никакого труда. Причина этого расхождения — соображения внешней политики. Дело в том, что по соображениям внешней политики югославское правительство не может признать Принципа и его друзей национальными героями ибо такое признание означало бы, что Сараевское покушение было организовано с ведома и содействия Белграда. Такое признание сразу бы оправдало образ действий австрийцев в июльские дни 1914 года и опрокидывало бы весь тезис об односторонней, исключительной ответственности одних лишь Германии и Австро-Венгрии за войну 1914—18 годов, формулированной в ст. 231 Версальского мирного договора (ст. 177 Сен-Жерменского, ст. 161 Трианонского, ст. 121 Нейисского мирных договоров).

Именно эти статьи и **только они** являются юридическим титулом на право получения Антантой и ее союзниками репараций, т. е. замаскированных контрибуций от Германии, Австрии, Венгрии и Болгарии. Мы ведь знаем, что страны Антанты вели войну 1914—18 гг., „подвергшись неожиданному нападению" со стороны этих держав, и заключили с ними „демократический мир" без аннексий и контрибуций на основе знаменитых 14 пунктов Вильсона. Поэтому Антанта не требовала контрибуций, а всего лишь репараций, т. е. возмещения убытков, разрушений и потерь, которые причинили Австро-Венгрия и Германия своим нападением и наступа-

тельной войной. Поэтому, если допустить, что нападения и наступательной войны не было (а признание своей осведомленности и соучастия в организации Сараевского убийства югославским правительством как раз привело бы к таким выводам), то и юридический титул на получение Антантой репараций не только улетучивается, но и создается юридический титул на пересмотр мирных договоров с центральными державами к выгоде последних. В виду этого югославское правительство обязано поддерживать тезис о своей непричастности к Сараевскому убийству до конца и защищать его всеми доводами. Иного ему не позволят правительства самой Антанты, которые заинтересованы в репарациях и недопущении пересмотра мирных договоров гораздо больше, чем Югославия.

И вот это-то последнее обстоятельство и проливает некоторый свет на то, почему старания Сербии к сокрытию официальных документов, освещающих „событие на реке Мильяске", и отношения „государств-наследников" к „покойнику" были облегчены державами победительницами, и на рты неугомонных историков особыми пунктами мирных договоров была наложена печать молчания до . . . 1996 года. Обнародование этих документов могло иметь более чем неприятные последствия.

Но с точки зрения внутренней политики тезис о непричастности сербского правительства к Сараевскому покушению наталкивается на яростное противодействие твердокаменных патриотов и националистов, не желающих понять, как можно могилы народных героев и мучеников за сербское дело оставить в таком пренебрежении и запустении. Сербские шовинисты, объединенные в „Народной Одбране", „Белой руке", и сербская молодежь из омладинских организаций требуют официального признания и прославления геройского деяния Принципа

и его товарищей. „Рады бы, да не можем!“ — отвечает им своим молчанием сербское правительство, хотя этот напор с каждым годом растет все больше и больше.

* * *

Однако, Сараевское покушение имело слишком много участников, слишком много ртов могло о нем проболтаться, и потому югославскому правительству пришлось столкнуться и приходится сталкиваться сейчас с некоторыми неприятными разоблачениями и признаниями со стороны членов правительства, деятелей оппозиционных партий, „Черной руки“, омладинского движения и других лиц. Так называемые „низкие побуждения“ — патриотизм, жажда личной славы и популярности, наконец, желание использовать свои признания и разоблачения в качестве оружия для партийной борьбы и компрометации деятелей радикальной партии с каждом годом поднимают завесу с того или иного маленького уголка тщательно скрываемой тайны. Вот почему тактика сербского правительства в защите тезиса о своей непричастности к Сараевскому покушению испытала после 1920 года резкий перелом, и то, что считалось до этого времени официальной доктриной, неожиданно стало ересью. Наконец, работа исследователей и ученых, в особенности германских и австрийских. принявшихся после мира изучать вопрос — „да как же в самом деле случилось, что произошла столь ужасная по своим размерам, жертвам и последствиям война и кто виноват в ней?“ — тоже сыграла немалую роль. Под ударами научной критики, в результате публикаций официальных документов сербское правительство было принуждено сдать некоторые свои позиции, чтобы окопаться на новых и варьировать тезис о своей непричастности к Сараевскому покушению, облекая этот тезис в новые формы.

Эти соображения являются ключем к пониманию позиции и тактики сербского правительства в защите указанного выше тезиса. В свете их неожиданные voltes face сербского правительства покажутся весьма ясными, ибо белградские политики, будучи в теории догматиками, на практике стали диалектиками: тезис у них часто становился антитезисом.

Основной задачей для Белграда после заключения мира стало доказательство тезиса о том, что майор Танкосич и Милан Циганович помогали Принципу по собственной инициативе и что „Народна Одбрана", причастная вследствие помощи этих лиц заговорщикам к покушению, была частной патриотической организацией, независимой в своих действиях от правительства. Этот тезис продержался до половины 1923 года, когда исследователям удалось доказать, что „Народна Одбрана" была весьма и весьма официальной организацией и работала по непосредственным заданиям правительства. Именно в конце 1922 года и 1923 в международной печати появились резкие нападки на „Народну Одбрану", и в Белграде решили переменить фронт.

В 1923 году вышла книга профессора истории Белградского университета Станое Станоевича „Убийство австрийского престолонаследника Франца-Фердинанда"[1]. Автор не называя своих источников, указал в предисловии, что все данные получены им от оставшихся в живых участников заговора, с которыми он был лично знаком. Стараясь уменьшить ответственность „Народной Одбраны" и дискредитировать австрийскую версию о подготовке покушения Белградом, Станоевич обвинял в организации сараевского заговора менее известное тайное общество „Уедненье или Смрт" или „Черную руку", во

[1] Stanojevitsch. Die Ermordung des Erzherzogs Franz-Ferdinand in Sarajevo. Frankfurt, 1923, особенно стр. 50 — 51, 55.

главе которого стоял начальник контр-разведывательного отдела сербского генерального штаба полковник Драгутин Димитриевич, „очень способный и талантливый офицер", вся жизнь которого прошла в организации политических заговоров и покушений.

Деятельность полковника Димитриевича Станоевич объясняет высоко патриотическими соображениями: „Полковник Димитриевич после свидания императора Вильгельма с эрцгерцогом Францем-Фердинандом в Конопишти (12/13 июня 1914 г. — Н. П.) получил секретное сообщение от русского генерального штаба о том, что русским правительством получены точные сведения о характере и целях этого свидания ... Германия одобрила план нападения Австро-Венгрии на Сербию и завоевания ее и обещала свою помощь и поддержку. Другие сведения, полученные одновременно полковником Димитриевичем, подтвердили правильность сообщений русского генерального штаба ... Среди сербского общества были распространены фантастические и возбуждающие слухи по поводу решений, принятых на свидании двух монархов в Конопиште, всеми овладела страшная нервозность и воздух был насыщен электричеством".

Поэтому „когда в Боснии были назначены маневры австро-венгерских войск и когда стало известно, что эрцгерцог Франц-Фердинанд собирается прибыть в Сараево, полковник Димитриевич был уверен, что Австро-Венгрия намерена напасть на Сербию. После долгого размышления, — как он сам (Димитриевич — Н. П.) рассказывал в апреле 1915 г., — он пришел к выводу, что нападение на Сербию и войну можно предотвратить только убийством Франца-Фердинанда, которого все сербское общественное мнение считало в тот момент самым большим врагом Сербии и сербского народа и главным инициатором всякого выступления против них".

15 июня Димитриевич созвал заседание исполнительного комитета „Черной руки“, на котором вместе с Танкосичем предложил организовать, покушение против эрцгерцога во время посещения последним Сараева и использовать для этой цели воспитанников Танкосича — Принципа и Грабеча. После жарких споров, комитет большинством всех голосов против Димитриевича и Танкосича отверг их предложение. Тогда Димитриевич решил действовать на свой страх и риск, не считаясь с постановлением комитета. К тому же остановить заговорщиков было уже поздно. В этом смысле, по его словам, „он является главным организатором покушения“.

Задачей Станоевича при выпуске в свет этой книги было дискредитировать австрийскую версию, изложенную в ультиматуме 23 июля, а именно — сараевское покушение исходило от „Народной Одбраны“. Конечно, не все подробности, сообщенные Станоевичем, соответствуют действительности. В частности, например, свидание в Конопиште, состоявшееся 12/13 июня 1914 г., не могло повлиять на решение Димитриевича организовать покушение, которое, как мы знаем, было задумано еще в декабре 1913 года. Точно так же первое опубликование известия о том, что эрцгерцог приедет на маневры в Боснию, состоялось в феврале 1914 года. Как начальник контр-разведки, Димитриевич мог знать об этом еще раньше. Поэтому, если верить Станоевичу, в том, что Конопиштское свидание повлияло на решение Димитриевича предать смерти эрцгерцога, то это, очевидно, было не второе конопиштское свидание, состоявшееся 12/13 июня 1914 года, а первое, — относящееся к октябрю 1913 г. И действительно из заявлений Мустафы Голубича и Павле Бастаича [1] французскому журналисту Виктору

[1] „Clarté“, 1925 май.

Сержу известно, что Мустафа Голубич привез в ноябре или декабре Гачиновичу в Лозанну инструкцию Танкосича — „Вы будете действовать независимо от того, что мы сделаем в Белграде". Поэтому на наш взгляд сообщение Станоевича, что июньское свидание в Конопиште было решительным толчком, воздействовавшим на Димитриевича, значительно преувеличено. Ведь заговорщики были уже за границей в Сараево, остановить их было очень трудно, если не невозможно вовсе. Следовательно „размышления" Димитриевича, закончившиеся его трагическим решением, должны были происходить до второго свидания в Конопиште, если верить Станоевичу, — что Димитриевич имел некоторую „свободу воли" в вопросе об организации покушения.

Почти одновременно с книгой Станоевича, приподнявшей отчасти завесу над тайной сараевского убийства, вышли воспоминания сараевского журналиста, члена „Молодой Босны", Боривоя Евтича[1]. Евтич, близко знавший Принципа, Габриновича и Грабеча, рисует обстановку подготовки заговора в самом Сараево. Его книга стремится доказать полную независимость Омладинского движения от Белграда. Он прославляет Принципа и Габриновича, предпринявших патриотическое деяние исключительно на свой страх и риск. Как авторитетный свидетель подготовки покушения и друг Габриновича, он разоблачает легенду о том, что Габринович был австрийским шпионом. Но при этом Евтич скромно умалчивает, что „первые террористические покушения в Боснии были следствием товарищеских встреч между сербскими офицерами и югославской молодежью Австро-Венгрии" и что „все, кто говорят, что революционное омладинское движение в Боснии возникло само собой и развивалось са-

[1] Borivoj Jevfic. Sarajevski Attentat. Sarajevo. 1924.

мостоятельно без влияния революционного (?! — Н. П.) Белграда, либо находятся в большом заблуждении, либо же хотят кое-что скрыть“ [1].

Наконец, немного спустя после выхода книги Станоевича, вышла книга известного германского социал-демократа и специалиста по балканскому вопросу, Германа Венделя — „Династия Габсбургов и югославский вопрос“ [2], почти целиком повторяющая данные Станоевича. В изложении фактов об организации „Черной рукой“ сараевского заговора Вендель отличается от Станоевича лишь в деталях. Именно, не Димитриевич принял предложение Танкосича отправить Принципа и его друга в Сараево, а сам Димитриевич предложил Танкосичу организовать покушение на эрцгерцога. Кроме того Вендель категорически утверждает что Димитриевич решил не считаться с постановлением „Врховной центральной управы“ от 15 июня и выполнить покушение во что бы то ни стало.

Эти книги в истории вопроса о причастности сербского правительства к Сараевскому покушению сыграли роли вехи, обозначающей новый этап, так как они снимали всю тяжесть обвинений со скомпрометированной уже к этому времени „Народной Одбраны“ и возлагали всю ответственность на другое общество „Черную руку“.

Мы не совсем согласны с точкой зрения некоторых историков, утверждающих, что признания Станоевича, официозного сербского историографа сараевского убийства, компрометировали сербское правительство в боль-

---

[1] „Nova Evropa (Zagreb-Agram). XVI/2 стр. 62 — 65. Воспоминания члена Врховной центральной управы „Черной руки“ Чедо Поповича.

[2] H. Wendel „Die Habsburger und die sudslawen Frage“. Leipzig. 1924.

шей степени, чем обвинения австрийского ультиматума от 23 июля. Станоевич и Вендель ясно дают понять, что 1) Димитриевич организовал покушение на свой страх и риск. Это покушение было его личным делом и он не считался с постановлением „Врховной центральной управы". Поэтому даже „Черная рука" в целом не может быть названа прямой соучастницей покушения; 2) „Черная рука" к тому времени — и это уже знали все — была „справедливо покарана сербским правительством за свою разбойничью и предательскую деятельность." Следовательно, сербское правительство не только не одобряло деятельности этого общества, а, наоборот, преследовало его за его тайную работу. И, следовательно, по этим двум причинам сербское правительство ни в коем случае не может быть ответственно за сараевское убийство. Этот же тезис — об организации убийства самим Димитриевичем и непричастности к нему сербского правительства — к конце 1928 года повторил в сербской прессе в серии своих статей известный уже нам Оскар Тарталья [1].

Разоблачения Станоевича, впервые официально декларировавшего перед общественным мнением Европы связь „Черной руки" — через Димитриевича — с сараевским покушением и невинность официальной Сербии, и одновременно удовлетворявшие как внутри-политической, так и внешне-политической линии сербского правительства, вызвали в среде историков войны 1914 — 18 года живейший интерес. Их подвергли тщательной критике. Но не успели еще ученые, как следует переварить эти разоблачения, как произошло событие, перевернувшее целиком весь вопрос о причастности Белграда к покушению.

---

[1] „Вечерне Пошта" (Сараево) 29/IX — 6/X 1928 г.

К десятой годовщине мировой войны в Белграде вышла книга статей и воспоминаний сербских политических деятелей под заглавием „Кровь славянства“ („Крв словенства“). Первая статья этого сборника — „После дня святого Витта“ [1] — принадлежала перу Любы Иовановича, одного из лидеров радикальной партии, не раз бывшего министром, и члена-основателя „Народной Одбраны“. В 1914 г. Люба Иованович был министром народного просвещения и культов в кабинете Пашича и, по своей должности, являлся почетным председателем и покровителем этого общества. Статья Любы Иовановича по существу является самым недвусмысленным и циничным признанием в том, что подготовка сараевского убийства производилась в Сербии и имела высоко-официальный, чуть ли не правительственный, характер.

„К моменту объявления мировой войны, — пишет Люба Иованович, — я был министром народного просвещения в кабинете Пашича. Я записал на свежую память кое-какие воспоминания и заметки о событиях этих дней. Из них для этой статьи я выбрал несколько отрывков, так как еще не наступило время для открытия всего.

Не помню, в конце ли мая или в начале июня, в один прекрасный день Пашич сказал нам (он совещался по этому делу более подробно со Стояном Протичем, бывшим тогда министром внутренних дел, но ниже изложенное он сказал и всем остальным) что некоторые люди собираются поехать в Сараево, чтобы убить Франца-Фердинанда.

[1] Переведена на английский язык и издана „British Institute of International Affairs“ под заглавием „The Serajevo Murder“ в 1925 г., немецкий перевод в „Kriegsschuldfrage“, 1925, февраль.

Как мне стало впоследствии известно, этот заговор был состряпан группой тайно организованных лиц (в письме в белградскую газету „Политика“ 29 марта 1925 года и „Новый живот“ 28 марта 1925 года Иованович заявляет, что под выражением „группа тайно организованных лиц“ он имел в виду общество „Черная рука“.— *Н. П.*) и патриотическими студентами из Боснии и Герцеговины, проживающими в Белграде. Пашич и все мы сказали, а Стоян Протич согласился, что он должен отправить инструкции пограничным властям на реке Дрине, чтобы помешать переходу реки молодежью, которая уже отправилась с этой целью из Белграда. Но пограничные власти сами принадлежали к организации („Черной руки“.— *Н. П.*) и не исполнили инструкции Стояна, а донесли ему, как он впоследствии сообщил нам, что инструкции пришли к ним слишком поздно, так как молодежь уже успела совершить переправу. Так не удалось попытке правительства предотвратить подготовлявшееся покушение. Точно также не удалась попытка нашего посла в Вене (Иована Иовановича. — *Н. П.*), предпринятая им по собственной инициативе — отвратить эрцгерцога от рокового пути, на который он собирался вступить. Смерть эрцгерцога произошла в обстоятельствах более ужасных, чем те, которые были предусмотрены, и с такими последствиями, о которых никто не смел и помыслить“...

В качестве министра народного просвещения Люба Иованович имел, в числе прочих служебных обязанностей, обязанность оказывать поддержку многочисленным гимназистам и студентам, бежавшим или изгнанным из Боснии за свои революционные, вернее, антиавстрийские выступления. Для субсидирования этих беженцев при министерстве народного просвещения имелся специальный фонд. Беженцы содержались в сербских учебных заведе-

ниях на счет казны, патриотических организаций и тайных обществ, в том числе „Народной Одбраны“ и „Черной руки“, и т. д.

Люба Иованович рассказывает о трех встречах с Принципом, которого он принимал у себя в кабинете в министерстве.

— Главного из покушавшихся Гаврилу Принципа я знал лично. Я виделся с ним дважды или трижды в моем министерстве, когда он приходил ко мне с просьбой, чтобы я разрешил ему сдать экзамены сначала в пятый, затем в шестой класс (Белградской гимназии. — *Н. П.*) частным образом (privatim). Он остался у меня в памяти, как маленький широкоплечий (юноша) с несколько впавшим, но широким лицом. Говорил он просто и без робости. Я дал ему несколько советов и ободрил его — как давал советы и ободрял многих других молодых людей, прибывавших в качестве эмигрантов из Австро-Венгрии в Белград, — окончить примерно гимназию, чтобы он мог с лучшей подготовкой служить с большей пользой народу — и, главное, своим идеалам. На экзамены я дал оба раза согласие, и он оба экзамена держал при первой гимназии. Последний раз мы расстались несколько комическим образом. Случилось, что до этого эмигрантская молодежь так часто приходила ко мне и беспокоила меня из-за таких мелочей, что я разозлился и теперь набросился на Принципа и начал сурово упрекать его. Бедняга Принцип сперва посмотрел на меня удивленно и тотчас же отступил к двери: „Извините меня, я не знал, я не знал...“ — и повернулся к выходу. Я обратился к нему и принялся дружески его успокаивать, но он поспешил выйти. Кто мог тогда предчувствовать, что сделает несколько недель спустя этот беспокойный молодой ученик“, — лирически заканчивает свое повествование о встречах с Принципом Люба Иованович.

По сообщению одного из таких студентов-беженцев, приезжавших во время войны в Лондон, Принцип был избран для убийства эрцгерцога потому, что находился в такой стадии туберкулеза, которая ни в коем случае не позволила ему надеяться на более или менее продолжительную жизнь [1]. То же подтверждает и Люба Иованович: „Я видел его (Принципа) в парке как раз перед отъездом (в Сараево. — *Н. П.*), и он выглядел очень плохо".

„В день святого Витта я находился вечером на своей даче в Сенжаке. Около пяти часов вечера ко мне позвонил по телефону чиновник из прессбюро и сообщил о том, что произошло в Сараеве. И хотя я знал, что подготовлялось там, все же точно кто-то неожиданно ударил меня, когда я держал трубку. Когда новости позже подтвердились из других источников, тяжелое беспокойство овладело мной. Я увидел, что положение нашего правительства по отношению к другим правительствам будет гораздо хуже, чем после 29 мая 1903 года (день убийства короля Александра и королевы Драги. — *Н. П.*). Я боялся, что все дворы Европы почувствуют себя пораженными пулей Принципа и под давлением монархических и консервативных элементов покинут нас. Я знал, что Франция, — а еще меньше — Россия, — не готовы вступить в бой с Германией и ее Дунайским союзником, ибо их подготовка будет закончена не ранее 1917 года".

Но вскоре паника Любы Иовановичи улеглась. Сербская военщина и министерство иностранных дел смотрели более оптимистически на создавшееся положение.

„Страшные мысли обуревали меня, начиная с дня св. Витта вплоть до вечера вторника, — лирически про-

[1] Durham „Fresh Light on the Serajevo Crime" в „Contemporary Review", 1925, январь, стр. 42.

должает Люба Иованович, — когда мой молодой друг майор N, которому я рассказал о своих страхах, сказал прекрасным, мягким, но поистине проникновенным голосом: „Господин министр! Я думаю не стоит терзаться сомнениями. Пусть Австро-Венгрия нападет на нас! Это должно случиться раньше или позже. Сейчас неудобный момент, чтобы сводить счеты. Но выбор принадлежит не нам. Если выберет его Австро-Венгрия — пускай! Быть может, это кончится плохо для нас. Но возможно, будет иначе".

Надежды военщины разделяла и сербская дипломатия. 18 июля генеральный секретарь сербского министерства иностранных дел Груич заявил английскому поверенному в делах Кракенторпу [1], „что он (Груич) прекрасно знает, что в Австрии имеется влиятельная партия которая пожелает использовать нынешнее положение с целью произвести крайний нажим на Сербию, но белградское правительство обладает точными сведениями, согласно которым Берлин будет воздействовать на Австрию в примирительном духе. Если же случится, что возьмет верх худшее, и Австрия объявит войну, Сербия не будет предоставлена своим силам. В действительности, если бы Австрия решилась на явно умышленное нападение против Сербии, Россия не осталась бы спокойной перед вероломным нападением на Сербию, в то время как Болгария была бы остановлена Румынией. Господин секретарь полагает, что в текущих обстоятельствах война между великой державой и одним из балканских государств имела бы неизбежным следствием распространение пожара

[1] British Documents, vol. XI, № 87.

на весь европейский континент.“ Твердая уверенность Груича лучше всего свидетельствует, что первоначальные страхи Любы Иовановича, боявшегося, что Сербия будет брошена своим могущественным покровителем на произвол судьбы, были совершенно неосновательны. Наоборот, сербское правительство было твердо уверено, что на этот раз, в отличие от 1908 и 1912 гг., Россия, а следовательно и Франция в защите Сербии пойдут до конца. И, действительно, через несколько дней после покушения Л. Иованович мог с удовлетворением отметить, что „русская пресса, которая, как известно, наперед выражает мнение русского правительства, дружелюбно отнеслась к Сербии. Россия не отняла своей руки, а за Россией придут и ее друзья. К этому шло, и так оно и вышло“.

Но перед сербским правительством все же стояла одна задача первостепенной, даже жизненной важности. Что бы ни вышло, как бы ни повернулись события, министрам было ясно одно — необходимо представить дело так, чтобы перед всем миром Сербия являлась совершенно непричастной к сараевскому покушению, ибо общественное мнение Европы не позволит ни Англии, ни Франции стать на защиту правительства убийц. Еще менее византийско-монархические убеждения Николая II могли бы позволить ему стать на защиту правительства цареубийц. И вот Пашич, Протич и весь кабинет в целом деятельно приступили к работе по заметанию следов, которые могли бы свидетельствовать о том, что покушение вышло из Белграда. Л. Иованович с невозмутимо-циничной откровенностью повествует об этих попытках:

„Пашич, однако, надеялся, что мы выскочим как-нибудь из кризиса, и приложил при содействии нас все усилия.., чтобы Сербия могла возможно дешевле спра-

виться с неблагодарной задачей дать удовлетворение Австро-Венгрии.

Как известно, правительство сделало все, что только возможно, чтобы показать нашим друзьям и всему остальному миру, как далеки мы были от сараевских преступников.

С этой целью Стоян Протич в тот же вечер, когда пришло известие о деянии Принципа, отдал приказ, и белградская полиция запретила всякую музыку и увеселения в публичных местах; все было закрыто, и началось нечто вроде официального траура".

Но так как этого показалось мало, то Люба Иованович решился на героическое средство: „На похоронной мессе, которая служилась в католической церкви (австро-венгерского—*Н. П.*) посольства от 20 июня ст. стиля в день похорон покойного эрцгерцога и его жены, несколько министров представляли сербское правительство. Я был в числе их. Я хотел показать, что даже я, относительно которого могли думать, что я одобрил деяние Принципа (Люба Иованович, как мы уже говорили, был одним из основателей, а по своей должности министра народного просвещения — и официальным покровителем общества „Народна Одбрана" — *Н. П.*) был, наоборот, в полном согласии с тем, что делало правительство. Тем не менее, это короткое пребывание в церкви было неприятно для меня. Я чувствовал себя среди врагов, которые не захотят примириться с нами".

Вскоре, однако, из Вены пришло сообщение, что служащий министерства общественных работ Милан Циганович помогал преступникам переправиться в Сараево. Пашич спросил Иотцу Иовановича, который занимал тогда пост министра общественных работ, кто такой

Цигановичъ. Иотца не знал его: не знал его никто и в министерстве. Так как Пашич настаивал, Цигановича после некоторых хлопот нашли на какой-то административной должности на железной дороге. Я помню, что кто-то — не то Стоян, не то Пашич — сказал, когда Иотца сообщил нам это известие: „Вот так штука! Смотрите, как правильно говорят в народе: если мать потеряет сына, пусть поищет его на железной дороге". Позже мы узнали от Иотцы, что Цигановнч куда-то исчез из Белграда".

В результате всех этих мер „можно было надеяться что Вене не удастся установить какую-либо связь между официальной Сербией и событием на реке Мильяске" (река у Сараева, на берегу которой Принцип убил эрцгерцога — *Н. П.*).

Эти сенсационные разоблачения Любы Иовановича явились громовым ударом для созданной казенными летописцами Антанты легенды о маленькой и невинной Сербии, которую хотела растерзать Австро-Венгрия. Люба Иованович на первый взгляд как будто не понимает всей важности того, что он пишет и в чем признается. Почтенный сербский сановник с простодушием младенца рассказывает о том, что он сам, его шеф и его коллеги смотрели на покушение на Франца-Иосифа, как на совершенно естественное и нормальное явление, что они отлично учитывали весь риск подобного предприятия и все последствия, которые оно может иметь для Сербии. Министерство народного просвещения содержало и воспитывало на казенный счет будущих убийц. Ведь предупредить покушение, даже после неудачи мифической попытки воспрепятствовать убийцам перейти реку Дрину — путем обращения к пограничным властям, которые сами принадлежали к организации, задумавшей и выполнившей убийство, — было не так трудно. Для этой

цели было достаточно сообщить в Вену имена участников заговора, что потребовало бы всего несколько часов. А времени Пашич и его коллеги имели более чем достаточно: от 3 до 5 недель. Но убийству эрцгерцога дали совершиться и заботились только о том, чтобы снять все подозрения в своей причастности „к мокрому делу". Так, на требование австрийского правительства об аресте Цигановича Пашич ответил, что Циганович отбыл 28 июня из Белграда в неизвестном направлении. Между тем, как показывает протокол сараевского судебного следствия, просмотренный советником австрийского министерства иностранных дел фон-Визнером 13 июля, первые сведения об участии Цигановича в сараевском покушении были получены из уст убийц 1/2 июля нового стиля. Признания Любы Иовановича показывают, что Циганович в эти дни все еще состоял на государственной службе и что разыскать его не стоило особого труда. Но вместо того, чтобы арестовать его, ему позволили таинственно исчезнуть. Наконец, в руках у сербского правительства была еще одна нить, по которой можно было бы добраться до авторов покушения. Как рассказывает Люба Иованович, „Стоян Протич произвел некоторое расследование и со своей стороны... На белградской почте была найдена открытка „до востребования", написанная еще до дня св. Витта одним из преступников к одному из его товарищей в Белграде".

Кто был этот белградский товарищ убийц и к чему привели розыски Протича — нам неизвестно, ибо Люба Иованович здесь скромно умолкает. Целый абзац его статьи заменен многоточием. Очевидно, это место воспоминаний еще не созрело для раскрытия. Чего стоит также появление Любы Иовановича в церкви австро-венгерского посольства на похоронной мессе по убитому с его же ведома и, можно сказать, соизволения

австрийского престолонаследнику. Почти Шекспировская ситуация!

Важность разоблачений Любы Иовановича не подлежит никакому сомнению. Впервые один из руководящих сербских сановников признался в том, что:

1) сербское правительство знало за 4-5 недель вперед о готовящемся покушении.

2) оно не приняло никаких серьезных мер к тому, чтобы предотвратить его. Единственная попытка предупредить австрийские власти о готовящемся на эрцгерцога Франца-Фердинанда покушении была сделана сербским послом в Вене по собственной инициативе последнего и являлась, как мы увидим ниже, формальной отпиской, сделанной, чтобы сбить австрийские власти с толку.

3) после сараевского убийства сербское правительство приложило все усилия, чтобы замести следы своего участия в этом деле.

Таковы самые минимальные выводы, которые можно сделать из признаний Любы Иовановича. Немудрено, что за границей, в особенности в „нравственной“ и „моральной“ Англии, они вызвали бурю негодования в печати, объяснявшуюся, конечно, не „антиморальным“ соучастием сербского правительства в организации Сараевского убийства, — „моралист“ Англии нам хорошо известен!—но признанем, которое в корне подрывало незыблемость статьи 231 Версальского мирного договора и святость репарационных грабежей. Опасность и вредность разоблачений Любы Иовановича для юридического титула на получение репараций не преувеличены нами. Вопрос о признаниях Иовановича стал только в этом плане и ни в каком другом. Но сербское правительство по поводу признаний хранило гордое молчание. Нарушить его заставила только крепкая палка знакомого нам

„друга из Англии", Остина Чемберлена. Загуляла же эта палка по болтливым сербским головам по следующему поводу.

Признания Любы Ивановича были опубликованы в Англии E. Durham в декабре 1924—январе 1925 г. и тон комментариев английской печати заставил сербское правительство насторожиться, тем более что известный уже нам „отец Югославии" Сетон-Ватсон напечатал в лондонском „Times" от 16 февраля 1925 года „письмо в редакцию", в котором предлагал сербскому правительству высказаться по поводу разоблачений Любы Иовановича. „В противном случае, заявлял Сетон-Ватсон, если Белград откажется выступить с соответствующим заявлением по поводу утверждений Любы Иовановича, то приговор всего мира по вопросу о виновниках войны изменится не в пользу Сербии". В Белграде почувствовали, что признания Любы Иовановича нужно „замазать". 18 марта 1925 г. официоз сербского министерства иностранных дел „Време" (Белград) напечатал сообщение об опубликовании в ближайшем будущем сербской „Синей книги" официальных документов о Сараевском убийстве. Эта „Синяя книга", уверяла газета, „не будет содержать никаких разоблачений о том, что Сербия не виновна в возникновении мировой войны, так как это известно всему миру и в этом убеждены также и наши друзья, которые с негодованием слышат о клеветнической компании в Германии, как и те, кто начал с предумышленной целью эту кампанию. Синяя книга подсечет в корне попытку Германии возложить на Сербию ответственность за величайшее кровопролитие в мире". Одновременно по словам „Време" сербский поверенный в делах в Лондоне получил от правительства указание обратить внимание английского правительства на эту кампанию, в особенности на тон, в котором она ведется

„Нашему поверенному в делах в Лондоне послан отчет о содержании этой книги, чтобы он мог использовать его для справок при переговорах с „Foreign Office" до тех пор, пока сама книга не будет разослана союзным и дружественным державам".

После этой статьи „отец Югославии" смягчил тон. Он напечатал в лондонском „Morning Post" (7. IV. 1925), белградской „Политике" (13/IV — 25, № 6095), „Обзоре" (13. IV. 25) свои „письма в редакцию", в которых он заявлял, что, хотя признания Любы Иовановича и компрометируют доброе имя Сербии, но все же он считает их преувеличением фактов. В своих письмах Сетон-Ватсон, почеркивая необходимость для сербского правительства „дать некоторые разъяснения" по поводу этих „одиозных" признаний, просил ученых воздержаться от вынесения окончательного приговора о вине Сербии в организации Сараевского убийства до опубликования обещанной сербским правительством „Синей книги" о Сараевском убийстве.

Но было поздно. Признаниями Иовановича в целях борьбы с консервативным кабинетом Болдуина воспользовалась группа членов рабочей партии, объединившихся вокруг известного Балканского комитета Бекстона. 8 апреля 1925 года в палате общин депутат рабочей партии и в прошлом помощник секретаря по иностранным делам в рабочем правительстве Макдональда, Понсонби „обратил внимание секретаря по иностранным делам Остина Чемберлена на признании Любы Иовановича, которые доказывают участие сербского правительства в убийстве эрцгерцога в 1914 году. Господин Чемберлен заявил, что признания, опубликованные в книге личных воспоминаний спустя десять лет после события, имеют сомнительную историческую ценность. Поэтому он не намерен включать их в официальную „Синюю книгу" дипломатических доку-

ментов о возникновении войны“ [1]. Далее Чемберлен заявил, что „этот вопрос (о причастности сербского правительства к Сараевскому покушению — Н. П.) не имеет никакого отношения к вопросу об ответственности за войну, ибо эта война вызвана не самым покушением, но скорее теми методами, при помощи которых Австрия и Германия использовали это преступление, чтобы начать войну“.

Эти слова Чемберлена звучали директивой, тем более что несколько дней спустя в солидном американском журнале „Foreign Affairs“ появилась большая статья „отца Юго-Славии“ на Сараевском убийстве [2], написанная им, очевидно, одновременно с письмом в редакцию „Times“ от 16 февраля 1925 г. В этой статье Сетон-Ватсон, обеляя сколь возможно Сербию, вместе с тем указывал, что, статья (Любы Иовановича — Н. П.) написана в беспечном наивном тоне воспоминаний, и автор ее кажется в блаженном неведении того, как вредны (are damning) его признания, если принять их буквально, а мы, конечно, обязаны принять именно в такой форме то, что пишет действительно влиятельный политический деятель о предмете, самым жизненным образом связанном с честью его страны и его собственной“. В заключительном абзаце Сетон-Ватсон требовал от Белграда опровержений: „на долю Белграда падает бремя доказательства, что либо информация, имевшаяся в его распоряжении (о подготовке покушения — Н. П.) была гораздо

---

[1] Рабочее правительство Макдональда в 1924 году обещало опубликовать полное собрание дипломатических документов предвоенного периода. Правительство Болдуина в силу этого обещания издает „British Documents on the Origins of war 1898 — 1914. Ed. by Gooch and Temperley“, 11-томную сводку документов предвоенного периода. Пока вышли тома XI, I, II, III и V.

[2] „Foreign Affairs“ (амер.), апрель 1925. Seton-Watson. The Sarajevo Murder.

более неопределенной, чем Люба Иованович хочет заставить нас поверить, либо что он (Белград) послал соответствующее (adequate) предостережение об опасности, которое нам пока еще неизвестно. Дело не может остаться в подобном положении. Общественное мнение Европы и Америки более чем когда бы то ни было заинтересовано в проблеме ответственности за мировую войну и вправе требовать полного и подробного разъяснения от Любы Иовановича и его шефа — Пашича" [1].

Сербское правительство поняло, что одним „замазыванием" или замалчиваниеи вопроса не отделаешься. Спустя 10 дней после директивы Чемберлена в сербском официозе „Политика" появилась статья редактора Еленича [2], называвшая в первый и, кажется, последний раз в Сербии, признания Иовановича ложью, „так как сараевское убийство было организовано „Черной рукой" и сербское правительство не имело к нему никакого отношения". Однако, и этого оказалось мало. Ни статья Еленича, ни „авторитетные" разъяснения английского министерства иностранных дел не внесли успокоения в умы европейских историков и публицистов, взбудораженных сенсационными признаниями Любы Иовановича. Люба Иованович был политическим деятелем, не менее значительным и ответственным в своей стране, чем Остин Чемберлен в Англии. Вдобавок историки помнили, что после появления признаний сербское правительство хранило по их поводу величавое спокойствие и не поторопилось официально дезавуировать их. Даже и теперь, когда начался всесветный скандал, Пашич попрежнему хранил гордое молчание. Только радикальные газеты, видимо

---

[1] Foreign Affairs, 1925, апрель, стр. 507 — 508.

[2] „Политика" 17/IV 1925 г.

по его директиве, начали ожесточенную кампанию против Любы Иовановича. Признания последнего не опровергались. От него не требовали никаких разъяснений. Фактическое содержание его признаний оставлялось без внимания (очевидно, чтобы не раздражать сербских националистов! — Н. П.). Кампания велась приблизительно в следующем плане: совершил ли Люба Иованович опубликованием своих воспоминаний государственную измену, и если совершил, то в какой мере интересы и честь родины требуют его наказания.

Люба Иованович защищался с упорством человека, не желающего признать свои заблуждения и боящегося, чтобы признание их (как раз в это время Люба Иованович выдвигал свою кандидатуру на пост премьер-министра и вел отчаянную борьбу с Пашичем за звание лидера радикальной партии; свои воспоминания он напечатал, несомненно, с целью нажить политический капитал среди сербских националистов и патриотов и этим облегчить свою кандидатуру) не отразилось на его личной карьере. Его не смутили даже осторожные директивы Чемберлена. Точно предвосхищая упрек Чемберлена в том, что его (Любы) статья является всего лишь личными воспоминаниями и притом спустя 10 лет после самого события, т. е., следовательно, Люба мог многое позабыть или переврать за это время, он заявил в печати, что он „только обработал литературно некоторые отрывки той части своего дневника, который он вел десять лет тому назад, и, следовательно, его статья является подлинным историческим документом“ [1]. Разъясняя свои признания, Люба Иованович в припадке откровенности заявил: „Я не сделал никаких разоблачений, а сказал только то, что по существу было известно каждому из

[1] „Политика“ и „Нови живот“ от 22. III. 1925.

нас еще в 1914 году... Кто хочет сейчас это отрицать или запираться в этом и утверждает, что сербское правительство не знало ничего о планах тех, кто умышлял на жизнь эрцгерцога Франца-Фердинанда, тот возьмет на себя столь же излишнюю, сколь и вредную, задачу" [1]. Свою откровенность он мотивировал тем, что интерес всего мира к вопросу о Сараевском убийстве делает дальнейшее сокрытие тайны невозможным.

Но одновременно с этими признаниями Люба Иованович напечатал ряд статей, в которых, не касаясь существа своих признаний, заявлял, что, с одной стороны, его статья была неправильно переведена на английский язык (мисс Дерхем, автором книги „The Serajevo Crime", обрушившейся на Иовановича с упреками по поводу антиморальности убийства), с другой стороны, Сетон-Ватсон его не понял и извратил его мысль. Это было все! Дезавуировать свои собственные признания он, очевидно, не собирался.

Все — это и „нераскаянность" Любы Иовановича и гордое молчание его шефа по радикальной партии Пашича было крайне подозрительно и вызывало нежелательные толки в европейской печати. Последнее обстоятельство в связи с запросом в парламенте заставило Лондон принять чрезвычайные меры. Для удара по „скептикам" был мобилизован в качестве тяжелой артиллерии „Отец Югославии" отправившийся в конце апреля 1925 г. собственной персоной в Белград, чтобы добиться требуемых „разъяснений". Поездка окончилась неудачей, несмотря на то, что в Белграде в интервью с представителями печати он заявил, что статья Любы Иовановича „произвела на всех друзей Сербии в его стране крайне неприятное впечатление, и они (друзья!) должны были оправдываться.

[1] „Политика" 17. IV. 1925.

Если бы мы промолчали, то этим самым признали бы что наши враги доказали свои утверждения, и Сербия, действительно, виновата. Поэтому его миссия имеет целью добиться от сербского правительства дезавуирования слов Любы Иовановича". Такого дезавуирования, однако не последовало, сколько Сетон-Ватсон ни взывал о нем. Тогда оскорбленный в своих лучших чувствах „отец Югославии" начал угрожать. 13 мая 1925 года он поместил в загребской газете „Obzor" следующее наивное письмо:

„Вот уже более двух месяцев я прошу Белградское правительство разъяснить те заявления, которые немного времени тому назад Люба Иованович сделал о сараевском убийстве в своем памфлете „Кровь славянства", но до сих пор я не получил никакого ответа. Несколько недель тому назад Л. Иованович напечатал ряд статей об ответственности за войну, но в них он избегал касаться главного вопроса и обвинял меня в неправильном изложении его первых заявлений... Я отлично понимаю колебания Л. Иовановича в даче прямого ответа. Если он станет отрицать правильность своих заявлений, все будут удивляться тому, как может столь легкомысленно писать ответственный государственный деятель. А если он признает, тогда его коллега и премьер-министр в те времена, Пашич, будет поставлен в неприятную необходимость откровенно и ясно высказаться и представить все в подлинном свете".

В ответ на это письмо, радикальная пресса, поддерживавшая Пашича, осыпала „отца Югославии" упреками в германофильстве и защите германских интересов. В свою очередь и Сетону-Ватсону пришлось понять намек. По возвращении из Белграда он написал целую книгу „The Sarajevo", в которой доказывал, что омладинское движение было независимо от Белграда (тезис Евтича), что

сербское правительство ничего не знало о покушении и проявило лишь непростительную беспечность, не предупредив о возможности покушения, что признания Любы Иовановича неверны и сознательно сделаны им в личных интересах. К этому сводится все содержание его книги [1].

Поездка Сетона-Ватсона и полемика в иностранной печати между защитниками и противниками невинности Сербии побудили белградское правительство действовать. Молчать далее было нельзя. Дело приняло слишком нежелательную огласку [2]. Поэтому в югославских газетах было напечатано сообщение о том, что правительство подготовляет к опубликованию сборник официальных документов о сараевском убийстве. Почти одновременно бывший сербский посол в Вене Иован Иованович анонимно напечатал статью, в которой указывал, что война была вызвана объективными причинами, и что хотя сербское правительство **знало** о подготовлявшемся покушении, но весь ход событий оправдал с точки зрения национальных интересов его политическую линию и, что сараевское убийство, следовательно, **не связано** с вопросом об ответственности за мировую войну(!).

Наконец решился выступить и сам Пашич, до сего времени бывший немым и глухим, несмотря на все просьбы Сетона-Ватсона. Он позволил себе устроить очную ставку с Любой Иовановичем и попытаться опровергнуть его признания.

---

[1] В этом исследовании „отца Югославии" „Черной руке" посвящено всего 2 страницы — стр. 137—8, а поведению сербского правительства—4, именно стр. 155—9.

[2] Во Франции заинтересовалась признаниями Любы Иовановича влиятельная „Лига прав человека и гражданина"; см. издаваемые Лигой Cahiers 25/X—1925.

Эта очная ставка произошла на конгрессе радикальной партии 25 апреля 1926 года [1]. Там Пашич заявил, что „убийство в Сараево явилось для Австрии случаем свести счеты с Сербией, которая была в нем неповинна. То, что написал Иованович, уже говорили многие друзья Германии... Международная комиссия изучит эту проблему. Если она осудит нас, Германия будет оправдана". Далее Пашич заявил, что его „спрашивали иностранные корреспонденты о том, знал ли он, что австрийский престолонаследник будет убит. Я ответил отрицательно. Я ничего не знал и ничего не говорил о покушении Иовановичу. После возвращения из Букареста (где Пашич встретился с Сазоновым и румынским министром иностранных дел Братиану. — *Н. П.*), я рекомендовал „Народной Одбране" не предпринимать ничего против Австрии, так как это было опасно. Я не знаю точно, что сказал Иованович, но я знаю, что это ложь. Он действовал по собственной инициативе, не посоветовавшись ни с кем из своих прежних коллег, и это непростительно!" По просьбе Пашича некоторые министры, члены кабинета 1914 года, подтвердили его слова. Иованович имел дерзость ответить, что „он никогда не говорил, что Пашич сделал свое сообщение на заседании кабинета. Он сделал сообщение в частном разговоре. Я написал это в 1924 году и никто не обвинил меня во лжи до статьи Еленича в „Политике" в начале 1925 года. Если же публикация моей статьи была преступлением, государственной изменой, как квалифицирует ее Пашич, то почему же я — Люба — сделан председателем Скупщины и законодательного Совета, после ее напечатания?" Так как Пашич предпочел не ответить на этот вопрос, Люба Иованович

[1] „Политика" и „Obzor" от 26/IV—1925.

добавил, что „у него имеются другие доказательства истинности своих заявлений, но он не публикует их, не желая вредить Пашичу и партии. Но он готов представить эти доказательства в виде официальных документов, если правительство даст свое разрешение на опубликование последних".

Тогда вмешался премьер-министр Узунович и попросил Любу не представлять этих доказательств, „чтобы не было сказано то, что не должно быть сказано". Министр иностранных дел Нинчич поддержал эту просьбу.

Спор Пашича с Иовановичем, несмотря на свою подлинность, кажется чудовищно неправдоподобным. Попытку Пашича опровергнуть Иовановича вряд ли кто признает удавшейся. В самом деле, что стоило бы разрешить Иовановичу опубликовать документы, о которых он говорил. Если эти документы были фальшивыми и не могли быть принятыми, как доказательства, то предыдущее заявление Иовановича являлось всего на-всего безответственной и легкомысленной болтовней. Сербское правительство должно было принять вызов Иовановича и разоблачить лживость его признаний, но оно предпочло промолчать. Естественно напрашивается вывод, что документы, которые предлагал представить Люба Иованович, не были фальшивкой, а доказывали очень многое. Точно так же исследователи вопроса о виновниках войны до сих пор ничего не знают ни о созыве сербским правительством международной комиссии для изучения этой проблемы, ни об открытии сербских архивов для работников науки, ни об издании официальных документов, предшествовавших войне. Сербскому правительству очевидно есть что скрывать. Чего стоит например одно заявление Пашича: „После возвращения из Букареста

я рекомендовал „Народной Одбране“ не предпринимать ничего против Австрии, так как это было бы опасно“. Ведь, если „Народна Одбрана“ была мирным культурно-просветительным обществом, то почему ее работа могла вызвать опасность для Сербии со стороны Австро-Венгрии. Этим своим заявлением Пашич убивает всю легенду о мирной работе „Народной Одбраны“. Далее, если даже Пашич рекомендовал „Народной Одбране“ после возвращения из Букареста (12-15 июня 1914 года) не предпринимать ничего против Австрии, то значит до этого времени он таких советов „Народной Одбране“ не давал, и „Народна Одбрана“ действительно предпринимала против Австрии кое-что такое, что могло вызвать опасность для Сербии. Кроме того, такой совет Пашича был бесполезен еще и потому, что заговорщики уже находились за границей в Сараево и удержать их от покушения, если бы они отказались повиноваться, можно было только ценой сообщения об их замыслах австрийским властям. Наконец, ссылка Пашича на „Народну Одбрану“ бьет мимо цели: сараевское покушение было организовано не „Народной Одбраной“, а „Черной рукой“. Пашич же не проронил ни слова об этом обществе.

И в самом деле, если мы попробуем сопоставить некоторые факты в связи с вышеуказанным заявлением Пашича на конгрессе радикальной партии, то будем иметь самые серьезные основания для сомнений в искренности Пашича. Возьмем для такой проверки хотя бы вопрос о предупреждении австрийского правительства.

В 1926 году Пашич заявляет, что „ничего не знал о том, убьют ли австрийского престолонаследника“. Если принять это заявление буквально, то мы, конечно, будем принуждены согласиться с Пашичем на все 100%. В самом деле, откуда же Пашич мог знать, убьют ли эрцгерцога, или не убьют? Ведь из десятков и сотен покушений

удаются лишь единицы! Поэтому Пашич с полным правом мог ответить отрицательно иностранным журналистам. Он в самом деле не знал и не мог знать, что покушение Принципу удастся. Ну, а если принять слова Пашича не буквально, а в том смысле, что он действительно ничего не знал о покушении? Тогда мы обнаружим следующее. 7 июля 1914 года Пашич заявил иностранному журналисту что „он своевременно предупредил Вену об опасности, которой подвергался эрцгерцог“ [1]. Впервые об этом предупреждении сообщил сербский посол в Петербурге Спалайкович в интервью в „Новом Времени“ [2]. „Temps“ посвятил этому предупреждению целую передовицу [3].

Но одновременно Пашич не постеснялся опровергнуть самого себя, и 20 июля 1914 года, т. е. после того, как стало уже известно, что Австрия что-то готовит в связи с убийством, заявил корреспонденту New-Jork Herald: „Если бы мы знали о заговоре против эрцгерцога Франца-Фердинанда, то конечно бы сообщили о нем австро-венгерскому правительству“.

Что же, знал Пашич, что на эрцгерцога готовится покушение, или не знал? Чем объяснить эту двойную игру его с вопросом о предупреждении? Почему в 1914 году на протяжении двух недель он сделал два исключающие друг друга публичные заявления по такому вопросу, где даже небольшие обмолвки могли иметь невозвратимые результаты?

Двойная игра Пашича объясняется следующими причинами: из опубликованных после войны дипломатических документов, из цитированных уже нами в настоящей

[1] Цитирую по статье Любы Иовановича в „Политика“ от 17/IV 1925.

[2] „Новое Время“ 30 июня 1914 г.

[3] „Temps“ 10/VII. 1914.

главе отзывов иностранной, в частности, английской печати, видно, что дипломаты Антанты давали себе ясный отчет в том, что покушение на Франца-Фердинанда было связано с Белградом. Уже стало известно о показаниях Принципа и Габриновича. Отсюда естественное стремление сербского правительства свалить всю вину на беспечность австрийской полиции, не принявшей должных мер охраны и допустивших покушению совершиться. Это заявление Пашича от 7 июля было рассчитано специально на страны Антанты, стремившейся хотя бы таким путем облегчить ответственность сербского правительства. Но, с другой стороны, как мы знаем, основной линией поведения в Белграде от момента покушения до начала войны по отношению к Австро-Венгрии было не дать ни малейшего повода к тому, чтобы австрийцы могли придраться под каким-либо предлогом к Белграду. В самом деле, если сербское правительство все-таки знало об организации покушения, то почему оно не предупредило о нем Австрию, чтобы снять с себя возможные, даже малейшие подозрения. Самоопровержение Пашича от 20 июля и преследовало эту цель — полным отрицанием устранить поводы для придирок. Кроме того, давая два противоречащих друг другу интервью, Пашич выигрывал время, так как с 15 июля в Белграде уже твердо знали, что австрийское правительство что-то готовит против Белграда. Два исключающих друг друга заявления позволяли выждать развертывания событий: в зависимости от того, как они повернутся, и какой сюрприз преподнесет Вена, можно было опровергнуть то или другое интервью и занять определенную позицию.

Что именно так рассуждали в Белграде, может подтвердить следующий факт: Пашич в эти дни на т а й н о м заседании Скупщины, на запрос бывшего министра Дра-

гутина Печича, заявил, что послал предупреждение в Вену об опасности, угрожавшей эрцгерцогу. Заседание было тайным, и следовательно Пашичу было нечего бояться чей-либо нескромности. С началом войны австрийцев уже не приходилось бояться, и нужно было лишь заботиться об успокоении общественного мнения Антанты.

Поэтому во время войны легенда о сербском предупреждении получила самое широкое развитие. В речах сербских государственных деятелей, в пропагандистских брошюрах публицистов Антанты эта легенда варьировалась на все лады. Так, известный историк Сорбонны Е. Дени в своей книге о „Великой Сербии", написанной по официальным сербским материалам, например, заявляет: „г. Пашич пытался т а й к о м указать Бальплацу (австрийское министерство иностранных дел. — *Н. П.*) на опасности, которым подвергался эрцгерцог. 21 июня сербский посол в Вене предупредил министерство иностранных дел, что его правительство имеет основания полагать, что в Боснии организован заговор. Канцлер (Берхтольд. — *Н. П.*) не обратил на это предупреждение никакого внимания" [1]. Известный французский ученый Соломон Рейнак на своем докладе в Сорбонне 8 февраля 1917 года, в присутствии сербского посла в Париже Миленко Веснича, тут же выразившего от имени Сербии благодарность докладчику за защиту сербского дела заявил: „21 июня сербский посол в Вене предупреждает министерство иностранных дел, что его правительство имеет сведения об „организующемся заговоре. Предупреждением было пренебрежено" [2].

Итак выходит как будто, что предупреждение было сделано. Как же тогда понять отрицание его Пашичем

[1] E. Denis. La Grande Serbie, Paris. Lib. Delagrave. 7-me ed., стр. 277.

[2] Цитирую по статье Salvator „Die Kriegschuld Serbien" в „Federation Balcanique" за 1925 г. № 20/21, стр. 278.

в 1926 году на конгрессе радикальной партии? Ведь теперь, когда ставка была выиграна, стесняться не приходилось. Соображения внешней политики не мешали, но они, как мы видели на примере Рейнака, не мешали за границей. Тезис об официальном предупреждении Вены зато стал еретическим и вредным по соображениям внутренней политики. Ведь если сербское правительство предупредило в 1914 г. Вену о заговоре, то сейчас в глазах сербских националистов Пашич и его коллеги — не более, как предатели и изменники национальному делу. После разоблачений Любы Иовановича сюда вмешались и соображения внешней политики: если сербское правительство, зная о заговоре, не предупредило Вены, тем самым Пашич и его друзья становятся соучастниками в заговоре. Пашичу трудно признаться и в том и в другом. Вот почему после 1920 года легенда о предупреждении выпала из арсенала доказательств сербского правительства в пользу своей невинности После войны сербское правительство предпочитало воздерживаться от торжественных заявлений по этому поводу, предоставив доказывать правдивость легенды частной инициативе. Иная тактика могла привести весьма неприятным казусам. Действительно, когда Пашич на конгрессе радикальной партии заикнулся о том, что ничего не знал о покушении, то Люба Иованович напомнил ему об интервью, данном Пашичем 7 июля 1914 года. и обещал показать вырезку. Пашич немедленно умолк,

Вопрос о предупреждении, посланном в Вену, тесно связан с вопросом о том, знал ли Пашич о предстоящем заговоре или не знал. Невольно напрашиваются следующие соображения: если Пашич не знал о заговоре, то как он мог предупредить о нем Вену? Если же знал, зачем своим предупреждением признаваться в таких вещах, которые могут внушить подозрения, что сербское

правительство знает о заговоре Ведь, предупреждая можно было нарваться на вопрос — „откуда и почему вы знаете?“ Но можно утверждать с полной определенностью, что сербское правительство знало о заговоре и не предупредило о нем австрийские власти.

В 1914 году австрийцы в журнале входящих бумаг командира пограничного поста нашли копию приказа военного министерства, предписывавшего арестовать участников заговора при переходе ими границы. Это совершенно убедительно доказывает, что во-первых, сербский кабинет знал о готовящемся покушении, а во-вторых, что рассказ Любы Иовановича о посылке приказа задержать заговорщиков, отправленного по постановлению всех присутствовавших членов кабинета, в том числе Пашича и Протича, соответствует действительности.

Следовательно можно предположить, что австрийцев могли предупредить. В чем? И почему они не обратили на это предупреждение никакого внимания?

Так как вопрос о предупреждении, несмотря на то, что сама Сербия с 1920 года предоставила его частной инициативе, в арсенале публицистов Антанты до сих пор играет видную роль (в конце 1928 года его возбудил известный политический деятель и публицист, редактор „Matin“ Робер де Жувенель в своей статье об ответственности Германии и Австрии за войну в американском журнале Current Hitsory, сентябрь 1928 года), то мы остановимся на нем несколько дольше.

23 июня 1924 года бывший сербский вице-консул в Вене Гьоко Иоксимович напечатал в одной из венских газет [1] статью, в которой заявлял, что 18 июня сербский посол в Вене Иован Иованович получил из Белграда шифрованную телеграмму с приказом преду-

[1] „Wiener Sontag und Montagszeitung“ от 23 июня 1925, № 25.

предить австрийское правительство об опастности, угрожавшей эрцгерцогу. Однако сообщение Гьоки Иоксимовича не соответствует действительности. Сам твердокаменный „отец Югославий" Сетон-Батсон считает сообщение Иоксимовича „совершенно неточным." [1] На самом деле рассказ Любы Иовановича о том, что сербский посланник в Вене Иован Иованович предупредил по собственной инициативе австрийское правительство о готовящемся покушении не грешит против истины. Иован Иованович, как сообщает он сам, [2] решил посетить Билинского 5-го июня, за 23 дня до преступления, и предупредить об опасности, угрожающей эрцгерцогу, но не от готовящегося покушения, а о том, что „маневры в таких условиях (т. е. в день национальной скорби, у сербской границы под руководством Франца-Фердинанда. — Н. П.) опасны. Среди сербской молодежи может найтись и такой, кто заменит холостой патрон боевым в своей винтовке или револьвере; он может выстрелить и эта пуля может поразить командующего." Иными словами Иован Иованович предупреждал, что Франц-Фердинанд может быть застрелен австрийскими войсками. Вполне естественно, что Билинский не обратил на предупреждение такого сорта никакого внимания. Он даже не упоминает о нем в своих мемуарах. И хотя Иован Иованович приходил к Билинскому по этому делу вторично, австрийское министерство иностранных дел имело все основания заявить 3-го июля, что никакого предупреждения по поводу заговора на жизнь эрцгерцога сербское правительство не присылало.

Граф Берхтольд вторично подтвердил это опровержение

---

[1] The Serajevo Murder в Foreign Affairs апр. 1925, стр. 508, примечание 24.

[2] „Neues Wiener Tageblatt" 28/VI. 1924.

9 мая 1917 года в венских газетах. Ни слова об этом предупреждении нет и в сербской „Синей книге“ 1914 года.

Невольно возбуждает подозрение одно сомнительное совпадение. Сделать предупреждение Билинскому Иовану Иовановичу пришло в голову как раз 5 июня, а Люба Иованович говорит, что „в конце мая или в начале июня“ Пашич сообщил о предполагавшемся убийстве. Является ли это совпадение случайным, или сербские сановники за границей тоже знали о готовящемся заговоре?

Когда историки вопроса об ответственности за мировую войну (в том числе и Сетон Ватсон, в цитированной нами его статье [1]) указали на его недостаточность, неопределенность, а главное на то, что оно было сделано Иованом Иовановичем по собственной инициативе, а управление делами союзного канцлера Австрии на запрос германского Zentralstelle für Erforschung der Kriegsursachen“ заявило, что в архиве бывшего австро-венгерского министерства иностранных дел нет никакого документа о посылке Сербией предупреждения, то, уже цитированный нами, Станоевич обиделся и напечатал статью, [2] в которой заявил, что в архиве австро-венгерского министерства иностранных дел имеется упоминание об этом предупреждении в виде записи:

„Reg. B, 28/VI. 1914. Сербское сообщение о возможности покушении против эрцгерцога“ На помощь себе он призвал самого Иована Иовановича. Последний, незадолго до этого лично подвердивший Сетону-Ватсону, что никаких инструкций от Пашича сделать предупреждение в Вене он не получал, (Сетон-Ватсон: „Я имею самые ясные заверения со стороны самого г. Иовановича,

[1] Foreign Affairs, апрель, 1925, стр. 508.
[2] „Политика“ (Белград) 16/IV. 1925, № 6099.

что никаких инструкций в этом роде он никогда не получал и в силу их не действовал — Foreign Affairs, 1925, апр., стр. 508), поспешил подтвердить, что он предупредил графа Берхтольда. Помощник начальника Венского государственного архива Биттнер веско и решительно заявил, что в архивах австрийского министерства иностранных дел нет и не может быть никакой записи: „Обозначение, указываемое проф. Станоевичем в министерстве, совершенно не употреблялось. Не знаю, употреблялась ли такая шифровка в боснийском департаменте объединенного министерства финансов. Этот архив, — ядовито добавлял Биттнер, — в свое время перешел при помощи грабежа, конечно позже санкционированного, во владение югославского правительства". [1]

С подобным же опровержением от объединенного министерства финансов выступил бывший секретарь Билинского Пауль Фландрак, сообщивший, что, действительно Иованович имел случайную беседу в июне 1914 года с Билинским в которой, как рассказывал Билинский Фландраку, „дал министру финансов понять, что ожидаемое по поводу поездки престолонаследника в Сараево патриотическое возбуждение по ту и сю сторону Боснийской границы (т. е. в Австрии и в Сербии.—Н.П.) может вызвать настроения, которые могут омрачить существующие отношения между обеими странами". [2]

Мы умышленно проследили во всех деталях историю вопроса о сербском предупреждении в Вену по следующим соображениям; во 1) она характерна, как показатель того, как в стремлении защитить незащитимые позиции играют в Белграде заявлениями ответственных политических деятелей: во 2) легенда о предупреждении

[1] Leopold Mandl „Zur Kriegsschuldfrage" в „Federation Balcanique" 1925 № 20/21.

[2] „Neues Wiener Journal" 26. IV. 1925.

возникла на почве именно той позиции, которая была усвоена сербским правительством после покушения в июльские дни 1914 года, — именно, что Белград не имеет решительно никакого отношения к покушению Между тем все развитие австро-сербских отношений в период 1903 — 1914 гг. на наш взгляд исключало всякую возможность искреннего предупреждения о конкретной опасности, угрожавшей эрцгерцогу. Предупредить Вену сербское правительство не могло. Ибо если бы оно заявило, что, по его сведениям, в Боснии организуется заговор, австрийцы могли бы резонно запросить: „Откуда вы знаете? Значит, вы поддерживаете связь с боснийскими революционными и антиавстрийскими организациями.“ Еще менее могло по тем же причинам заявить сербское правительство о том, что покушение организовано в Белграде. Один лишь факт самого предупреждения говорил бы слишком о многом. Поэтому нам кажется, что никакого предупреждения в Белграде не посылали. Были только расплывчатые и неопределенные заявления Йована Йовановича, которые могли — и вероятно ставили себе целью — сбить с толку австрийское правительство и призраком воображаемой опасности отвлечь его от опасности действительной.

Так неудачно окончились попытки Белграда опровергнуть два вывода из признаний Любы Йовановича, указанные выше — именно о своей осведомленности о готовящемся покушении и о предупреждении, посланном в Вену.

Третий вывод из разоблачений Любы Ивановича — что сербское правительство после сараевского убийства приложило все усилия к тому, чтобы скрыть свою причастность к „мокрому делу“, пожалуй, не нуждался бы в особых объяснениях после изложенного выше, если бы подробности этой операции не были столь характерны

для двуличия сербского правительства. В стремлении Сербии замести следы не сомневаются и сами антантовские публицисты. „Как могло быть, чтобы в стране, наводненной полицейскими и шпионами, где в довоенное время у простого туриста в каждой деревушке требовали паспорт, где по его пятам шла полиция, где он не мог сфотографировать корову или поговорить со старухой, без того, чтобы полиция не узнала об этом и не пожелала узнать причину, — как это могло быть, чтобы в такой стране столь вездесущая полиция была совершенно не в состоянии в течение трех недель пролить хоть каплю света на это преступление?“ [1]

В Белград, по сообщению Любы Иовановича, известие о покушении пришло в 5 — 6 часов вечера и быстро разнеслось по городу. В этот день по всей стране праздновался национальный праздник святого Витта (Видовдан) и прославлялась память Милоша Обилича. Весть о смерти заклятого врага „сербского дела“ могла только подогреть патриотические чувства. Энтузиазм и восторг патриотов не знали предела. На улицах Белграда патриоты обнимали друг друга и, ликуя, повторяли: „Так им и надо“ (они заслужили это), „Мы уже давно ждали этого“, „Это месть за аннексию“ [2]. В Ускюбе, где после воссоединения Старой Сербии с Сербией, последовавшего после войны 1913 года, впервые праздновался этот праздник, на который из Хорватии, Далмации, Боснии и Венгрии, кстати были привезены многочисленные экскурсии югославской молодежи, известие распространилось вечером. „Нафанатизированная чернь предалась самому необузданному взрыву страсти, который, если судить по

---

[1] E. Durham. „Fresh Light on the Sarajevo Crime“ в „Contemporary Review“. Январь 1925, стр. 39.

[2] Oesterreichische Rote Buch 1914. № 1.

многочисленным излияниям одобрения, должен быть характеризован, как положительно-нечеловеческий“ [1].

„В Нише известие об ужасном преступлении в Сараеве произвело сенсацию в полном смысле слова. Однако признаков удивления или негодования не было. Чувство удовлетворения и даже радости господствовало над всем. Так мало сдержанности было наложено на общественное выражение чувств, что можно было отметить много примеров грубых выражений. Это относится, главным образом, к так называемым руководящим кругам и образованным классам — как политические деятели, учителя, чиновники, офицеры и учащиеся. Деловые круги были более сдержаны“.

Вечером австрийский консул в Нише зашел в местное кафи. Здесь он впервые услышал о покушении. „Было возмутительно быть свидетелем восторга, высказанного многочисленными посетителями, обсуждавшими событие с явным удовлетворением. Были слышны радостные и насмешливые замечания“ [2].

„Вечером в тот же день Стоян Протич принял меры“, и белградская полиция запретила все публичные увеселения (Люба Иованович). „Началось нечто вроде официального траура.“ Действительно, как сообщает Гизль [3], в Белграде в „10 часов вечера сербское правительство предписало приостановить празднование годовщины деяния Обилича. Однако, под покровом темноты празднования продолжались неофициально еще некоторое время“. В провинции они продолжались беспрепятственно. Очевидно, в этот день сербское правительство выработало

[1] Osterreichische Rote Buch 1914, № 5.

[2] Там же, № 5. О всеобщем ликовании сообщает и Lazarevitsch. „Die schwarze Hand“ и английские дипломатические агенты в Сербии „British Documents on the Origins of war“, vol. XI № 27.

[3] Oesterreichische Rote Buch 1914, № 1.

и определенную линию поведения, выраженную приблизительно в следующей форме: „Сербия не знала о покушении и решительно осуждает его". Представители власти выразили соболезнование австрийским дипломатическим агентам. На австрийцев, осведомленных о подлинном настроении сербских националистов, это произвело впечатление издевательства: „Все заявления сербских официальных кругов и влиятельных лиц, выражающих негодование по поводу преступления и осуждение его, кажутся лишь насмешкой всем, кто имел возможность наблюдать вблизи чувства образованных классов в течение последних нескольких дней"[1]. „Сербская пресса ведет себя позорно" писал английский посол де-Бунзен из Вены.

29 июля „Балкан" напечатала свою статью о Габриновиче и Принципе. В тот же день Войя Танкосич обрушился своим гневом на редактора. Но было поздно. На следующий день (30 июня) австро-венгерский поверенный в делах барон Шторк явился к генеральному секретарю сербского министерства иностранных дел Славко Груичу с вопросом: „Что намерено предпринять сербское правительство в смысле расследования указываемой даже славянскими газетами (slawische Blättern—вот он результат нескромности „Балкан" — *Н. П.*) связей Сербии и Белграда с покушением? Господин Груич ответил ему (Шторку), что до сих пор ничего не сделано, а также, что этот вопрос не касается сербского правительства, и спросил со своей стороны поверенного в делах, говорит ли он от имени своего правительства (или лично — *Н. П.*). Господин Шторк тогда начал говорить без всяких околичностей (sehr deutlich) и выразил свое крайнее удивление, что правительство, постоянно уверяющее в своем желании жить в хороших отношениях с соседями, высказывает

[1] Osterreichische Rote Bûch 1914, № 3 и 5.

подобное равнодушие. Разговор, повидимому, протекал с обеих сторон в чрезвычайном возбуждении“ [1].

Английский поверенный в делах сообщил 2 июля сэру Эдуарду Грею что, „повидимому господин Груич принял это (разговор — *Н. П.*), как указание на ответственность сербского правительства за преступление с большой досадой“ [2].

Разговор Груича со Шторком имел некоторые последствия. Он „кончился тем, что генеральный секретарь (Груич) снесся немедленно с министром внутренних дел“ Стояном Протичем, знавшем уже о выступлении Танкосича против „Балкан“ из утреннего рапорта начальника белградской полиции. Стоян Протич снова „принял меры“: 1 июля „был произведен ряд арестов и обысков в квартирах, где жили раньше убийцы. Также было произведено тщательное расследование о том, к каким обществам и националистическим организациям принадлежали убийцы, как они раздобыли бомбы и деньги, найденные повидимому у них“ [3]. Во время расследования начальник белградской полиции нашел на почте открытку, присланную одним из заговорщиков из Сараева своему другу, о чем мы уже говорили.

В это же время комиссия полицейского управления организовала проверку и допрос рабочих государственной типографии, где работал Габринович. В присутствии директора типографии Живоина Дачича. Полиция опросила всех рабочих, якшавшихся с Габриновичем и Принципом [4]. Кроме того Протич затребовал от префекта Ша-

---

[1] „Deutsche Dokumente zum Kriegsausbruch“ von Kautsky, Schücking, Mongelas. Berlin. 1919, vol. I, № 12.

[2] British Documents on the Origins of war, vol XI, № 27.

[3] Deutsche Dokumente zum Kriegsausbruch, I, № 12.

[4] Рапорт австрийского военного управления Сербии 15 августа 1916 г. см. A. Wegerer Kriegsschuldfrage 1927, март, стр. 246.

баца подробный отчет о переходе заговорщиками границы, который он получил до вручения Гизлем ультиматума [1].

Что дали эти расследования любознательным сербским властям, — до сих пор неизвестно. Но кое что они несомненно могли дать. Во всяком случае можно предположить, что после этих расследований сербское правительство получило достаточные данные (учитывая признания Любы Ивановача), чтобы иметь картину возникновения и организации заговора. Но так как 1 июля сербский посол в Лондоне Бошкович телеграммой взволнованно сообщал, что „почти все английские газеты приписывают Сараевское преступление работе сербских революционеров“ [2], Пашич решил действовать, тем более, что в тот же день (1 июля) он получил внушительное предупреждение из Берлина. 1 июля помощник германского статс-секретаря по иностранным делам Циммерман указал сербскому поверенному в делах Богичевичу „на тяжкие последствия отказа Сербии исполнить свой долг в смысле преследования подозреваемых лиц; последствия такого отказа, — заявил Циммерман, — никто не может учесть“ [3].

В своей инструкции [4], отправленной в тот же день (1 июля) сербским миссиям за границей, Пашич предписал сербским дипломатам „использовать все возможные каналы (что за сакраментальное слово эти каналы! Н. П.) с целью положить возможно скорее конец антисербской кампании в европейской печати“. Послам пред-

---

[1] Bogitschevitsch. Weitere Einzelheiten über das Attentat von Sarajewo в Kriegsschûldfrage, 1925, июль.

[2] Serbian Blue Book 1914, № 7.

[3] Deutsche Dokumente... vol. IV, Anhang IV, 1, также British Documents, vol XI, № 22.

[4] Serbian Blue Book 1914, № 8.

писывалось говорить: „в момент, когда Сербия делает все, что только в ее власти, чтобы улучшить отношения с соседней монархией, абсурдно думать, что Сербия могла прямо или косвенно инспирировать подобное деяние. Наоборот, для Сербии в существеннейших интересах было предупредить осуществление этого преступления. К несчастью, это было не во власти Сербии, так как оба убийцы — австрийские подданные". Все клеветнические выпады австро-венгерских газет „имеют целью разрушить ту высокую моральную репутацию, которой Сербия пользуется сейчас в Европе, и использовать в политическом отношении против Сербии акт молодого и неуравновешенного фанатика".

Показания заговорщиков о том, что в Белграде у них имеются соучастники, появились впервые в будапештской газете Az Est 3 июля. Это усложняло положение. Иован Иованович сообщил из Вены об этих показаниях [1] 6 июля, и правительство приняло новые меры. Циганович, до 3 июля посещавший службу, самым таинственным образом пропал. На требование Австрии об его аресте Пашич ответил, что Циганович уехал 28 июня из Белграда в неизвестном направлении и не может быт найден, а начальник белградской полиции, в интервью, данном сербским журналистам, заявил, что в Белграде нет и не было вовсе человека по фамилии Циганович. „Белградский начальник полиции, лично способствовавший отъезду Цигановича и знавший, где он будет находиться, заявил в интервью, что в Белграде не существует человека по имени Милан Циганович" [2]. Однако, австрийцам удалось выяснить, что Циганович по командировке белградской полицейской префектуры уехал в Рибари

[1] Там же, № 16.

[2] Oesterreichische Rote Buch 1914, № 34, приложение.

(Албания). Впоследствии выяснилось, что услал его в Албанию сам Пашич, приказав начальнику полиции выступить с интервью. Предусматривая все случайности, правительство приняло и другие меры предосторожности: директору сербских железных дорог было приказано при помощи подчисток удалить имя Цигановича из всех служебных списков и реестров. По словам члена „Черной руки" майора Александра Серба, Циганович чувствовал себя в Рибари весьма недурно и пользовался покровительством местной полиции. Через месяц после объявления войны Циганович явился из Албании и присоединился к своему шефу. Танкосичу, командовавшему отрядами комитаджей. В апреле 1915 года, по ходатайству члена Скупщины Михаила Ранковича, впоследствии организовавшего дачу ложных показаний на Салоникском процессе, министр общественных работ Драшкович уплатил Цигановичу жалование по службе на железных дорогах за все пропущенное время [1].

Итак с грехом пополам Цигановича кое-как сплавили. Но кроме Цигановича оставались Принцип и Габринович. По отношению к ним сербское правительство заняло неодинаковую позицию. Габринович, как мы знаем, был объявлен австрийским шпионом. Относительно Принципа генеральный секретарь министерства иностранных дел Славко Груич беззастенчиво заявил английскому поверенному в делах в Белграде Дерреlю Кракенторпу [2]: „Сербское правительство не знает ничего о Принципе". Странное незнание, после того как министр народного просвещения трижды принимал Принципа в своем министерском кабинете! По отношению к заговору правительство заняло позицию самого полного неведения: „австро-

[1] N. Mermet. „L'agent-provocateur Milan Tzigarovich" в „Federation Balcanique" за 1925 г., № 20—21.

[2] British Documents on the Origins of the War. Vol. XI, № 61.

венгерская пресса клевещет, мы ничего не знаем и из Вены нам ничего официально не сообщими. был ли на самом деле такой заговор. Подождем результатов австрийского расследования в Сараево, а там... там мы охотно дадим ход всякой австрийской просьбе о расследовании, поскольку она будет оправдана фактическими обстоятельствами и международными навыками". В этом смысле Груич 18 июля ответил на намек Кракенторпа о желательности расследования „мнимого заговора, якобы идущего из Белграда, по собственной инициативе сербским правительством" [1]. Ко всем аналогичным просьбам иностранных дипломатов Пашич оставался глух и нем. Никаких самостоятельных расследований! Понятно почему. Один уже факт такого расследования доказывал бы тезис австрийцев, что заговор шел из Белграда. Именно поэтому Пашич решил выждать официального сообщения о заговоре от австрийцев, хотя Иован Иованович трижды сообщил ему из Вены о надвигающейся грозе [2]. Только 20 июля, когда в Белграде уже стало известно, что Австрия подготовляется к войне, сербский поверенный в делах в Берлине Богичевич вручил Ягову ноту, просившую германское правительство употребить все свое влияние на Вену в смысле ходатайства за Сербию [3]. Но и этот шаг был сделан для отвода глаз и по указанию из Петербурга и Парижа, желавших соблюсти все аппарансы. Пашич уже знал, что „Россия не отняла своей руки" и имел реальные доказательства этого. 7 июля Сазонов телеграфировал в Белград: „государю импе-

[1] British Documents, vol. XI, № 61, 80.

[2] Serbian Blue Book 1913, № 23, 25, 31.

[3] Deutsche Dokumente... I, № 86, 91 и 95; Oesterreichishe Rote Buch 1919, I, № 38; Livre jaune (Франц) 1914, № 15; Jagow. Ursachen und Ansbruch des Krieges. Berlin. 1919, стр. 96; British Documents on the Origins ofthewar, vol. XI. № 49.

ратору благоугодно было разрешить уступку за плату Сербии из военных запасов 120 тысяч трехлинейных винтовок и 120 млн. патронов с пулями“ [1]. Вот почему Пашич был глух и нем ко всем просьбам о расследовании в Белграде.

Если сопоставить эту странную для глаз Европы бездеятельность сербских властей, производивших расследование негласно, с отказом допустить участие австро-венгерских чиновников в следствии против участников заговора, находившихся на сербской территории, — отказом, из-за которого сербское правительство предпочло пойти на войну, чем допустить подобное нарушение своего суверенитета, то наш последний вывод из разоблачений Любы Иовановича, что сербское правительство приняло все меры для того чтобы скрыть свою причастность к „мокрому делу“, будет более чем оправдан.

Вопрос о полемике между Пашичем и Любой Иовановичем после смерти Пашича (в конце 1926 г.) и Любы Иовановича (в 1927 г.) отошел на второй план. Известно, что Пашич несколько лет работал над книгой о Сараевском покушении и об ответственности за мировую войну. „Эта книга была предназначена для опубликования, но из-за возникших впоследствии обстоятельств (не из-за того ли, что Люба Иованович сделал защиту тезиса о невинности Сербии более невозможной — Н. И.) Пашич отказался от ее опубликования“ [2]...

* * *

Признания Любы Иовановича скорей преуменьшают, неужели преувеличивают степень соучастия сербского

---

[1] М. Н. Покровский. „Империалистская война“. И. К. А. 1927, стр. 163.

[2] „Време“ (Белград), 14 декабря 1926.

правительства в покушении. У нас имеются и другие источники для их проверки. Это протокол Салоникского процесса, изданный в Салониках в 1918 г. под названием „Тайная заговорщическая организация. Отчет о военном суде над офицерами в Салониках. По записям, веденным на процессе. Салоники. Типография „Великая Сербия". 1918 г." [1].

Этот отчет, представляющий объемистую книгу в 638 страниц, подвергся своевременно цензуре сербского правительства, вырезавшей наспех самые важные листы, и именно об отношении „Черной руки" к сараевскому убийству. Однако несмотря на цензуру, видимо, оставалось еще много опасного, и поэтому в 1920 году сама книга была запрещена и конфискована. Только несколько экземпляров ее проскочило в Европу. Пока известно, что 1 экземпляр имеется у упомянутого выше советника Визнера, напечатавшего из него сводку в апрельском номере „Kriegsschuldfrage" за 1928 год, другой—у бывшего сербского поверенного в делах (chargé d'affaires) в Берлине Богичевича, известного своими блестящими работами по теории международного права.

Богичевич использовал этот отчет для своих трех книг, в которых он касается ответственности Сербии за войну [2]. Помимо отчета, мы имеем ряд любопытных признаний, сделанных в печати бывшими членами „Черной руки", — в частности в органе „Балканской федерации компартий" (Federation Balcanique) за 1924—25 гг., в загребском (аграмском) журнале „Нова Европа" и в европейской прессе. Мы частично использовали эти показания оставшихся в живых участников этой организации

[1] „Тайна превратна організација". Солун. Стампарија „Велика Србия", 1918.

[2] „Les Causes de la Guerre". Paris 1925; „Le procès de Salonique". Paris 1927. „Le colonel Dragutin Dimitrievich-Apis". Paris 1928.

в предыдущем изложении, именно в IV, V, VI и VII главах, теперь же доскажем остальное.

Быть может, нашим читателям показалось странным, что в главе о „судьбе заговорщиков" мы сопоставили участь „Молодой Босны" с участью „Черной руки" и связали судьбу Принципа и его друзей с судьбой Димитриевича и других членов Врховной центральной управы. Тогда эта связь могла показаться насильственной, механической. Теперь читатель убедится насколько оба процесса были органически связаны друг с другом, насколько салоникские расстрелы, можно сказать, неизбежно вытекали из „события на реке Мильяске". Это утверждает даже, уже известный читателю, „отец Юго-Славии", Сетон-Ватсон: „Весь вопрос (о сараевском убийстве — Н. П.) связан с мрачным делом Салоникского процесса" [1].

Официальная версия о причинах разгрома „Черной руку" нам уже известна, как известна и грубая нарочитость и неправдоподобность ее. Гораздо более интересную и правдоподобную версию предлагают Богичевич, Ненадович и сами члены „Черной руки". По словам Богичевича [2], Димитриевич узнал о тайных переговорах Пашича с Германией, с целью добиться прекращения войны и восстановить Сербию, завоеванную австро-германскими войсками. Пашич предлагал организовать государственный переворот, низвергнуть династию Карагеоргиевичей и возвести на сербский престол герцога Иоганнеса Альбрехта Мекленбургского. Соглашение принципиально состоялось и оставалось закончить обсуждение последних формальностей, когда Антанта заверила Сербию в своей абсолютной поддержке и высадила войска в Салониках. Тогда Пашич отказался от своего проекта и сохранил

---

[1] Foreign Affairs, стр. 503.

[2] Bogichevich. Le procès de Salonique. Paris. 1927.

верность Антанте. Но нужно было любой ценой зажать рот Димитриевичу, проникшему в тайны переговоров. Пашич обвинил Димитриевича в организации заговора против принца-регента Александра и в сношениях с неприятелем, намекнув регенту, что было бы вполне своевременно, в виду неизвестности исхода войны, убрать Димитриевича, который слишком много знает о сараевском убийстве. Регент согласился и тогда был создан Салоникский процесс.

У нас нет никаких данных, позволяющих судить о том, происходили ли действительно переговоры Пашича с Германией. Но, если даже тайные переговоры Пашича с Германией и не принадлежат к числу апокрифов, — на наш взгляд, доводы, выставленные Пашичем, перед принцем-регентом о необходимости расстрела слишком много знающего Димитриевича, сыграли решающую роль. К моменту развязки, т. е. к мирным переговорам (а тогда еще было неизвестно, кто одержит верх, пока всюду побеждала Германия!), необходимо было во что бы то ни стало зажать рот неудобному свидетелю и показать перед лицом всего мира, что сербское правительство не только не поощряет цареубийц, а даже сурово карает их. Что именно такова была настоящая причина Салоникского процесса, показывают следующие факты.

Военный суд обратился ко всем подсудимым и свидетелям на процессе, взывая к их патриотизму, с просьбой не делать ни малейшего намека в своих показаниях на сараевское покушение и вообще не говорить о событиях, связанных с великосербской пропагандой за границей, ничего, что могло бы повредить сербскому правительству. Тем не менее, когда процесс был окончен, от каждого из осужденных для перестраховки потребовали письменную декларацию о всем известном ему относительно са-

раевского убийства. Получением этих деклараций от подсудимых занялись министр внутренних дел в ту эпоху Люба Иованович и начальник королевской гвардии генерал Пера Живкович [1]. Как рассказывают выпущенные после войны на свободу участники салоникского процесса — Владимир Туцович, Чедо Попович, Милан Милованович и Велемир Вемич, написать эти декларации предложил им Люба Иованович. Затем ночью в тюрьму явился генерал Живкович и от имени принца-регента обещал осужденным помилование, если они напишут откровенно и без утайки решительно все, что им известно. Декларации были написаны и, тем не менее, Димитриевича, Вуловича и Малобабича, несмотря на обещание, расстреляли. Что точно написали эти трое расстрелянных, неизвестно, но их друзья и товарищи — Туцович, Попович, Милованович и Вемич заявляют следующее: „Мы убеждены, что этот тайный документ полковника Димитриевича и его показания имели решающее влияние на приведение смертного приговора в исполнение".

Хотя подлинный текст признания Димитриевича неизвестен, имеются сведения, что в нем заключался полный отчет об организации сараевского покушения. В своем завещании, вернее предсмертном письме к сербскому народу, написанном в ночь накануне расстрела, Димитриевич писал:

„Хотя я осужден двумя трибуналами и хотя корона мне отказала в помиловании, я умираю невинно, в убеждении, что моя смерть нужна Сербии из высших соображений" [2].

Декларации Димитриевича и его друзей официально считаются апокрифом. Они нигде не опубликованы.

[1] Хинкович. „О солунском процессу" в „Federation Balcanique" 1924, № 10.

[2] Bogichevich, Le procès de Salonique.

Но неофициально существование их то отрицается, то признается — в зависимости от требований политического момента. Так, спустя полтора года после расстрела Димитриевича, Протич, бывший тогда министром иностранных дел, в ответ на статью „отца Югославии" Сетона-Ватсона, осуждавшего салоникские расстрелы [1], заявил, что „существует письменный документ, который сам по себе исключал всякую возможность помилования Димитриевича" [2]. В 1922 году тот же Протич в Белградской газете „Радикал" (№ 294 от 1922), редактором которой он в то время состоял, еще более ясно подтвердил факт существования этого признания: „Как известно, на Салоникском процессе полковник Драгутин Димитриевич собственноручно написал и подписал признание, что он был тем, кто организовал покушение в Сараеве" [3].

Эти декларации по единодушному утверждению членов „Черной руки" были взяты „на память" Любой Иовановичем, и мы можем предположить, что они и являются теми письменными документами, которые он на конгрессе радикальной партии предлагал предъявить в доказательство правильности сообщенных им в своей статье сведений. В последнее время факт существования этих предсмертных признаний подтвердил и сам Иован Иованович в своей лекции „Об ответственности Сербии за войну" в Белградском народном университете: „Существуют записки Ганкосича и признание полковника Димитриевича. Как только оба эти документа будут опубликованы,

---

[1] New Europe, 22/VIII. 1918, Serbia's choice. Также статьи Обарова и др. омладинцев в „Feberation Balcanjgne".

[2] New Europe, 26/IX. 1918. Serbian Protest.

[3] Еще одно признание Протича: „Димитриевич признался на суде, что он был тот, кто организовал сараевское покушение, которое дало предлог австрийцам объявить нам войну", в „Радикале", № 135, от 25/III. 1922.

будут разъяснены многие обстоятельства, сегодня же я не могу об этом говорить" [1].

Мы в свое время подчеркнули, что сербское правительство по неизвестным причинам торопилось с казнью Димитриевича и его друзей. Причина этой спешки, казавшаяся непонятной, объясняется желанием убрать во что бы то ни стало человека, который слишком много знал о причастности сербского правительства к сараевскому покушению. Международно-политическая и военная обстановка конца 1916—начала 1917 г. властно требовали казни Димитриевича и вот почему.

Из разоблачений принца Сикста Бурбонского [2] известно, что как раз в этот период Антанта начала переговоры с Австро-Венгрией о сепаратном мире. В конце 1918 г. Франция от имени Бельгии, Сербии и России предложила мир. Как раз к этому времени — декабрю 1916 года — относится арест членов „Черной руки". Мы по соображениям места не будем излагать все условия мира и ограничимся указанием, что в отношении Сербии Австро-Венгрия соглашалась не только восстановить территориальную целость этого государства, но и уступить Сербии Боснию-Герцеговину и значительную часть южной Далмации, что открывало сербам желанный выход к морю.

Но зато австрийский император Карл в собственноручном письме президенту французской республики Пуанкаре заявил: „Австрия со своей стороны выставит абсолютным и категорическим условием, чтобы в будущем сербское правительство прекратило всякую связь с обще-

---

[1] „Политика" (Белград). 4/XII. 1926.

[2] Sixte de Bourbon. L'offre de paix separée de l'Autriche. Paris. 1921 Сравн.: „в переговорах о сепар тном мире в 1916—17 г., которые Протич вел в Женеве, Австро-Венгрия потребовала головы Аписа (Димитриевича"). Тарталья, „Вечерне Пошта" (Сараево) 29/IX—6/X 1928.

ствами или организациями, имеющими целью расчленение монархии; в частности, оно должно распустить общество „Народна Одбрана“ и все идентичные ему организации и лояльно затушить всеми, имеющимися в его распоряжении, средствами всякую подобную, как в Сербии, так и вне ее границ, пропаганду. Оно даст обязательство, которое будет гарантировано державами Антанты“. Таким образом, в этом условии заключалось требование международного расследования обстоятельств сараевского покушения, и это расследование не преминуло бы установить связь между „Омладиной“ и „Черной рукой“, с одной стороны, и между „Черной рукой“, правительством и принцем-регентом Александром, с другой. Сербское правительство, бывшее в курсе всех переговоров, поняло, что от Димитриевича, являвшегося самым деятельным и самым важным звеном в этой связи, нужно избавиться какой угодно ценой. Именно через 18 дней после письма императора Карла — 11 апреля 1917 года и начался Салоникский процесс.

15 июня делегаты Антанты и Австрии должны были встретиться для подписания уже подготовленного протокола о сепаратном мире. 5 июня Салоникский трибунал вынес приговор, утвержденный Верховным трибуналом 18 июня. Ночью 26 июня Димитриевич, Вулович и Малобабич были расстреляны. Однако, жертва в одном отношении оказалась напрасной. Клемансо пронюхал о переговорах и, угрожая разоблачениями, сделал подписание сепаратного мира невозможным.

Тем не менее, сербское правительство имело все основания радоваться по поводу избавления от Димитриевича, присутствие которого становилось для него „бесконечно стеснительным“. Дело в том, что и в Петербурге, и в Париже, и в Лондоне у скромного полковника Димитриевича нашлись могучие покровители. Весть о суде

над „Черной рукой“ вызвала такое возбуждение в правительственных кругах Антанты, которое невольно наводит на самые странные подозрения. В самом деле, какое дело было правительствам трех великих держав до участи скромного полковника генерального штаба, о существовании которого, они, казалось бы, по всем данным не могли и не должны были иметь никакого представления. А между тем одно известие о суде над Димитриевичем вызвало неслыханное возбуждение в правительственных кругах Англии, Франции и России — возбуждение, достигшее таких пределов, что правительства этих стран не постеснялись обратиться к сербскому правительству с официальными ходатайствами и протестами по поводу осуждения Димитриевича.

По сообщению Богичевича, из Парижа и Лондона просили о смягчении участи Димитриевича. Сербское правительство ответило, что смягчение участи Димитриевича немыслимо, так как его виновность в Сараевском убийстве установлена. Несмотря на этот категорический отказ, английское правительство собиралось обратиться с официальным ходатайством о помиловании Димитриевича, на которое Пашичу было бы неудобно отказать. Поэтому с казнью поторопились, чтобы иметь возможность ответить в Лондон, что телеграмма пришла слишком поздно, когда казнь была уже совершена. Мы уже говорили, что салоникских смертников — Димитриевича, Вуловича и Раде Малобабича — вели ночью к месту казни в такой спешке, что, прибыв туда, исполнители казни оказались не в состоянии из-за темноты приступить к расстрелу. Пришлось ждать первых проблесков рассвета, и только тогда казнь могла совершиться. Английская телеграмма с просьбой о помиловании опоздала всего на несколько часов. Она была задержана на телеграфе в самых Салониках.

Бывший член „Черной руки", полковник Божин Симич (№ 111) сообщает еще более интересные подробности [1]: по его словам, сербское правительство, стремясь парализовать возможное выступление России в пользу Димитриевича, сообщило царскому правительству в Петербург, что „Черная рука" является „революционной организацией". После февральского переворота, когда ссылка на революционность „Черной руки" стала неудобной, правительство Пашича не постеснялось заявить в Петербурге, что „Черная рука" является „австрофильской организацией". Тем не менее, министр иностранных дел в кабинете Керенского Терещенко, видимо, достаточно осведомленный русскими дипломатическими агентами при сербском дворе о сущности дела „Черной руки", выступил в самой энергичной форме, чтобы не допустить казни Димитриевича. Но „русская нота в форме ультиматума и французская нота, редактированная в таком же духе, были обе задержаны в своей передаче в самих Салониках".

Это звучит неверятно! Но для упорных защитников сербской невинности мы поспешим привести слова самого „Отца Югославии" Сетона-Ватсона, которого, мы надеемся, никто не решится обвинить в сербофобстве: „Когда друзья Сербии на западе, и в числе прочих британское военное министерство (!! *H. H.*), настаивали на неблаговременности смертных казней и просили об отсрочке, они получили ответ, что по отношению к Димитриевичу это ни в коем случае невозможно, с тех пор как его ответственность за Сараевское убийство установлена. Ясно, что подобный ответ был совершенно не по существу (irrelevant), ибо установление вины кого-либо, в одном преступлении не дает ника-

[1] Victor Serge в Clarté, май 1925.

ких оснований для осуждения его по совершенно другому поводу. Но учитывалось, что Лондон и Париж выкажут меньше усердия насчет Димитриевича, если он был замешан в столь тяжком деле, как Сараевское (убийство). В промежутке с Димитриевичем и двумя другими покончили, и принца-регента посредством самого решительного нажима удержали (!!) от использования своей прерогативы помилования". Но начав, как говорится, „во здравие", Сетон-Ватсон кончил „за упокой". „Существует ли такой документ, как признание Димитриевича, и если существует, то как он был вытянут (extracted) от него, — это пока следует считать открытым вопросом, но если он действительно существует, он докажет только то, что Димитриевич лично приписал самому себе главную честь („credit") за это деяние" [1].

Мы еще раз подчеркиваем, что это говорит не просто ученый с европейским именем, а человек, бывший в эпоху 1914—18 гг. экспертом английского министерства иностранных дел по югославскому вопросу, эксперт, чья программа взрыва „лоскутной" монархии изнутри путем распадения ее на части или же отпадения отдельных национальных областей от Австро-Венгрии была признана официальной программой английского министерства иностранных дел и всей Антанты; Сетон-Ватсон и Стид были теми людьми, кому удалось переломить общественное мнение Англии в пользу сепаратистских тенденций славянских народностей Австро-Венгрии с целью ее раздела. Признание чехословацкого, польского и югославского комитетов правительствами соответствующих на-

[1] Seton-Watson. The Murder of Sarajevo, в Foreign Affairs (амер.), 1925, апрель, стр. 503 О том, что правительства Антанты до окончания войны были официально осведомлены о роли Димитриевича в Сараевском убийстве сообщает также и Arthur Ponsonby „talsehood in war Fime" London. 1928, стр. 17.

циональных областей и военные формирования этих комитетов „воюющей стороной“ (не против Антанты, конечно, а против Австро-Венгрии и Германии—*Н. П.*) было осуществлено, главным образом, благодаря усилиям и пропаганде Стида и Сетона-Ватсона.

Поэтому в словах „отца Югославии“ о ходатайствах правительства в пользу Димитриевича не приходится сомневаться. Слишком уже компетентный в этом вопросе человек свидетельствует перед нами!

Откуда эта странная настойчивость Антанты в вопросе о помиловании Димитриевича? Почему правительства Антанты отнеслись с таким живейшим участием к судьбе скромного сербского полковника? Ключ к разгадке дает Ненадович: „О сараевском убийстве, совершенном по приказанию Аписа и его двух друзей, знали русский военный атташе (в Белграде) Артаманов, русский посол Гартвиг, министр президент Пашич и нынешний король Александр“ [1].

Это сообщение, правильность которого мы подтвердим ниже другими свидетельствами и фактами, объясняет многое в поведении Антанты. 1917 год был самым тяжелым годом в истории войны 1914—18 гг. После Февральской революции одетые в солдатские гимнастерки, русский рабочий и русский крестьянин, которым проливы были не нужны, потребовали прекращения войны и пытались заключить мир так сказать в „самодеятельном порядке“. В Лондоне и Париже понимали, что русское пушечное мясо не хочет быть пушечным мясом, и Россия, как военный фактор, неминуемо уйдет с поля сражений. Помощь Америки была далека, невероятна и более чем сомнительна. Неизвестно, чем могла окон-

[1] Никола Ненадович. „Тајне београдске камариле“ в „Federation Balcanique“ за 1924 г. № 9. Сербский вариант текста более интересен, чем немецкий.

читься война. В случае неудачи оставался один выход— уплатить по счету центральных держав Сербией.

„Мы не знали! Мы были введены в заблуждение коварными сербами!“ — Если этот мотив был неубедителен в политеке внешней, то во внутренней вполне годился и мог утешающим образом смягчить ярость масс, очнувшихся после поражения от военного угара. Можно предположить, что Антанта, в частности Англия и Франция, хотели сохранить хотя бы временно жизнь Димитриевичу, как живому человеческому документу о причастности официальной Сербии к Сараевскому убийству. Но по этой же причине Белград еще более стремился избавиться от Димитриевича во что бы то ни стало. Заявление Сетона-Ватсона, что признание Димитриевича приписывает главную честь только ему одному, не выдерживает никакой критики. Зачем нужна была в таком случае смерть Димитриевича? За организацию Сараевского убийства? Но, с точки зрения программы радикалов, „Словенского юга“, „Народной Одбраны“, „Черной руки“, Сараевское убийство было патриотическим деянием и заслуживало не наказания, а всяческой похвалы и наград. Неофициально признавала это и официальная Сербия. Поэтому, будь только сам Димитриевич замешан в Сараевском деле, смертный приговор не привели бы в исполнение. Наоборот, после войны, в особенности удачной, Димитриевич был не нужен, а даже вреден. Последнее соображение объясняет нам некоторую неясность, которая видна с первого взгляда при чтении строк Сетона-Ватсона о ходатайствах Антанты за Димитриевича. „Друзья с запада“ настаивали лишь на „неблаговременности“ казни; об отмене смертного приговора ни слова не говорилось. Как великолепно в этом маленьком словечке „неблаговременность“ отражен „классический стиль британской дипломатической игры“.

Насколько стремились в Белграде убрать Димитриевича, показывает тот факт, что еще до суда, до организации процесса над „Черной рукой“ Димитриевича пытались устранить, прибегнув к помощи наемных убийц.

По сообщению Ненадовича, „начальник королевской гвардии, генерал Пера Живкович, вместе с нынешним председателем Национальной скупщины (Ненадович писал в конце 1924 года. — *Н. П.*) и лидером радикальной партии Любой Иовановичем, который был тогда министром внутренних дел, и радикальным депутатом Михаилом Ранковичем, который в те времена по поручению королевского двора действовал в качестве агента-провокатора при „Черной руке“ и организовал за ней слежку, в тылу салоникского фронта, с ведома принца Александра, организовали покушение на полковника Димитриевича — Аписа.

Участниками покушения были три добровольца — выходцы из Австрии, которым Пера Живкович собственноручно уплатил 20 тысяч драхм золотом за убийство Аписа. После совершения убийства начальник полиции Душан Николич на автомобиле министерства внутренних дел должен был переправить убийц через албанскую границу. Оттуда убийцы должны были обратиться к сербской армии с декларацией, объясняющей причины убийства Димитриевича.

Покушение не удалось, потому что один из троих добровольцев предостерег полковника Димитриевича избегать в назначенный день места своей службы по должности начальника штаба 3-й армии. Об этом факте (попытке организовать убийство Димитриевича — *Н. П.*) имеется письменный документ одного из трех добровольцев с совершенно точными данными“.

Когда германский социал-демократ и специалист по югославскому вопросу Герман Вендель в своей статье

в одной из венских газет [1] усомнился в правдивости слов Ненадовича, то бывший член „Черной руки“ Н. Николич от имени редакции „Federation Balcanique“ ответил: „Относительно салоникского процесса редакция „F. B.“ может дать г. Венделю разъяснения устно, так как она пока не может предать гласности все подробности о салоникском процессе. Теперь же заявляет: „Король Александр, правильнее принц-регент, приказал Петару (Пере) Живковичу уплатить 3 желающим совершить покушение на Димитриевича 20.000 зол. драхм, что Живкович, действительно, и сделал“.

Мы предлагаем созвать международный комитет экспертов по вопросу об ответственности за мировую войну для пересмотра Салоникского процесса. Если мы не докажем правильности наших заявлений перед этим комитетом, мы обязуемся дать Герману Венделю то удовлетворение, какое он только захочет“ [2].

Но Герман Вендель, „дипломатический агент и посредник между концерном Стиннеса и югославским правительством“ (Н. Николич), уклонился от устных объяснений с редактором, хотя жил в той же самой Вене, где находилась редакция „F. B.“

Сообщение Ненадовича о том, что русский посол и военный атташе в Сербии знали о готовящемся в Сараеве покушении, подтверждается заявлением, которое один из членов „Черной руки“, пожелавший остаться неизвестным, сделал венскому журналисту Леопольду Мандлю. По словам этого члена „Черной руки“, Димитриевич предполагал, что убийство эрцгерцога может втянуть Австро-Венгрию в войну с Сербией, и, боясь,

[1] Wiener Arbeiter Zeitung“ 6. VII. 1925, № 183 — „Das Attentat von Sarajewo“.

[2] N. Nikolic. „Herman Wendel über das Attentat von Sarajewo“, в „Federation Balcanique“ 1925. № 24 стр. 329—330.

чтобы Россия не отступила так, как она это уже дважды сделала в 1908 г. и в 1912 г. при виде Австрии, поддержанной Германией, сообщил о готовящемся покушении Артаманову, выразив свои опасения. Артаманов, после совещания с Гартвигом, явился в контр-разведывательное отделение сербского генерального штаба и просил Димитриевича обождать, пока он снесется с Петербургом; Артаманов послал полный отчет о своем разговоре в Петербург и через несколько дней получил многозначительную телеграмму: „Marchez, si l'on vous attaque, vous ne serez pas seuls" (действуйте, если на вас нападут, вы не останетесь одни) и значительную сумму денег на расходы по подготовке покушения. После этого Артаманов вновь нанес визит в контр-разведывательное отделение и сообщил Димитриевичу, что Россия поддержит Сербию, что бы ни случилось. „Мы трепетали до самой глубины нашего существа от слов русского военного атташе, так как знали, что теперь секира занесена над побегом австрийской императорской фамилии."[1]

Наконец, приведем сообщение полковника Божина Симича, личного друга Димитриевича, пребывающего до сих пор в изгнании, так как почва вновь созданной Югославии оказалась слишком горячей для его ног:[2] „Апис в своей повседневной работе сотрудничал с русским военным атташе Артамановым. От Артаманова он узнал о результатах свидания в Конопиште... От Артаманова он узнал, что Франц-Фердинанд будет присутствовать на больших маневрах в Боснии... Так как гипотеза немедленной войны ему казалась возможной, Апис счел долгом посоветоваться с Артамановым, прежде чем приступить к действиям. Он посвятил последнего в ход приготовле-

[1] „Neues 8 Uhr Blatt", 27 июня — 1 июля 1924.

[2] Victor Serge в „Clarté, май 1925. Показания Божина Симича французскому журналисту Виктору Сержу.

ний к заговору. Русский военный атташе на несколько дней отложил свой ответ. Текстуально этот ответ гласил: „Marchez, si l'on vous attaque, vous ne serez pas seuls".

Промежуток между вопросом и ответом показывает, что Артаманов посоветовался со своим начальством. С кем? Конечно, с Гартвигом. Гартвиг знал все: таково было убеждение Аписа. Возможно, также и Петербург, где у Гартвига были личные друзья. Сазонов? Мы не будем утверждать этого. Политика посла не совпадала во всех деталях с политикой министра. Артаманов прекрасно знал о деятельности „Черной руки". Я думаю, что он дал ему (Димитриевичу — Н. П.) около 8000 франков на сербскую пропаганду в Австрии."

Мы вернемся к политике России по отношению к Сербии в период 1909 — 14 гг. несколько дальше, а сейчас продолжим рассказ об ответственности Сербии в организации Сараевского покушения.

Разоблачения этих членов „Черной руки", появившиеся в июне 1924 — мае 1925 года, в общих чертах совпадают друг с другом. Общую их тенденцию подтверждают и показания члена „Черной руки" Николы Мермета[1] о роли Цигановича в Салоникском процессе, дополненные Симичем.

Циганович получил место на железной дороге по приказу Пашича и, по настоянию последнего, принял предложение Танкосича вступить в „Черную руку". Пашич желал иметь в „Черной руке" своего агента, который мог бы держать его в курсе всего того, что делается в этом тайном обществе. Как Пашич прятал расшифрованного Австро-Венгрией Цигановича, заметая следы „мокрого дела", мы уже знаем. Но оказалось, что Цига-

[1] N. Mermet „L'agent-provocateur Milan Tziganovich" в „Federation Balcanique", 1925, № 20/21, стр. 270 — 272.

новича, явившегося одним из провокаторов в Салоникском процессе, надо прятать и после салоникских расстрелов. В Салоникском процессе Циганович явился главным свидетелем обвинения против Димитриевича и „Черной руки". После расстрела Димитриевича, Малобабича и Вуловича Пашич отправил Цигановича по фальшивому паспорту — на имя Даниловича — в Америку, щедро снабдив деньгами. Циганович вернулся через год, когда все толки и слухи о Салоникском процессе и участии в нем Цигановича улеглись, но продолжал жить под своим фальшивым именем. После окончания войны он в награду за оказанные услуги получил от правительства усадьбу в поселении комитаджей близ Ускюба. Здесь он жил до своей смерти 1927 г. под именем Даниловича. Настоящее его имя знали только самые близкие ему люди.

Вот основные факты, которые известны о подготовке и исполнении Сараевского покушения. Богичевич, использовавший в своей книге о Салоникском процессе протоколы этого процесса, копия которых случайно попала в его руки, подтверждает правильность этих заявлений членов „Черной руки", уцелевших после ее разгрома. Мало того, 18 февраля 1925 года группа сербских офицеров, членов „Черной руки", переживших Салоникский процесс, обратилась в Скупщину с петицией, в которой заявляла:

1) Что „Черная рука" никогда не предпринимала ничего против принца-регента, ныне короля Югославии Александра.

2) Что „Черная рука" была патриотическим обществом, стремившимся создать Великую Сербию, путем использования для этой цели национального движения в Боснии-Герцоговине.

3) Что принц-регент, виднейшие сановники и высшее офицерство были ее членами.

4) Что деятельность „Черной руки“ всегда была известна правительству и соответствовала видам и намерениям последнего.

5) Что все вышесказанное они могут подтвердить доказательствами и официальными документами, для чего ходатайствуют о назначении суда для пересмотра Салоникского процесса.

Сербское правительство предпочло промолчать на вызов, брошенный членами „Черной руки“ в своей петиции. Разоблачения Симича, Ненадовича и других членов „Черной руки“ оно оставило без опровержений. Книга Богичевича о Салоникском процессе в Югославии запрещена. Точно также югославское правительство запретило ввоз в Югославию органов печати, печатающих статьи об этих разоблачениях. Но разоблачения членов „Черной руки“ побудили правительство изменить тактику в защите своей невинности, в особенности, когда общая сводка большей части материала появилась в статье Визнера [1]. Именно эта сводка сопоставившая протоколы Салоникского и Сараевского процессов с данными австрийского расследования в эпоху 1915 — 17 гг., заставила югославское правительство снова переменить фронт.

Почти за месяц до появления статьи Визнера в югославской Скупщине 8 марта 1928 года произошли очень любопытные дебаты по поводу ответственности Сербии за мировую войну. В этот день выступил убитый через 3 месяца Стефан Радич, лидер хорватской крестьянской партии. Он заявил: „Очень много, в частности на концертах, поют о море. Из-за моря мы вызвали мировую войну.“ Слышатся резкие протесты. Сначала со стороны крестьянского союза, лидер которого Иотца Иова-

[1] Wiesner „Die Schuld der Serbische Regierung am Mord von Sarajewo“ в „Kriegsschuldfrage“, апрель 1928. Особенно ценны документальные материалы (Anlage 1 — 4), приложенные к статье.

нович, бывший послом в Вене, является руководителем пропаганды о сербской невинности в войне. Депутат Саулич гневно бьет кулаком по пюпитру и кричит: „Это неправда. Сербия не вызвала войны."

Радич: Господа, Сербия вызвала ее.

— Неправда! Ложь! — кричат теперь и радикалы.

Радич (повышенным тоном): — Это решит история. Теперь это утверждает вся Америка, утверждает вся Германия, утверждают $^2/_3$ Великобритании.

Голоса: Ложь! Мы протестуем! Мы никому не позволим играть честью нации.

Радич (смущенный выкриками, молчит минуту, затем поправляется):

— Я не говорил, что Сербия виновата. Кучка фанатиков! Не Сербия! Теперь я подтверждаю это.

— Лишите его слова, — кричит демократ Милоевич председателю.

Депутат Тупанянин (Боснийский крестьянский союз): — Господин председатель, в этой палате никто не осмеливался так говорит! Мы не фанатики. Это позор! Мы не позволим так порочить молодую революционую Боснию! Сербия должна была вызвать мировую войну? Подобные слова не должны быть слышны в Национальной Скупщине. Те, кто были в Сараеве, не были фанатиками, а представителями народной воли. И, если бы эти фанатики, как вы их называете, не сделали этого, то мы все не сидели бы сейчас рядом".

Заседание было прервано, и после перерыва Радич поспешил „разъяснить" свои слова.[1]

Это оффенбаховское по стилю и смыслу заседание Скупщины произошло до появления статьи Визнера. После опубликования его статьи „Политика" писала: „Визнер

[1] „Политика" и „Време" 9. III. 1928.

сопоставил в своем трактате целую кучу цитат из статей весьма сомнительной ценности и несметное число свидетельских показаний со стороны лиц, явно заинтересованных. Все это он насильственно связал друг с другом и попытался создать из этого целое, чтобы произвести впечатление на читателя большим числом опубликованных документов. Но при этом он попал в ту беду, что все его труды по оправданию ультиматума венского правительства и объявления последним войны Сербии превратились в нуль. Он говорит о существовании в Вене убеждения, что сербское правительство поддерживало движение, имевшее целью разрушение австро-венгерской монархии, и знало также о Сараевском покушении. „Но для всего этого, — говорит Визнер, — до момента вручения ультиматума не было представлено никаких достаточно крепких и неопровержимых доказательств. Все доказательства о соучастии сербского правительства в покушении были открыты гораздо позже: одни — во время войны, другие — впервые, в последнее время". Ультиматум венского правительства был, значит, не следствием каких-либо обстоятельств, которыми могла быть установлена прямая или косвенная вина официальной Сербии в выполнении покушения. Ультиматум был вручен, и война Сербии объявлена по причинам, не стоявшим ни в какой связи с событиями дня св. Витта. „Поэтому, — заявляет далее газета, — совершенно побочным является то обстоятельство, установлено ли сейчас, 15 лет спустя после Сараевского покушения, что Пашич знал о нем. В этот момент, когда была объявлена война, было известно лишь то, что два молодых серба, из Австро-Венгрии, совершили покушение" [1].

[1] „Политика", 13. V. 1928, № 7196.

Таким образом тезис о непричастности сербского правительства в последнее время принял следующую форму:

1) Доказательства Визнера, членов „Черной руки“ и др. — „подмочены“ или пристрастны.

2) Война возникла, независимо от Сараевского покушения.

3) Все доказательства в соучастии Сербии в покушении были открыты после войны и поэтому совершенно не важно сейчас доказать, знало ли сербское правительство или не знало об организации покушения.

Вопрос о „подмоченности“ документов (мотив, кстати сказать, очень знакомый для пишущего эти строки, слышавшего этот мотив в одном из научно-исследовательских учреждений Ленинграда, когда автор этой книги читал в 1928 г. доклад о „Сараевском убийстве, как дипломатическом поводе для войны“) мы оставим в стороне, ибо если бы они были действительно „подмочены“, то югославскому правительству не стоило бы особого труда доказать их „подмоченность“. Ведь как никак эта „подмоченность“ затрагивает „честь“ Сербии. Но почему-то сербское правительство предпочитает забыть об этой „чести“. Не потому ли, что всякая попытка в этом направлении может дать лишнюю улику? Мы ведь знаем уже результат такой попытки Пашича опровергнуть признания Любы Иовановича, — результат для сербского правительства весьма поучительный!

Второй тезис — „война возникла независимо от сараевского покушения“ — нам тоже известен. Конечно, вся политика европейских держав в период империализма сама по себе вела к войне. Австро-Венгрия хотела ее, быть может, еще сильнее, чем Сербия. Но сараевское убийство, организованное по заказу из Белграда, дало достаточный предлог для того, чтобы начать войну. И вина

Белграда заключается в том, что именно сербское правительство **сознательно** создало этот предлог — по своей ли инициативе, или по заказу более сильного — судить еще трудно. Но этот предлог был создан сознательно. Создавая его, Сербия знала, на что идет, и шла твердо, так как только война и возможное в результате ее разрушение Австро-Венгрии могли создать Великую Сербию.

Третий мотив — о том, что все доказательства о соучастии официальной Сербии в сараевском покушении были открыты либо во время войны, либо после ее — упирается по существу в сакраментальную формулу: „Не пойман — не вор", и притом не пойман тогда, 15 лет назад, а пойман теперь. Югославское правительство, как мелкий воришка, аппелирует к давностному сроку преступления. Оно подчеркивает, что срок давности уже истек! Не спорим: он истек! Но поскольку не истекли последствия „мокрого дела", поскольку живут и обладают полной силой прямые результаты сараевского убийства — статьи мирных договоров о репарациях, — мы решительно отказываемся считать эту точку зрения Юго-Славии хоть сколько-нибудь приемлемой. Сейчас требования внешней политики — невинность Сербии и незыблемость репараций — стоят в вопиющем противоречии с требованиями внутренней политики — прославлением героев. Возможно, что, когда победит вторая, мы будем, наконец, иметь официальную записку Пашича Димитриевичу с приказом убить эрцгерцога Франца-Фердинанда. Но этот документ явится лишь формальным признанием факта, — признанием, по существу ничего неубавляющем и ничего не прибавляющем к действительности. Мы же можем пока обойтись и без записки. В международной политике, в жизни государств и народов имеют значения не бумажки, а экономические тенденции, генеральные линии

развития страны. И пусть у нас нет записки Пашича, мы имеем зато косвенные улики. И эти улики создают достаточно яркую и выразительную картину того, что произошло 28 июня 1914 года.

* * *

Вот почему австрийское правительство оказалось столь непримиримым в отношении §§ 5 и 6 австрийского ультиматума — в вопросе о сотрудничестве органов австро-венгерского правительства в деле „подавления вредоносных движений, направленных против территориальной целости монархии" (§ 5) и „участии представителей австрийских властей в расследовании сербским правительством следов заговора на сербской территории" (§ 6). Эта „мелочь" не стояла в противоречии с „принципами" международного права, не нарушала международных навыков и традиций, а тем более суверенных прав Сербии. Австрийцы не требовали участия своих чиновников в судопроизводстве, что действительно явилось бы нарушением сербского суверенитета и противоречило международному праву, а участия своих представителей в следствии, которое должно было быть организовано сербскими властями. Участие иностранных следственных властей в расследовании преступления, совершенного или организованного на территории другого государства, предусмотрено почти всеми международными договорами и является одним из наиболее общих и незыблемых принципов международного права буржуазной эпохи. Интернационал полиции является гораздо более крепким по своей организации и спайке, чем желтый Интернационал. Точно также и организация полицейского бюро на иностранной территории не является фактом, вопиющим против „святости международного права", а, наоборот, считается более или менее нормальным явле-

нием в международных отношениях. Когда Сазонов в своих переговорах с Берхтольдом попробовал сослаться на святость международно-правовых принципов, граф Берхтольд 25 июня ответил — ядовитость этого ответа смогут оценить лишь товарищи, побывавшие до Октября в эмиграции! — следующей телеграммой австро-венгерскому послу в Петербурге графу Сапари: „Так как § 5 наших требований, касающийся сотрудничества австровенгерских чиновников в подавлении вредоносной агитации в Сербии, вызвал особые возражения господина Сазонова, Вам поручается совершенно конфиденциально осведомить его, что вставка этого параграфа (в текст ноты — Н. П.) вызвана чисто практическими соображениями и не направлена к нарушению сербского суверенитета. Сотрудничество, упомянутое в § 5, относится к созданию в Белграде тайного полицейского бюро (bureau de surété), которое вело бы работу, подобно аналогичным русским учреждениям в Париже и Берлине, и сотрудничало бы с сербской полицией и администрацией".[1]

Эта ссылка на знаменитый филиал русской охранки в Париже, в котором, под благосклонным оком прекрасной Марианны, сотрудничали самые прожженные прохвосты и провокаторы царской охранки, ясно показывает, что нарушение международного права в § 5 и не ночевало. Поэтому не нарушением международного права или суверенитета Сербии следует объяснить отказ Сербии удовлетворить §§ 5 и 6 ультиматума, а чем-то другим, и это другое — боязнь, что австрийские сыщики могут докопаться до того, что сербскому правительству приходилось и приходится тщательно скрывать и до сих пор — именно: свое участие в организации сараевского убийства.

[1] Oesterreichische Rote Buch 1919, II, № 38.

Вместе с тем понятно и то упорство, с каким австрийские власти настаивали на принятии этой мелочи. В данных условиях эта мелочь являлась самым важным центральным требованием ультиматума. В этом требовании был весь смысл ультиматума и реальная гарантия того что покушения, подобные сараевскому, будут прекращены надолго. Словесных уверений со стороны сербов австрийцы имели достаточно, и против гораздо более унизительных по существу требований — торжественной декларации сербского правительства, осуждающей великосербскую пропаганду — не возражал и сам Сазонов. Граф Сапари „с любопытством" отметил этот факт: „требование торжественных деклараций не встретило возражения со стороны министра, он удовольствовался лишь тем, что постоянно возвращался к тезису — что Пашич уже высказался в этом смысле, что я поправлял. „Он скажет это Вам 25 раз, если вам угодно." (Il dira cela 25 fois, si vous voulez) сказал он."[1] Но австрийцы придавали не большую цену уверениям Пашича, чем придаем им и мы, видя (в этой главе) как вольно и легко сербские политические деятели обращаются с торжественными декларациями и обещаниями.

[1] Oesterreichische Rote Buch 1919, II, № 17

VIII. Сараевское покушение, как повод для войны.

Находилось ли „сербское государственное предприятие“ под „русским контролем“? Знало ли царское правительство об организуемом в Белграде покушении на жизнь эрцгерцога? У нас нет никаких документальных данных, которые позволили бы ответить утвердительно на этот вопрос. Но дипломатическая история Европы не зиждется на одних только документах, иначе выяснение исторических событий свелось бы исключительно к пересказу документов „собственными словами“. Вполне возможно, что такого документа, с абсолютной точностью устанавливающего, что русское правительство было одним из участников заговора, не найдут ни в одном из русских архивов. Мы склонны думать, что вряд ли он вообще существует в природе. В высшей степени невероятно, чтобы в такой стране, как Россия, с таким мистически убежденным в святости монаршей власти монархом, как Николай II („Переписка Николая и Александры Романовых“ дает поразительную картину византийского монархизма, воскрешенную Николаем II в XX веке), русские министры и сановники представляли „на высочайшее благоусмотрение“ докладные записки. в которых говорилось бы о необходимости насильственно убрать эрцгерцога. Язык дипломатических актов не знает подоб-

ной фразеологии; еще менее мог бы знать ее язык бюрократической монархии. Тем не менее, у нас есть серьезные основания подозревать, что некоторые русские сановники могли знать о подготовлявшемся заговоре.

Прежде всего Гартвиг. С его назначением 14 ноября 1909 г. послом в Белграде русская политика по отношению к Сербии вступила в новую фазу — „фазу Гартвига". Личный враг и неудачный соперник Извольского в притязаниях на портфель министра иностранных дел, „в течение долголетней работы и руководства политикой Азиатского департамента в конце концов сам ставший азиатом, Гартвиг придал русской дипломатической игре в Белграде необычный даже для русской политики аггрессивный характер. Он руководил событиями, а не они руководили им. „И если событий не предвиделось, он не стесняясь начинал создавать их" [1].

Основным тезисом Гартвига во внешней политике было уничтожение Австро-Венгрии, этого „заговорщика в Европе". Путь в Константинополь для Гартвига лежал через Вену. Разрушить Австро-Венгрию, по его мнению, было можно и нужно, превратив Сербию в Пьемонт южного славянства. В этой линии своей работы он явился достойным продолжателем политики Родофиникина.

1909—1913 гг. являются переходным моментом для русской политики на Балканах. Стремясь к захвату Константинополя и проливов при „благосклонном" отношении Англии и Франции и путем схватки с Германией и Австро-Венгрией, Россия искала для себя надежного агента на Балканах. В Петербурге шел спор: на кого ставить, на

[1] Марко (псевдоним) „Никола Гартвиг" в „Nova Evropa" (Agram-Zagreb) 26 апреля 1928. Автор приводит в своей статье ряд неопубликованных еще до сих пор документов, очевидно, из архивов русского посольства в Белграде.

кого можно положиться до конца? Кто не „предаст" русские интересы — Болгария или Сербия? Царское правительство заигрывало с той и с другой, обеим давались самые торжественные обещания и делались самые соблазнительные предложения. Но Сазонов и Николай II стояли за Болгарию. Она была наиболее сильной в военном отношении и, следовательно, являлась с точки зрения русских интересов наиболее полезной. Даже в период 1903—1903 г., после прихода к власти радикалов и смены династии в Сербии, в Петербурге все же отдавали преференс болгарам, ограничиваясь только платоническими обещаниями в отношении Сербии, а иногда и окатывали последнюю „холодными душами" (Извольский в 1908—9 г.). Во время первой балканской войны 1912 г. Николай II и Сазонов открыто признали гегемонию Болгарии на Балканах, пожертвовав в ее пользу Сербией (письмо Сазонова Неклюдову от 3 мая 1913 г.). Разграничительная линия русского военного атташе в Болгарии полковника Романовского, легшая в основу раздела Европейской Турции и закрепленная сербско-болгарским договором о союзе, целиком защищала болгарские интересы.

Гартвиг решительно выступил против болгарской ориентации русской политики на Балканах, считая точку зрения Петербурга близорукой и вредной.

„Благодаря Гартвигу, Россия постепенно начала освобождаться от болгарского гипноза, пока после боя на Брегальнице (бой между болгарами и сербами, явившийся началом второй балканской войны — Н. П.) не перешла окончательно на сторону Сербии". Еще перед началом войны, когда полковник Романовский кроил и резал карту Балкан по своему усмотрению, Гартвигу удалось добиться замены первоначальной, невыгодной для Сербии, „линия Романовского" более выгодным для нее вариантом (доверительная депеша № 5 от 7/20 янв. 1912 г.). Когда

разгром Турции в первой Балканской войне поставил вопрос — кому быть гегемоном на Балканском полуострове — Болгарии или Сербии? — Гартвиг писал: „Я имею много оснований предвидеть, что Болгария, когда она почувствует себя не поддерживаемой безусловно Россией, без особых помех согласится на исправление границы в районе Прилепа и Эгри-Паланка в пользу Сербии. Мне кажется, что в отношении сербоболгарского разграничения не величина наших симпатий к той или другой стороне должна служить для нас руководящим принципом, и не сила доказательств, которые каждая из них выдвигает в свою пользу, но исключительно наши собственные интересы. А раз это так, то территориально увеличенная, стратегически обеспеченная и морально удовлетворенная Сербия будет иметь для нас несравненно больше значения, чем Болгария, которая, какими бы большими количествами даров мы ее не осыпали, всегда будет коситься куда-то в сторону. В Болгарии имеются враждебные нам элементы... В то же время, учитывая европейские потрясения, которые возможны в ближайшем будущем, для России в лице Сербии важно обладать верным форпостом". (Доверительная личная депеша Сазонову № 16 от 23 февр. 1913 г.).

Об измене Болгарии „русскому делу", выразившейся в том, что Болгария продвинулась на линию Чаталджи, угрожая захватом Константинополя, угрожая мечтам о Константинополе России, Гартвиг три недели спустя писал так:

„Беру на себя смелость выразить еще раз свое глубокое убеждение, что Болгария готовится к действиям — крайне опасным для наших интересов, которые она будет скрывать лишь до тех пор, пока в вопросах о границе Сербии мы оказываем ей нашу мощную поддержку". (Доверительная депеша № 250 от 17/III—1913 г.).

В Петербурге уже, поняли к этому времени правильность указаний Гартвига. Поведение Болгарии, бросившейся, очертя голову, к Константинополю (мечта Фердинанда Болгарского об императорской короне Византии), но „к счастью“ остановленной у Чаталджинских позиций, показало царскому правительству, какую „змею“ оно отогрело на своей груди. Болгары посягали на Константинополь, который мог быть только русским или, на худой конец, турецким, но ничьим иным. Царская Россия гораздо скорее примирилась бы с пребыванием на Босфоре Турции, нежели с захватом его всяким другим государством, в особенности славянским. В самом деле, под каким соусом можно было бы навязать тогда Болгарии войну за проливы? В тот момент, когда болгарская армия летела на всех парах к Константинополю, а в Вене и Берлине, читая телеграммы о продвижении болгар, чуть не плакали от восторга, — в правящих кругах Петербурга царило настроение, близкое к умопомешательству. Обсуждались прямо-таки бредовые планы десантной экспедиции на Босфор и захвата Константинополя „голыми руками“. Поэтому, когда Чаталджа „спасла Россию“, в Петербурге решили порвать с Болгарией, ибо стремящейся к проливам России великая Болгария была вредна, и ориентироваться на Сербию — „верного русского стража“ (Н. Гартвиг) на Балканах. С своей стороны, „для того, чтобы обеспечить за Сербией первенствующую роль в русских комбинациях на Балканах, Гартвиг давал все возможные и невозможные гарантии, что Сербия подчинит свою внешнюю политику русским требованиям, одновременно характеризуя различных болгарских и черногорских деятелей (в том числе Фердинанда Болгарского и Николая Черногорского), как определенных австрийских агентов“ (Марко).

Под нажимом Гартвига в Петербурге в конце концов решили поставить ставку на Сербию.

Этого требовали и отношения с Австрией, чрезвычайно обострившиеся после конфликта из-за аннексии. Как агент и против Австрии, и против Турции Сербия была более выгодна, чем Болгария, которая, за австрийское разрешение захватить Константинополь, могла стать „верным стражем" Австрии. Тезис Гартвига — Сербия по отношению к Австрии „в силу своего географического положения и близкой духовной связи к подчиненным короне Габсбургов народам может стать опаснейшим элементом в Славянском союзе" (доверительное письмо к Сазонову № 1 от 3 января 1912 года) — был усвоен в Петербурге еще раньше того, как Сербия была отличена и избрана. Отстаивая интересы Сербии, несмотря на то, что „превосходство Болгарии над союзниками, по мнению военных специалистов, неоспоримо" (доверительная депеша Сазонова № 1634 от 4 июня 1913 и Гартвига № 648 от 6/VI — 1913), Гартвиг требовал увеличения мощи Сербии, хотя бы за счет Болгарии. „В случае отказа ей (Сербии) в завоеванной ею Македонии по ту сторону Вардара, она (Сербия) подвергается опасности быть охваченной, как железным кольцом, вдоль всей своей южной и восточной границы Великой Болгарией, являющейся серьезным врагом сербского народа и уже сейчас вступающей тайком в соглашения с Австрией. В этом действительно заключается политическая гибель страны (Сербии). Отказать в виду этого в юго-западной Македонии было бы одно и то же, что сознательно и добровольно подписать смертный приговор сербскому народу... С другой стороны, и король и политические деятели сознают, что арбитраж (Николая II, обусловленный сербо-болгарским союзным договором 1912 года. — *Н. П.*) связан с известным риском. Россия имеет свои высшие интересы, свои высшие точки зрения, могущие нанести удар интересам Сербии. Подобному решению

король и правительство подчинятся безусловно — но будут ли они в состоянии осуществить его? Катастрофа внутри была бы неизбежна"... (доверительная депеша Сазонову № 620 от 1 июня 1913 г.). „Гартвиг во всех своих представлениях и письмах защищал перед Сазоновым и Николаем II сербские интересы лучше и способнее, чем многие аккредитованные заграницей сербские дипломаты" (Марко).

Немудрено, что в Сербии Гартвиг занимал „совершенно исключительное положение", как признавался он сам в одной из своих депеш Сазонову (Депеша 29 марта 1913 г. „Красный Архив"). Ведя политическую линию, резко противоречившую директивам Петербурга, Гартвиг искусно саботировал их, уверяя Сазонова, что этим директивам противодействуют сербское правительство и династия. Подобная линия, несомненно, закончилась бы катастрофически для его личной карьеры, если бы Пашич и правительство в целом, в также и династия Карагеоргиевичей, в области внешней политики не подчинялись указке Гартвига. Но они могли подчиниться ей без всяких затруднений, так как интересы великосербской идеи совпадали со взглядами Гартвига. Поэтому, в период Балканских войн „Гартвиг был почти абсолютным господином в нашей внешней, и отчасти даже во внутренней, политике" (Марко). „Политика Сербии была политикой Гартвига, а не политикой Пашича, и во всех важнейших вопросах Пашич был лишь рупором замыслов и решений Гартвига"... Так, например, 8 сентября 1912 года Гартвиг тайно встретился на сербо-болгарской границе с председателем болгарского собрания Даневым. Об этом свидании знали лишь Пашич и король Петр. Остальные министры были оставлены в неведении. Одержимый idée fixe „свести счеты с Австрией", Гартвиг „отсоветовал" Пашичу отвергнуть все предложения Австрии дого-

вориться „по-товарищески“ с Сербией. Гартвиг решал судьбу сербского кабинета, трижды не допустив отставки Пашича (2 июня 1913—доверительные депеши № 630 и 632 от 2 июня; 9 июня—доверительная депеша № 666 от 9 июня 1913 г., кризис из-за „борьбы за приоритет“ — письмо Сазонову № 33 от 3 июня 1914), решал вопрос о роспуске Скупщины, намеченном Пашичем в декабре 1913 г. и отвергнутом Гартвигом (доверительные депеши № 1470, 1480 и 1485 от 14, 17 и 21 декабря 1913 г.), решал вопрос о соглашении радикальной партии с прогрессистами и т. д. Когда черногорский посол в Белграде Лазарь Миушкович вручил Пашичу собственоручное письмо Николая Черногорского, в котором последний предлагал (под давлением России, конечно) военную, дипломатическую и финансовую унию Черногории с Сербией, Пашич взял Миушковича под руку и повел его в русское посольство к Гартвигу, так как, по его мнению, „было неуместно вести подобные переговоры между Сербией и Черногорией без ведома России“ (письмо Гартвига Сазонову № 17 от 25 марта 1914 г.).

Особенно ярко проявилось всемогущество Гартвига во время борьбы за приоритет между „Черной рукой“ и радикальной партией. О „Черной руке“ Гартвиг знал давно. Ее тезис, что „Сербия до сведения окончательных счетов с Австрией ни за какую цену не может выпустить из своих рук долину Вардара“ — он энергично развивал в своих депешах Сазонову во время Балканских войн и добился принятия этого тезиса Петербургом. О „Черной руке“ он сообщал русским журналистам, что члены ее — единственные в Сербии люди, которые могут добиться осуществления национальных идеалов. В апреле 1914 года он циркулярно предложил всем русским консулам собрать для него возможно более точные данные о „Черной руке“ и ее деятельности.

„Борьба за приоритет", разыгравшаяся в мае — июне 1914 года, резко изменила это отношение. Гартвигу было невыгодно терять свой рупор в лице Пашича, бывшего верным исполнителем его приказаний. Тайную власть „Черной руки" он не мог подчинить своему контролю так полно, как подчинил он Пашича и правительство радикалов. Поэтому Гартвиг принял сторону Пашича и выступил против „Черной руки", замышлявшей государственный переворот в пользу принца Александра. Что произошло в эти дни — точно неизвестно (в первые дни Октябрьской революции Нератов изъял из архива русского министерства иностранных дел почти все доверительные депеши Гартвига Сазонову). Но, насколько можно судить, Гартвигу удалось разбить блок противников, состоявший из „Черной руки", принца Александра и оппозиционных партий. 2 июня Пашич ушел в отставку. В промежуток между 2 и 10 июня, когда кризис достиг своей высшей точки, Гартвигу удалось переманить принца Александра на сторону Пашича. Как он добился этого — обещанием ли передачи верховной власти принцу Александру в форме регентства, или указанием на то, что, придя к власти при помощи „Черной руки", Александр всю жизнь будет зависеть от этого общества — сказать трудно. Известно только одно: в это время, в кабинете Гартвига в русском посольстве происходили тайные переговоры Пашича с одним из лидеров оппозиции Павлом Маринковичем. Пашич просил Гартвига быть посредником, чтобы „с благословения представителя России положить академически принципиальные основания какого-нибудь соглашения". Соглашения достичь не удалось, но время было выиграно. 3 июня Гартвиг писал Сазонову, что король Петр, по предложению председателя Скупщины, пригласил лидера оппозиции Любу Давидовича и предложил ему сформировать кабинет, но, увидев из про-

граммы нового правительства, что она „ниже всякой критики", передал образование нового кабинета опять Пашичу (№ 33 от 3/VI).

Выступая во время кризиса противником „Черной руки", Гартвиг изображал ее, как организацию заговорщиков 29 мая 1903 года: „К оппозиции присоединилась маленькая группа офицеров, участников переворота 29 мая 1903 года, оставшихся до сих пор на действительной службе, которые под именем союза „Черной руки" пользуются всяким подвертывающимся случаем, чтобы сеять недовольство и раздоры среди офицерства. Во время длительного кризиса король призывал много раз воеводу Путника и министра Стефановича и рекомендовал им принять решительные меры против союза „Черной руки", который к тому же не пользуется ни малейшими симпатиями в армии, разумно воздерживающейся от всякого вмешательства в вопросы внутренней политики. Кажется, военный министр действительно принял строгие меры против офицеров-заговорщиков 29 мая 1903 г." (доверительная депеша № 34 от 3 июня 1914 г.). Эта депеша имела целью доказать Сазонову, что с уходом Пашича „русским интересам в Сербии угрожает непоправимый вред". „Но Гартвиг не ограничился этим: вместе с Пашичем он расставил для членов „Черной руки" в эти дни опасные сети — но об этом еще не время говорить" (Марко). В чем состояли эти сети, автор статьи скромно умалчивает, как умолчали в свое время и Люба Иованович, и Иован Иованович.

Поэтому, трудно предположить, чтобы Гартвиг, фактический хозяин Сербии, vis movens сербской политики, без визы и одобрения которого сербское правительство не совершало ни одного сколько-нибудь важного шага, мог ничего не знать о заговоре. Еще более невероятно это и в отношении Артаманова, работавшего в тесной

связи с Димитриевичем [1]. Показания Симича и Ненадовича категорически утверждают, что Гартвиг и Артаманов были в курсе всех намечавшихся заговорщиками мероприятий. На салоникском процессе Димитриевич заявил, что „двое русских знали о подготовлявшемся заговоре". То же самое он показал и в своем письменном признании, которое погребено в тайниках сербских архивов. Эти русские были Гартвиг и Артаманов. Это же в 1926 году подтверждали и члены „Черной руки" американскому профессору Барнсу [2]. Подтверждает это — на основе других источников — и Э. Дергем [3]. Есть сведения, что о подготовлявшемся заговоре знал и русский генеральный штаб, которого Артамонов предупредил уже цитированной нами телеграммой [4], и Извольский [5], и даже Сазонов. Мы остановимся на следующих фактах.

Как утверждает Люба Иованович, Пашич в конце мая или в начале июня уже узнал о существовании заговора. Мы склонны полагать, что это было в конце мая. Так как заговорщики переправились через границу в ночь с 1 на 2 июня, то обсуждение в июне вопроса об их поимке представляло бы академический интерес. Между тем Пашич и все министры еще надеялись, по их словам, захватить заговорщиков. Затем, приказ захватить Принципа, Грабеча и Габриновича был записан в журнале пограничного поста под майскими номерами.

[1] Раде Милобабич был доверенным лицом того и другого, и не потому ли он, простой рабочий, явился одним из главных действующих лиц салоникского процесса и был приговорен к смертной казни, зная „так же много", как и Димитриевич.

[2] Kriegsschuldfrage, 1926, июль и сентябрь.

[3] E. Durham. The Sarajevo Crime. London. 1925, стр. 197 — 199.

[4] Там же, p. 201.

[5] Р. Делл в Лондонском „Nation" 14/IX — 1925, стр. 723. Вскоре после Сараевского убийства сербский король Петр писал Извольскому: „We have done a good piece of work".

Кроме того, мы уже знаем, что 2 июня Пашич ушел в отставку, и до 10 июня (дня образования нового кабинета) заседаний кабинета не было.

14 июня в Констанце состоялась встреча Николая II с королем румынским Карлом. Пашич, уже знавший о существовании заговора, встретился с Сазоновым и Братиану в Бухаресте. О том, что говорилось на этом свидании, мы можем узнать из отчета Сазонова Николаю II [1]. Сазонов спросил Братиану, „может ли Румыния... пойти вместе с нами и не связана ли она международными обязательствами, которые исключали бы возможность доверчивого сотрудничества с нами".

Речь шла о войне. Так это понял и Братиану, который уклончиво ответил, что „Румыния никоим образом не обязана принять участие в какой-либо войне без того, чтобы ее личные интересы были прямо затронуты", добавив, что „хотя отношения между Румынией и Двуединой монархией стали за последнее время менее дружественными, — условия, создаваемые соседством обеих стран, заставляют их стремиться не доводить дело до чрезмерного обострения их взаимоотношений".

Сазонов не счел этот ответ достаточно ясным и решил поговорить с Братиану вчистую. Он „поставил ему просто вопрос, каково было бы отношение Румынии к вооруженному столкновению между Россией и Австро-Венгрией, если бы первая из них была бы вынуждена обстоятельствами начать военные действия". Братиану, „пораженный вопросом" Сазонова, мог только спросить, „допускает ли Сазонов возможность наступления в ближайшем будущем таких обстоятельств и в связи с этим вероятность общеевропей-

[1] „Константинополь и проливы", с предисловием Е. А. Адамова. НКИД т. I, стр. 356 — 363.

ской войны". Сазонов поспешил заверить и успокоить собеседника тем, что „почин России в смысле вооруженного столкновения с Австро-Венгрией, он может представить себе только в том случае, если на почве албанского вопроса или под каким-либо другим предлогом Австрия пожелает напасть на Сербию с целью нанесения этому королевству чувствительного урона, к чему мы, вероятно, не могли бы остаться равнодушными" [1].

Такова официальная версия переговоров с Братиану, передаваемая Сазоновым. Но в русских дипломатических кругах, однако, в это время циркулировала и другая, менее „дипломатическая", версия: когда пораженный вопросом Сазонова Братиану спросил, неужели Сазонов в ближайшее время ожидает возникновения войны, Сазонов задал следующий вопрос: „Что произойдет, если австрийский эрцгерцог будет убит?" [2] Через тринадцать дней после этого разговора австрийский эрцгерцог действительно был убит. Редкий случай оправдавшегося политического пророчества! Чернин, бывший в эти дни австровенгерским послом в Бухаресте, слышал из уст короля Карла одну довольно характерную подробность: „На вопрос короля, смотрит ли Сазонов на положение в Европе так же спокойно, как сам король, Сазонов ответил утвердительно, прибавив, однако: „лишь бы Австрия не тронула Сербию" [3].

* * *

Еще более глухи и отрывочны сведения о том, в какой мере знали в правительственных кругах Англии и

[1] Константинополь и проливы, I, стр. 356 — 363.

[2] Shelking. Recollections of Russian Diplomacy N.-J. 1918, а также Rosen „Forty years of Russian Diplomacy" N.-J. 1922.

[3] Чернин. В дни мировой войны. ГИЗ. 1923, стр. 101.

Франции о предполагавшемся заговоре. Было бы напрасным старанием искать подобные материалы в опубликованных официальных документах Антанты. Ни один государственный деятель ни разу не заикнулся об этом в своих воспоминаниях. И все же есть одна, правда, слабая и тонкая нить, которая указывает, по какому „каналу" могли дойти до Антанты сведения о заговоре. Это масонская связь, связь между масонами Белграда и Парижа, между масонами ложи „Побратим" и ложей „Великого Востока" (Grande Orient de France). А о том насколько она была тесна, позволяют судить некоторые данные.

Чарльз Норман, [1] английский социалист, бывший масоном и пытавшийся организовать филиальную ложу „Великого Востока" в Англии, утверждает, что языком, на котором осуществлялась связь между политическим департаментом „Великого Востока" и его филиальными организациями на Балканах, был избран испанский. С другой стороны, американский посол в Германии Джерард в своих воспоминаниях рассказывает: „Я был в состоянии разговаривать с некоторыми сербами в первые дни войны на их родном языке, каким, к удивлению, оказался испанский". [2]

Член английского парламента Горацио Боттомли в своей статье „К черту Сербию", написанной после Сараевского убийства („John Bull" 11. VII. 1914 г.), привел отчет об издержках по организации Сараевского покушения. Этот финансовый отчет был написан, по его словам, на бланке сербского посольства в Лондоне на испанском языке.

---

[1] Ch. Norman. „A searchlight on the European War" London. 1924, стр. 42-43.

[2] Gerard. „My four years in Germany". N. J., стр. 137.

Эта статья, кстати, весьма встревожила сербского посланника в Лондоне Бошковича, и он поспешил в английское министерство иностранных дел „за выручкой". О том, что произошло там, есть любопытное сообщение в XI томе английских документов о возникновении войны. Это сообщение написано весьма глухо и, можно сказать, вклинивается в сборник официальных английских документов, как документ не английского министерства иностранных дел, а документ сербского посольства в Лондоне, при чем точно также неизвестно, написано ли это „сообщение" в те дни, когда происходили сами событии, т. е. в июле 1914 г., или после войны, в момент составления сборника документов — 1925-26 гг. Осторожная британская дипломатия решила и здесь — по поводу этого сообщения — умыть руки и напечатать документ, принадлежащий постороннему учреждению, воздерживаясь всячески от „суждения" по поводу визита Бошковича в английское министерство иностранных дел. Мало-ли что может случиться в будущем и мало ли какие следы могут быть открыты назойливыми исследователями? Мы помещаем это сообщение полностью.

„Сообщение из сербской миссии" [1]

„Из документов, сохранившихся в частной корреспонденции сэра Артура Никольсона (помощника секретаря по иностранным делам. — Н. П.) видно, что в один день, не указанный точно, сербский посланник просил частным образом его совета по поводу статьи, появившейся в газете „Джон Булль" от 11/VII 1914 г. Эта статья стремилась создать впечатление, что тайное резведывательное бюро (secret service Bureau) при сербском посольстве

[1] British Documents on the Origins of the War, vol. XI, № 47.

было посвящено в планы убийства эрцгерцога. Господин Бошкович хотел получить совет относительно преследования за пасквиль. 15 июля сэр Артур Никольсон осведомил его устно, что подобная судебная процедура может кончиться неудачей. Автор статьи (член парламента Горацио Боттомли — Н. П.) был весьма осторожен и писал так неопределенно, чтобы предупредить возможность для какого либо определенного лица жаловаться, что он ошельмован в пасквиле (libelled). Было также указано, что в этой стране (в Англии) нет никаких средств, с помощью которых исполнительная власть могла бы обуздать (suppress) газету".

Из текста видно, что это сообщение исходит из сербского посольства в Лондоне, но не указывается дата сообщения. Сэр Артур Никольсон в те годы был еще жив, он мог сообщить редакторам сборника документов Гучу и Темперлю содержание своего разговора с Бошковичем, но и он предпочел воздержаться от всякого вмешательства в это дело.

Слова Чарльза Нормана — „налет на штаб-квартиру „Великого Востока" в Париже мог бы рассказать странную историю" — звучат как какое то предупреждение. Учитывая тот факт, что членами „Великого Востока" были крупнейшие деятели „третьей республики" — Пуанкаре, Дельказсе, Бриан, Мильеран, Пенлеве, Пишон, Думер, Ренодель, Альбер Тома, Вивиани, Клемансо Кайо, Барер, Густав Эрве и др., — что масонские организации в политической жизни Франции играют крупнейшую, хотя негласную, роль, связь „Черной руки" и ложи „Побратим" с „Великим Востоком" приобретает несколько более глубокий смысл, чем это могло бы показаться на первый взгляд. [1]

[1] „В своем манифесте от 4/XI. 1904 г. „Великий Восток" уверял: Без масонства республика (французская) не существовала бы". В сен-

Мы указали ниже, что „Черная рука“ была организационно связана с ложей „Побратим“ и что члены Верховной центральной управы — Танкосич, Люба Иованович-Цупа и др. были членами ложи. Из показаний Принципа и Габриновича известно, что Танкосич и Циганович были масонами, и что некий доктор Казимирович, бывший в курсе организации заговора, ездил по поводу заговора заграницу, в частности в Париж и Будапешт, и что окончательная санкция Танкосича совершить покушение была дана лишь после возвращения Казимировича из поездки. Точно так же было указано, что в 1912 году масонские организации вынесли смертный приговор эрцгерцогу, как главе воинствующего католицизма.

Наконец, любопытно отметить тот факт, что первый международный конгресс масонов после войны состоялся в Белграде с 12 по 16 сентября 1926 года. Этот конгресс, по замыслу, должен был явиться „франк-массонской манифестацией мира и очищения народов“, и Белград, как можно судить по выступлениям видных членов „Народной Одбраны“, присутствовавших в обильном количестве на конгрессе, был избран местом созыва конгресса потому, что „из Белграда началась мировая война, которая осуществила многие чаяния масонства“. Членам конгресса был дан торжественный прием в клубе королевской гвардии, где их встретил речью командир гвардии генерал Пера Живкович. На этом приеме бывший офицер Лазаревич (не член ли „Черной руки“ *Н. П.*) выступил с приветствием, в котором

тябре 1906 г. Journal de Génève, говоря о ежегодной конференции „Великого Востока“ писал: „Нельзя отрицать, что франкмасонство держит в своих руках судьбу Франции. Что решено „Великим Востоком“, то в точности будет исполнено французским правительством“— Ch. Norman, стр. 20—24.

указал на тесную связь между сербским офицерским корпусом и масонством, подчеркнув, что „сербские офицеры являются сторонниками мира, и поэтому масоны, бойцы за идею мира, могут спокойно находиться под их кровом“ [1].

Мы воздерживаемся от выводов из этих данных. Для этого они слишком недостаточны. Они свидетельствуют пока только об одном: что мог существовать канал, по которому правительственные круги Антанты, в частности Франции, могли заранее знать о готовящемся покушении. К этому прибавим, что военные планы Антанты были построены исключительно на том расчете, что война должна была начаться на Балканах. И русский и французский генеральные штабы, и английское министерство иностранных дел считали такой вариант европейской войны самым выгодным для Антанты.

Без учета этого крайне важного обстоятельства нельзя подходить к выяснению роли и значения Сараевского убийства в возникновении войны. Ведь если допустить, что это покушение было сознательно организовано сербским правительством с расчетом вызвать им войну, и при том такую, которая охватит всю Европу (если, конечно, Димитриевич запрашивал Артаманова, а Артаманов, со своей стороны, запрашивал Петербург, — допустить ли или не допустить покушению совершиться), то вся картина возникновения войны получает совершенно новое неожиданое освещение. Тогда окажется, что Сербия только выполнила „социальный заказ“ Антанты создать повод для самого благоприятного варианта войны ее с Тройственным Союзом. Тогда окажется, что Сараевское убийство явилось организованным Антантой скрытым нападением на одного из членов Тройственного союза—

[1] Wiesner, в „Kriegsschuldfrage“ 1928, апрель.

Австро-Венгрию, и что тезис Германии: „на нас напали“ (wir waren angegriffen) совершенно правилен. Правда, напали не открыто, а тайком, по разбойничьи, но все-таки напали и напали первые. И если военная клика Австро-Венгрии и Германии и поспешила составить „заговор“ с целью обрушиться на Сербию и этим вызвать европейскую войну, то этот „заговор“ может свидетельствовать только о неспособности австро-германских дипломатов понять политическую ситуацию момента.

Вот почему Сараевское убийство играет такую важную роль в истории возникновения мировой войны, в вопросе о том — „кто начал“. Мы решительно не соглашаемся с точкой зрения некоторых историков, утверждающих, что Сараевское убийство является второстепенным побочным поводом для возникновения мировой войны, что мировая война все равно началась бы, даже если бы ее не начал Сараевский выстрел. Все это так и мы охотно соглашаемся, что война была неизбежна. Но когда? Весь вопрос во времени. Существеннейшее значение в вопросе войны имеет право выбора. Сараевский выстрел открывал это право, давая самое благоприятное положение—в силу каких причин? это мы надеемся осветить в своей другой работе—державам Антанты. И нельзя упускать этот момент из виду, как равным образом и того, что война волею „судьбы“ (в лице русского генерального штаба) началась именно с Сараевского выстрела. Уже одно это знаменательное совпадение должно было-бы подчеркивать ошибочность „фаталистической“ точки зрения в вопросе о возникновении войны. Сторонники этой точки зрения смешивают две категории: 1) „неизбежность войны“ и 2) „кто начал“. На наш взгляд Сараевское убийство является ключем к пониманию вопроса об ответственности за войну. Вполне вероятно, повторяем, что Австро-Венгрия и Гер-

мания, готовя свой „заговор“, воображали, что право выбора и „свобода воли“ принадлежат им и они накажут Сербию, а заодно с ней „пошарпают“ Россию и Францию. Они даже имели это право выбора: — они могли воевать или ограничиться дипломатической победой. Но, выбирая, они не учли сущности и смысла „сараевского действа“. И если говорить об этой „свободе воли“ и „праве выбора“, так это было право выбора карася, перед носом которого оказалась соблазнительная приманка: жирный и глупый карась ее клюнул...

IX. Ультиматум и война.

„Ну теперь мы сведем счеты с Сербией!“ [1] — воскликнул граф Берхтольд, получив первое известие о том, что убийцей эрцгерцога оказался серб. Карась охотно клевал на расставленную приманку! В Вене чувствовали, что имеется удобный и достаточный предлог для расправы и укрощения Сербии. И хотя австрийцы не знали о тайнах Сараевского покушения — „Черной руке“, Димитриевиче и т. д., они имели в руках достаточный материал, чтобы судить о том, что омладинское движение и террористические акты, совершаемые его деятелями, инспирируются и организуются из Белграда. Результаты сараевского следствия дали формальное подтверждение уверенности в именно таком характере сараевского убийства. Поэтому ультиматум 23 июня и досье о великосербской пропаганде были построены на утверждении связи между Сараевским покушением и великосербской идеей.

* * *

Что произошло в действительности и как развертывались события июльских дней 1914 года — лежит за рамками настоящей книги. Мы пишем историю Сараевского убийства, как предлога к мировой войне. Дипло-

[1] Conrad von Hoetzendorf. Aus meiner Dienstzeit, B. IV.

матические переговоры 23 июля — 4 августа будут рассмотрены нами в другой работе, выходящей в свет в ближайшем будущем[1]. Здесь мы рисуем лишь историю возникновения знаменитого австрогерманского „заговора", вызвавшего мировую войну, а еще вернее историю того, как карась клюнул на удочку.

Граф Берхтольд отлично учитывал весь риск проектируемого им предприятия — войны с Сербией. Как и в 1909 году, за спиной Сербии стояла Россия, но Россия, окрепшая и вооружившаяся после японской катастрофы, не склонная еще раз подчиниться такому же „унижению", какому она подверглась во время кризиса, созданного аннексией. За Россией стояли ее „друзья" — Франция и Англия. Помимо того, французские интересы в Сербии достигли к этому моменту таких размеров, что эта страна оказалась совершенно связанной с Францией в финансовом отношении. Французский капитал вряд ли мог относиться равнодушно к разгрому Сербии, угрожавшему его вложениям. Поэтому прежде всего следовало запросить Германию: пойдет ли она до конца за своим союзником — до войны с Антантой или ограничится лишь дипломатической поддержкой, как это было в 1912—1913 гг. С другой стороны, было необходимо добиться единодушия в мнениях правительственных кругов. Военная партия, руководимая начальником генерального штаба Конрадом фон-Гетцендорфом, требовала войны и наказания Сербии. Граф Берхтольд также склонялся к этому решению, но венгерский премьер-министр граф Тисса высказывался против войны. Берхтольду нужно было добиться согласования австрийской акции и дома, и за границей.

---

[1] „Ответственность за мировую войну". (К анализу ст. 231 Версальского мирного договора).

29 июня начальник австро-венгерского генерального штаба Конрад фон-Гетцендорф заявил Берхтольду, что необходимо немедленное выступление, и что это выступление должно выразиться в форме немедленной мобилизации против Сербии. Берхтольд ответил, что ему желательно выждать результатов судебного расследования. Этот взгляд, как сообщил он Гетцендорфу 1 июля, разделяют и сам император Франц-Иосиф, и граф Тисса, и австрийский премьер-министр, граф Штюргк: „Тисса стоит против войны с Сербией, так как боится, что Россия атакует нас, а Германия окажется дезертиром. С другой стороны, Штюргк ожидает расследования, чтобы иметь хорошие основания для выступления. Я стоял на том, что только энергичный удар может отвратить опасность из Сербии. Убийство, совершенное под ее покровительством, дало повод для войны". По мнению Гетцендорфа, война была необходима: „два принципа были в резком конфликте: сохранение Австрии как конгломерата различных национальностей... и рост независимых национальных государств, притязающих на свои этнические территории в Австро-Венгрии". Великосербская деятельность довела этот конфликт до высшего напряжения, и „по этой причине, а не с целью возмездия за убийство, Австро-Венгрия должна объявить войну Сербии".

Точка зрения Гетцендорфа требует некоторого пояснения, так как слова Конрада фон-Гетцендорфа были приняты подхватившими их с восторгом публицистами Антанты чересчур буквально.

Конечно, убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда само по себе не могло быть достаточным основанием для войны. Убийства политических деятелей случаются почти во всех странах Европы и не вызывают войн. Убийство президента Карно итальянцем не вызвало,

например, франко-итальянской войны. И если бы убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда было единичным случайным актом, то австрийское желание использовать его для войны с Сербией не имело бы никаких оправданий. Но дело обстояло иначе. До убийства Франца-Фердинанда в южнославянских землях Двуединой монархии было отмечено нами 5 покушений на крупнейших австровенгерских сановников. Австрийцы в 4 случаях (кроме Дойчича) отлично знали, откуда эти покушения идут, кто организует их и руководит ими; они отлично понимали, что рост и югославского и омладинского движения на территории монархии не был самостоятельным, а взошел на дрожжах, замешанных в Белграде. Если это движение, в котором покушения явились наиболее яркими и острыми моментами, финансируется и руководится из Белграда, значит, настоящим виновником всего является Белград, т. е. сербское правительство.

Оставалось лишь сделать „оргвыводы": официальные — либо путем дипломатических переговоров, либо в случае их неудачи путем войны добиться такой ситуации, при которой Белград не был бы в состоянии вести работу по расчленению империи; неофициальные — сокрушить Сербию, являвшуюся препятствием на пути к Салоникам. Началась „игра — ва-банк" [1].

Граф Тисса стоял за первое средство. Напуганный разговором с Берхтольдом и его первоначальными планами, он обратился с докладом к императору [2], в котором называл планы Берхтольда „роковой ошибкой". „Прежде всего у нас нет достаточных доказательств, чтобы сделать Сербию ответственной за убийство и вызвать войну с этим государством, вопреки действительно удовлетво-

[1] Conrad, B. IV, Стр. 72 „в 1908—9 г. это была игра с картами на столе, в 1912 — 13 г. игра случая, теперь это игра ва-банк".

[2] Oesterreichische Rote Buch 1919, vol. I, № 2.

рительным заявлениям сербского правительства. Мы очутились бы в самой плохой позиции, какую только можно вообразить, нас сочли бы за нарушителей мира в глазах всех и мы вызвали бы великую войну в самых неблагоприятных условиях". Кроме этого, настоящий момент неблагоприятен потому, что Румыния потеряна для Тройственного союза, а единственное государство, которым можно ее заменить — Болгария — истощена войнсй.

2 июля Берхтольд запросил о поддержке германского посла в Вене фон-Чиршки. Последний ответил уклончиво и посоветовал на всякий случай выяснить позиции Италии и Румынии: „Начинать войну с Сербией, не будучи уверенным в том, что не подвергнешься нападению со стороны Италии и Румынии, явилось бы вещью, требующей большого размышления" [1].

Потерпев неудачу и дома и за границей, Берхтольд отказался от первоначального плана, состоявшего в нападении на Сербию без дипломатических переговоров или даже без объявления войны, и решил обратиться предварительно к дипломатическим переговорам с Сербией.

Для согласования своей позиции с позицией Германии — ведь было неизвестно, согласится ли Германия пойти до конца или ограничится лишь дипломатической поддержкой — в Берлин был послан начальник канцелярии министерства иностранных дел граф Гойос с личным письмом императора Франца-Иосифа к Вильгельму. В письме сообщалось [2]: „Согласно всем показаниям, сделанным до сих пор, то, что произошло в Сараеве, не является кровавым деянием одного человека, но хорошо организованным заговором и, хотя, вероятно, будет

---

[1] Oesterreichische Rote Buch 1199, vol. I, № 1.
[2] Oesterreichische Rote Buch 1919, vol. I, № 3.

невозможно доказать соучастие сербского правительства, нельзя, повидимому, сомневаться, что политика последнего, стремящаяся к объединению всех южных славян под сербским флагом, только способствует подобным преступлениям, и что устойчивость такого положения вещей составляет постоянную опасность для моего дома и моих стран... Усилия моего правительства должны быть направлены отныне к изолированию и умалению Сербии... Даже и ты, ты сам придешь к убеждению, что, после недавнего и ужасного события в Боснии, уже нельзя надеяться на примирение противоречий, отдаляющих нас от Сербии, и что политика всех европейских монархов, стремящаяся к сохранению мира, до тех пор будет находиться под угрозой, пока будет продолжать безнаказанно свое существование этот очаг преступной агитации в Белграде".

К письму был приложен меморандум о положении на Балканах.

Трудно согласиться с некоторыми публицистами и историками, ведущими борьбу за ревизию ст. 231 Версальского мирного договора, как Fabre-Luce, Mongelas, Wegerer, Barnes, Kitzling которые указывают, что это письмо и меморандум имели задачей добиться лишь дипломатической поддержки Германии и не говорили о войне, или что Австро-Венгрия обманула Германию и, добившись обещания последней о дипломатической поддержке, постаралась начать войну. Письмо Франца-Иосифа ничуть не слабее по своему тону и содержанию знаменитого доклада Сазонова в феврале 1914 года о невозможности открыть проливы без Европейской войны; обе стороны стоят друг друга и, обвиняя своего противника в агрессивности, забывают о своем собственном сучке у себя в глазу. Если бы речь шла только об одной дипломатической поддержке, зачем нужно было беспокоить Вильгельма

личным письмом самого Франца-Иосифа? Ведь дипломатическая поддержка Германии была обеспечена по договору — в Вене это прекрасно понимали. Весь смысл беседы Берхтольда с Чиршки заключался именно в том, что Германия обещает, и обещает свою помощь, а чуть дело пойдет к развязке, то отказывается от участия в войне и ограничивается одной лишь дипломатической поддержкой.

Мало того! В Берлине граф Гойос высказал всеми словами то, что не было написано в письме Франца-Иосифа прямо: „Австрия собирается приступить к полному разделу Сербии". Правда, Берхтольд и Тисса немедленно дезавуировали своего неосторожного курьера, заявив, что „эта декларация представляет лишь личные взгляды графа Гойоса и они не идентифируются с ним"; однако, они не открылись больше в отношении своих территориальных планов [1].

В Берлине уже знали о воинственных планах Австрии и одобрили их; на полях сообщения Чиршки о беседе с Берхтольдом 30 июня против слов Чиршки: „Я пользуюсь каждой возможностью, чтобы спокойно, но выразительно и серьезно дать совет против слишком поспешных шагов" (энергичных мер против Сербии — *Н. П.*) Вильгельм II 4 июля собственноручно начертал: „Кто его (Чиршки — *Н. П.*) уполномочил на это? Очень глупо! Это его не касается, так как это дело исключительно Австрии намечать соответствующие шаги. Позже, когда дело пойдет скверно, скажут: Германия не хотела. Пусть Чиршки соблаговолит оставить этот вздор! С сербами необходимо покончить, и именно сейчас" [2].

---

[1] Deutsche Dokumente, I, № 18, 61.

[2] Deutsche Dokumente, vol. I, № 7.

Получив такой холодный душ от своего возлюбленного монарха, Чиршки, конечно, поспешил забыть о советах „действовать поосторожнее", и в дальнейшем советовал как раз наоборот.

О том, что воинственные планы Австрии были встречены в Берлине с одобрением, свидетельствует и телеграмма австро-венгерского посла в Берлине Сегени, лично вручившего Вильгельму II письмо Франца-Иосифа: „Его величество уполномочил меня сообщить нашему государю, что мы можем и в этом случае рассчитывать на поддержку Германии (Сегени говорил о „серьезности положения", т. е. о том, что война с Сербией может вылиться в общеевропейский кризис — Н. П.) Ему (Вильгельму) нужно посоветоваться с канцлером, но он меньше всего сомневается в том, что последний не поддержит его мнения. В особенности, это относится к нашему выступлению против Сербии. Но, по его (императора Вильгельма II — Н. П.) мнению, не следует медлить с этим выступлением. Позиция России во всяком случае будет враждебной, но он (Вильгельм) имеет это в виду уже в течение многих лет, и если даже дело дойдет до войны между Австро-Венгрией и Россией, то мы можем быть уверены, что Германия в силу своей обычной верности союзника, будет на нашей стороне... Для него (Вильгельма II — Н. П.) понятно, что его величеству (Францу-Иосифу), вследствие своей известной любви к миру, будет трудно решиться на вторжение своими войсками в Сербию; но если бы мы действительно признали необходимым военное выступление (action guerrière) против Сербии, он — император Вильгельм — сожалел бы, если бы мы не использовали нынешний момент, столь благоприятный для нас" [1].

---

[1] Oesterreichische Rote Buch 1919, I. № 6.

Бетман-Гольвег заявил Сегени в тот же день, что это „наше (австрийцев — Н. П.) дело судить о том, что необходимо сделать для выяснения отношений Австрии к Сербии. Но каково бы ни было наше решение, мы можем в этом отношении с уверенностью рассчитывать на то, что Германпя будет стоять за монархию, как союзник и как друг... Имперский канцлер, подобно императору, считает, что немедленное выступление с нашей стороны против Сербии будет наиболее радикальным и лучшим разрешением наших затруднений на Балканах. С точки зрения международной ситуации, он находит настоящий момент более благоприятным, чем последующий“ [1]. Не нужно даже сообщать заранее о предпринимаемом шаге остальным союзникам — Италии, Румынии.

Наконец мы имеем показание еще одного свидетеля. Бетман Гольвег сообщил 6 июля Чиршки о результатах переговоров с Сегени. Чиршки явился к Берхтольду в тот же день и тот показал ему телеграммы Сегени, так что последний мог сопоставить сообщение Бетмана-Гольвяга с телеграмами Сегени. 7 июля Чиршки доносил в Берлин:

„Доклады графа Сегени вполне совпадают с содержанием доставленной мне ..... телеграммы Вашего Превосходительства от 6 с/м“ [2].

---

[1] Oesterreichische Rote Buch 1919, I, № 7.

[2] Эта телеграмма не помещена в Deutsche Dokumente zum Kriegsausbruch изданной Монжела, Шюкингом и Каутским, что показывает с несомненностью, что не которые, может быть, самые важные документы из германских архивов не вошли в этот сборник. Германский посол в Лондоне князь Лихновский в своей книге „Der Weg zum Abgrund“. Berlin. 1927 тоже жалуется, что некоторые самые важные его телеграммы из Лондона утаены графом Монжела. Приведенная нами телеграмма взята из книги К. Каутского „Как возникла мировая война“. Изд. „Красная Новь“. Москва, 1924, стр. 86.

Эти отчеты Сегени с несомненностью устанавливают, что Берлин просили не об одной дипломатической поддержке, а о более существенном, и что согласие на это существенное — военную поддержку на случай войны с Россией — Берлин дал. Вместе с тем они доказывают, что в бремени ответственности за мировую войну и Германии принадлежит солидная доля и что тезис немецких националистов, старающихся доказать абсолютную невинность германского правительства, не выдерживает никакой критики. Германское правительство в период 28 июня — 25 июля сделало все для того, чтобы разжечь конфликт, и шло с открытыми глазами на войну с Россией. Поэтому старания некоторых германских публицистов и историков, вроде Дельбрюка, полностью обелить Германию, объясняются более политическими или патриотическими (репарации!), нежели серьезными историческими доводами (напр., Дельбрюк, Монжела и др. считают Сегени сумасшедшим — Н. П.). Но, не собираясь принимать на себя неблагодарную и невозможную задачу обеления Германии, мы должны подчеркнуть, что, несмотря на все вышеизложенное, вина Германии менее значительна, чем вина любой из других, разжигавших войну держав. После 25 июля ответа Сербии на австрийский ультиматум, Германия начинает сдавать свои позиции, а 29 июля, когда с полной ясностью вырисовалась угроза вступления Англии в войну, резко меняет фронт. Но было уже поздно. Русская мобилизация, спровоцированная Англией, сделала войну неизбежной.

В Вене ожидали возвращения Гойоса с большим нетерпением: „Завтра мы будем иметь ответ, — сказал Верхтольд Гетцендорфу 6 июля. — Германский император сказал „да", но он должен еще переговорить с Бетманом-Гольвегом." Какова будет позиция Его Величества (Франца-Иосифа)?

Конрад: Если Германия согласится, то его величество будет за войну с Сербией.

Берхтольд: Тисса против войны. Он боится румынского вторжения в Трансильванию. А что будет с Галицией, если мы мобилизуемся против Сербии?

Конрад: В Галиции мы в настоящее время не будем мобилизоваться. Но если там будет угроза со стороны России, то мы мобилизуем 3 галицийских армейских корпуса.

Граф Форгач: Я не сомневаюсь, что Германия пойдет с нами, это ее долг, как союзника, и, кроме того, ее собственное существование стоит под вопросом.

Конрад: Когда я узнаю германский ответ?

Берхтольд: Завтра. Но немцы запросят нас, что будет после войны.

Конрад: Ответьте им тогда, что мы и сами не знаем."

К этому времени выяснились и первые результаты следствия, которое велось в Сараеве. Принцип и Габринович признались, что они прибыли из Белграда, где получили револьверы и бомбы от майора Танкосича и Цигановича, что они перешли границу под контролем сербских пограничных властей и таможенной стражи. В руках Вены был достаточный материал, чтобы судить о том, что нити заговора сходятся в Белграде, и Сараевское покушение по своему механизму и технической организации ничем не отличается от покушений Юкича и Шефера. Вина Белграда в содействии покушению и развитию террористических настроений среди югославянской молодежи была доказана. Это отметил и Тисса на состоявшемся 7 июля совещании министров.

Надежды графа Форгача оправдались. Гойос привез предвиденное им согласие. В этот же день 7 июля в Вене под председательством Берхтольда состоялся совет ми-

нистров, в котором приняли участие венгерский премьер-министр граф Тисса, австрийский премьер-министр Штюргк, министр финансов и по делам Боснии-Герцеговины Билинский, военный министр Кробатин, начальник генерального штаба Конрад фон-Гетцендорф, представитель морского ведомства контр-адмирал Кайлер и в качестве секретаря Гойос.

Протокол заседания, опубликованный в австрийской Красной книге 1919 года [1], показывает, что высокое собрание меньше всего думало о разрешении спора с Сербией мирным путем. Все присутствовавшие, за исключением графа Тиссы, решительно высказались за войну, и чем скорее, тем лучше, раз согласие императора Вильгельма пойти до конца получено.

Вопрос шел только о том, объявить ли войну и вторгнуться в Сербию без предварительных дипломатических переговоров („sans crier gare"), ссылаясь на прецеденты русско-японской и балканских войн, или же сначал послать ультиматум. Военщина настаивала на первом решении, требуя немедленной и, сколь возможно, тайной мобилизации, но Тисса нашел, что такой способ действий слишком уж решителен: „Он никогда не даст своего согласия на внезапное нападение на Сербию без предварительного дипломатического выступления, как это, кажется, имели в виду и о чем, к его (Тиссы) сожалению, говорил в Берлине граф Гойос, потому что в этом случае мы очутимся, по его (Тиссы) мнению, в глазах Европы в очень плохом положении, и вполне возможно, будем принуждены считаться с враждебностью всего Балканского полуострова кроме Болгарии".

Тисса, угрожая оставкой, выступил против войны и предложил послать ультиматум с очень жесткими, но не

[1] Oesterreichische Rote Buch 1919 vol. I, № 8.

невыполнимыми условиями Сербии и предпринять военные действия только в случае отказа Сербии дать удовлетворение. Только такой вариант, по его мнению, создавал вескую юридическую базу для объявления войны. Говорили также и о целях войны. Тисса доказывал, что Сербия должна быть уменшена территориально, но не уничтожена полностью, чего Россия не допустит. Совещание согласилось с этим доводом, но Штюргк заметил, что „династия Карагеоргиевичей должна быть изгнана, корона (Сербии — Н. П.) предложена какому либо европейскому принцу и установлена известная зависимость Сербии от Австро-Венгрии в военном отношении",

В конечном итоге совещание, за исключением графа Тиссы, пришло к следующим выводам:

1) дипломатический успех недостаточен.

2) мобилизация должна быть проведена после предъявления Сербии конкретных требований, в том случае, когда последние будут Сербией отвергнуты и после того, как Сербии будет послан ультиматум.

3) конфликт с Сербией должен быть разрешен в возможно более краткий срок, безразлично в мирном ли, или в военном плане (к этому пункту присоединился и Тисса).

Так было принято решение, которое вызвало за собой большие последствия. 8 июля Берхтольд уведомил Гетцендорфа, что Сербии будет послан ультиматум с коротким сроком для исполнения.

„Берхтольд: Что будет, если Сербия доведет дело до мобилизации, а затем уступит по всем пунктам?

Гетцендорф: Тогда мы вторгнемся в Сербию.

Берхтольд: Так, а если Сербия ничего не сделает?

Гетцендорф: Тогда мы останемся там, пока нам не уплатят все расходы (по мобилизации — Н. П.).

Берхтольд: Мы предъявим наш ультиматум только после сбора хлеба и после окончания сараевского следствия.

Гетцендорф: Лучше сегодня, чем завтра, пока сохраняется нынешняя ситуация. Если наши противники пронюхают, они приготовятся.

Берхтольд: Будут приняты меры предосторожности, чтобы тайна была сохранена.

Гетцендорф: Когда будет послан ультиматум?

Берхтольд: Через две недели, 22 июля. Было бы хорошо, если бы вы и военный минестр ушли в отпуск, чтобы создать впечатление, что ничего не предвидится".

Гетцендорф с радостью поддержал эту точку зрения: „необходимо избегнуть всего, что может встревожить наших противников и заставить их принять контр-меры; наоборот, мирный покров должен быть наброшен на все".

В результате 14 июля Гетцендорф и военный министр ушли в отпуск, прерванный 8 дней спустя. Перед отъездом 10 июля Гетцендорф еще раз адресовался к Берхтольду с предупреждением об осторожности и полнейшей тайне [1].

„Для меня, начальника генерального штаба, все сводится к вопросу: ведут ли работу непосредственно для того, чтобы вызвать борьбу с Сербиой, или же следует рассчитывать всего лишь на возможность войны". Поэтому „я должен еще раз подчеркнуть, что в дипломатических переговорах следует тщательно избегать всякой медлительности, всех дипломатических выступлений с последовательными этапами, что могло бы дать нашим противникам время принять военные меры, и нам, говоря на языке военных, оставался бы лишь парад, что само по

[1] Oesterreichische Rote Buch 1919, I, № 14.

себе являясь невыгодой, было бы таковой еще более, раз противниками являются Сербия и Черногория.

В этом отношении следовало бы также избегать всего, что могло бы раньше времени возбудить тревогу у наших противников и позволить им подготовиться к обороне. Напротив того, следовало бы всюду показывать абсолютно мирный вид.

Но если выступление решено, то оно в силу военных интересов должно вылиться в один акт с краткосрочным ультиматумом, и если этот ультиматум встретит отказ, то приказ о мобилизации должен последовать немедленно".

Оставалось уломать Тиссу, подавшего Францу-Иосифу меморандум с защитой своей точки зрения [1]. В этом меморандуме он указывал, что „нападение на Сербию, по всей вероятности, вызовет вмешательство России и, следовательно, мировую войну, в каком случае, вопреки оптимизму Берлина, я должен буду считать нейтралитет Румынии по меньшей мере сомнительным". В виду крайне неблагоприятной для Австро-Венгрии ситуации в Европе, Тисса настаивал, чтобы Сербии была послана умеренная по тону, но не угрожающая нота и оставлена возможность для этого государства потерпеть одно лишь дипломатическое поражение. „Вопреки моей привязанности к службе Вашему величеству или скорее вследствие ее, я не мог бы разделить ответственность за одно лишь агресивное и военное разрешение конфликта". Но император склонился к решению совещания. Во время аудиенции в Ишле 9 июля Берхтольд „нашел императора очень решительным и спокойным. Его величество высказался за выступление против Сербии и опасался лишь возможности беспорядков в Венгрии (со стороны не

[1] Oesterreichische Rote Buch 1919 vol. I, № 12.

мадьярских национальных меньшинств). Никто не может повернуть его вспять, даже Германия". Перед своим начальником генерального штаба Конрадом фон Гетцендорфом Франц-Иосиф, „как монарх, часто казавшийся окаменелым до циничности и „конституционным" до несправедливости" [1] счел нужным гораздо менее стесняться: „если Монархии суждено быть разрушенной, пусть, по крайней мере, она это сделает респектабельно" [2].

Для уламывания Тиссы в Будапешт был послан барон Буриан. Что произошло в Будапеште, до сих пор неизвестно. Известно только то, что на заседании совета министров 19 июля Тисса дал согласие на войну, потребовав единодушной и торжественной клятвы всех, что в Сербии не будет сделано никаких аннексий. „Мадьярская чаша была полна", а лишний кусок территории с сербским населением увеличивал югославскую ирриденту в землях Австро-Венгрии.

Тем временем граф Сегени сообщал в Вену [3], что в Берлине „нас подбодряют самым решительным образом не пропустить настоящий момент для действий с величайшей энергией против Сербии... полагаясь целиком на нас в отношении мер, которые мы сочтем нужными в данном случае". (Еще раньше — 8 июля — это заявил Чиршки. — *Н. П.*).

Две причины, с точки зрения Берлина, требуют, чтобы расправа с Сербией осуществилась именно сейчас, а не была отложена на будущее время. 1) Если Россия выступит на защиту Сербии и дело дойдет до всеевропейской войны — „Англия в настоящий момент не имеет ни малейшего желания к войне и со-

[1] W. Steed. The Hapsburg Monarchy. London. 1914, стр. 30.

[2] Conrad von Hoetzendorf. Aus meiner Dienstzeit. Wien, B. IV, стр. 162.

[3] Oesterreichische Rote Buch 1919, I, № 10, 15.

вершенно не расположена вытаскивать каштаны из огня для Сербии и, в конечном итоге, для России".

2) Осуждение Сараевского убийства общественным мнением всего мира настолько единодушно, что позволяет надеяться, что друзья Сербии не выступят на ее защиту.

После этого письма Сегени в Вене уже не колебались и приступили к технической организации всей дипломатической волынки.

После того, как официальное решение было принято, Берхтольд приступил к проведению его в жизнь. Необходимо было обосновать войну прежде всего в глазах населения самой Австро-Венгрии, а затем всего мира, и это требовало большой и тщательной подготовки.

* * *

Объявить войну в настоящее время не так легко Как никак, мы живем в век „демократии", парламентаризма, „свободного общественного мнения" и конституционных гарантий. Средневековые поводы войны — личная обида монарха, требование территории в качестве приданого и т. д. — уже не могут иметь места. „Культура" и „цивилизация" шагнули так далеко, что массы и, прежде всего, обывательские должны быть убеждены в том, что они идут на убой, защищая „правое" и „святое дело" или что „на них напали" и они „обороняются". Поэтому, чтобы объявить войну, необходимо прежде всего мобилизовать общественное мнение, взвинтить и подогреть его. Эта работа выполняется буржуазной и социал-демократической печатью в совершенстве; но так как агитация не может быть безобъектной — ведь агитируют по тому или иному, но всегда по какому-нибудь конкретному поводу — то и для агитации

за войну нужен повод, и притом не какой-нибудь, а весьма серьезный и положительный повод, который мог бы убедить посылаемых на убой в том, что они умирают за „святое дело". Этот повод австрийцам не приходилось, правда, изобретать. Сама Сербия, под покровительством которой совершилось Сараевское убийство, дала изрядный и весьма основательный повод для австрийской интервенции. Поэтому австрийский ультиматум исходил из этого повода — Сараевского убийства — и, поскольку сербское правительство отказалось дать действительно реальные гарантии, что подобные высочайше организованные убийства не будут продолжаться в дальнейшем, постольку австрийская бюрократия и правящая клика имеют и сейчас полную возможность претендовать, что они начали войну во имя „святого и правого дела". Но это „дикое" утверждение, мы должны оговориться, ничуть не касается пролетарских масс, для которых убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда, все равно предумышленное или случайное, с ведома или без ведома сербского правительства, — столь же безразлично, сколь и смерть всякого другого эксплоататора из правящего класса. „Профессия королей связана с риском и они платят премию в виде покушений", — что-то вроде этого сказал Муссолини в дни своей социалистической молодости.

Но мнения австрийского рабочего и венгерского батрака об этом не спрашивали и погнали их на убой, поскольку печать успела подогреть и взвинтить массы. „Для тризны Франца-Фердинанда в течение целых 4 лет убивались многие миллионы людей из всех пяти частей света" (Каутский).

Материалы следствия, поступившие из Сараева в форме ежедневных отчетов, давали весьма выразительную, но хаотическую картину обстановки и настроений заговора,

закончившегося покушением. Из этого материала нужно было выбрать некоторые пункты, по поводу которых можно было конкретизировать известные требования к Сербии. 8 июля вопрос об этих требованиях обсуждался среди юристов-референтов правового отдела министерства иностранных дел. 9 июля, после доклада Берхтольду о собранном материале, советнику правового отдела фон-Визнеру, неофициально занимавшемуся этим вопросом с 4 июля, была поручена подготовка меморандума о югославском движении и его зависимости от Белграда [1]. Визнер извлек из архивов министерства иностранных дел и боснийского бюро министерства финансов ряд документов о теории и практике великосербской идеи. Но, так как в отчетах сараевской комиссии было много пропусков и неясных мест, то эти отчеты признали не достаточными. По докладу Визнера было решено затребовать необходимый материал о великосербской пропаганде из канцелярий австрийского и венгерского премьер-министров, австрийского и венгерского министерств внутренних дел, наместников Зары (Далмация) и Триеста (Карниолы). Хорватско-славонского управления края в Аграме (Хорватия), контрразведывательного отделения генерального штаба и правительственных учреждений Боснии-Герцеговины. Берхтольд командировал Визнера в Сараево, чтобы ознакомиться на месте с подлинными протоколами допросов Сараевской следственной комиссии и выяснить пропуски и темные места в отчетах последней, а также собрать информацию о великосербском движении из сараевских учреждений.

Тем временем Чиршки доносил в Берлин, что Франц-Иосиф высказался за торжественное совершение всего

[1] Wiesner. „Das Memoire Oesterreichs—Ungarns über die grosserbische Propaganda und deren Zusammenhänge mit dem Sarajewoer Attentat" в Kriegsschuldfrage 1927, июнь.

дипломатического ритуала по отношению к Сербии, окончательно убедив в необходимости этого Берхтольда [1].

„И сам министр (Берхтольд) не мог отрицать преимуществ подобной процедуры. Одиум неожиданного нападения на Сербию, который в противном случае падет на монархию, будет таким образом избегнут, и Сербия поставлена в положение виноватой. Эта процедура по меньшей мере существенно облегчит позицию нейтралитета и для Румынии, и для Англии. В настоящее время главной заботой здесь (в Вене — *Н. П.*) является формулировка надлежащих требований, и граф Берхтольд сказал, что очень бы хотел знать, что думают об этом в Берлине. Он полагает, что в числе прочего можно потребовать создания в Белграде агентства австровенгерского правительства, чтобы там вести наблюдение за великосербскими махинациями, быть может, также настаивать на роспуске организаций и отставке нескольких скомпрометированных офицеров. Срок для ответа будет предоставлен возможно более краткий—хотя бы 48 часов. Правда, что даже столь краткий срок будет достаточен, чтоб Белград мог получить инструкции из Петербурга. Если сербы примут все предъявленные к ним требования, это будет таким решением, которое было бы ему (Берхтольду — *Н. П.*) „весьма неприятно", и он (Берхтольд) все думает о том, какие требования можно было бы предъявить, чтобы сербам их было бы совершенно невозможно принять". На полях доклада Чиршки против этого места Вильгельм II соизволил начертать: „Очистить Санджак! (Новобазарский Санджак был эвакуирован австрийскими войсками после аннексии в 1909 году. После Балканской войны перешел от Турции к Сербии и Черногории, создав территориальную

[1] Deutsche Dokumente... vol. I, № 29.

смежность этих государств. — *Н. П.*). Тогда свалка немедленно разгорится. Австрия должна во что бы то ни стало немедленно вернуть себе Санджак, чтобы предупредить объединение Сербии с Черногорией и доступ Сербии к морю".

Но от совета по поводу формулировки австрийских требований к Сербии Германия отказалась, заявив, что это — „дело Австрии". Однако общая директива была указана: „для нас (Берлина — Н. П.) было бы желательно, чтобы Вена собрала достаточный материал, доказывающий, что в Сербии существует великосербская агитация, угрожающая монархии, для того, чтобы европейское общественное мнение было, сколь возможно более, убеждено в справедливости австрийского дела. Было бы лучше всего опубликовать этот материал—не отрывками, а как целое незадолго до предъявления требований или ультиматума" [1].

14 июля Вильгельм ответил собственноручным письмом на письмо Франца-Иосифа, в котором подтверждал свое обещание, что „в час самого важного решения ты найдешь нас, меня и мою Империю, на твоей стороне в полном согласии с нашей старой и испытанной дружбой и верными нашему долгу союзника. Долгом и радостью для меня является повторить это здесь" (в письме— Н. П.) [2].

В тот же день на совещании Берхтольда, Тиссы и Штюргка были определены предварительные условия ноты. 13 июля советник правового отдела министерста иностранных дел Визнер, посланный в Сараево для ознакомления с протоколами допросов сараевской следственной комиссии, телеграфировал: [3].

[1] Deutsche Dokumente, I, № 31.
[2] Oesterreichische Rote Buch 1919, I, № 18.
[3] Oesterreichische Rote Buch 1919, I, № 17.

„Местные (Сараевские — Н. П.) представители власти убеждены, что великосербская пропаганда просачивалась сюда из Сербии, как из центра, не только при помощи прессы, но через клубы и прочие организации и, более того, это происходило как с ведома и одобрения, так и при содействии сербского правительства. Материал, представленный мне гражданскими и военными властями, в качестве основания, подтверждающего их убеждение, может быть характеризован следующим образом: материал периода, предшествовавшего убийству, не дает доказательств, позволяющих мне предположить, что пропаганда одобрялась сербским министерством. Но имеется материал, правда, скудный, который в достаточной мере доказывает, что это движение, имевшее своим центром Сербию, проводилось при терпимом отношении сербского правительства.

Расследование преступления: нет никаких доказательств участия сербского правительства в руководстве убийством, его подготовке или снабжении оружием; нет даже таких подозрений, наоборот, есть доказательства, которые, как будто, показывают, что подобное участие было немыслимо".

Этими указаниями, как впоследствии сообщил Визнер, был факт принадлежности Танкосича к той группе офицеров, которая вела в этот период борьбу против сербского правительства. Как мы знаем, это была „борьба за приоритет" между „Черной рукой" и радикальной партией. Австрийцы, не знавшие ничего о деятельности „Черной руки" и видевшие в последней лишь группу заговорщиков 29 мая 1903 года, были смущены принадлежностью Танкосича к группе офицеров, выступавших против правительства. Они и додумались до следующего глубокомысленного вывода: раз организатор покушения Танкосич принадлежит к этой группе офицеров, значит,

сербское правительство не принимало участия „в руководстве убийством или снабжении оружием". Такой вывод на наш взгляд — обычная Schlamperei со стороны бравого солдата Швейка, восседавшего тогда в австрийском министерстве иностранных дел.

„Из показаний обвиняемых удостоверено, в едва ли опровержимой форме, что преступление было решено в Белграде и что оно было подготовлено при содействии сербского государственного чиновника Цигановича и майора Танкосича, снабдивших револьверами, оружием и цианистым кали заговорщиков. Участие Прибичевича недоказано, и первые отчеты по поводу этого являются результатом печального недоразумения со стороны полицейских властей, расследовавших дело. Есть несомненные вещественные доказательства, что бомбы были первоначально получены из арсенала сербской армии в Крагуеваце, но нет доказательств того, что эти бомбы были взяты их арсенала недавно, со специальной целью, ради которой они были использованы, так как бомбы могли принадлежать и военным складам комитаджей.

Судя по показаниям обвиняемых, мы вряд ли можем сомневаться, что Принцип, Габринович и Грабеч были тайно переправлены через границу в Боснию с оружием и бомбами по указанию Цигановича. Эта организованная переправа была осуществлена начальниками пограничных постов у Шабаца и Лозницы и выполнена при помощи таможенной стражи. Хотя не выяснено, были ли осведомлены эти люди о целях путешествия, они безусловно должны были учитывать таинственный характер миссии. Другие расследования, произведенные после убийства, проливают свет на организацию пропаганды „Народной Одбраной". Полученный материал ценен и может быть принят во внимание, но его нужно тщательно проверить.

Требования могут быть увеличены еще более:

1) Запрещение сотрудничества сербских правительственных органов в переправе лиц и грузов через границу.

2) Увольнение начальников сербских пограничных постов у Шабаца и Лозницы, а равно и замешанных органов таможенной стражи.

3) Преследование Танкосича и Цигановича".

Эти требования легли в основу ультиматума. Визнер, производивший следствие всего 2 дня — 11 и 13 июля, конечно, не имел времени и возможности выяснить вопрос больше. С другой стороны, мы уже указывали, что „Черная рука" была законспирирована так хорошо, что австрийские власти почти не догадывались о ее существовании, смешивая ее с „Народной Одбраной".

На совещании Берхтольда, Тиссы и Штюргка было решено поставить вопрос об ультиматуме на совещании министров 19 июля, и в случае единодушного одобрения ноты вручить ее в Белграде 25 июля, после отъезда президента Пуанкаре из России, чтобы не дать возможности Пуанкаре и Николаю II согласовать свою позицию по отношению к выступлению австрийцев, и не усилить этим шансов на вооруженное вмешательство Франции и России. Тисса учитывая военные затруднения, согласился на ультиматум с кратким сроком, тем более, что Берхтольд указал, что в случае отступления Сербии в результате австрийской мобилизации можно будет обойтись без войны, если сербы согласятся уплатить издержки по мобилизации. В этом случае придется оккупировать часть Сербии в качестве залога ее платежей. Граф Тисса торжественно заявил, что может согласиться на проектируемые меры только при условии, что еще до вручения ультиматума совет министров примет решение, что монархия, кроме незначительных исправлений границ, не будет преследовать никакого территориального увеличе-

ния в этой войне с Сербией. Заключительный аккорд протокола Берхтольда гласил:

„Содержание ноты, которая будет вручена в Белграде, установленное сегодня, таково, что следует с вероятностью рассчитывать на вооруженный конфликт. Но если Сербия уступит и примет наши условия, это явится не только глубоким унижением для королевства и одновременно падением русского престижа на Балканах, но даст еще для нас и известные гарантии, чтобы задушить революционные выступления из Сербии на нашей территории" [1].

Берлин, осведомленный о всех принятых решениях и содержании ноты через Сегени и Чиршки, весьма одобрил намерение австрийского правительства не предъявлять ноту в Белграде в то время, когда „мирный и сдержанный император Николай, равно как и вечно подозрительный Сазонов будут подвержены личному влиянию двух агитаторов — Извольского и Пуанкаре" [2].

В Берлине даже решили сделать любезность союзнику и разузнали точный день и срок отъезда Пуанкаре из России — 23 июля в 5 часов вечера. Точно также Ягов запросил 17 июля Вену, чтобы текст ноты был вручен ему для ознакомления еще до вручения ноты в Белграде, что австрийцами было сделано. В Берлине получили текст ноты 22 июля.

19 июля состоялось второе объединенное совещание министров, в котором участвовали Берхтольд, Штюргк, Тисса, Билинский, Кробатин, Гетцендорф, Кайлер и Гойос [3]. Гетцендорф торопил к действиям. 3 дня тому назад он получил крайне важные сообщения: 3 сербских дивизии

[1] Oesterreichische Rote Buch 1919, I, № 19.

[2] Oesterreichische Rote Buch 1919, I, № 21, 23 и Deutsche Dokumente, I, № 49, 50.

[3] Oesterreichische Rote Buch 1919, I, № 26. Протокол совещания.

взяты с южной границы и переводятся на север — к австрийской. Поэтому необходимо спешить. Затем он и военный министр Кробатин доложили о мерах подготовки к мобилизации и сосредоточении войск после объявления последней.

Тисса потребовал принятия совещанием решения, что Австро-Венгрия не ищет территориальных завоеваний в Сербии. Берхтольд согласился при одном условии: „мы не должны ничего аннексировать в этой стране (Сербии — Н. П.), но должны весьма значительными уступками сербской территории Болгарии, Греции, Албании и даже Румынии так уменьшить Сербию, чтобы она не могла быть опасной". Да и кроме того ситуация на Балканах может измениться: „в конце войны для нас будет невозможно обойтись без аннексий, если мы хотим создать на нашей границе лучшие отношения, чем те, которые существуют сейчас". Таким образом, за счет растерзания Сербии Берхтольд проектировал создать новый Балканский союз, который был бы направлен против России и целиком зависел от Австро-Венгрии.

Тисса отказался согласиться на условия графа Берхтольда и потребовал единодушного принятия совещанием его точки зрения. Этого требуют не только соображения внутренней политики, но и внешней: во- 1) Россия окажет яростное сопротивление, „если мы будем настаивать на полном уничтожении Сербии"; во- 2) „одним из самых выигрышных козырей в руках австрийцев для улучшения своего международного положения явится возможно более срочное объявление державам, что Австрия не ищет никаких аннексий".

В происшедшем затем обмене мнений восторжествовала точка зрения Бертхольда: Штюргк заявил, что „если даже захват сербских территорий будет исключен, все же возможно было бы поставить Сербию в зави-

симость от монархии путем изгнания династии (Карагеоргиевичей—Н. П.), военной конвенции и других соответствующих мер... Решение совета министров не должно сделать невозможными некоторые исправления границы, признанные необходимыми со стратегической точки зрения". Военный министр Кробатин поставил условием своего согласия на предложение Тиссы, кроме исправления границ, постоянную оккупацию какого-либо тет-де пона по ту сторону Савы (т. е. в Сербии—Н. П.) хотя бы, например, Шабацкого округа". После этого совещание вынесло следующую резолюцию: „Объединенный совет министров постановляет по поводу предложения председателя Венгерского совета министров (Тиссы), что сейчас же после объявления войны будет сделана декларация иностранным державам, что Монархия не ведет никакой завоевательной войны и не проектирует аннексии королевства (Сербии). Конечно, необходимые стратегические исправления границы, равно как и умаление Сербии в пользу других государств, и мимолетная, временно необходимая оккупация сербских территорий не исключаются настоящим постановлением".

Мы решительно отказываемся понимать утверждения некоторых европейских и американских историков вроде Barnes'a, Mongelas, Wiesner'a и др., истолковывающих это постановление в таком смысле, что Австро-Венгрия не собиралась расчленять Сербию, делать аннексии или вести завоевательную войну. Только мелкобуржуазные пацифисты-лицемеры могут видеть в этом решении признак территориальной незаинтересованности Австро-Венгрии. Подобное искривление исторических событий весьма патриотично, но с точки зрения истины не выдерживает никакого оправдания.

После этого совещания мало что оставалось делать. 20 июля ультиматум был одобрен Францем-Иосифом и отправлен в Белград барону Гизлю, требовавшему со своей стороны энергичных мер против Сербии. 21-го копия ультиматума была вручена Чиршки для передачи в Берлин, где эта копия была получена 22 июля. Одновременно вторая копия ультиматума была переслана Сегени для официального вручения ее 24 июля. Это было сделано по уговору с Берлином, чтобы германское правительство имело возможность заявить при случае, что оно ничего не знало, не видело и не слышало о содержании ультиматума.

Как мы знаем, ультиматум был вручен в условленный между Берлином и Веной срок — 23 июля в 6 часов вечера. Иная судьба постигла досье о великосербском движении, которое австрийцы готовили в качестве юридического обоснования своих требований в Сербии.

Вернувшись 14 апреля в Вену, Визнер приступил к выработке меморандума или, вернее, досье о великосербской пропаганде. 17 июля был готов первый проект меморандума, и Визнер занялся редакцией приложений к нему, что отняло много времени. В окончательном виде это досье состояло из пространного меморандума о великосербской пропаганде, составлявшего вводную общую часть документации, и 11 приложений: [1].

1) Отзывы сербской печати об Австро-Венгрии, покушениях омладинцев и т. д.

2) Выдержки из официального отчета „Народной Одбраны“ о деятельности этого общества.

3) Выдержки из отчета о деятельности сокольского общества „Душан Сильный“ в Крагуеваце за 1912 — 13 гг.

4) Выступление сербской правительственной газеты „Српски Новине“ в пользу „Народной Одбраны“.

---

[1] Oesterreichische Rote Buch, 1919, II, № 48.

5) Показания Трифко Кръстановича.

6) Выдержки из протокола „Сараевского военного суда“ по делу против агента „Народной Одбраны“ Иово Ягличича, обвиняемого в шпионаже.

7) Секретное сообщение о деятельности „Народной Одбраны“.

8) Выдержки из протоколов сараевской следственной комиссии.

9) Сербская пресса о Сараевском покушении.

10) Отчет о заседании Нишского совета „Народной Одбраны“, посвященного убийству Франца-Фердинанда.

11) Приложения — показания Велико Кубриловича.

Словом, материал был обильный и давал яркую картину великосербской деятельности и поощрения ее сербским правительством. Но этот материал оказался, как говорится, „ни к чему.“ Кропотливая работа по сводке и печатанию материала затянулась настолько, что досье не поспело к моменту предъявления ультиматума.

Таким образом, вышло, что документы, которые должны были явиться юридическим обоснованием ультиматума, запоздали и не были разосланы вместе с ультиматумом. Это значительно понижало убедительность требований Австро-Венгрии, изложенных в ультиматуме, если бы это досье Антанта согласилась читать. На самом деле — те, к кому это досье было адресовано и чьим вниманием пытались овладеть, проявили к досье странное равнодушие.

25 июля досье было разослано 22 австрийским посланникам за границей для вручения его правительствам соответствующих держав. Этим Австро-Венгрия апеллировала к общественному мнению всего мира в своем споре с Сербией. В Париже оно было вручено 27 июля Бьенвеню Мартену, но во французской Желтой Книге 1914 года была напечатана только общая вводная его

часть [1]. В Лондоне оно было вручено 29 июля сэру Эдуарду Грею, который, как можно думать, даже не удосужился прочесть его. 29 июля Грей писал английскому послу в Вене де-Бузену: „Австрийский посол сегодня сообщил мне, что он приготовил пространный меморандум для вручения мне, который, по его словам, даст отчет об отношении Сербии к Австрии и объяснение необходимости австрийского выступления. Я сказал, что не желаю вступать в дискуссию по поводу того, кто прав — Австрия или Сербия“ [2]. В английской Синей Книге 1914 года об этом досье не было сказано больше ни слова. Сазонов, получивший ультиматум 24 июля и узнавший от Сапари, что в ближайшем будущем он получит досье, документирующее все требования ультиматума, заявил Сапари, что он (Сазонов) „ни в малейшей степени не интересуется видеть это досье, в действительности, вы (австрийцы — Н. П.) хотите войны и сожгли свои мосты“ [3]. Впрочем 29 июля (очевидно, после увещеваний Палеолога и Бьюкенена подумать об общественном мнении Франции и Англии и после объявления войны Австро-Венгрией Сербии) Сазонов снова „настоятельно просил представить досье, обещанное, но еще не представленное великим державам“, ибо „необходимо ознакомиться с ним до начала войны с Сербией. Когда война вспыхнет, изучать досье будет чересчур поздно“ [4]. В русской Оранжевой Книге 1914 об этом досье также нет никакого упоминания. Державы Антанты не хотели даже взглянуть на австрийские доказательства.

Карась уже клюнул!

---

[1] Livre jaune 1914, № 75.

[2] British Documents on the Origins of the war, vol. XI, № 282.

[3] Oesterreichische Rote Buch 1919, II, № 18.

[4] Oesterreichische Rote Buch 1919, III, № 16.